

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

СЕНТЯБРЬ
ОКТАБРЬ **№5(95)**

МОСКВА 2014

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2014. № 5. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. В.П. Колесов; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев;
д.э.н., проф. В.М. Кульков; д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.и.н., проф. Г.Р. Наумова;
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский, к.и.н., в.н.с. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. Л.А. Тугов; д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора

Научно-экспертный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина);
д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада; д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург);
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина);
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *Л.Г. Полунина*

Компьютерная верстка — *Л.Г. Полунина, О.Б. Лемешонок*

Перевод на англ. язык — *О.Б. Лемешонок*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, К.В. Молчанов, С.С. Нина,
Т.С. Сухина*

**Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых
научных журналов и изданий**

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fljournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в типографии «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2014 г.

Содержание

Раздел I	
Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Апокалиптика как реальность и как учение	9
<i>В.П. Океанский, Ж.Л. Океанская</i>	
Философия хозяйства Константина Левина в свете экономических идей	
С.Н. Булгакова.....	11
<i>И.А. Горюнов</i>	
От субъективной реальности к идеальной: о некоторых особенностях работы человеческого мозга и сознания	21
<i>И.В. Пшеницын</i>	
Будущее Запада и России	34
<i>М.Р. Эляян</i>	
История философии хозяйства: мифологические предпосылки философии хозяйства синтоизма	41
<i>Р.Е. Соколов</i>	
Современная каноническая философия хозяйства в изложении Русской православной церкви	56
<i>Т.Н. Юдина</i>	
Новый домострой как конституирующая универсальная перспективная хозяйственная система без домостроевщины (новые идеи и концепты)	62
Раздел II	
Экономическая теория	
<i>А.З. Новак, К. Рыч</i>	
Европа нуждается в либеральном Кейнсе.....	69
<i>Р.Т. Яблоков</i>	
Эволюция рыночной системы и экономики России	78
<i>И.Е. Рудакова</i>	
Наследство, которое стоит приумножать (о некоторых научных исследованиях кафедры политической экономики МГУ в 1960—1990 гг.).....	92
<i>Р.С. Гайсин, Н.М. Светлов</i>	
Стоимость и ценность: пути синтеза классической и неоклассической теорий.....	102
<i>А. Бэттлер</i>	
Западные марксисты о новом империализме	124
<i>В.В. Рышкус</i>	
К вопросу творческого наследия Карла Маркса	135
<i>А.Ю. Козловский</i>	
Теоретическая основа марксистской типологии стран мира: двойственный характер переходного состояния российского экономического уклада XIX — начала XX в.....	147
<i>Я.В. Григорова</i>	
Проблема прекаризации современных форм труда	159
Раздел III	
Актуальная философия	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Кризис мира и мир кризиса.....	167

<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Антропология власти.....	178
<i>А.В. Сакун</i>	
Социокультурная реальность в контексте эволюций типов мышления.....	184
<i>Т.И. Коптелова</i>	
Экономика и православие — евразийский вариант «капиталистического духа»	191
<i>М.Ю. Зырянов</i>	
Медиация (посредничество) в контексте российской правовой культуры: комплексный подход	198
Раздел IV	
Рецензии и отклики	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Крутая переменная.....	207
<i>В.К. Королев</i>	
Софийная метафизика в действии: есть контакт!	211
<i>Д.Б. Эпштейн</i>	
Книга, чтение и осмысление которой возвышает	219
<i>И.И. Рудяк</i>	
Музыка сфер в пламени Булгакова: после крокодила как дирижера и брэнда как языческого божества	227
<i>С.Ю. Синельников</i>	
Домоупрощение в рамках семейного хозяйства (современный опыт)	242
<i>Т.Г. Трубицына</i>	
Малые города России — жизненное пространство людей.....	247
Научная жизнь	
<i>А.М. Белянова, С.В. Кайманаков</i>	
Новое интегральное общество	254
<i>С.С. Нипа, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына</i>	
Проблемы эффективного хозяйствования и перспективы полноценного бытия	267
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Россия и мир: время перемен	279
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Малые и средние города как опора России	282
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Россия и кризис: бремя перемен	284
<i>Ю.М. Осипов</i>	
По завершении симпозиума (итоговые тезисы)	287
Наши авторы	298

Contents

Part I	
Philosophy of Economy	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
The Apocalypitics as a Reality and the Reality as a Doctrine	9
<i>V.P. Okeansky, J.L. Okeanskaya</i>	
Konstantin Levin's Philosophy of Economy in the Light of S.N. Bulgakov's Economic Ideas.....	11
<i>I.A. Gorunov</i>	
Of Subjective Reality to the Idealistic: Some Features of the Human Brain and Consciousness	21
<i>I.V. Pshenitsyn</i>	
Future of the West and Russia	34
<i>M.R. Eloyan</i>	
History of Philosophy of Economy: Mythological Prerequisites of Philosophy of Economy of Shintoism	41
<i>R.Ye. Sokolov</i>	
Modern Canonical Philosophy of Economy. Point of the Russian Orthodox Church	56
<i>T.N. Yudina</i>	
Neo Domostroy. Constituent Universal Prospective Economic System Without Domostroyevshchyna (New Ideas And Concepts).....	62
Part II	
Economic Theory	
<i>A.Z. Novak, K. Rych</i>	
Europe Needs Liberal Keynes.....	69
<i>R.T. Zyabluk</i>	
Evolution of Market System and Russia's Economy	78
<i>I.E. Rudakova</i>	
The Legacy that Must be Increased (on Some Scientific Resourches of Political Economic Department of MSU during 1960—1990)	92
<i>R.S. Gaixing, N.M. Svetlov</i>	
Worth and Value: the Roadmap for Synthesis Between the Classical and Neoclassical Theories	102
<i>A. Battler</i>	
West Marxists' Theories Concerning a New Imperialism	124
<i>V.V. Ryshkus</i>	
On Karl Marks' Creative Legacy	135
<i>A.Yu. Kozłowski</i>	
The Theoretical Basis of Marxist Typology of Countries: Dual Character of Transition State of Russian Economic System of XIX – the Beginning of XX Century	147
<i>I.V. Grigorova</i>	
The Problems of Precarisation of Modern Labor Forms	159
Part III	
Actual Philosophy	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
The Crisis of the World and the World of the Crisis.....	167

<i>F.I. Girenok</i>	
Power Anthropology	178
<i>A.V. Sakun</i>	
Social and Cultural Reality in Context of Evolution of Types of Thinking	184
<i>T.I. Koptelova</i>	
Economy and Orthodoxy — the Euroasian Interpretation of «Capitalist Spirit» ...	191
<i>M.Yu. Zyryanov</i>	
Mediation in a Context of the Russian Legal Culture: the Complex Approach	198
Part IV	
Reviews and Responses	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
A Drastic Change	207
<i>V.K. Korolev</i>	
Sophia's Metaphysics in Action: it is Contact!	211
<i>D.B. Epstein</i>	
The Book, which Reading and Comprehension Ennobles	219
<i>I.I. Rudyak</i>	
Music of Spheres in Flame of Bulgakov	227
<i>S.Yu. Sinelnikov</i>	
Domostroy in the Context of Family Economy	242
<i>T.G. Trubitsyna</i>	
Russia's Small Towns as a Living Floor Space for People	247
Scientific Life	
<i>A.M. Belyanova, S.V. Kaymanakov</i>	
New Complex Society	254
<i>S.S. Nipa, T.S. Suhina, T.G. Trubitsyna</i>	
Problems of Effective Managing and Prospect of Full Life	267
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Russia and the World: Time of Changes	279
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Small and Average Towns as a Support of Russia	282
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Russia and the Crisis: Burden of Changes	284
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Upon Completion of a Symposium (final theses)	287
Our Authors	298

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**



Ю.М. ОСИПОВ

Апокалиптика как реальность и как учение

Аннотация. Раскрывается феномен апокалиптики в его реальном воплощении и ментальной трактовке.

Ключевые слова: апокалиптика, бытие, жизнь, человек, сознание, философия, антропология, историософия, философия хозяйства.

Abstract. The article is devoted to the apocalyptic phenomenon in its real embodiment and mental treatment.

Keywords: apocalyptic, life, human, consciousness, philosophy, anthropology, historiosophy, philosophy of economy.

Апокалиптика — принадлежность природного, а вместе с этим и человеческого бытия, однако принадлежность по внешнему виду и на первый взгляд более всего аномальная, отрицательная, отличающаяся неблагополучием, срывами, крахами, исчезновениями, как и, разумеется, болезнями, уродствами, смертями.

Любой бытийственный кризис — яркий показатель онтологической апокалиптики, а любое системно-концептуальное размышление о таком кризисе — реализация апокалиптики как учения.

Нетрудно для начала заключить, что апокалиптика — не досужая выдумка какого-нибудь взбалмошного пессимиста, а органический атрибут бытия, включая жизнь и сознание человека, как и сам этот феномен — феномен человека вообще, а также и мысль человека об онтологической апокалиптике, включая и саму человеческую гносеологию как таковую.

Если б не круговая (всеобщая) апокалиптика, то вряд ли имели бы место такие проявления человеческого сознания и человеческой мысли, как те же религия и философия, а во многом также литература и искусство.

Не учитывать апокалиптики и к ней не обращаться — не то чтобы глупость, хотя это и есть несомненная глупость, а попросту гносеологическая беда, — примерно то же самое, что избегать метафизики и не направлять размышление к божественной Софии. Где ориентирная пустотность, там и познавательно-объяснительная бедность, а где эта последняя, там и неизлечимая порочность познания, мысли, знания, их самоограниченность и неизбежная оторванность от реалий.

Итак: *апокалиптика столь же реальна, весома и важна, что и метафизика, а для пока немногих продвинутых — и софиасофия!*

С учетом апокалиптики и к ней постоянного обращения совершенно иначе видятся, воспринимаются и раскрываются такие вещи, как бытие, мироздание, Вселенная, как жизнь и человек в ней, как общество, хозяйство, история, как уже не существующее прошлое и еще не ставшее будущее, как то же неуловимое настоящее, ну и, разумеется, как сознание, психика, общение, творчество.

Принять во внимание апокалиптику и... совершенно иначе воспринимается крах Российской империи вместе с настигшей ее Революцией; по-иному выглядят Николай II, Распутин, Керенский, Ленин, Троцкий, как и сам великий преобразователь Сталин со своим изощренным сталинизмом; а две мировые войны (1914—1918 гг. и 1939—1945 гг.), которые по сути одна большая общемировая война; а фашизм в Западной Европе и коммунизм в Восточной Европе; а крах СССР с потрясающей в своей циничности «либеральной революцией» 1990-х.

Куда ни кинь, везде она — апокалиптика, — более всего как реальность и менее всего как осмысленность.

А жаль: возьми апокалиптику на мыслительное вооружение, и многое, очень многое, часто и решающее, перед думающим сознанием вдруг само открывается! Но... не хотят, боятся, брезгуют, а по большей части и попросту не могут (ведь этому не учили!), а потому молчат, пыхтят, немотствуют. Многие воображают себя христианами, а ведь Христос — чистейший апокалиптик: какой-то Христос без и вне реальной и размыслительной апокалиптики (как и метафизики с софисофией тоже)?!

Взгляните, господа, повнимательнее на сегодняшние США, их внутреннее лихорадочное состояние, а также на их прямо-таки безумные действия на мировой арене; на ЕС с его совершенно уж неконтролируемыми метаниями, подрывающими сам ЕС, его уверенно отрицающими; на современную Украину — вот уж где прямо-таки полигон для острой геостратегической апокалиптики и великолепное по ней не письменное практико-познавательное пособие!

Смотрите: *самоубийство в момент наивысшего торжества!* Где еще можно такое увидеть? Это даже не Валтасаров пир, а что-то совсем другое, какой-то другой пир — нелепый, кровавый, беспощадный, как и не апокалиптика там как таковая, а какая-то супер-апокалиптика, или апокалиптика в квадрате, в кубе, если не вообще в энной степени. Мало того, что здесь прямое движение в ад, в нежизнь, в антимир, но еще и открытие всему этому inferнальному широких врат, — и все это inferнальное, заметим, не замедлило хлынуть в Украину, ее пронизать собою, захватить и ею полностью овладеть.

Ни один respectable учебник по общественной и антропологической науке, как и любой философии, и даже, можно предполо-

жить, богословию, вряд ли вообще содержит в себе учение об обычной (текущей) апокалиптике, не объяснит того, что происходит на Украине и с Украиной, кроме, разумеется, какого-нибудь инквизиторского пособия вкупе с магиеведческими текстами, но вот кое-какая худлитература объяснить кое-что все-таки может — хотя бы в произведениях незабвенного Михаила Афанасьевича Булгакова: вспомните эти удивительные произведения, перелистайте заново, прочтите, наконец, и начнете хоть что-то понимать в том же самом «украинском вопросе».

Только он, только Булгаков схватил, как перо Жар-Птицы, inferнальную, а соответственно и апокалиптическую, матрицу человеческого бытия, показал ее, расшифровал, что-то при этом цитируя, а что-то, наоборот, всю открывая, и с ее помощью предсказал все, почти все или уж многое из всего, что случилось с СССР в 1991 г., что все еще происходит с Россией и что нынче разразилось на Украине.

Обратись к Булгакову, образованный-де человек, и многое вдруг поймешь, ежели, конечно, способен не только читать его гениальные строки, но и вычитать то, что таится за этими высокохудожественными строками (не так *между* ними, как именно *за*), что автор строк, может, и не предполагал, но что родили уже сами его гениальные тексты, в особенности последний — «Мастер и Маргарита»!

Апокалиптика — проявление борьбы противоположностей: бытия и небытия, жизни и смерти, мира и антимира. Это в самой по себе реальности, которая, еще ведь, если рассуждать апокалиптически, и антиреальность. Что же касается апокалиптики как учения, то здесь важно не столько оформление его в общедоступную системно-концептуальную догму, сколько творческое приобщение апокалиптической идеи к познавательно-размыслительному процессу, идущему, надо полагать, в людских головах, разумеется, с соблюдением необходимой морально-умственной меры!

Итак: *метафизика, апокалиптика, софиасофия* — глядишь, и понимать что-нибудь начнем!

В.П. ОКЕАНСКИЙ, Ж.Л. ОКЕАНСКАЯ

Философия хозяйства Константина Левина в свете экономических идей С.Н. Булгакова

Аннотация. В статье показана диалектика хозяйства во внутренней динамике булгаковского миропонимания: авторы просматривают истоки философии хозяйства в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»

— в специфическом освоении его главным героем хомяковского интеллектуального наследия; кроме того, продемонстрирована несостоятельность бердяевской критики хозяйственных и культурантропологических идей С.Н. Булгакова.

Ключевые слова: экономизм, эпоха, хозяйство, творчество, иранство, кушитство, Ливны, эсхатология, культура, цивилизация, человек, святость.

Abstract. The article shows the dialectics of the economy in the internal dynamics of Bulgakov's outlook. The authors point to the origins of philosophy of economy in the novel of L.N. Tolstoy's «Anna Karenina»: in the specific development of its main character, Konstantin Levin, who is the successor of the ideas of A. Khomyakov; also demonstrated the failure of the author reconstructs Berdyaev's critics economic and kulturanthropologie ideas S.N. Bulgakov.

Keywords: Economism, age, economy, creativity, iranstvo, cooshitstvo, Livny, eschatology, culture, civilization, man, holiness.

Современное человечество глубоко увязло в панэкономизме, о чем великолепно писал С.Н. Булгаков как в ранней работе «Об экономическом идеале» (1903), где программно указывалось на то, что «исторический момент наш стоит под знаком науки... хозяйства» [1, 661], так и в самом начале собственно «Философии хозяйства (1912): «В жизни и мироощущении современного человечества к числу наиболее выдающихся черт принадлежит то, что можно назвать *экономизмом* нашей эпохи» [2, 53]. В качестве другой важнейшей черты своего времени автор здесь же указывает на «упадок догматического самосознания, когда религия всего чаще сводится к этике, лишь окрашенной пиэтистическими переживаниями» — потому для будущего софиолога было «особенно важно выдвинуть *онтологическую* и *космологическую* сторону христианства», что оставалось «совершенно невозможно средствами теперешнего кантизирующего и метафизически опустошенного богословия» [2, 51].

Характерно, что подобная эпохальная диагностика прогрессирующего человечества в XX в. отмечалась и другими подвижникам благочестия и лучшими представителями интеллектуальной культуры, отмечавшими наличие тотального кризиса — «кризиса современной культуры» (И.А. Ильин), «кризиса современного мира» (Р. Генон): человечество окончательно отвернулось от неба под предлогом покорения земли [3], больше того — оно со всей деловитостью восстало против Бога [4], секуляризировалось [5, 286] — чему оказалась сообразна и полная онтологическая трансформация: «мир отвердел» [6], пущен на добывающий «постав» и «сам свет Божества во всемирной

истории погас» [7; 8]; говоря на языке православного монашества, стяжатели вытеснили нестяжателей, кенобиты — идеоритмики; духовному возрастанию личности поставлена преграда жесткими формами новой социализации...

Булгаков отмечал, что «на развалинах христианского религиозного материализма воздвигается философский и экономический материализм на одной стороне и идеалистический феноменализм на другой» [2, 51]. Десакрализация мира, ставшая ответом на его предваряющую насильственную псевдосакрализацию [9], привела к полной утрате символического миропонимания древности и натурализации человеческой жизни, при которых бытие человека оказалось поставлено на один уровень с жизнедеятельностью какого-нибудь термита, выступающего в антагонистических разновидностях трудовых особей и паразитов-трутней. Руссоистские мечтания юного Льва Толстого о просвещенном светом такого миропонимания «муравейном братстве» — ключ к этому новому миру...

«Л.Н. Толстой, — отмечает современный ученый, — не использовал термина “философия хозяйства”, но все его учение есть авторская версия этой первонауки человеческого рода. Он разъясняет даже смысл жизни на примере хозяина, который организовал, создал арену труда и дает работу людям...» [10, 254].

В этом отношении оказывается важным указать наличие наброска «философии хозяйства» на страницах вершинного толстовского романа и ее последующее академическое самоистощение — в наследии будущего отца Сергия, у которого — по мере прохождения житейских вод — эсхатологическая тематика и экзегетика сакрального именования преодолевают не только гипнотизм материалистического тоталитета, но и альтернативный последнему экономический идеализм, когда «Маркс переводится на язык Платона, Беме, Шеллинга, Вл. Соловьева» [2, 305]. Иными словами: в булгаковском наследии изживаются и преодолеваются устойчивые имманентистско-пиетические соблазны русской словесности и религиозной философии XIX в. (свидетельствующие об их частичной причастности романтическому пантеизму и просветительскому натурализму Нового времени — отнюдь не профанических феноменов, как часто представляется строгому традиционализму), однако же, при сохранении основного трансцендентно-метафизического вектора отечественного логоцентризма (в отличие от западноевропейского рационализма, указывающего на существенную укорененность в символическом миропонимании более благородных в духовном отношении эпох).

Чтобы не выглядело голословным утверждение о булгаковском самопреодолении «философии хозяйства», приведем его соответствующую

щие этому пафосу цитаты: «Хозяйство, как связанное с проклятием земли, *не имеет* в себе эсхатологических задач, переходящих за грань смертной жизни этого века... Потому оно и не может завершиться в своих собственных пределах, а должно прерваться, подобно человеческой жизни» [11, 318]; «...в роли хозяина человек... вследствие своего падения не столько... владеет миром, сколько мир им, ибо пелена материальности тяжело нависла над миром и в “кожаные ризы” облечено его тело. Евангелие в области хозяйственного поведения указывает как идеал не свободу *в* хозяйстве и *через* хозяйство, но свободу *от* хозяйства, оно призывает к вере в чудо вопреки мировой косности, увещает быть чудотворцами, а не механизмами вселенной, целителями, а не медиками» [11, 319]; «...социалистические учения... хотят упрочить хозяйственный плен человека, суля осуществить противоречивый идеал магической, или хозяйственной, свободы. Вот почему христианством в качестве высшей свободы восхваляется не мощь, но немощь, не богатство, но нищета, не мудрость века сего с его хозяйственной магией, но “юродство”» [11, 319].

Характерно, что в последней небольшой смысловой фразе Булгаков дважды отождествляет хозяйство и магизм: он указывает на то, что «в мировой войне рушится... вавилонская башня экономизма», что «не удалось магическое царство от мира сего», что сама «“Новая история” не удалась, но именно этой неудачей, углубленным опытом добра и зла, подготавливается общий кризис истории и мироздания» [11, 319].

Налицо преодоление панэкономического проекта, заявленного на страницах незавершенной «Философии хозяйства» и академически осуществляемого в булгаковских курсах лекций (1907 — 1917), оформившихся как «История экономических и социальных учений» [12].

Интересно, что именно к такому глобальному замыслу был обращен и фундаментальный труд Константина Дмитриевича Левина — главного героя толстовского романа «Анна Каренина», на страницах которого, можно сказать, и рождается «философия хозяйства» в качестве эпохально-утопического противовеса эпохальному эсхатологизму мироощущения: как главной героини, «летающей в какую-то пропасть» [13, 469], так и всему новоевропейскому катастрофическому времени. Вместе с ними Толстой тщетно попытался, как хорошо известно, «отправить под поезд философию Шопенгауэра», по его оценке — «гениальнейшего из людей» [14, 219].

Автор пишет о начале левинского замысла так: «Левин начал эту зимой еще сочинение о хозяйстве, план которого состоял в том, чтобы характер рабочего в хозяйстве был принимаем за абсолютное данное, как климат и почва, и чтобы, следовательно, все положения науки о хозяйстве выводились не из одних данных почвы и климата, но из

данных почвы, климата и известного неизменного характера рабочего» [13, 170]. Задумаемся: о какой социокультурной константе идет здесь речь? — Безусловно, это то, что мы сегодня именуем словом «менталитет», а Толстой с Левиным понимают как неизменное духовное начало, «имеющее основание в духе народа» [13, 377].

Знакомство автора «Анны Карениной» с ариософскими идеями хомяковских «Записок о Всемирной Истории» [15] хорошо известно и частично просматривается здесь — однако же сам левинский вариант их интерпретации представляется куда более заземленным и — в этой модели — принципиально «кушитским». Но если отец Георгий Флоровский в хомяковской историософии усмотрел «неожиданный натурализм» [16, 252], то толстовско-левинская близость к природе еще более очевидна, о чем могут свидетельствовать и самые возвышенные ее характерологические проявления, например: «...пришла весна, прекрасная, дружная, без ожидания и обманов весны, одна из тех редких весен, которым вместе радуются растения, животные и люди» [13, 169]; и любопытные аспекты повседневного уединенного жития главного толстовского героя: «...изредка он испытывал неудовлетворенное желание сообщения бродячих у него в голове мыслей кому-нибудь, кроме Агафьи Михайловны, хотя и с нею ему случалось нередко рассуждать о физике, теории хозяйства и в особенности о философии; философия составляла любимый предмет Агафьи Михайловны» [13, 170]. Сразу после таких идиллических указаний на философское общение Константина Дмитриевича со своей домоправительницей следует возвращение автора к тематике внезапно пришедшей послепасхальной весны: «Весна долго не открывалась. Последние недели поста стояла ясная, морозная погода. Днем таяло на солнце, а ночью доходило до семи градусов; наст был такой, что на возах ездили без дороги. Пасха была на снегу. Потом вдруг, на второй день святой, понесло теплым ветром, надвинулись тучи, и три дня и три ночи лил бурный и теплый дождь. В четверг ветер затих, и надвинулся густой серый туман, как бы скрывая тайны совершавшихся в природе перемен. В тумане полились воды, затрещали и сдвинулись льдины, быстрее двинулись мутные, вспенившиеся потоки, и на самую Красную Горку, с вечера, разорвался туман, тучи разбежались барашками, прояснело, и открылась настоящая весна. Наутро поднявшееся яркое солнце быстро съело тонкий ледок, подернувший воды, и весь теплый воздух задрожал от наполнивших его испарений отжившей земли. Зазеленела старая и вылезаящая иглами молодая трава, надулись почки калины, смородины и липкой спиртовой березы, и на обсыпанной золотым цветом лозине загудела выставленная облетающаяся пчела. Залились невидимые жаворонки над бархатом зеленой и обледеневшим жнивьем»

ем, заплакали чибисы над налившимися бурою небравшею водой низами и болотами, и высоко пролетели с весенним гоготаньем журавли и гуси. Заревела на выгонах облезшая, только местами еще не перелинявшая скотина, заиграли кривоногие ягнята вокруг теряющих волну блеющих матерей, побежали быстроногие ребята по просыхающим, с отпечатками босых ног тропинкам, затрещали на пруду веселые голоса баб с холстами, и застучали по дворам топоры мужиков, налаживающих сохи и бороны. Пришла настоящая весна» [13, 170 — 171].

Эта потрясающая животворная слитность человеческого мира с бытием природно-космическим, отраженная гением Толстого, раскрывает здесь и глубинный символический потенциал всякого натурализма, его онтопоэтическую креатуру. Схожий живописующий витализм по своему отличает и стилистику булгаковской «Философии хозяйства», примеров чему можно найти почти на каждой (из трехсот!) ее странице...

Но показательно и по сути своей антикосмистское, бердяевское недопонимание Булгакова, еще точнее — понимание булгаковских смыслов с точностью до наоборот, до радикального чисто механического противопоставления хозяйствования и творчества: «Философия Булгакова очень модернизирована и вооружена всеми современными философскими орудиями, но в основном дух ее тот же, что у епископа Феофана Затворника, для которого вся жизнь в мире оправдывалась как послушание последствиям греха» [17, 173], «... тот же хозяйственный мотив...»; «хозяйственность есть в русском православии, в духовном нашем быту. Современная хозяйственность Булгакова, связанная с его экономическим материализмом, встретила со старой хозяйственностью Феофана Затворника. И Булгаков принимает хозяйственное отношение к жизни и со страхом отвергает творческое отношение к жизни»; «Булгаков — богослов в экономике и экономист в богословии. Он остался экономическим материалистом и перенес свой экономический материализм на небо, небо оросил трудовым потом. Даже Софии и софийности придал он экономически-хозяйственный характер. Хозяйство превратилось для него в целую метафизику бытия, даже в своеобразную мистику. Булгаков чувствует мир, как хозяйство, и Бога, как Хозяина. Человек — управляющий этого Хозяина, которому поручено возделывать землю» [17, 174].

Это, пожалуй, был бы весьма упрощенный образ Л.Н. Толстого, а отчасти и его альтер-эго — Левина Константина Дмитриевича (в самом его имени-отчестве этимологически запечатлено символическое указание на *постоянство земли!*), «похожего более на бурлака, чем на философа» [13, 33], но не автора «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова! Хотя все-таки и для первых двух предположенных нами проек-

ций, несомненно более позитивного и, казалось бы, *беспроблемного* восприятия исходного феномена хозяйства, найдутся весьма существенные противопоказания... Так, Толстой однажды записал в дневнике: «Хозяйство опять всей своей давящей, вонючей тяжестью взвалилось мне на шею. Мучусь, ленюсь (16.10.1859 — Л. Толстой)» [18, 59, 69]. В то же время и коренной хозяйственник К.Д. Левин, говоря о смерти и ничтожности существования в беседе с гедонистом Степаном Аркадьевичем Облонским, указывает на всеобщую бренность как могущественнейшую сторону бытийной реальности: «...я не перестаю думать о смерти. Правда, что умирать пора. И что все это вздор. Я по правде тебе скажу: я мыслью свою и работой ужасно дорожу, но в сущности — ты подумай об этом: ведь весь этот мир наш — это маленькая плесень, которая выросла на крошечной планете. А мы думаем, что у нас может быть что-нибудь великое, — мысли, дела! Все это песчинки... когда это поймешь ясно, то как-то все делается ничтожно. Когда поймешь, что нынче-завтра умрешь и ничего не останется, то так все ничтожно! И я считаю очень важною свою мысль, а она оказывается так же ничтожна... Так и проводишь жизнь, развлекаясь охотой, работой — чтобы только не думать о смерти» [13, 412 — 413].

Вряд ли мы можем всерьез приписать подобные настроения Булгакову, с детства имеющего совсем другой опыт обступающей смерти: Ливенский храм «кладбищенский, где служил мой отец» [19, 12] — так указывал сам протоиерей Сергей на духовный центр этой сакральной танатографии, знакомой ему с самых ранних лет; «Земля была исполнена и освящена человеческими останками, как некое кладбище с позабытым и оставленным алтарем»; «помню много, много похорон» [19, 9]; «ангел смерти неотступно стоял над нашим домом» [19, 21]; «в детстве смерть стояла к нам близко, никогда не отходя» [19, 20]; «смерть была наша воспитательница в этом доме, как много было в нем смерти» [19, 20]; «Хорошо в Ливнах хоронили: это прямо какой-то Египет. И прежде всего никакого страха перед смертью. С каким-то скорее радостным, важным чувством приходят родственники, а прежде всего, а прежде всего, женщины обряжать покойника, молиться о нем, помогать по дому: особое вдохновение смерти входит в дом. А затем самые похороны в храме с несением по городу под погребальный перезвон колоколов, предание земле и почитание могилы, молитвенная память... Хорошо в Ливнах хоронят, и, если можно сказать про софийность и в похоронах, то скажу, софийно хоронят: печать вечности, торжество жизни, единение с природой: земля еси и в землю отыдеши...» [19, 18].

Здесь смерть воспринята действительно по-египтянски: в обратной перспективе одухотворенной близости Потустороннего, восприятие

которого у булгаковского критика — имманентиста и схематика Бердяева — было весьма ослабленным... «Булгаков, — пишет он далее, — абсолютизирует хозяйство и придает ему характер универсальный. ...он принужден определить культуру как хозяйство. ...“...вся культура есть хозяйство”... Ему совершенно чуждо понимание культуры как творческой избыточности. <...> Хозяйственное мироощущение и миро-созерцание противоположно всякому артистизму, аристократизму, всякому пафосу свободы и творчества» [17, 174]; «...хозяйственное отношение к природе всегда корыстное и озабоченное, и потому не может быть христианским, евангельским. Христианское, новозаветное отношение к природе и к жизни должно быть бескорыстным и беззаботным, должно быть созерцанием божественной красоты космоса и творчеством новой космической жизни. Хозяйственное же отношение к природе целиком еще ветхозаветно, подзаконно. Ему неведома новозаветная духовная свобода» [17, 175].

Бердяев, как видно, не прав, но не столько в отношении истинной оценки статуса самого хозяйства (хотя, безусловно, и в этом!) — сколько, прежде всего, в отношении его (хозяйства) мнимой булгаковской апологетики. Очевидно, что позиция С.Н. Булгакова, если подойти к ней внимательно и, особенно, с учетом ее дальнейшего развития, скорее стоит ближе (но, разумеется, не совпадает!) к бердяевской эсхатологической редакции позитивного евангельского антихозяйственного радикализма, нежели к левинско-толстовскому аграрному рационализму, более тяготеющего к хомяковскому геоцентрированному «кушитству» [15].

Напротив, собственно булгаковский взгляд на эти вещи несомненно координируется с идеями хомяковского уранического «иранства» и библейского «сифитства», о чем есть убедительные свидетельства в докладе отца Сергия «Догматические основания культуры» (1930), где Булгаков указывал на космологические основания человеческой деятельности: «Бог сотворил человека как вершину мира, как существо космическое, а мир как бытие человеческое, т. е. человек космичен, а мир человекен»; «человек продолжает раскрытие Божественного замысла о мире» [20, 637]. Отмечая, что «человек призван быть со-творцом Бога» и «мир дан человеку проективно», Булгаков сожалеет о том, что «человек сделался пленником космоса из-за недолжного отношения к миру» [20, 637 — 638]. Культура выступает прежде всего как творческое отношение, обратное адаптивному. По Булгакову, человечеству «открываются два пути для осуществления творческих способностей человека: путь *цивилизации* и путь *творчества (культуры)*. Цивилизация есть приспособление к условиям природной жизни. Культура — творческое отношение человека к миру и к самому себе...

Еще в Библии намечены эти два пути — путь рабства миру, путь Каина и каинитов, ковачей и изобретателей орудий, — и путь культуры — путь народа Божия» [20, 638 — 639]. В церковной традиции «мир означает космос, в котором человек есть космиург», а потому «христианская жизнь есть непрерывная борьба с миром, борьба за духовное существование» [20, 640].

«В христианстве, — отмечает Булгаков, — противопоставление культуры и цивилизации принимает особенно отчетливые формы. Цивилизация в своем развитии могла бы овладеть человеком и разрушить его дух, т. е. превратить человека в допотопное существо (потомки каинитов). Если бы большевики в России могли осуществить свой идеал цивилизации, они вернули бы человека в допотопные времена. Но ныне это уже невозможно: в мир вошел свет христианства» [20, 641]. «Отношение культуры и цивилизации различно понимается в протестантизме, католичестве и православии». «Протестантизм резко разделяет две области жизни... Морально протестант делает все возможное, чтобы спасти культуру от цивилизации, но это ему не удается, и он остается во власти секуляризации». «Католичество все вопросы жизни разрешает на основе иерархического подчинения клерикальной организации жизни. Культура и цивилизация находятся в отношении соподчинения. В католичестве церковная жизнь вдохновляет мирское творчество, и в этом его заслуга». «Православный путь — путь свободы в смысле отсутствия подчинения церковного творчества определенным клерикально-иерархическим заданиям... Бытовое благочестие русского народа, выросшее веками, есть яркий образ победы культуры над цивилизацией. Проникновение в быт и освящение быта вообще свойственно православию» [20, 641 — 642].

Культура как очеловечивание мира — в этом видит Булгаков «последнее задание культуры»: «задача культуры — дело богочеловечества, т. е. очеловечивание мира и обожение человека. В этом смысле задание культуры совершенно беспредельно» [20, 642], ибо «недостижимый предел культурного творчества есть Царство Божие» [20, 642]. Говоря о религиозных основах культуры, отец Сергей пишет: «Культ есть духовное средоточие культуры», а потому любое «“кое-как”» есть отречение от культуры в пользу цивилизации» — «всякое человеческое делание... проектируется как *ars*» [20, 642 — 643].

Справедливости ради отметим, что в недрах отечественной древлеправославной традиции были как «каиниты», так и «сефиты», трудились как «стяжатели», так и «нестяжатели»; а это — не только символическое противоположение (исторически устойчивое и многообещающее [21, 149 — 153]) земного «кушитства» и небесного «иранства», но и «двуединый свет» русской святости [22, 47 — 75].

Литература

1. *Булгаков С.Н.* От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895 — 1905. М., 2006.
2. *Булгаков С.Н.* Соч.: В 2 т. Т. 1: Философия хозяйства. Трагедия философии. М., 1993.
3. *Роуз, иеромонах Серафим.* Святое Православие, XX век. М., 1992.
4. *Роуз, иеромонах Серафим.* Человек против Бога. М., 1995.
5. *Ильин И.А.* Основы христианской культуры // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М., 1993.
6. *Генон Р.* Царство количества и знамения времени. М., 1994.
7. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
8. *Хайдеггер М.* Слова Ницше «Бог мертв» // Вопросы философии. 1990. № 7.
9. *Соловьев В.С.* О причинах упадка средневекового мирозерцания. М., 1892.
10. *Шулевский Н.Б.* Проблемы науки и хозяйства в творчестве Л.Н. Толстого // Философия хозяйства. 2008. № 4.
11. *Булгаков С.Н.* Свет невечерний (созерцания и умозрения) // Булгаков С.Н. Первообраз и образ: Соч.: В 2 т. Т. 1: Свет невечерний. СПб.; М., 1999.
12. *Булгаков С.Н.* История экономических и социальных учений. М., 2007.
13. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 8. М., 1981.
14. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 61. М., 1953.
15. *Хомяков А.С.* Записки о Всемирной Истории // Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 5 — 7. М., 1900.
16. *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. Париж, 1937.
17. *Бердяев Н.А.* Возрождение православия (о С. Булгаков) // Н.А. Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991.
18. *Бибихин В.В.* Дневники Льва Толстого. СПб., 2012.
19. *Булгаков, протоиерей Сергей.* Автобиографические заметки (посмертное издание). Предисловие и примечания Л.А. Зандера. Париж, 1946.
20. *Булгаков С.Н.* Догматическое обоснование культуры // Булгаков С.Н. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1993.
21. *Океанский В.П., Океанская Ж.Л.* Будущее России сквозь кризисы цивилизаций (диалектическая футурология культуры) // Известия

высших учебных заведений. Сер. Гуманитарные науки. Т. 4. 2013. Вып. 2.

22. *Кожин В.В.* Двухединый свет. Размышления о преподобных Иосифе Волоцком и Ниле Сорском // Русская литература. 1995. № 1.

И.А. ГОРЮНОВ

От субъективной реальности к идеальной: о некоторых особенностях работы человеческого мозга и сознания

Аннотация. Человек в своей основе идеалистическое существо. Социум, осмысливая бытие, творит идеальное — культуру, являющуюся пространством человеческой мысли. Чем идеалистичнее человек, тем меньше он зависит от окружающего материального мира, т. е. может более эффективно использовать его в своих интересах посредством создания соответствующей инновационной технической и социальной реальности.

Ключевые слова: мозг, сознание, человек, картина мира, технологии, хозяйство.

Abstract. Human is idealistic human being. Society creates an ideal reality (culture) of comprehend the world. Culture is the space of human thought. Idealistic people less dependent on the surrounding material world and can use it to create innovative technical and social reality.

Keywords: human, human brain, consciousness, picture of the world, technology, economy.

В коллективной монографии «Мозг: фундаментальные и прикладные проблемы» [1], подводящей итоги научной сессии Общего собрания Российской академии наук (такие форумы, посвященные наиболее актуальным проблемам науки, регулярно проводятся в РАН и ставят перед собой цель подведения итогов развития конкретной фундаментальной дисциплины и оценку вклада российских ученых в мировую науку), дана общая оценка морфофункциональной организации мозга, его роли в сохранении целостности организма, поддержании гомеостаза и регуляции таких важнейших функций, как обучение и память, сенсорика, репродукция и ряда других.

На этой сессии с докладом «Нейрохирургия и мозг» (подготовленная на основе доклада статья представлена в вышеназванной книге) выступил директор НИИ нейрохирургии имени академика Н.Н. Бурденко РАМН академик РАН А.Н. Коновалов. Один из ведущих специ-

алистов в области нейрохирургии сказал буквально следующее: «Я ловлю себя на мысли, что полвека, оперируя на мозге, образно говоря, держа его в руках, я поистине очень мало знаю о нем, и мои представления о его работе очень поверхностны. Они в основном ограничиваются конкретными проблемами: как не ошибиться в диагнозе, как спланировать и с меньшей травмой для мозга провести операцию, как без серьезных ошибок сориентироваться в сложнейшей его структуре. В целом, меня не оставляет чувство невозможности понять, как в результате взаимодействия миллиардов нервных клеток, объединенных бесконечными связями, человек мыслит, творит, подчиняется или не подчиняется законам морали, как рождаются эмоции. Одним словом, как осуществляются все те процессы, которые делают человека человеком. Почему, несмотря на бесконечно сложную структуру и не менее сложные функциональные процессы, происходящие в мозге, подавляющее число людей похоже (конечно, в определенных пределах), живут по принятым правилам, понимают друг друга. А отклонения от общепринятых норм скорее исключение. Когда задумываешься над этими проблемами, то кажется, что стоишь на краю бездны и безуспешно стараешься разглядеть, что кроется в бесконечной глубине за ее туманной, зыбкой поверхностью» [1, 137].

С А.Н. Коноваловым согласен лауреат Нобелевской премии, получившей за исследование механизмов передачи возбуждения в нервных клетках, Д. Экклз. Он не решился возложить ответственность за наше сознание на сеть нервных клеток и предложил считать (без каких-либо нейробиологических оснований) элементом нашей психической деятельности некий психон. По его мнению, группа психонов своей совместной активностью в интегральном ментальном процессе порождает наше сознание [2, 239].

Мы привели всего два примера, ярко иллюстрирующих неспособность современной науки раскрыть тайну человеческого сознания, связь мозга с сознанием. Однако все не так безнадежно. А.Н. Коновалов в той же статье пишет: несмотря на обоснованный пессимизм, нельзя не признать, что «последние десятилетия ознаменовались многими достижениями, позволяющими понимать, как работает мозг, и реально помогать больным с различными заболеваниями, приводящими к нарушению функции мозга. Учитывая возрастающий интерес к пониманию механизмов работы мозга, можно надеяться, что многие его тайны будут раскрыты» [1, 154]. Оптимизм исследователям в области тайн мозга и сознания должно придавать и появление таких новых и уникальных методов исследования мозга, как компьютерная томография (КТ) и ядерная магнитно-резонансная томография (МРТ), позволяющих получать исчерпывающую информацию о структуре мозга

и его изменениях при различных заболеваниях, а также функциональная МРТ, дающая возможность выявлять наиболее значимые области мозга (отвечающие за зрение, слух, речь, движение и др.) и осуществлять их картирование.

И все же А.Н. Коновалов заканчивает свою статью следующей сентенцией: «боюсь, нам никогда не удастся познать его (мозга. — *И.Г.*) основную тайну — как материальные процессы становятся идеальными, как работа мозга превращается в сознание» [1, 154].

Как возможно идеальное. Об идеальном пойдет речь в нашей статье. Конечно, мы не сможем дать ответ на вопрос, как «материальные процессы становятся идеальными», точнее, как в результате взаимодействия миллиардов нервных клеток¹, объединенных бесконечными и постоянно меняющимися (иногда практически мгновенно) связями, мозг порождает мысль, затем другую, третью и т. д., причем «производит» не просто последовательность мыслей, а их устремленный к некой цели поток (человеческое сознание).

Наш подход философский, а это значит, что мы пытаемся взглянуть на проблему идеального с максимально абстрактной точки зрения. Такая познавательная позиция дает возможность уподобить человеческий мозг некой планете: огромной, загадочной и не познаваемой методами даже современной постнеклассической науки.

В какой-то мере планетарный смысл мозга (в образе планеты Солярис — протомыслящего живого океана) был гениально предугадан С. Лемом. Человеческий мозг способствует порождению уникальных мыслительных миров. Главное свойство этих миров — их идеальность.

Что такое идеальное? Ответить на этот вопрос непросто. Ведь идеальное нельзя зафиксировать ни одним из имеющихся в распоряжении современной науки приборов.

Ситуация с фиксацией идеального намного сложнее, чем ситуация с открытием темной материи — вещества, которое, по мнению большинства физиков-теоретиков, присутствует во Вселенной и даже проявляет себя (именно оно обеспечивает расширение Вселенной), но до сих пор не обнаружено.

С точки зрения физики в этом нет ничего удивительного. Физика многие вещи сначала открывала чисто теоретически, а потом подтверждала их существование экспериментально. Последний пример такого рода — детектирование бозона Хиггса, что дало возможность доказать справедливость стандартной модели — теории, наилучшим образом отражающей наши представления об исходном материале, из которого построена Вселенная. Эта же теория описывает, как именно материя

¹ Человеческий мозг состоит примерно из 100 млрд клеток, нейронов [2, 497].

образуется из базовых компонентов, а также механизмы взаимодействия между ними [3]. Для открытия (детектирования) бозона Хиггса, в том числе, и был построен мегаускоритель ЛНС (Большой андронный коллайдер).

В ближайших планах ученых — детектирование гравитационных волн. Есть предположение, что они будут обнаружены до конца этого десятилетия.

Собственно говоря, физики (прежде всего физики-теоретики) приносят в мир невидимое материальное, а философы — невидимое идеальное. Хотя, следует отметить, что четко разграничить материальное и идеальное не так просто.

В окружающем нас материальном, если внимательно в него взглянуть, довольно много идеального. Нас окружает вполне определенная, одухотворенная человеком материально-идеальная реальность. В любом камне, травинке, дереве, а тем более в дороге, очаге, доме, машине и других предметах много человеческого, т. е. идеального — идеальных образно-категориальных корпускул и не менее идеальных ассоциативных и причинно-следственных связей, структурирующих наше восприятие материального мира именно таким, а не иным способом.

Более того, углубившись в проблематику «материальное—идеальное», мы вдруг осознаем: для того, чтобы увидеть что-то материальное, надо не просто соответствующим образом настроить свой глаз (а точнее мозг²), а обрести абстрактное (понятийное или образное) зрение, без которого умственно воспринять что-либо в окружающем мире невозможно.

Только человеческое сознание позволяет видеть мир во всем многообразии его материальных и духовных проявлений. Без обретения сознания, т. е. без идеалистического видения мира, люди могли бы иметь только сенсорное восприятие мира: в лучшем случае в виде континуума сенсорных объектов и рефлекторных реакций. Это, собственно говоря, и зафиксировал в своих опытах на собаках И.П. Павлов³.

²Глаз есть часть мозга, вынесенная наружу.

³По словам академика В.А. Черешнева, всемирно известный физиолог Иван Петрович Павлов никогда не ставил высшую нервную деятельность человека в зависимость от рефлекторных факторов, это он делал на экспериментальных животных. И.П. Павлов выделил три человеческие потребности: потребность жить, потребность знать и потребность утверждать себя в обществе. И отсюда определились главные инстинкты: инстинкт жизни, инстинкт цели и инстинкт соответствующего отношения к себе подобным [4].

Затронув сферу высшей нервной деятельности человека, мы должны заметить, что понятия «мыслительное» и «идеальное» не тождественны. Мыслят люди, а социумы продуцируют идеальную реальность (различные семиотические системы, к которым можно отнести и социальные институты) для осуществления мыслительной деятельности индивидов.

Существует даже так называемая гипотеза Макиавелли, согласно которой наибольший вклад в развитие мозга приматов внесли возникшие у них сложные социальные отношения. По мнению исследователей мозга, активность индивидуума в сложном социальном взаимодействии (внутри группы как единого целого) также имеет громадное эволюционное значение [2, 241]. При этом «осознание себя и своего окружения выражается прежде всего в социальном взаимодействии, когда мы воспринимаем и затем интерпретируем свое положение по отношению к другим и учимся на ошибках» [2, 241].

Со времен Платона мышление определяется как диалог человека с самим собой («...происходящая внутри души беззвучная беседа ее с самой собой и называется у нас мышлением», «Софист» [5, т. 2, 338 — 339, 263e]). Согласно Ш. Маламуду, мыслить значит освобождаться от того, что следует шаблону, повторяется, определено заранее и т. д. [6, 31]. Х. Арендт, размышляя о «*réfléchir*», заметила, что «думать — это всегда значит думать критически. А критически думать — значит быть против. Любое размышление действительно подрывает все застывшие правила, общие убеждения и т. д. Все, что происходит в процессе размышлений, подчинено критической проверке того, что есть. То есть опасных мыслей нет — по той простой причине, что размышление само по себе — довольно опасное предприятие... Но отсутствие размышления еще опаснее» [7, 110].

Для мышления, диалога с самим собой, человек использует определенный язык — некую систему знаков, символов, кодов и т. д., позволяющую искать те или иные смыслы бытия.

Язык, согласно Ю.С. Степанову, — пространство мысли. Мышление непосредственным образом связано с языком, так как «мы рождаемся в определенной языковой среде, чем в значительной мере определяются структура и деятельность нашего мозга; здесь не играют роли генетические данные» [2, 435].

Тем не менее ставить знак тождества между мышлением и языком нельзя. По мнению всемирно известного исследователя головного мозга Д. Свааба, в течение тридцати лет возглавлявшего Нидерландский институт мозга, «сознание человека не зависит от языка. Люди, у которых после инсульта области речи больше не действуют, вполне осознают и себя самих, и свое окружение. Они могут покачиванием голо-

вы или кивками сообщать о принимаемых ими важных решениях относительно их самих или их окружения, хотя и не в состоянии выразить эти решения вербально» [2, 240].

Один из теоретиков британской социальной антропологии Э. Лич утверждает, что «человеческая коммуникация обеспечивается посредством “выражающих” действий, которые проявляются в виде сигналов, знаков и символов»⁴ [8, 16].

Передача «послания» (знаний, опыта, эмоций, эстетических состояний и т. д.) требует определенных сигналов, знаков или символов, т. е. соответствующих семиотических систем.

Как отмечает Э. Лич, любое «послание» или «сообщение» можно передать в различных семиотических системах (языках).

«Все виды человеческой деятельности (а не только речь) служат для передачи информации. Такие способы коммуникации включают: письменность, исполнение музыки, танец, живопись, пение, строительство, актерскую игру, лечение, отправление религиозного культа и т. д.» [8, 24]. При этом «на каком-то уровне «механизм» этих разнообразных форм коммуникации должен быть одним и тем же» [8, 24], т. е., по мнению Э. Лича, «каждая форма является “трансформацией” остальных — совершенно так же, как написанный текст является трансформацией устной речи» [8, 24]. Если это действительно так, то нам «необходим язык для описания свойств этого общего кода» [8, 24], делает вывод Э. Лич.

По сути Э. Лич высказывает предположение о существовании некоего метаязыка, или точнее метаязыка, являющегося праосновой всех человеческих языков. «На каком-то глубоко абстрактном уровне все наши разнообразные чувства кодируются одним и тем же способом. Там должно быть что-то вроде “логического” механизма, позволяющего нам трансформировать зрительные послания в звуковые, осязательные или обонятельные послания, и наоборот» [8, 16].

Наличие такого метаязыка есть условие и возможность перевода «посланий» с одного языка на другой. Осуществляя перекодировку послания, мы пытаемся выразить наше метапонимание послания на другом языке, т. е. переводим содержание послания с одного языка на метаязык, и уже с метаязыка на другой человеческий язык.

Как мы уже отметили, возможность и условие перевода — наличие метаязыка, который является не вербальным, а образно-символическим (в каждом образе/символе этого языка, подобно оскол-

⁴«Выражающие» действия, по Э. Личу, «либо просто говорят нечто о состоянии мира, каким он является, либо претендуют на изменение мира метафизическим способом» [8, 15].

ку голограммы, присутствует пусть и блеклое представление о целом, земном и небесном, человеческом и божественном, профанном и сакральном) и даже сенсорным (характеризующимся наличием сенсорных образов), чем-то напоминающим язык сновидений и ощущений.

Попытаемся прояснить суть такого метаязыка, который и является пространством для мысли. Что такое мысль? С нашей точки зрения, живая мысль — это мысль, не облеченная в ту или иную семантическую (т. е. идеалистическую) форму. Человеческая мысль сама по себе говорит на своем собственном языке. Этот праидеалистический язык, язык трансцендентного, мы и называем метаязыком.

Ближе всего к метаязыку — язык мифа. Любой миф дает предположение сути бытия и небытия, которое требует последующего уточнения. Иногда весьма длительного. Таким уточнением, к примеру, является современная экспериментальная наука.

Как отмечает Ю.М. Осипов, истину можно выразить только на языке мифа. Наука же говорит о земном, точнее, только о материальном аспекте бытия. Ее язык весьма далек от семантики метаязыка. Хотя фундаментальная наука, пытающаяся выяснить законы материального мира, существенно меняет свой язык, который начинает движение в сторону языка философии и метафизики, т. е. метаязыка.

Миф и его язык дают понимание мира, точнее, даже понимание Абсолютной Истины, смысла Бытия-Небытия, всего и вся. Но язык мифа требует соответствующего прочтения или перевода.

Идеальное требует языка. Человеческая жизнь и мысль требуют языка, точнее идеальной реальности, к которой относится все, с чем имеет дело человек: любовь, деньги, искусство, социальные институты и т. д.

Композитор слышит музыку и, используя нотную грамоту, записывает партитуру. Инженер-конструктор видит своим внутренним зрением создаваемый объект (агрегат, машину) и, применяя методы начертательной геометрии, переносит свое видение на бумагу или в компьютер. Художник, используя методы перспективы, выражает свой взгляд на мир на холсте. Писатель доносит до читателя видимую и ощущаемую им реальность посредством художественного слова... Таким образом, люди превращают находящееся у них в голове мыслительное — в идеальное, главный продукт человеческой культуры.

Идеального (идеальных представлений) нет у животных. У них есть только мыслительное. Причем не такое совершенное, как у человека.

Яркое представление об идеальном, или о социальной реальности, дает Э. Лич. Рассматривая воззрения последователей К. Леви-Строса, которые называют себя «структуралистами», Э. Лич пишет: «В силу свойственного антропологам-рационалистам интереса к представлени-

ям (как противоположности объективных фактов) их больше занимает то, что говорится, нежели то, что делается. В полевых исследованиях они придают особое значение мифологии и утверждениям информаторов о том, как должно быть. Там, где имеет место расхождение между словесными заявлениями и наблюдаемым поведением, рационалисты склонны утверждать, что *социальная реальность “существует” в словесных заявлениях, а не в том, что происходит в действительности* (выделено мною. — И.Г.) [8, 11].

То есть социальная реальность существует в виде идеального, а не материального. И чем более развитым становится общество, тем более очевидным становится этот факт. Современная глобализирующаяся экономика — предмет договоренностей и их четкое исполнение. Как только кто-то начинает эти договоренности нарушать (к примеру, финансовая олигархия, пресловутый Уолл-стрит), мир вступает в состояние кризиса.

Такой взгляд на социальную реальность как идеальное образование Э. Лич иллюстрирует с помощью следующей аналогии. «Некая симфония Бетховена “существует” в виде партитуры, которую можно интерпретировать по-разному и любыми оркестрами. Тот факт, что чрезвычайно неумелое использование сильно расходится с авторской партитурой, не заставит нас говорить, что “настоящая” симфония — это плохое исполнение, а не ее идеальная партитура.

По мысли социальных антропологов-рационалистов (структуралистов), “структура” системы социальных представлений имеет такое же отношение к тому, что происходит в реальности, какое партитура имеет к ее исполнению. Партитура является в известном смысле “причиной” того, что происходит, но мы не можем действовать в обратном порядке и достоверно судить о партитуре исходя из непосредственно наблюдаемого поведения какого-нибудь исполнителя. В случае с музыкой очевидно, что *партитура возникает в сознании композитора*. По аналогии с этим упомянутые рационалисты стремятся писать о *культурных системах как о созданиях своего рода коллективного «человеческого сознания»* (выделено мною. — И.Г.) [8, 12].

Итак, культурные феномены, фундаментальное и практическое знание, социальные системы, вообще все идеальное, т. е. Культуру в широком смысле этого слова создает «коллективное человеческое сознание»⁵. А отдельный мозг порождает мыслительное, которое, взаи-

⁵Понятие «коллективное человеческое сознание» мы трактуем максимально широко — как сознание этноса, группы, социума, человечества. В таком понимании термин «сознание» близок к термину «культура», если только культуру понимать не как континуум наличного идеального (в том числе и выпав-

модействуя с этим идеальным, порождает представления человека о самом себе, окружающем мире, своих жизненных стратегиях, сущности и природе бытия и т. д. Взаимодействие мыслительного (пространства мысли) с идеальным (пространством культуры) как раз и осуществляет человеческое сознание, продуцируемое и поддерживаемое работой человеческого мозга.

Человеческий мозг можно представить как «интерфейс» между миром идеального и миром материального. Он дает возможность миру материальному взаимодействовать с идеальным и наоборот. Как мозгу это удастся — загадка, которая вряд ли когда-либо будет разгадана, так как относится к области чуда, подобного рождению нашей Вселенной, когда из Ничто (Абсолюта) родилось Все (Бытие). Как со временем это Все (Бытие) снова превратится в Ничто (Абсолют).

Мозг — гигантская машина по переработке сенсорной информации. Тем не менее уподобление мозга компьютеру и вообще компьютерная метафора мозга неверны. Как отмечает Д. Свааб, мозг — «фантастически эффективный агрегат с параллельными переключениями, гораздо лучше приспособленный для образования ассоциаций и обработки образов, чем любой компьютер» [2, 32]. По мнению этого ученого, «наш мозг действует как сложный командный центр (типа Центра управления полетами космических аппаратов. — *И.Г.*), снабженный самой современной аппаратурой, а не как телефонная станция или компьютер» [2, 33].

Д. Свааб, работающий в чисто научной парадигме и отвергающий всякую трансцендентность и метафизику, в своей, ставшей бестселлером, книге «Мы — это наш мозг» приходит к выводу, что не человек управляет своим мозгом, а, наоборот, мозг (точнее человеческое сознание) правит человеком [2].

По мнению Д. Свааба, следует различать два аспекта сознания. «Прежде всего мы осознаем наше собственное окружение... На втором месте находится самосознание (точнее самоосознание, узнавание себя. — *И.Г.*)» [2, 225]. При этом, согласно Д. Сваабу, «самосознание вовсе не метафизический продукт. Мозг постоянно конструирует чувство, что наше тело является нашим, на основании сенсорной информации от мышц, суставов, зрения и осязания» [2, 234 — 235].

Таким образом, человеческий разум производит континуум мыслей, которые встречаются (и не могут не встретиться) с идеалистической реальностью (каковую является картина мира данного социума)

ших из «обихода» современной культуры целого ряда артефактов), а как сознание социума, осмысливающего свое место и предназначение в мире.

— происходит взрыв восприятия и рождается индивидуальное сознание и индивидуальный мир. Идеальные по своей сути.

По глубокому определению Ю.М. Осипова, «сознание — не тело, не организм, не мозг, а дух, вселенный в тело, сплетенный с организмом и слитый с мозгом. Тело, организм и мозг — механизмы, дух же — потенция, способность, эманация, превращающие сознание в действующий метафизический орган» [9, 120].

Бытие идеальности — картина мира. Идеальность человеческого сознания — основа межличностного понимания и диалога. Человек понимает человека потому, что они оба обладают мышлением — способностью взаимодействовать со сферой идеального, которое может быть различной степени идеализации (т. е. абстрактности и метафизичности).

Сообщества людей: цивилизации, этносы, нации и т. д. не просто продуцируют идеальную реальность, а живут в ней. Более того, именно жизнь в идеальной реальности⁶ делает людей людьми.

Идеалистическая субстанция всегда квантирована, т. е. имеет целостный законченный образ в виде определенной идеалистической картины мира. Соответственно отдельный человек мыслит, т. е. индивидуально воспринимает мир через идеальные «очки» (картину мира), которыми его «снабдили» социум и эпоха, в которую он живет.

Идеалистическая (с большей или меньшей степенью трансцендентности) картина мира не просто упорядочивает воспринимаемый нами материальный континуум, а определяет угол, под которым мы рассматриваем и познаем мир и себя в нем; а также задает направление и стиль нашего мышления — особенности нашего сознания.

Человек становится человеком в тот момент, когда обретает свой мир, структурирующим каркасом которого являются идеалистические трансцендентные представления о мире — мифологическая картина мира.

Обретение трансцендентного (создание идеальной картины мира) дает человеку видение/зрение, каковым для него является язык⁷. А язык создает тот или иной социум/народ⁸, призванный открывать определенные смыслы бытия/небытия.

⁶Как мы уже отмечали, идеальную реальность часто называют социальной реальностью или пространством культуры. Социальные паттерны — образцы правильных для данной культуры действий — всегда идеальны.

⁷Взгляд в трансцендентное и на мир через это трансцендентное дает человеку язык.

⁸Возможно даже многоязычие при наличии общего «метаязыка». К примеру, советский народ говорил на многих национальных языках, но при этом являл

По нашему мнению, об обретении особого трансцендентного видения/взгляда (идеальной картины мира) древнегреческим социумом в статье «Исток искусства и предназначение мысли» [12] говорит М. Хайдеггер. Немецкий философ отмечает, что в Древней Элладе «мир в его целокупности приговорил себя человеку в качестве *φύσις*, тем самым приняв его в требовательность своего зова» [12, 443]. Как следствие «человеческое вняtie и делание могло и должно было соответствовать такому приговору-призыву и могло должно было, обуреваемое им, само по себе, согласно собственным его способностям, выводить в наличное присутствие то, чему как творению выпадало на долю являть некий не явленный еще до той поры мир» [12, 443].

Что касается созданного эллинами идеалистического мира (как и любого другого идеального образования), то он не исчез вместе с исчезновением древних греков. Он так и остался таким, каким его сотворили эллины. Современный человек, опираясь на потенциал древнегреческой культуры, может послать свой взгляд-вопрос-запрос в этот идеалистический древнегреческий мир, «зависший» где-то между трансцендентной и человеческой реальностью. Отразившись от этой реальности взгляд-вопрос-запрос высветит что-то напоминающее ответ. Но этот «ответ» будет идти не из нашей повседневности, а из Бытия, в котором мы живем.

По мысли Хайдеггера, древнегреческий мир «ждет нас, чтобы мы мыслили навстречу ему, проверяя им же наше мышление, наше слагание образов» [12, 440]. То есть видели бытие, в котором мы сейчас живем, не только в свете, отраженном от нынешней техно-научной картины мира, а бытие, освещаемое древнегреческой картиной мира.

Очевидно одно: древними греками была создана, сотворена, открыта и т. п. та область, которая «властно правит прежде любого искусства — она и дарует затем искусству присущее ему» [12, 440]. Эту об-

собой особый и единый мир не в последнюю очередь благодаря советскому дискурсу. При этом советский дискурс в рамках русского языка представлял четко выделенную область. Согласно П. Серио, «советский способ оперирования с языком» это не новый язык и не новый «подъязык», и не новый «стиль». Это так называемый дискурс [10]. Ю.С. Степанов дает следующее определение этому понятию: «дискурс — это “язык в языке”, но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей “грамматики” и своего “лексикона”, как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встают особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, — в конечном счете — особый мир. В мире каждого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет» [11, 44—45].

ласть, на наш взгляд, с полным основанием можно назвать областью идеального. Создание этой области идеального, из которой вышли греческое искусство, философия и наука, было величайшим творением и заслугой древнегреческого гения.

На примере древнегреческого взгляда на мир, созданной им области идеального (картины мира) хорошо видно, что человека влечет и призывает не только окружающий его материальный мир, но и мир идеальный, трансцендентный. И внявший зову этого идеального/трансцендентного мира человек/социум вступает в сферу неведомого. И эта зовущая трансцендентность освещает путь идущему на зов вечности человеку. Перефразировав Вячеслава Иванова, можно сказать: чтобы здраво мыслить о земле, необходимо купаться в мистической мгле⁹.

Идеальная реальность — безграничное пространство смыслов и образов. Оперируя в нем, человек или социум извлекает (точнее порождает) особый смысл бытия, соответствующий «идеалистическому» состоянию «работающего» в идеальном (трансцендентном) пространстве субъекта, — определенную картину мира, или предметную область. А «работа» (мышление) в новом идеальном пространстве (новой картине мира, или новой предметной области) дает возможность (и только она!) создавать новую, инновационную техническую и социальную реальность.

При этом не стоит забывать, что только трансцендентные картины мира (мифологическая, религиозная, метафизическая...) и сопряженные с ними языки выводят человека на соприкосновение с подлинным идеальным/трансцендентным. Или вводят в мир подлинно идеального и истинно нового, инновационного.

Чем более абстрактные/идеальные (инновационные) смыслы хочет человек/социум узреть и воплотить в бытии, тем более абстрактный (идеальный) язык он должен использовать. Примеры — ориентированный на постижение божественного санскрит брахманов или язык современной теоретической физики (прежде всего квантовой), становящийся все более и более абстрактным/идеальным¹⁰.

Только трансцендентное идеальное, точнее человеческий взгляд, устремленный в запредельную даль и отраженный от этого запредельного, дает такое видение/зрение человеку, что он становится способен

⁹Вячеслав Иванов в стихотворении «Русский ум» пишет:

Он здраво мыслит о земле,
В мистической купаясь мгле.

¹⁰Понятия квантовой механики становятся конструктами человеческого сознания, оторванными от окружающей нас реальности.

воспринимать происходящие на Земле процессы, объекты-субъекты, связи, одухотворенность мира. И чем более новое, инновационное общество мы хотим создать, тем в более идеальное/трансцендентное должны погрузиться. Чем большего человек хочет достичь, тем более идеальной (в смысле большей метафизичности) должна быть его картина мира.

Чтобы «творить» подлинно новый мир (новое идеальное и сопутствующее ему материальное) — человеческое сознание должно выпустить из цепких материальных объятий окружающего мира человеческую душу/сознание. Отпустить (хотя бы на время) в родной для нее мир — мир идеального. И, возвратясь оттуда, душа/сознание принесет знание об идеальном. Ту божественную партитуру, одно из звучаний которой — наш удивительный мир. И на основании этого знания, которое можно назвать и фундаментальным, строить, т. е. грамотно проектировать и создавать, новую инновационную техническую и социальную реальность, гармонирующую с природной и духовной сутью человека, со смыслом и ритмом мироздания.

Литература

1. Коновалов А.Н. Нейрохирургия и мозг // Мозг: фундаментальные и прикладные проблемы. М., 2010.
2. Свааб Д. Мы — это наш мозг: От матки до Альцгеймера. СПб., 2013.
3. Элементы большой науки. Стандартная модель // <http://www.elementy.ru/trefil/21207>.
4. Черешнев В.А. Доклад на заседании Консультативной рабочей группы Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России при Президенте Российской Федерации 13 октября 2010 года // <http://ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=82541155-136a-4cf8-a9f9-b00d8d239344&print=1>.
5. Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1993.
6. Маламуд Ш. Испечь мир: ритуал и мысль в древней Индии. М., 2005.
7. Аренд Х. Вера в человеческое. Выставка. Совместный проект берлинского Дома литераторов и Гете-институтов в Бухаресте и Москве. М., 2012.
8. Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимодействия символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М., 2001.
9. Оситов Ю.М. Наедине с Софией. Метафизические реалии. М., 2014.

10. *Seriot P.* Analyse du discours politique soviétique: Cultures et Sociétés de l'Est. 2. P., 1985.

11. *Степанов Ю.С.* Русский язык в контексте «полиэтничности» и национальных научных школ // Язык и наука конца XX века. М., 1995.

12. *Хайдеггер М.* Исток искусства и предназначение мысли // Хайдеггер М. Исток художественного творения. М., 2008.

И.В. ПШЕНИЦЫН

Будущее Запада и России

Аннотация. Рассматривается особенность экономического развития России, порождающего по примеру западных стран отчуждение от родной земли из-за переселения в города-мегаполисы и вырождение народа в бесполое гражданское общество собственников.

Ключевые слова: отчуждение, экономия, рыночная экономика, экономический человек, гражданское общество, капитал, экономический оборот, экономические границы, экономические отношения, отношения между поколениями, народ, народное хозяйство, жизненный уклад, семья, духовное богатство, конкурентное преимущество.

Abstract. In the article a particularity of economic development of Russia is studied, which creates, following western countries, alienation from native land due to the urbanization and narod's turn to asexual civil society of owners.

Keywords: alienation, economy, market economy, homo economicus, civil society, capital, economic turnover, economic borders, economic relations, inter-generational relations, narod, narodnoe khozyaistvo, life uklad, family, spiritual wealth, competitive advantage.

Будущее Запада жестко связано с развитием экономики. Связь эта кажется столь очевидной, что снижение темпов экономического роста, а тем более спад, представляется катастрофой. Правда, далеко не ясны природа самой экономики, ее специфика, отличительная особенность, а значит, и понимание *развития экономики* (что значит: экономика развивается) и самой *экономики* далеко не однозначно. Нередки утверждения о *капиталистической сущности* экономики, что предполагает тесную взаимосвязь природы экономики с капиталом. Однако чаще говорят о *рыночной экономике*, рыночной цивилизации, где капитал — один из факторов и сущность экономики не определяет. Но, если экономика по существу капиталистическая и развитие экономики

означает развитие капитала как господствующей над обществом силы, то почему мы так стремимся, чтобы она развивалась у нас, в России? Что нам даст это развитие? И вообще, каковы последствия развития экономики для жизни на Земле в целом?

Посмотрим на развитие российской именно экономики с несколько иной точки зрения. Вообще современная экономика имеет единый центр; она глобализована и глобализует весь мир, и центром этим является, безусловно, экономика США. Сейчас уже признается существование такой рыночной концепции, рыночной цивилизации, возникновение которой связано с первым кризисом перепроизводства 1825 г. в Англии; и оттуда, из Англии, эта цивилизация развилась и за двести лет превратилась в глобальную экономику. Это понятие экономики отлично от того, которое трактует экономику широко, по сути как некое *хозяйство*. Но понятие хозяйства все-таки принципиально отлично от понятия экономики. Прежде всего, стержнем хозяйства является *жизнедеятельность народа*, и хозяйство по своей природе *безотходно*. Мы знаем пример русского крестьянского хозяйства, народного хозяйства. И вот, русская цивилизация, наша мысль экономическая — она в принципе *народнохозяйственная*; она, особенно такое течение, как народническое, всегда предполагала, что деятельность эта хозяйственная всегда связана с жизнедеятельностью народа, не подрывает *духовные скрепы* народа, развивает в нем эти качества. А *богатство* понималось не как чисто материальное, не как количество товаров производимых, а как богатство духовное, прежде всего, связанное с Богом, с тем, что Он дает человеку. Вот такое специфическое понимание богатства в нашей национальной традиции. Поэтому принцип экономии, абсолютизации роста *производительности труда*, экономии ресурсов — независимо от того, как эта экономия влияет на жизненный уклад народа, его духовное состояние; он никогда в русской мысли не понимался как абсолютный. А в экономике, в политической экономии, в частности, как англосаксонской традиции, принцип экономии является абсолютным, т. е. экономический прогресс, рост производительности труда вне зависимости от того, как он влияет на человека, на его мир, рождение человека, среду, в которой человек рождается, является абсолютным.

Различие между экономическим развитием и народнохозяйственным является главным в понимании оценок, даваемых развитию экономики. Одна сторона экономического прогресса вроде бы положительная: растет благосостояние населения в смысле количества товаров и услуг, которые можно потреблять; другая — получается негативная, связанная с разложением уклада, в котором человек рождается, с невозможностью удовлетворения действительных потребностей че-

ловека в продолжении рода, которые по сути дела должны обязательно удовлетворяться. Вот главная потребность: Человек родился — у него должны быть семья и любящая мать, которая хотя бы до года будет кормить его грудью, он должен бегать босиком по родной земле, и масса других вещей, которые кажутся естественными. Но они не принимают форму товаров, их нельзя в экономике удовлетворить, а следствием развития экономики является то, что в принципе разрушается тот уклад, где эти потребности, действительные потребности человека, могли бы удовлетворяться и развивать его, способствовать его духовному развитию.

Капиталистическая природа экономии и экономики глубока, поэтому важно различать: экономика — это центр, вокруг которого все вращается, или это только средство, с помощью которого мы хотим решать более важные, более нужные для жизни народа проблемы. В странах Запада, где экономика является центром, вокруг которого все вращается, она проникает во все сферы: и в культуру, и в науку, и в образование. Более того, — в семью: и однополые семьи, в частности, почему такую поддержку имеют? — у людей настолько извратилось представление о том, что такое человек вообще, какова его действительная природа, что это извращение реальная сила теперь.

Все это означает, конечно, что темпы роста российской экономики нам не безразличны. Но необходимо расширить круг вопросов, которые мы совместно с экономическими должны рассматривать. В свое время была принята правительственная концепция развития России до 2020 г., которая исходит из того, что экономика способствует повышению уровня жизни народа. Уровень жизни трактуется в ней широко, стремятся туда включить не только материальные потребности, но и духовные, т. е. услуги, которые можно предоставить человеку для развития, образование, в частности. Но данная программа не затрагивает сущностной стороны экономики.

Экономика, в принципе, в отличие от хозяйства, *основана на отчуждении от природы*, от родной земли, а *народ рождается потому, что у него есть Родина*, где он живет как народ. Для нас, я так полагаю, для нашего народа эта Родина, прежде всего, Золотое кольцо России — если так упрощенно считать. Если мы на этой земле не живем, а живем в мегаполисе, то дети наши отчуждены от той природы, которая порождает менталитет русского народа. Развитие экономики требует переселения в город, в мегаполис, изолирование вообще детей от земли: они по асфальту ходят, живут на 16-м этаже, условия жизни определяются услугами ЖКХ, поддерживаются температура, влажность, подается горячая вода. Все это прекрасно, но для *здоровья народа*, для духовного его здоровья что важно? Все-таки, по природе своей он ро-

дился в единстве с родной природой. Я имею в виду не сельское хозяйство как элемент агропромышленного комплекса — сколько мы вырастим какого урожая — не об этом речь, речь идет о здоровье народа.

Государство, например, уделяет внимание образованию. Образование начинается, допустим, с семи лет. К семи годам в человеке происходят существенные изменения — очень важные. Рождается он с объемом мозга в четверть от того объема, который для взрослого человека характерен, т. е. 25%. И 75% он наращивает в течение семи лет. У него не просто связи в мозгу образуются, как у взрослого человека, у него сам мозг растет; и что он в этот период испытывает, количество факторов, которые на него воздействуют, тот потенциал, который в него закладывается, потом в будущем реализуемый, в образовании в том числе, вот это важно; а в городе, в мегаполисе дифференциация этих факторов нивелируется. Мы с вами как русская нация, родившаяся на этой земле, живем в уникальных природно-климатических условиях. Удивительная страна, вот это Золотое кольцо, где реально существуют 12 различных месяцев. Это обусловлено не только изменением на этих географических широтах светового дня за каждый месяц более чем на час, но и умеренно континентальным климатом с перепадом средних температур от -12° зимой до $+19^{\circ}$ летом. При этом в шаговой доступности вокруг каждой деревни, по сути дела, в этой полосе имеется уникальное разнообразие природных ландшафтов: смешанные, лиственные и хвойные леса, реки, озера, болота, холмы, поля, луга. Если человек живет, допустим, в степи у моря, он может наблюдать два-три сезонных изменения. У нас четыре полноценных времени года. Человек, который в такой природе рождается и хозяйствует, получает такое разнообразие воздействующих на него факторов, так развивается его потенциал, такое огромное духовное богатство приобретает, что не случайно говорят о *тайнах русской души*. Это связано с природой, поскольку народ всегда связан с той землей, на которой он родился. Если он отчуждается от родной природы, живет изолированно от нее, то эти качества в нем начинают угасать, человек становится похожим на гражданина экономического человека, такого же, как и в любой другой стране, любом другом городе.

Однако, если мы не развиваем экономику, мы снижаем уровень жизни и, кажется, теряем нашу цивилизацию. Поэтому экономический рост должен быть. — Или же нет? И насколько может быть велика жертва, обеспечивающая темпы роста экономики? — При ответе на этот вопрос очень важно понимать, что «российская экономика» и «национальная экономика» несколько неопределенные понятия. Экономика глобализована и имеет единый центр, и, понятно, он распо-

лагается на Западе. Это обусловлено иной природой экономических процессов в центре. В центре существует *основной экономический оборот*, который воспроизводит рабочую силу, затрачиваемую на производство товаров и услуг. Этот замкнутый экономический оборот гарантирует покупательную способность денежной единицы — доллара, в частности. Поэтому к доллару есть доверие, так как его покупательная способность гарантирована перепроизводством товаров, товарным кредитом, обеспечиваемым функционированием самой американской экономики. В нашей стране такого оборота нет. Известно, что на наших рынках доля импортных товаров составляла в среднем примерно 60%. Получается, мы поставляем за границу сырье и ресурсы, а товары во многом приходят к нам в виде импорта. Таким образом, если говорить об *экономических границах*, то они пересекают границы России.

Развитие экономики приводит к тому, что экономические границы и государственные в некотором антагонизме находятся. Это та причина, которая в значительной степени и Советский Союз в свое время развалила, потому что создать экономически однородное пространство на территории СССР было просто невозможно. И развитие экономики привело к тому, что Средняя Азия, ясное дело, должна была отделиться, поскольку с Прибалтикой вместе в одном государстве, экономически однородном, они находились, естественно, просто не могли. Ну а дальше развал пошел не по экономическим границам, а так, как структура Советского государства позволила — по республикам.

Такая же ситуация сохраняется и сейчас в связи с развитием экономики в России. У нас есть регионы, которые напрямую связаны с мировой экономикой. Не случайно говорят, что наши отрасли: газовая, нефтяная — просто части мировой экономики и работают на мировые рынки. И проблему видят западные ученые и экономисты в том, чтобы цены выровнять, внутренние цены и мировые, т. е., по сути дела, сделать экономические границы определяющими по отношению к государственным. Поскольку наши региональные хозяйствующие субъекты к мировой экономике отношения не имеют, возникнет проблема: как такое образование удержать в рамках единого государства? — В развитой экономике, где есть основной экономический оборот, такой проблемы нет. У них экономика — центр их государства. И эта экономика является расширяющейся. Хорошо известно, что рынок расширяется, охватывая все новые территории.

Поэтому *агрессивным* элементом в современном мироустройстве является как раз эта *экономика мировая*, которая стремится проникнуть на территории других стран и разрушить те хозяйственные связи, которые в них традиционно существуют и существовали. Тем самым

разрушается жизненный уклад народа, который на этой территории был, поскольку туда приходит со своими товарами мировая экономика.

Типичная ситуация складывается в арабском мире. Те революции, которые там периодически происходили в разных странах, имеют единую социальную базу: то, что хозяйство внутри страны разрушилось, так как они длительное время жили за счет продажи нефти, в частности, и значительная часть населения привыкла по сути дела хозяйством не заниматься, но получать доходы от продажи ресурсов.

Аналогичная ситуация складывается и в России. Наш нефтегазовый сектор включен в мировую экономику, а региональная экономика в нее не включена и постепенно разрушается, поскольку вторая агрессивная волна мировой экономики — создание рынков сбыта для импортных товаров. На Западе перепроизводство, безработица высокая, и они рассматривают нашу страну, с одной стороны, как поставщика ресурсов, а с другой — как рынок сбыта своих товаров. И банковская система наша развивается, прежде всего, за счет кредитования потребления этих товаров.

Для понимания роли экономики в развитии страны важно уяснить, в какой мере *экономические отношения* являются основополагающими. Марксисты утверждают, что экономические отношения первичны, а юридические вторичны. С этим я не спорю, это абсолютно верно. Но что касается самого человека, его формирования, возникновения, то тут оказывается, что для него гораздо важнее любых отношений между современниками *отношения между поколениями*. т. е. человека формируют те отношения, которые складываются со старшими поколениями, это могут быть семья, родственники, земляки — в зависимости от того, как организована жизнь, уклад жизненный.

Отношения между поколениями для духовной жизни человека имеют определяющее значение: что в тебя вложило старшее поколение и что ты сам можешь передать следующему поколению. Смысл жизни придает то, для чего ты живешь, что ты можешь детям, ученикам передать. Эти отношения, отношения между поколениями, не являются отношениями между современниками, не являются экономическими отношениями, и они гораздо важнее для жизни общества и для потенциала человеческого. *Экономические отношения, развиваясь, подрывают эти отношения, связывающие поколения, то, что характеризует народ*. Ведь народ — это же не общество, не гражданское общество тем более, и не население. Частью народа являются те люди, которые физически, может, давным-давно умерли, но в душе нашей живут, т. е. они нас формируют. Известен такой факт: когда человек в результате аварии потерял сознание каким-то образом, то восстанов-

ление сознания идет через сказки Пушкина — Пушкин заложен на таком уровне подсознания, на базовом, что по сути дела является частью русской души любой. Физически Пушкин умер, но духовно живет, он нас формирует. Вот эта жизнь прошедших поколений, их жизнь в нас самих — важнейший отличительный элемент народа.

Безусловно, понимание будущего России во многом зависит от осознания нашего конкурентного преимущества перед Западом. Это главный вопрос, который нам надо уяснить. Наше *конкурентное преимущество состоит именно в духовном богатстве, а отсюда и в интеллекте, которое нам нашей уникальной природой дано*. Ведь что реально происходит в экономике; экономика вообще-то создает два дефицита: дефицит детей и дефицит «мозгов». И что мы видим? Самая экономически развитая страна мира — США, там наибольшее количество нобелевских лауреатов, но почему? откуда берутся истоки этого? — за счет притока «иных мозгов», миграции. В том числе и наших ученых, правда, их менее 1% — в основном миграции из Индии.

Человек, который прожил первые семь лет и потом получил здесь образование, набрал потенциал, там его прекрасно реализует, т. е. экономика прекрасно позволяет *реализовать* потенциал, но *не набрать* его. А набрать его она не позволяет, она изолирует ребенка от той жизненной среды, в которой духовный потенциал можно набрать. Характерно то, что произошло с семьей в результате развития экономики. Семья была элементом хозяйственного уклада народа. И состав семьи, и прочность связей в ней определялись хозяйственным устройством. Человек жил обязательно в единстве с родом, общиной. Такова специфика нашей средней полосы. А в экономике семья не является элементом экономики, она там как потребительская единица рассматривается. И это видно по тому, что произошло с семьей.

Что вообще такое семья, если взять структуру слова; это — «семь Я», т. е. двое из старшего поколения, двое родителей: отец с матерью и трое детей — вот минимальный состав семьи. Какова семья сейчас? О чем мы говорим? — У нас сейчас, в идеале, двое родителей и двое детей — считается полная семья. А если семья однополая? ...В общем, от семьи ничего не осталось. Почему? — А потому, что экономика и семья вообще никак не связаны. Экономика основана не только на отчуждении от родной земли, но и порождает отчуждение от рода, от народа. Поэтому возникает гражданское общество и *экономический человек*. Экономический человек — это не какая-то химера, поскольку человек всегда одинаковый и экономическим быть не может. В экономике экономический человек — это *реальность*. Действительно, человек, отчужденный от рода, от народа становится центром принятия решений. Ему предшествующие поколения ничего не дали, потому что

он все получил от современников, они его сформировали, не говоря уж о современных СМИ и Интернете. Поэтому характерным показателем духовного обеднения в стране является то, что люди, которые ушли из жизни, не являются авторитетами.

Наше преимущество перед Западом — наличие духовного потенциала, а со своим духовным потенциалом мы любую экономику «оседлаем», в том числе и американскую, не создавая ее на нашей земле, поскольку она разрушает жизненный уклад народа. Проблема высококвалифицированных кадров в американской экономике очень острая: как восполнить те кадры, которые создавали американскую экономику? Об этом прекрасно пишет в своей монографии А. Гринспен, возглавлявший в течение 18 лет ФРС США.

Ход современной мировой истории убеждает, что экономика не только наднациональна, она антинародна по своей природе, поскольку уничтожает тот коренной народ, который создает экономику. Депопуляция в Германии, Франции, да и в США говорит об этом. Пятьдесят лет назад, когда чернокожее население Америки боролось за свои права, кто бы мог подумать, что президентом США станет внук африканки. Но это происходит. Вот и наше население недовольно процессами миграции. Надо только понимать что причина миграции в развитии экономики, поскольку население, которое создает экономику, само не в состоянии жить родовой жизнью. Тут и состав семьи надо иметь в виду, и потребность растить детей, и жизненный уклад, и многое другое.

Россия после отрицания социалистического выбора стоит перед осознанием своего народнохозяйственного пути. События на Украине ведут к оформлению России как иного чем Запад, *неэкономического* центра. И в таком случае мы сохраним наш народ, духовную связь поколений, и Бог нам поможет.

М.Р. ЭЛОЯН

История философии хозяйства: мифологические предпосылки философии хозяйства синтоизма

Аннотация. В данной статье впервые в философии хозяйства исследуются мифологическо-летописные своды синтоизма в качестве религиозно-мифологических предпосылок хозяйственной жизни японского народов. Показано, что религиозно-мифологическими и догматическими основами синтоистской философии хозяйства являются:

андрогинность, «мусуби» (в значении «производить»), «создание-утверждение», демиургия. Дана критика «креационистского подхода» к исследованию теологии и космологии синтоизма. Выработан демиургический подход к исследованию философии хозяйства синтоизма.

Ключевые слова: синтоизм, «фукко синто», «Кодзики», «Нихон секи», иерогамия, андрогинность, ками, микото, мусуби, теогония, Копье, демиург.

Abstract. In this article for the first time in the philosophy of economy the mythological and annalistic arches of Shintoism as religious and mythological prerequisites of economic life of the Japanese people are investigated. It is shown that religious, mythological and dogmatic fundamentals of Shintoistic philosophy of economy are: androginnost, «musubi» (in the meaning of «to produce»), «creation statement», ademiurgiya. The criticism of «creationsistsky approach» for the research of theology and cosmology of Shintoism is given. Demiurgichesky approach for the research of philosophy of economy of Shintoism is developed.

Keywords: Shintoism, «fukkosinto», Kojiki, Nihonseki, iyerogamiya, androginnost, Kami, mikoto, musubi, teogoniya, Spear, demiurge.

«Школа национальной науки»

Все народы проделали путь от политеизма к монотеизму. Многие народы под влиянием более зрелых религий меняли свою веру. И монотеистические религии часто насаждались огнем и мечом. Япония в этом смысле является исключением. Хотя она также на протяжении более чем тысячи лет находилась под мощным влиянием более зрелых религий — буддизма (синтез с которым дало буддийское синто, известное как рибо-синто) и конфуцианства (синтез с которым дало конфуцианское синто, известное как суйга-синто), но сумела сохранить, а затем возродить свою политеистическую религию, названную китайским словом «синто». Результатом японского Возрождения («фукко синто») стало признание синто японской национальной религией, которая, в конечном итоге, уже в качестве «индустриального синто» [1, 165], привела Японию в XIX в. к капитализму.

Движение «фукко синто», так же как и европейский Ренессанс, было «возвратом к древности», в котором возрождалось античное наследие. Но если для европейского Возрождения античным наследием была древнегреческая философия, наука, римское право и т. д., то для японского Возрождения этим наследием стали мифологическо-летописные своды Японии, такие как «Кодзики», «Нихон сёки», «Когосюи», «Норито», в которых содержался богатейший материал по первоначальной или ранней религии японского народа. Первый евро-

пейский исследователь синтоизма сэр Эрнест Сатов назвал ее «чистым синто» [2, 1]. Причем под «чистым синто» Сатов понимал и первоначальные верования древних японцев, до проникновения в Японию буддизма и конфуцианства, и восстановленные «Школой “чистого синто”» древнейшие верования японского народа.

Представители «Школы “чистого синто”» или, как ее называли у себя на родине, «Школы Национальной науки» («кокугаку»), ставили перед собой исключительно религиозные и национальные задачи, которые сводились: 1) к устранению или очищению синто от посторонних влияний и 2) к реконструкции синто в первоизданном виде. Дело усложнялось тем, что древнейшая религия Японии была названа китайским словом «Shin-Tau» (Shin — боги, духи, Tau — кит. дао — путь: синто — путь богов), что само по себе предполагало, что синто китайского происхождения. «Но если религия древних японцев была названа китайским словом, то это вовсе не значит, что ее не было самой по себе, что она не существовала как таковая, еще до распространения китайской философии в Японии. Короче, это не значит, что синтоизм китайского или какого-то другого происхождения» [2, 1].

Понять смысл синто можно только через чтение древнейших книг, которые еще не подпали под тлетворное влияние китайской философии. Восстановить смысл древних японских книг взялся родоначальник «Школы “чистого синто”» Када Адзумамамаро. Во всяком случае, именно с него начинается чисто японское исследование священных текстов синтоизма. Его ученик Камо Мабуто восстановил древнеяпонский язык, на котором были написаны эти тексты, и основал лингвистическую школу Японии. Мотоори Норинага — ученик Мабуто, которого тот нацелил на серьезное изучение «Кодзики», написал первые комментарии к «Кодзики» — «Кодзикидэн».

Первоочередная задача, которую поставил перед собой Мотоори, — это «восстановить мифы “Кодзики” в их истинном значении для национальной истории Японии» [2, 17], ибо к XVIII в. «Кодзики» оказались почти забытыми. Причиной этого забвения было то, что в те времена наибольшим авторитетом пользовались только те книги, которые были написаны в китайском стиле, т. е. сохраняли внешнюю форму японских мифов, но интерпретировались в духе китайской философии. К таким авторитетным книгам относились и «Нихон сёки», которые долгое время рассматривались как основной источник знания о раннем синто, а на самом деле, по мнению Мотоори, представляли собой китаизированный вариант старых японских мифов, к которому нужно относиться критически. Для Мотоори «единственным национальным органом японского происхождения, меньше всего подверженного китайскому влиянию» [2, 18], были только «Кодзики», в ко-

торых дана самобытная система мировоззрения японского народа, отличающаяся от той, которая была представлена в «Нихон сёки». Дело Мотоори продолжил его ученик Хирата Ацутанэ, который на основе «Кодзики» реконструировал синтоистскую теологию и космологию.

Рассмотрение мифологическо-летописных сводов синтоизма в рамках философии хозяйства привело нас к расширению исследовательского пространства философии хозяйства, в рамках которой философия хозяйства предстала как сравнительное и обобщающее исследование не только религиозно-метафизических, но и мифологических предпосылок хозяйственной жизни народов. Исходя из такого понимания философии хозяйства, мы можем говорить о философии хозяйства синтоизма.

Теология синтоизма

В свете противопоставления национальных мифов «Кодзики» китаизированным мифам «Нихон сёки» мы будем сравнивать эти мифы по всем вопросам мироздания. Причем различия существуют уже в самом начале космогонического процесса. Так, в «Кодзики» вначале была пустота, в которой пребывали три безличностных, невидимых («сокрытых») Небесных бога, выше которых никого не было. «Единственное, что можно предположить», что их «не порождает никакой бог, пребывающий еще до них, и они существовали безначально» [3, 284], тогда как в «Нихон сёки» прежде существовало изначальное яйцо. «В древности, когда Небо-Земля были не разрезаны и Инь-Ян не были разделены, а мешанина [эта] была подобна куриному яйцу» произошло разделение Неба и Земли: «чистое-светлое истончилось-растянулось и стало Небом, а тяжелое-мутное удержалось-застряло и стало Землей... Поэтому сначала установилось Небо, а Земля сделалась потом. И тогда между ними родились божества» [4, 14]. Причем в «Нихон сёки» первыми родились земные божества, тогда как в «Кодзики» — небесные. Поэтому «Нихон сёки» преимущественно будут интересовать проблемы Земли, тогда как «Кодзики» — проблемы Неба. Самопроизвольность процесса образования Неба и Земли в «Нихон сёки» повторит конфуцианские теории образования Вселенной, в которых Небо также произошло в результате свертывания легкого и жидкого, а Земля в результате затвердевания тяжелого.

Таким образом, в «Нихон сёки» космогонический процесс начинается с отделения Неба и Земли, а в «Кодзики» — с небесных богов. И, как следствие, в них будут представлены две разные концепции происхождения мира. Так, в «Нихон сёки» мир возник в духе китайской философии — посредством иерогамии — священного брака между Небом (Ян) и Землей (Инь), персонифицированных в образе Идзанаги

и Идзанами, а в «Кодзики» мир был рожден тремя небесными богами. «В связи с этим, мы оказываемся перед двумя отдельными и противоречивыми преданиями. Согласно первому, космос развился самопроизвольно из изначального яйца, в котором сосуществовали два полярных принципа, последний из которых говорит о том, что великие боги всегда обитали на небесах, и именно они стали причиной Сотворения. Очень даже вероятно, что это второе предание, которое подразумевает предшествующее существование изначального и всемогущего небесного бога, хронологически более древнее, так как в японской космологии это предание уже на пути к исчезновению» [5, 208].

По М. Элиаде, хронологически, «Кодзики», повествующее о трех небесных богах — Творцах мира, относятся к архаике японской истории — к эпохе палеолита, тогда как «Нихон секи», в котором мир возник в результате космической иерогамии, принадлежат эпохе неолита. В качестве причины, объясняющей отсутствие иерогамии в эпоху палеолита, Элиаде выдвинул гипотезу о андрогинности Высшего существа, которое уже изначально содержало в себе иерогамию, т. е. одновременно было и мужчиной, и женщиной. «Андрогинность является архаической и универсальной формулой выражения целостности, сосуществования противоположностей или *comcidentia oppositorum*» [5, 201]. Если применить концепцию андрогинности к трем небесным богам синтоизма (Амэ-номинака-нуси-но ками, Така-ми-мусуби-но ками и Ками-мусуби-но ками), то такими противоположностями здесь выступают Така-ми-мусуби-но ками и Ками-мусуби-но ками. Ведь, как показали идеографические и этимологические изыскания «Национальной школы науки», Такаимусуби на китайском языке называлось Камуроги, а Камимусуби — Камироми, где «ками» есть божество, «ро» — высокое, «ги» — «мужское», «ми» — женское, а буквально Такаимусуби и Камимусуби есть «божественный мужчина и божественная женщина» [6, 114]. «Такаимусуби-но ками и Камимусуби-но ками — это так называемые Камуроги-но микото и Камироми-но микото, постольку Такаимусуби-но ками — божество мужское, а Камимусуби-но ками — божество женское»¹¹ [3, 282]. Причем не в значении парных божеств, а в значении изначальной андрогинности Высшего существа синтоизма как двух сторон одного Бога, мужской и женской

¹¹ На женскую природу Камимусуби-но ками указывал и отечественный исследователь Н.И. Кондрат: «Можно попутно заметить, что даже в составе первоначальной “троицы божеств” одно выступает в облике женщины: Камимусуби. Это следует из того, что в одном месте “Кодзики”, в мифе с Окунинуси, Камимусуби называется “миоя”, а это слово в своем начальном значении прилагалось только к женщине» [7, 3].

составляющих его целостности. «Можно сказать, — заключает Элиаде, — что такие “изначальные состояния” объясняют отсутствие иерогамии в древнейших религиях. В этих религиях космогония также играет важную роль, но весь интерес в них сосредоточен именно на самом акте творения. И теперь мы знаем, что все творение подразумевает предшествующую ему целостность, *Urgrund*» [5, 207].

Мы можем использовать концепцию Элиаде¹² об андрогинности Высшего существа к характеристике трех небесных божеств синтоизма, тем более что она подтверждается идеографическими и лингвистическими изысканиями, но, что совершенно неприемлемо для нас, так это представление о Высшем существе синтоизма как о Творце мира. Как известно, на взгляды Элиаде относительно архаических религий огромное влияние оказала венская этнологическая школа и, прежде всего, теория «прамонотеизма» Ф.-В. Шмидта, согласно которой вера в трансцендентного бога, который сотворил все «из ничего», была первичной по отношению ко всем другим первобытным верованиям. У самого же Элиаде в этом вопросе достаточно запутанная ситуация — идею творения он соотносит с немецким термином «*Urgrund*». Но Творец и «*Urgrund*» — два несовместимых друг с другом определения Бога. Дело в том, что «*Urgrund*» в переводе с немецкого языка означает первооснову и является одним из знаковых терминов немецкой мистики, который в истории религии и философии несет на себе определенную смысловую нагрузку. Из определения Бога как «*Urgrund*» следует пантеистическая религиозно-философская система, в рамках которой вопрос о происхождении мира приобретает форму «трансцендентальной теогонии»¹³ — рождения мира из Бога. Из определения Бога как Творца следует теистическая религиозно-философская система, предполагающая создание мира «из ничего». Поэтому здесь так: или Бог это «*Urgrund*», тогда Он есть первооснова, первопричина, первоначальная целостность, из которой рождается мир (эманационизм), или Бог это Бог-личность, создавший этот мир «из ничего» (креационизм) и оставшийся трансцендентным по отношению к этому миру.

¹² Хотя сам он ее применял к Идзанаги и Идзанами в «Нихон секи», тем самым, вступив в противоречие: 1) со своей собственной идеей о том, что «андрогинность» и «иерогамия» являются взаимоисключающими понятиями, принадлежащими к разным эпохам — палеолиту и неолиту, а 2) с тем, что Идзанаги и Идзанами были супружеской парой.

¹³ «Началом этого развития является, следовательно, основа в Боге, первооснова, безосновность (“*Urgrund*”), или бездна (“*Abgrund*”), как еще иначе ее называет Шеллинг. ... Таким путем оно постоянно порождает в боге... его самообнаружение, и... является, поэтому настоящей “трансцендентальной теогонией”» [8, 69].

Неразличение этих понятий приводит к терминологической путанице¹⁴, как это и случилось в отечественной литературе, когда три Небесных бога синтоизма определяются как «триада креационистских богов» и как «синтоистская троица». Достаточно указать на такое фундаментальное издание, как «Синто-путь японских богов», которое репродуцирует креационистскую точку зрения на природу трех небесных богов синтоизма, опираясь на хрестоматийный перевод текста «Кодзики»: «Когда впервые раскрылись Небо и Земля, имена богов, явившихся в Такама-но хара — Равнине Высокого Неба, были: Амэ-но-минака-нуси-но ками — Бог-Правитель Священного Центра Небес; за ним Таками-мусуби-но ками — Бог Высокого Священного Творения; за ним Ками-мусуби-но ками — Бог Божественного Творения» [10, 6—7], из которого видно, что Такамимусуби-но ками и Камимусуби-но ками в нем представлены как творческие божества. Основанием для этого является перевод слова «мусуби», входящее в состав этих двух имен, как «творить». Отсюда Такамимусуби-но ками «явился первым творящим непарным божеством» [11, 399], и вместе с Камимусуби-но ками обладал «силой творящего духа» [12, 241], а вместе три небесных бога синтоизма есть «триада креационистских богов» [11, 399, 400].

Но термин «мусуби» имеет и другое значение — «рождать». Исходя из такого его понимания adeпты «Национальной школы науки» говорят о трех небесных богах синтоизма не как о творческих, а как о порождающих божествах. «Итак, как сказано в “Размышлениях о трех частях Вселенной” (произведение Хаттори Накацунэ. — М.Э.)... все осуществлялось благодаря Порождающей силе (мусуби) двух великих богов-прародителей» [3, 284]. «Эти принципы заключаются в том, что небо, земля, все боги, предметы и явления этого мира в основе своей произошли благодаря тому, что называется все порождающим духом двух божеств¹⁵ — Таками-мусуби-но ками и Ками-мусуби-но ками» [13, 259]. «Поскольку же в иностранных государствах (в Китае. — М.Э.) истинный путь не передается из поколения в поколение, то там и не знают о способности Таками-мусуби-но ками и Ками-мусуби-но ками порождать все в мире, а создают всякие учения, наподобие тео-

¹⁴ Так, Е. Симонова-Гудзенко пишет: «В синто нет бога-творца», а далее: «Рассказ о творении мира в японской мифологии начинается с зачина более в духе китайской философии... В Кодзики говорится, что эти “несравненные небесные божества”, ...представлены только своими именами, которые несут всю их креационную силу», и «таким образом, явился Владыка Неба, два творящих божества...» [9, 74, 80, 81].

¹⁵ Из отечественных исследователей Ю.Д. Михайлова В.П. Мазурик переводят «мусуби» как «порождающий дух», «порождающая сила».

рий об инь-ян...» [13, 260]. Из такого понимания «мусуби» следуют пантеистические принципы мироздания, где все в этом мире есть порождение этих двух богов. О чем говорит и соответствующая этому процессу терминология: «порождающие боги», «порождающая сила», «прародители всего сущего», «единое» или «первосущее», содержащая в себе весь мир. В этом смысле синтоистское «мусуби» аналогично немецкому «Urgrund» или неоплатоническому Единому. Подобно тому, как у Плотина из Единого рождается мир, так «мусуби» выступает той «порождающей силой», жизненной энергией которой создается Вселенная, Япония, хозяйство и т. д.

Что касается второго, распространенного в отечественной литературе, определения трех небесных богов синтоизма как «“Троицы” синтоизма» [14, 358], то оно рождает ассоциацию с представлением о самозамкнутой и внутрибожественной жизни, подобной той, которая сокрыта в понятии «христианская Троица». Особенно, если такие специалисты в области сравнительного религиоведения, как Элиадэ, настаивают на трансцендентном характере трех небесных богов синтоизма, которые после создания мира удалились от исторического процесса, передав свои полномочия другим богам, выступив, по сути, «частичными Творцами» [15, 111]. На самом деле, Высшие боги синтоизма не трансцендентны, а имманентны этому миру и участвуют во всех, как мы увидим ниже, самых значимых событиях этого мира. Везде Небесные боги (включая трех с их андрогинной структурой — Идзанаги и Идзанами, Аматаэрасу) выступают как устроители, хранители и попечители этого мира. Кроме того, идея Элиадэ о трансцендентном характере трех небесных богов синтоизма противоречит принципу строгого «трансцендентизма» (С.Н. Булгаков), с точки зрения которого раскрытие имени Бога уже не есть признак его трансцендентности, ибо в имени раскрываются смысл и сущность божества, а сущность Бога не познаваема.

Подводя промежуточные выводы, можно сказать, что использование такой терминологии, как «триада креационистских богов», или «синтоистская троица», к исследованию архаических типов человеческого общества, описание которых дано в «Кодзики», не является корректным. Не только по причине того, что при помощи чуждого терминологического аппарата, принадлежащего более зрелым религиозным формам, пытаются классифицировать теологию синтоизма, но и по причине того, что в результате исследований мифов «Кодзики» вырабатывается свой собственный терминологический аппарат, исключающий необходимость в чужеродных заимствованиях. Примером этого могут служить такие понятия, как «андрогинность» и «партеногенез», противостоящие конфуцианскому понятию «иерогамия», а также такие

понятия, как «создание-утверждение» и «демиургия», противостоящие иудео-христианскому «креационизму».

Космология синтоизма

Итак, от века в пустоте пребывали три небесных божества, двое из которых обладали порождающей силой (мусуби), а потому все вместе они выступают порождающими божествами, родившими Вселенную, или «три мира» (Хирата), или «три части Вселенной» (Хаттори) — Небо (Солнце), Луну (Ёми) и Землю (Ухидзи). Это и есть три элемента синтоистской космологии.

Космогонический процесс, описанный в «Кодзики», выглядит как «трансцендентальная теогония», где каждый рожденный бог символизирует собой рождение нового элемента Вселенной. Сначала три небесных бога породили «нечто единое», или «первосущее», напоминающе почку тростника, из которой затем возникло два божества: Умасиасикаба-хикод-зи-но ками — Юноша — Бог Прекрасных Побегов Тростника, в имени которого «асикаби» означает распускающийся тростниковый побег, и Амэ-но-токотати-но ками — Бог Навечно Утвердившийся в Небесах, в имени которого «Амэ» означает «Небо». Вместе с тремя порождающими богами эти два бога есть пять «особых небесных богов» синтоизма. По мнению Хирата, который «первый отождествил Солнце с «Амэ» (Небом)» [2, 57], это «Небо» является тем, что мы сегодня называем «Солнцем»: «В древности и в Китае слово “тянь” (небо) означало солнце, а потому знак “тянь” был весьма точно выбран как соответствующий японскому “амэ”» [3, 288]. «Однако уже с давних времен “солнце”, как изначальный смысл слова “амэ”, было забыто и это слово стали понимать как “небо” [3, 288], тогда как древний смысл слова «амэ» не «небо», а «солнце». Короче, то, что распустилось вверх, стало Небом (Солнцем), а то, что проросло вниз, стало корнями, образовав страну Ёми (Страну мертвых), которую мы теперь видим как Луну.

Между Небом (Солнцем) и Луной находилась земля, которая «еще не вышла из младенчества, и, подобно всплывающему маслу, медузой носилась [по морским волнам]...» [9, 7]. Эта «плывущая страна» называлась Синей Равниной Моря, и это название говорит о том периоде ее существования, когда она еще не сформировалась и была жидкой землей, по сравнению с затвердевшей страной Ёми и воздушным Небом. О ее состоянии говорят имена первых родившихся земных богов — Ухидзини-но микото — Бог всплывающей Грязи и Сухидзини-но микото — Богиня Охлаждающего песка. «Эти боги родились в ту пору, когда из неопишемого хаоса вверх распустилось Небо, а вниз пустился росток страны Ёми, и впервые принявшая свой облик после этого

Земля (хидзи) была совсем еще юной, а потому и получила имя “Ухидзи”. Смысл же “Сухидзи” (песок и земля) в том, что первосущее постепенно стало приобретать очертания земли и песок с землей разделились» [3, 291]. Затем родились боги Цунугуи-но ками — Бог Твердых Свай и Икугуи-но ками — Богиня Таящих Жизнь Свай, имена которых говорят о том, что молодая земля нуждалась в более совершенной форме. Или, говоря другими словами, молодую землю, представляющую собой смесь грязи и песка, нужно было оформить, т. е. превратить в твердь.

Для этой цели на сцене истории появилась пятая, последняя пара земных богов — Идзанаги-но микото и Идзанами-но микото, смысл имен которых говорят о том, что это не просто мужское и женское божество («микото» есть божество, «ги» — мужское, а «ми» — женское), а «мужчина, Влекущий к себе, и женщина, Влекущая к себе» [6, 114], т. е. что это первая супружеская пара синтоизма — прародители Японии, которым небесные боги приказали завершить дело. Как видим, до этого момента, все рождалось естественным путем, но, как только был поставлен вопрос об образовании Земли, в синтоистской космологии произошел «прерыв пантеизма» (Е.Н. Трубецкой), когда прозвучало повеление небесных богов: «“Закончите дело с этой носящейся [по морским волнам] землей и превратите ее в твердь”, — молвив, драгоценное копьё им пожаловав, так поручили. Потому оба бога, ступив на Небесный Плавающий Мост, то драгоценное копьё погрузили, и, вращая его, хлоп-хлоп — месили [морскую] воду, и когда вытащили [его], вода, капавшая с кончика копьё, сгустившись, стала островом. Это Оногородзима — Сам Собою Сгустившийся остров» [9, 8] и стал островом, с которого началась Япония.

Божественный приказ «Закончите дело!» Хирата понимает как «Создайте-утвердите!». «Древнее предание гласит: “Тут все небесные боги повелели двум божествам — Идзанаги-но микото и Идзанами-но микото: создайте — утвердите эту плывущую страну”, — и пожаловали им Небесное Драгоценное Копьё» [3, 292]. Небесное Драгоценное Копьё («нубоко») в «Кодзики» имеет глубокий космологический и догматический смысл. Во-первых, Копьё, украшенное драгоценностями, является символом повеления: «Пять небесных богов, в особенности Порождающие божества, намереваясь поручить двум божествам создание и укрепление земной страны, передали им энергию порождения (мусуби — но митама), и священным знаком этого служило украшение» [3, 294]. И, во-вторых, Копьё является «Столпом» утверждения страны Японии. «Священный смысл Копья и острова, где оно было водружено — это главная скрепа Японии... Поэтому среди множества даров небесных богов Копьё в синтоизме аналогично иудейскому дару

Земли обетованной или заповедей Моисея» [3, 299]. Таким образом, в «Кодзики» Япония возникла в результате повеления небесных богов, а не в результате иерархии, как в «Нихон секи», «где сюжет... ассоциирован с порождением земли первопредками посредством полового акта» [16, 374] и где драгоценное копье выступает символом мужского начала. «Изанаки-но микото, Изанами-но микото, став на Небесном Плывущем мосту, друг с другом совет держали и рекли: “А нет ли там, на дне, страны?”. И вот взяли Небесное Яшмовое Копье, опустили его и пошевелили им. И нащупали они синий океан...» [4, 16].

Но ни в «Нихон сёки», ни в «Кодзики» нет речи о создании земли «из ничего», так как земля уже существовала до того, как ее «нащупали» на дне океана или «утвердили» посредством Копья. Процесс оформления Земли в «Кодзики» можно сравнить с процессом происхождения мира в метафизике Аристотеля, где мир чувственных вещей произошел в результате придания формы бесформенной материи¹⁶, которую в Древней Греции сравнивали с «лесом, строительным материалом», а в Японии с «грязью, песком, сваями» — все теми же строительными материалами. И разница между «созданием из ничего» и «созданием-утверждением» состоит в том, что «создание из ничего» предполагает, что и сама материя была создана «из ничего», а не существовала изначально, еще до момента создания мира, как это представляется в японском мифе и в аристотелевской метафизике.

Таким образом, Изанаги и Изанами выступили не «творцами всего сущего» [14, 358], а первыми реально действующими божествами, демиургами-строителями, которые своими физическими усилиями превратили землю из жидкого состояния в «сушу и японские острова». Земля, в том виде, в котором она существует, была образована не столько силой порождения, сколько силой действия, где Копье есть тот инструмент, при помощи которого руками Изанаги и Изанами — «силой замеса, вращения» — жидкая земля была превращена в твердь. Тем самым Земля, в отличие от Солнца и Луны, была не порождена, а сделана руками, где рукотворное, в буквальном смысле слова, венчает порожденное. Это важный момент синтоистской космологии — земля была не сотворена, и не столько порождена, сколько сделана. Вот в

¹⁶ Интересно, что в синтоистском описании начала мира используется та же терминология, что и в аристотелевской метафизике: придание Формы Хаосу аналогично приданию Формы материи у Аристотеля. «В те времена, когда Хаос уже начал сгущаться, но еще не были явлены ни Силы, ни Формы» [9, 1].

каком значении, на наш взгляд, нужно понимать повеление богов «Кодзики»: «Закончите дело!» — «Сделайте землю!»¹⁷. Исходя из такого понимания, небесные боги выступили участниками процесса производства земли, и не только потому, что Идзанаги и Идзанами произвели землю из уже готового материала, данного ими, но и потому, что они вручили Идзанаги и Идзанами Копьё, т. е. обеспечили их предметом и средством труда. И соответственно три небесных бога синтоизма выступили здесь не в качестве Творцов, создавших этот мир, и уже не столько Порождающими богами, а скорее демиургами-строителями — непосредственными участниками строительства этого мира и страны Японии. Замечательно, что в тексте «Кодзики» демиургическая терминология будет определяющей для характеристики их мирской деятельности: «Так, когда бог Оо-кунинуси-но ками (земной хозяин. — М.Э.) обращался за советом к разным богам, как ему строить страну, только Камимусуби сказала как — совместно с Сукуна-Бикона-но ками. ...Потому с тех пор Оо-намудзи и Сукуна-Бикона — два бога совместно эту страну строили-укрепляли» [9, 164].

И если до этого момента, когда все шло естественным путем, при характеристике трех небесных богов синтоизма мы исходили из понимания термина «мусуби» в значении «порождающей силы», то теперь после утверждения земли волевым приказом небесных богов, т. е. после «прерыва пантеизма», значение термина «мусуби» приобретает несколько иной смысл. Здесь «мусуби» выступает не как порождающая, а как производительная сила, а небесные боги не как порождающие божества, а как демиурги-производители. На эту мысль вышел уже Хирата: «Следует задуматься над проявлением Порождающей силы... этих... богов... и хотя они порой и производят такое впечатление, если вдуматься в их первопричину, она в том, что два божества, повинувшись велению небесных богов создать [земную] страну, по их слову произвели-утвердили ее...» [3, 305]. Этот же смысл трех небесных богов синтоизма был зафиксирован и в «Мифах народов мира» в статье «Камумисуби», в которой в единственном известном нам случае «мусуби» было переведено в значении «божественного производства», а Камимусуби-но ками был назван, как «бог божественного производства (творения)» [17, 619].

Возвращаясь к критике сторонников «креационистского подхода», как мы его определили, мы бы хотели заметить, что он включает в себя три принципиальных момента. Первый из них — это создание мира

¹⁷ Исследователи отмечают, что в этом месте «Кодзики» употребляется глагол «цукуру», из двух значений которого — «делать, создавать» [14, 370] мы отдаем предпочтение первому.

одномоментным актом Бога. Второй — создание мира «из ничего». Оба эти момента отсутствуют в мифах «Кодзики». Что касается первого, то в мифах «Кодзики» мы видели, по крайней мере, три этапа возникновения мира — между моментом зарождения тростниковой почки, из которой рождаются боги, появление которых символизирует различные стадии организации Вселенной, и вонзенным Копьём — символом появления Японии, лежит волевой приказ небесных богов «создать-укрепить» эту Землю. Поэтому мы бы не проводили аналогию между ветхозаветным Словом и синтоистским Копьём как важным божественным инструментом в оформлении стихии, но не единственным инструментом «создания-утверждения» мира в японском мифе. В последующем мы увидим и другие стадии возникновения мира, некоторые из которых даже будут признаны ошибочными. Так, например, когда Идзанаги и Идзанами вступали в брак, то Идзанами нарушила патриархальный (или демиургический) порядок, согласно которому первым должен говорить мужчина. Но «все же начали [они] брачное дело, и дитя, что родили, [было] дитя-пиявка... За ним Авасима — Пенный остров родили. И его тоже за дитя не сочли» [9, 9]. В «Нихон сёки» произошло то же самое — было рождено неудачное дитище — остров Апади. Тогда, расстроенные рождением неудачных детей, Идзанаги и Идзанами обратились к небесным богам и те разрешили им перезаключить брачный договор: «Тут небесные боги... изъявили свою волю: “Потому нехороши [были дети], что женщина первой говорила. Снова спуститесь и заново скажите”...» [9, 17].

Сторонники «креационистского подхода» видят в этом «двухступенчатый, с ошибкой акт творения», или «процесс творения с ошибками» [18, 79], который у нас ассоциируется с иудейской идеей о несовершенстве созданного мира, который нуждается в переделке. В этом ключе работает и представление Элиадэ о Высшем существе как о «частичном Творце», что само по себе уже предполагает идею «совершенствования Творения Бога» [19, 194] и со-творчество (соучастие) в нем человека. (В христианстве, с его взглядом на сотворенный мир, как на высшее божественное творение и на человека как на «тварь божью», это не допустимо.) Но, именно эта идея — «перестройка природы» — по причине или несовершенства созданного, как в иудаизме, или по причине «нарушения принципа демиургии», как в синтоизме, действительно окажется общей идеей для философии хозяйства иудаизма и философии хозяйства синтоизма. Их точкой соприкосновения, выступив в будущем в качестве идеологической санкции гмо-культуры, которая, по сути, является переделкой «несовершенного» традиционного земледелия.

Что касается второго момента теории креационизма — создания мира «из ничего», — то в очередной раз, уже на примере исследования японского мифа, подтверждается, что античность до прихода в мир иудео-христианского верования не знала идеи создания мира «из ничего».

И, наконец, третий момент теории креационизма. Это представление о трансцендентном божестве, которое, создав этот мир из ничего, отделилось от дел этого мира. Элиадэ, в рамках своего креационистского подхода, этот процесс назвал «феноменом постепенного вытеснения небесных богов». «Небесные боги теряют свою религиозную значимость, удаляются от Земли и человеческих существ и становятся маловажными — *diotiosi*. Вот что происходит в японской космологии. Какова бы ни была истина в отношении этих трех небесных богов, их функция ограничивается приказанием Изанами и Изанаги продолжить и завершить Творение. Они не вмешиваются в эту громадную работу. Их функция — духовного порядка» [5, 209], т. е. у Элиадэ небесные боги, в конечном итоге, превращаются в назидателей и отходят от дел мира, передав свои полномочия последующим богам, которые выступают пусть и «частичными», но все же самостоятельно действующими божествами. На самом деле, небесные боги синтоизма не превратятся в богов-назидателей, а продолжат демиургический процесс строительства этого мира во всех его аспектах, в том числе и в хозяйственном. Так, Камимусуби-но ками и Такамимусуби-но ками примут непосредственное и деятельное участие в организации и в управлении миром, а Камимусуби-но ками, выступив в роли демиурга-собирателя семян, станет еще центральной фигурой философии хозяйства синтоизма.

Итак, как мы видели, главная методологическая трудность в исследовании японского мифа, состоит в том, что к исследованию архаических типов человеческого общества (описание которых дано в мифах «Кодзики»), применяется более зрелая религиозная терминология, в большей своей части, заимствованная из иудео-христианского монотеизма. В свое время Элиадэ для лучшего понимания «сакрального в архаических культурах» предлагал освободиться от «школярских предрассудков» [15, 26] и не применять к их анализу такие ярлыки, как «пантеизм». Сам он, однако, отвергнув «пантеизм», протащил «креационизм» в исследование небесных богов синтоизма. Хотя, нужно признать, что опыт пантеистического прочтения мифов «Кодзики», который предложила «Школа национальной науки», обладает большим эвристическим эффектом в понимании японского мифа, чем «креационистский подход». Мы же исходим из того, что в мифе главное не проблема Бога, которая является в большей степени предметом изучения религии, а те модели космообразования, которые выстраи-

ваются, в зависимости от того, какое начало «мирового мифа» — Небо или Земля — будут преобладать в данной конструкции. В мифах «Кодзики» будет выстраиваться демиургическая концепция мироздания и соответствующая ей демиургическая концепция земледелия.

Литература

1. *Jacobs N.* The Origin of Modern Capitalism and Eastern Asia. Hong-Kong, 1958.
2. *Satow E.M.* The Revival of Pure Shin-Tau // Transactions of the Asiatic Society of Japan. Vol. 3 (1875). Appendix 1-87.
3. *Хирата А.* Истинный священный столп духа // Синто — путь японских богов: В 2 т. Т. 2. Тексты синто. СПб., 2002.
4. *Нихон сёки* — *Анналы Японии* // Синто — путь японских богов: В 2 т. Т. 2. Тексты синто. СПб., 2002.
5. *Элиадэ М.* Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996.
6. *Satow E.M.* Ancient Japanese Rituals // Transactions of the Asiatic Society of Japan. Vol. 7. (1879).
7. *Конрад Н.И.* Лекции по истории Японии (1936/1937 уч. год). Ч. 1. М., 1937.
8. *Виндельбанд В.* История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. СПб., 1913.
9. *Симонова-Гудзенко Е.К.* Ками и космогония // Синто — путь японских богов: В 2 т. Т. 1. Очерки по истории синто. СПб., 2002.
10. *Кодзики.* Записи о деяниях древности // <http://litfile.net/book/285482/242000-243000>.
11. *Комментарии Когосюи* // Синто — путь японских богов: В 2 т. Т. 2. Тексты синто. СПб., 2002.
12. *Карелова Л.Б.* О трактате «Душа бога Наоби» Мотоори Норинага // Синто — путь японских богов: В 2 т. Т. 2. Тексты синто. СПб., 2002.
13. *Мотоори Н.* Тама Кусигэ — драгоценная шкатулка для гребней // Синто — путь японских богов: В 2 т. Т. 2. Тексты синто. СПб., 2002.
14. *Комментарии Кодзики* // Синто — путь японских богов: В 2 т. Т. 2. Тексты синто. СПб., 2002.
15. *Элиадэ М.* Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999.
16. *Комментарии Нихон сёки* // Синто — путь японских богов: В 2 т. Т. 2. Тексты синто. СПб., 2002.
17. *Симонова-Гудзенко Е.К.* Камимусуби // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Под ред. С.А. Токарева. М., 1988.
18. *Симонова-Гудзенко Е.К.* Когосюи // Синто — путь японских богов: В 2 т. Т. 2. Тексты синто. СПб., 2002.

19. *Элиадэ М.* Азиатская алхимия. М., 1998.

Р.Е. СОКОЛОВ

Современная каноническая философия хозяйства в изложении Русской православной церкви

Аннотация. Статья посвящена православной концепции институциональной трансформации и развития России в XXI в.

Ключевые слова: государство, ответственность, сотрудничество, РПЦ.

Abstract. The article is devoted to the orthodox concept of an institutional transformation and development of Russia in the XXI c.

Keywords: the state, responsibility, cooperation, ROC.

Целью статьи является анализ постановлений Архиерейского Собора (август 2000 г.) в виде «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви». Задачей церкви Собор провозглашает спасение человека, его души, в качестве ее прямой обязанности, а также восстановление мирного сосуществования всего людского сообщества как обязанности производной. Церковь призывает мирян активно включаться в общественную жизнь, следуя нормам христианской морали.

1. Церковь и государство. В силу того, что церковь функционирует в государстве, вступая в различные отношения с государственной властью и с хозяйствующими субъектами, она не ограничивается только проповедью, но использует эти отношения с целью укоренения ответственности и мира, в том числе через благотворение независимо от религиозной принадлежности того, к кому она обращается. Основную задачу церковь видит в противодействии национализму и межэтническим конфликтам.

Выступая в качестве активного элемента общественной жизни, церковь занимает подчиненную позицию государственной власти. Возвышение церковью роли государства в православном, равно как и в католическом учении, связано с тем, что, по церковному Преданию, после грехопадения Первого человека — Адама — стало распространяться насилие, которое необходимо было сдерживать, чтобы сохранилось человечество. Для подобного сдерживания понадобился аппарат подавления насилия, чья функция была возложена на государство, точнее, на закон в лице государственной власти, поскольку церковь по

своему статусу не должна проявлять насилие. Здесь мы видим фактическое принятие православием католического принципа субсидиарности.

Однако церковь недвусмысленно заявляет, что, несмотря на требование подчинения властям, государственная власть не должна заменять Бога, не должна абсолютизироваться. Так, задачей церкви является спасение душ людей, а государства — гарантия их благополучия. Для этого государство использует силу, а церковь — проповедь и таинства. Взаимодействие церкви и государства на субсидиарной основе, с точки зрения Собора, идет на благо народу, если государство позволяет церкви посредством проповеди укреплять этическую составляющую человека, не ограничивая свободу совести граждан, а церковь публично поддерживает государство в реализации его целей, направленных на заботу о благополучии граждан. Именно такой симбиоз, точнее, симфония церкви и государственной власти сформировались в странах православной традиции, начиная с Византии и продолжаясь до современной России.

Но не всегда отношения государства и церкви развиваются гармонично. Бывает так, что государственная власть принуждает верующих изменить их «Credo», тогда церковь выражает готовность вступить в диалог с властью и, как крайний случай, призвать своих последователей к акции гражданского неповиновения, которое, однако, должно проходить ненасильственными способами без причинения вреда кому-либо.

Собор представляет перечень тех сфер, в которых на момент опубликования его документов государство и церковь могут вести плодотворное сотрудничество, в частности, миротворчество, поддержка физического, душевного и духовного здоровья индивида, семьи и общества, государства, а также благотворительность, культура и искусство, экология и проч. В то же время Собор 2000 г., ссылаясь на другой Архиерейский Собор, проведенный в Москве с 29 ноября по 2 декабря 1994 г., перечисляет те сферы, где сотрудничество государства и церкви невозможно. Речь идет, прежде всего, о политических акциях, военных и разведывательных действиях. Данный перечень не означает, что церковь должна самоустраняться из политической жизни. Напротив, ей следует при необходимости всегда выражать свое мнение посредством Соборов и уполномоченных на то лиц, а позиция православных мирян с учетом христианской морали должна быть еще активнее. Православные политики же должны аккуратно принимать решения, понимая степень своей ответственности.

Итак, в отличие от Католической Православная церковь в лице Московского Патриархата считала государственную власть не столько

богоданной, сколько продуктом исторического развития, отводя себе более весомую роль в хозяйственной этике, претендуя де факто на место нового субъекта хозяйства (пп. 1 — 5).

2. *Труд и собственность*. Концепции труда и собственности в православном социальном учении только начинают разрабатываться. Это объясняет, можно сказать, конспективный характер их представления в документах Собора по сравнению с католическим учением. Отметим высокую степень схожести основных идей данных разделов, связанную с общностью исповедания религиозных ценностей, к которым относятся труд и собственность.

Собор указывает, что изначально в труде человек по своей природе проявлялся как сотворец, но со временем, после грехопадения, творческий элемент уменьшился и труд стал лишь источником средств существования. Развивая концепцию труда, Собор подчеркивает, что труд становится ценным тогда, когда он осуществляется не в эгоистических и аморальных целях, а в целях пропитания и подаяния. Если труд идет на благо человека, то церковь не разделяет его по видам и не дает предпочтения каким-либо из них. Но она осуждает труд, направленный против человека, против его души. Собор указывает на необходимость его временного прерывания с тем, чтобы человек не отступал от Бога, т. е. от нравственной практики. В отличие от католического учения еще не получила развития тема общения в семье и с семьей.

Важным моментом в учении Собора выступает безусловное требование церкви о праве работника на заработную плату. Те же, кто не могут трудиться по уважительной причине, должны поддерживаться обществом, которое, в свою очередь, должно следить за справедливым распределением продуктов труда. Стоит отметить, что Собор пока не указывает прямо на необходимость различия нагрузки по полу и возрасту, как это делают католическое и протестантское учения.

Говоря о собственности, Собор начинает с ее определения в духе теории прав собственности Рональда Коуза: «Под собственностью принято понимать общественно признанную форму отношения людей к плодам труда и естественным ресурсам. В число основных полномочий собственника обычно включают право владения и пользования, право управления и получения дохода, право на отчуждение, потребление, изменение или уничтожение объектов собственности» (п. 7.1).

Церковь понимает необходимость наличия определенной собственности для обеспечения достойного существования человека, однако она подчеркивает, что, во-первых, не дело церкви определять права людей на собственность, во-вторых, не следует слишком сильно превозносить материальные блага и, в-третьих, наличие собственности не означает, что человек более угоден Богу, чем тот, у кого ее нет. В

третьем пункте мы видим прямое противопоставление православного социального учения с протестантизмом в лице протестантских цвинглианства и кальвинизма.

Церковь признает наличие разнообразных форм собственности, отдавая предпочтения какой-либо из них, и напоминает, что использование собственности может иметь как негативные, так и положительные последствия. Погоня за богатством может скорее навредить человеку, нежели сделать его счастливым. В такой трактовке собственности мы видим определенные отличия православного учения от католического. Ведь в глазах католических канонистов собственность дает человеку уверенность в будущем, открывает перед ним двери к благосостоянию и делает человека скорее счастливым, чем несчастным. Однако Католическая церковь рассматривает собственность как инструмент, а не как самоцель, осуждая ее превознесение вплоть до обоже-ния, что вновь сближает католичество и православие.

Тем не менее церковь, ссылаясь на Священное Писание и Предание, не осуждает богатство, если оно используется на благо собственника и его близких. Собор выступает в защиту права собственности. Если право собственности нарушается, то пострадавшей стороне должна быть предоставлена соответствующая компенсация, иначе это оборачивается социальными осложнениями.

Поднимая вопрос налогообложения, церковь особо выделяет собственность религиозных организаций и настаивает на том, чтобы пожертвования не облагались налогом. Собор подчеркивает, что облагаться налогом должны предпринимательские доходы; обложение же пожертвований есть преступление против верующих.

Итак, хотя православное учение о собственности (пп. 6 — 7) не отличается детальностью католического, здесь есть одно важное новшество, а именно требование РПЦ о недопущении налогообложения пожертвований, чего нет у католиков.

3. Международные отношения. Тема международных отношений в православном социальном учении сводится к обоснованию и при необходимости восстановлению справедливости в отношениях субъектов хозяйства разных стран и созданию условий, гарантирующих реализацию максимального блага и мирного удовлетворение их взаимных интересов.

В области международных отношений Православная церковь развивает канонический принцип солидарности, что проявляется в ее рекомендации народам создавать единый организм многонационального государства. Церковь предупреждает, что этот союз не должен быть направлен против третьей стороны, но она допускает разделение многонационального государства, если это идет на пользу какому-либо

народу или не во вред большинству общества. Собор упоминает о необходимости любви к ближним и к отечеству, а также понимания нужд других народов и недопустимости использования безнравственных средств в служении своему народу.

Церковь, по сути, признает завышенность предлагаемых моральных норм и трудность их практической реализации, однако считает, что именно благодаря им удалось разработать высокие правовые нормы и ограничить агрессию. На основе Писания Православная церковь рассматривает мир глубоко трансцендентно — как плод правды в союзе с Богом. Однако для человека — это не только дар Божий, но и задача, возложенная на него Творцом. Если эта задача не выполняется, то мир теряется.

Церковь заявляет, что делает все для поддержания мира во всем мире, обращаясь с призывами к обличенным властью направить все силы к восстановлению мира и остановке пропаганды насилия. Если все же справедливость и мир нарушаются, то для их восстановления развивается теория оборонительных войн на основе канонического средневекового учения о справедливых войнах как крайнего средства восстановления прав народа на мирное существование. В данном случае РПЦ позиционирует себя более активной в деле миротворчества по сравнению с Католической церковью. Не высказывая прямо приверженность принципу субсидиарности, Православная церковь ратует за создание таких политических и экономических союзов, участники которых ставят целью взаимную защиту интересов в политической и экономической сферах, а также в деле противодействия агрессии.

Рассматривая вопросы международных договоров, Православная церковь вслед за Католической усматривает в них опасность их прева-лирования над суверенитетом стран в экономической, политической и военной областях. Собор указывает на плюсы и минусы глобализации как следствия развития сотрудничества между странами в виде ускорения темпов экономического роста и вовлечении в него новых стран, но и в опасности доминирования сильных и богатых государств над слабыми и бедными.

Участие в международных организациях требует от правительства раскрытия гражданам всей информации о последствиях такого членства и принятия различных договоров, а также поддержки интересов своего народа. Международные организации, с точки зрения РПЦ, должны обеспечивать условия равенства, самоопределения всех стран-участниц, соблюдения интересов их граждан, но не агрессию внутри страны.

Развивая вопрос о глобализации, церковь весьма негативно высказывается о транснациональных корпорациях, остающихся неподкон-

трольными правительствам, особенно о финансовых спекуляциях, оказывающих негативное влияние на мировую экономику. Вследствие этого природа труда становится подчиненной природе капитала, что противоречит каноническому социальному учению как Православной, так и Католической церкви. РПЦ обеспокоена тем, что плодами глобализации пользуются в основном богатые страны часто за счет бедных. В связи с этим Собор настаивает на установлении контроля над крупными компаниями и над финансовой сферой, призывая государство, граждан и международные организации к сочетанию культурного и информационного обмена с поддержкой самобытности наций и сообществ. Решение вопроса контроля над экономической и финансовой сферой церковь видит в заботе о духовном совершенстве людей и их социальном равенстве. Собор выступает против разрушения национальных культур и коммерциализации творчества, отождествляя их с разрывом культурно-этнической общности.

Церковь уделяет большое внимание экологии и охране природы, подчеркивая недопустимые масштабы отходов, хищнического потребления и неправильной агротехники, что препятствует справедливому распределению ресурсов в мире и ведет к глобальной катастрофе. В этом вопросе Православная церковь также разделяет точку зрения Католической, однако православие идет дальше. Оно призывает к защите экологии и строительству производственно-хозяйственных отношений с природой на основе геоцентризма, точнее, теоцентризма, когда природа воспринимается как целокупность человека и окружающего его мира в качестве Божьего дара, а ее уничтожение — как действие, направленное против источника бытия — Бога. Объясняя существование экологических проблем в современном мире, РПЦ связывает их с испорченным и противоречивым внутренним миром человека.

Итак, в международных отношениях наравне с Ватиканом Собор акцентирует важность контроля международной деятельности в духе субсидиарности и солидарной поддержки экономически слабых наций без лишения их прав самоопределения. О нуждах других народов РПЦ по сравнению с Ватиканом говорит без какой-либо конкретики, вероятно, из-за тяжелого положения в России. Способы решения проблем предполагают выход в сферу трансцендентного. Отметим более серьезный подход РПЦ к анализу экологии природы и человеческого духа (пп. 8, 13, 16).

Т.Н. ЮДИНА

Новый домострой как конституирующая универсальная перспективная хозяйственная система без домостроевщины (новые идеи и концепты)

Аннотация. Рассматриваются глобальные инновационные созидательные идеи и концепты в контексте теонимического феномена нового домостроя и россияевидения. Раскрывается суть тотального кризиса «европейской науки». Исследуется конституирующая (законная) универсальная хозяйственная система.

Ключевые слова: геохозяйственные перемены, время смыслов, идейно-концептуальная работа, школы стратегирования, глобальные инновационные созидательные идеи и концепции, Новый домострой.

Abstract. Global innovational constructive ideas and concepts in the context of theonomical phenomenon of neo domostroy and the vision of Russia are concerned. The essence of the total crisis of «European science» is revealed. The constitutional (lawful) universal economic system is studied.

Keywords: Geoeconomic changes, the epoch of meanings, ideological and conceptual work, schools of strategizing, global innovational constructive ideas and concepts, the Neo domostroy.

В современной геополитической игре, преимущественно без правил, в эпоху геохозяйственных и других перемен, глобальной и мировой информационных войн и не только, развернувшихся между великими державами, объединенной Европой (ЕС), признавшей итоги «холодной войны» и примкнувшей к США как победителю в ней, основными структурами глобального сформировавшегося рынка (транснациональными компаниями, транснациональными банками, международными финансовыми центрами), идейно-политическими организациями, криминальными и террористическими группировками, *идеи и концепты* (разной природы и происхождения), а не военная мощь и даже не экономическое богатство, в том числе деньги, приобрели первостепенное значение. На съезде политологов летом 2014 г. отмечалось, что сейчас наступает *время смыслов*. Ю.М. Осипов подчеркивает, что «за Европой и Америкой, за их возвышением всегда *стояли идеи и концепты* (курсив мой. — Т. Ю.), стоят они за их величием и сейчас» [1, 236]; так же, как вслед за Индией и Китаем, мусульманскими странами, СССР, «*большая идейно-концептуальная работа* (курсив мой. — Т.Ю.) ожидает и новую Россию, ежели она хочет не проиграть, а выиграть — для себя» [1, 236]. Тысячелетняя идеологическая тради-

ция позволяет быть России на информационном поле битвы не только равновеликим игроком, но и победителем.

К настоящему времени сложились особые *школы стратегирования* как сверхдолгосрочного идейно-концептуального продвижения и планирования достижения мечты, миссии (на протяжении цивилизационного периода), такие как американская, китайская, российская и др. Например, китайская школа стратегирования сегодня свою задачу видит в возрождении Великого Китая и великой китайской нации, отсюда черпаются мощь Поднебесной и ее положение в мире.

В XXI в. наблюдается востребованность глобальных инновационных созидательных идей и концепций. Среди них — *новый домострой* (*neo domostroy*). Это — конституирующая универсальная перспективная система хозяйствования, а также жизнедеятельности человека и человечества [2, 18], а также целостная экономическая система с конструктивными принципами, институциями, инструментами и функциями. Она отличается от хрестоматии, основанной на ростовщичестве, паразитизме, нетрудовом богатстве, как разрушительной и потому типичной экономической антисистемы. Методологическим основанием нового домостроя является синергия, а не рефлексия, философия хозяйства как знание-размышление и мировоззренческое учение. Текономический феномен нового домостроя открывается посредством стратегирования как культурно-философско-хозяйственно-исторического целостного и лишь отчасти математического метода. Потребность в познании и реализации нового домостроя (без так называемой домостроевщины, которой де-факто не было никогда, ее просто придумали либо идеологические противники Государства Российского, либо наши соотечественники, которые в подлиннике не прочитали «Домострой») как гармонической, самоподдерживающейся и самодостаточной хозяйственной системы, а также в усвоении великих идей царей и отечественных мыслителей, прежде всего мыслителей-энциклопедистов, очевидна. Пора осмыслить ДОМ и дом и новый домострой, заняться россиевидением, возрождением и воскресением России.

Пришло время расстаться с «европейской наукой» как рациональной и всезнающей, ставшей врагом жизни и смысла. Еще в XIX в. В.А. Кокорев — «новый Посошков» — призывал просвещенных россиян: «*Пора домой!*». Наступила пора учиться основам нового домостроя, чтобы управлять новым живым хозяйственным организмом посредством новых идей и концепций, нового мышления (известно, что такая задача ставилась, например, во времена перестройки), даже просто мышления и стратегического мышления, а также философии хозяйства, тесно связанной с метафизикой.

«Европейская наука», зародившаяся в эпоху Модерна, во времена Ренессанса, поставившего человека наравне с Богом, и принявшая современные классические формы в духе идеологии материализма Фрэнсиса Бэкона Веруламского, в век Просвещения, когда человека возвысили над Богом, а науку — над религией — в эпоху Постмодерна, — попала в тотальный кризис. Многие европейские философские учения как методологическая основа «европейских наук» имеют инфернальную природу и одновременно подкрепляются силами политической, финансовой и СМИ. Порабощение человеческого ума, страдания мира происходят в результате «философских учений», созданных на основе гордыни человеческой, а не истины.

Французский философ Рене Генон, который, согласно оценке Серафима Роуза, учил «искать и любить Истину, ставить ее превыше всего и не довольствоваться ничем иным», точно определяет, что «современная наука может быть с полным основанием названа *«невежественным знанием», знанием низжайшего порядка* (курсив мой. — Т.Ю.)» [3, 55]. Р. Генон, правильно позиционируя «европейскую науку», пишет: «У этой науки нет никакой высшей цели и никакого высшего принципа... Безнадёжно замкнувшаяся в узкой области, в которой она стремится объявить себя независимой, и потому обрывающая все связи с *трансцендентной истиной и высшим знанием*, эта наука есть лишь *пустое и иллюзорное псевдо-знание* (курсив мой. — Т.Ю.)» [3, 55].

Однако в России либералы от так называемой экономической науки по-прежнему вслед за «евриканцами» [4, 19] продвигают экономикс. Они не слышат и голоса английской королевы Елизаветы, утверждающей, что Лондонская школа экономики находится в кризисе. Либералы продолжают заправлять финансово-экономическим блоком в российском правительстве, «кудринская петля» по-прежнему сдерживает хозяйственное развитие отечественного хозяйства, воспроизводит искусственный денежный голод, социальную напряженность.

Главный мыслевед XX в. М. Хайдеггер поставил точный диагноз отошедшего от Бога современного общества — *бездумность*. Ю.М. Осипов пишет о «безумии». М. Хайдеггер констатирует: «Бездумность — зловещий гость, которого встретишь повсюду в современном мире. Усиливающаяся бездумность проистекает из болезни, подтачивающей самую сердцевину современного человека. Сегодняшний человек спасается бегством от мышления» [5, 103—104].

«Пора домой», пора отойти от туманов «европейской науки», особенно в области финансов, когда отсутствует даже определение экономики. Многие российские студенты определяют сегодня экономику

как «умение делать деньги», т. е. фактически позиционируют хрематистику. Пора последовать великому строителю Отечества — прп. Сергию Радонежскому, чей 700-летний юбилей Россия отметила в 2014 г. Русский дом как «великий Дом Царя нашего» строился на «камне веры», а не на «песке человеческих мнений», не на «зыбком песке мнений людских» [6, 206], ибо целью, миссией Государства Российского было всегда дать миру веру, истину.

Г.В. Свиридов утверждал: «О России петь, что стремиться в храм», Д.И. Менделеев предлагал ввести научную дисциплину россиеведение. Пора отойти от А. Смита, смешавшего аристотелевские ойкономикос и хрематистику в одном флаконе и положившего теоретико-методологические основы рыночной капиталистической экономики, и позиционировать Ивана Тихоновича Посошкова — первого экономиста-домостроителя в мире, написавшего (почти на полвека раньше, чем А. Смит) свой знаменитый труд «Книга о скудости и богатстве» (1724); создавшего беспрецедентное учение о невещественном богатстве — правде.

Автору данных тезисов в своей докторской диссертации на тему: «Эволюция учения о домостроительстве в контексте формирования экономической системы России вторая половина IX — начало XX вв.» [7] удалось выявить фундаментальные институциональные категории в учении о домостроительстве, определяющие характер, направленность и результативность функционирования и развития конкретно-исторических экономических систем: *идеология* (совокупность духовно-нравственных ценностей, отражающих отношения отдельного человека и общества к труду, собственности и богатству); *цель* (совокупность общих, корпоративных и частных экономических интересов и приоритетов, характеризующая направленность действия и развития общественного хозяйства в диапазоне от «чистого» домостроительства до «чистой» хрематистики); *механизм* (способ достижения вышеуказанных целей). Удалось также научно доказать, что *правда* является *клеточкой хозяйственной домостроительной системы* [2, 18].

Как известно, *правда* актуальна всегда. Нас же учили по К. Марксу, что товар — клеточка, по К. Менгеру — потребности. Вот и строится капитализм как потребительское общество на основе как раз хрематистики, а не ксенофоновско-аристотелевского ойкономикоса-домостроя [8], результатами чего явились «потреблятьство» [9] и апокалиптический кризис. Однако еще А. Маршал утверждал, что только экономика и религия влияют на ход мирового развития. На основе заимствованной экономической теории, западных моделей менеджмента, на «зыбком песке мнений людских», а не на «камне веры» нового домостроя развивалось и *российское управление*.

В заключение вспомним слова А.С. Пушкина: «Россия, встань и возвышайся!». Нам предстоит большая идейно-концептуальная работа на ниве нового домостроя, новой науки управления для *победы новой России*.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Наедине с Софией. Метафизические реалии // Философия хозяйства. 2014. № 4.
2. *Юдина Т.Н.* Новый Домострой. Конституирующая универсальная перспективная экономическая система России. М., 2014.
3. *Генон Р.* Кризис современного мира. М., 1991.
4. *Шулевский Н.Б.* Конец науки: реальность или трансформация? // Философия хозяйства. 2014. № 4.
5. *Хайдеггер М.* Отрешенность. М., 1991.
6. *Филарет, митрополит Московский и Коломенский.* Слова и речи. Т. 3. М., 1877.
7. *Юдина Т.Н.* Эволюция учения о домостроительстве в контексте формирования экономической системы России (вторая половина IX — начало XX вв.). М., 2009.
8. *Юдина Т.Н.* Экономика — Домострой — Ойкономикос — Нехрематистика. М., 2008.
9. *Де Грааф Дж.* Потреблятельство: Болезнь, угрожающая миру. М., 2003.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**



А.З. НОВАК, К. РЫЧ

Европа нуждается в либеральном Кейнсе

Аннотация. Рассматриваются проблемы экономического развития стран Европейского союза, темпов роста и конвергенции менее продвинутых стран, выравнивания уровней ВВП в рамках еврозоны, безработицы и инфляции. Утверждается, что необходимы принципиальные преобразования в области экономической политики Евросоюза.

Ключевые слова: Европейский союз, конвергенция, еврозона, дивергенция, экономическая политика.

Abstract. The article is devoted to the problems of the European Union countries economic development, growth rates and convergence of less advanced countries, equalizations of the GDP levels within the EU, unemployment and inflation. The author affirms basic transformations to areas of economic policy of the European Union are necessary.

Keywords: European Union, convergence, divergention, economic policy.

Механизм конвергенции и свободный рынок

Образование зоны общей валюты должно ускорить экономическое развитие менее продвинутых стран Евросоюза. В основном это страны Южной Европы. Введение механизма конвергенции должно стать важным делом свободного рынка. У менее развитых стран были некоторые преимущества в виде более низкой зарплаты, больших ресурсов рабочей силы и меньшей насыщенности капитала. И образовалась благоприятная схема: дешевые неиспользуемые ресурсы — факторы производства Юга; изобилие капитала в странах Севера еврозоны; низкие процентные ставки и легкодоступный кредит.

Предполагалось, что эти факторы ускорят темпы экономического роста менее развитых стран и со временем приведут к выравниванию уровней ВВП во всей еврозоне. Страны богатого Севера должны были воспользоваться ускоренным развитием Юга. К сожалению, эти расчеты не оправдались. «Невидимая» рука свободного рынка зачастую не лучшим образом «руководила» инвестициями или потоками перелива капитала. Вместо ожидаемой конвергенции произошла и развивается дивергенция. Экономики стран Юга стали неконкурентоспособными по отношению и к странам Севера Евросоюза, и к другим коммерческим партнерам из-за слишком сильного евро, образованного экономически сильным Севером.

Проблемы реальной конвергенции были вызваны рядом неблагоприятных явлений:

- большим притоком капитала с Севера и одновременно ничтожными прямыми инвестициями оттуда;
- относительно небольшим ростом прямого торгового обмена в рамках еврозоны;
- нередко неподходящими инвестициями, финансируемыми кредитом из притока капитала, что вызывало спекулятивные пузыри (Испания, Ирландия);
- ростом государственного долга, примером являются такие страны, как Греция, Португалия, Италия;
- ростом издержек труда в секторах необмениваемых благ и услуг, что в случае стран с более низким уровнем развития в еврозоне принесло эффект Баласса—Самуэльсона — а именно: рост инфляции;
- стабильным для этих стран курсом евро валюты и высокой инфляцией, которые снизили конкурентоспособность по отношению к другим торговым партнерам;
- открытой глобальной экономикой, очень выгодной для богатого Севера еврозоны, оказавшейся совершенно невыгодной для Юга;
- деиндустриализацией Юга еврозоны.

Инвестиции, финансируемые притоком капитала в страны Юга, направлялись в сектор необмениваемых (некоммерческих) благ. Коммерческий сектор экономики не выдержал конкуренции ведущих производителей с Севера и дешевых производителей Востока Европы.

Накапливающиеся экономические проблемы вследствие процесса дивергенции сглаживались хорошей конъюнктурой. Однако ситуацию полностью выявил глобальный кризис 2007—2009 гг., конец которого еще не виден, несмотря на некоторые симптомы улучшения конъюнктуры.

Необходимость спасти банковскую систему за счет бюджетных средств четко показала слабость экономик стран Юга. Стремительно стали расти государственный долг и уровень задолженности Юга перед кредиторами стран Севера. Сложившееся положение довольно точно описал Джордж Сорос. По его мнению, вначале Евросоюз предполагался как добровольная ассоциация равных стран, которые пожертвовали частью своего суверенитета для общего блага. Однако, утверждает он, кризис евро преобразовал его в принудительный союз неравных государств, разделившихся на должников и кредиторов. У кредиторов — власть, а должники стали гражданами второй категории и должны быть послушными диктату стран, «держущих кошельки».

Быть может, мнение о диктате кредиторов по отношению к должникам немного преувеличено, здесь более мягкие формы, но оно отра-

жает сущность зависимости более слабых государств от сильных. Большой долг дополнительно ослабляет позицию должников, которых настойчиво склоняют к еще более жесткому ограничению расходов. В качестве образца приводится Германия, которая потуже затянула пояс во время хорошей конъюнктуры и почти 10 лет тому назад провела реформы, в основном касающиеся рынка труда. Сохранению экономического роста помогает ей также экспорт, выравнивающий снижение внутреннего спроса в период замедления. Зато жесткое ограничение расходов сегодняшними должниками привело к снижению их ВВП, росту безработицы и росту, а не снижению долга (в частности, вследствие высоких процентов, выплачиваемых на рынке облигаций).

Процесс дивергенции экономик еврозоны уже стал фактом, но более серьезная проблема заключается в том, что это явление нарастает. К временным, конкурентным преимуществам стран Севера прибавились высокие издержки кредитов как для правительств, так и для фирм и домашних хозяйств. Тяжесть растущих издержек кредита уменьшает шансы Юга на конкуренцию на едином рынке.

Как долго должники могут оставаться в этой ловушке? И изменит ли экономическое оживление, которое, вероятно, произойдет, нынешнее положение стран юга? Надо, однако, осознавать, что особенно затруднительной и сложной станет разрядка напряженности, возникшей сейчас на рынках труда в этих странах. Напряженность не только вызывает общественные конфликты, но и подрывает доверие к сложившейся модели европейской интеграции.

Следует отметить, что анализ причин, подтверждающих преобразования на рынке труда, является существенным элементом спора на тему целесообразности воздействия государства на занятость и безработицу. А. Войтына считает, что «если не происходит безотлагательное уравнивание рынка труда, возникает место для активной макроэкономической политики» [1]. Он утверждает, что ограничения гибкости зарплаты являются причиной того, что частный сектор не может прямо на них реагировать. Если правительство сумеет эффективнее приспособить свою политику и быстрее, чем частный сектор, реагировать на шоки, тогда возникнут условия для традиционного кейнсианского управления спросом. Эти два мнения хорошо отражают сущность вопроса, касающегося сегодняшнего высокого уровня безработицы в еврозоне. Нельзя упускать из виду, что реализация ошибочной фискальной политики и в результате сохранение слишком высокой задолженности государства в ситуации внешнего шока, каким оказался кризис 2009—2011 гг., привели к отрицательным последствиям, хотя и неодинаковым для стран еврозоны. Страны со стабильными финансами располагали соответствующими бюджетными резервами, которые могли быть направлены на амортизацию отрицательных последствий

кризиса. В результате они существенно смягчили рост безработицы. Зато странам, которые исчерпали возможности использования инструментов фискальной политики, в момент появления первых внешних шоков пришлось ввести значительные и болезненные ограничения государственных расходов и искать внешней помощи у партнеров по Евросоюзу в виде сокращения задолженности или очередных кредитов.

Что сегодня нужно Евросоюзу, особенно еврозоне, чтобы он мог выйти из клинча, в котором оказался? Эффективным оказался метод контроля за макроэкономическим положением стран — членов ЕС. Он основывается на трех опорах:

- системе раннего предупреждения;
- применении строго определенных правил, заключенных в рамках Правил чрезмерных нарушений равновесия (Excessive Imbalance Procedure (EIP));
- жестком их исполнении, включая возможность применения финансовых санкций по отношению к странам—членам еврозоны.

Также как возможность институциональной поддержки или амортизатора в пользу производительности и конкурентоспособности экономик государств Евросоюза следует рассматривать Банковский союз. Однако мы решительно высказываемся за создание нового облика экономической политики.

Необходимость нового облика в сфере экономической политики

Сегодня возникает необходимость нового, углубленного диагноза положения в Евросоюзе, особенно в еврозоне. Мы убеждены, что если Евросоюз будет существовать (а это желательно), то необходимы принципиальные преобразования именно в области экономической политики. Дело касается в первую очередь увеличения роли отраслевой политики, в том числе промышленной. Только при помощи активной отраслевой политики, проводимой как на уровне Европейской комиссии, так и на уровне национальных государств, процесс реальной конвергенции стран Евросоюза может приобрести так необходимый новый импульс.

Разумеется, это не будет простым подражанием прошлой промышленной политике, это новая политика в период интеграции, не противоречащая Экономическому и валютному союзу ЕС. Она касается поддержки таких факторов, как рост сельского хозяйства; старт малых и средних предприятий; развитие инфраструктуры; образование и формирование человеческого капитала; поддержка разных инициатив из области экологии, культуры, искусства и т. п.

Все эти действия — может, за исключением первой и последней групп — направлены на поддержку рыночных механизмов или на их корректировку. Промышленная же политика, как мы ее понимаем, должна направлять действие рыночного механизма секторов экономики, способствующих росту занятости, укреплению специализации стран, необходимой для равноправного сотрудничества государств в рамках союза. Такая политика должна также защищать экономику от возникновения спекулятивных пузырей. На наш взгляд, это не идеалистический постулат — напротив, он возможен и необходим.

Так понимаемая секторная политика, или «видимая» рука государства, должна направлять «невидимую» руку рынка при взаимодействии руководством Евросоюза с властями национальных государств на сферы деятельности, необходимые для оживления процесса реальной конвергенции. В требовании изменения хода сложившейся тенденции — процесса дивергенции — мы усматриваем существенный шанс для развития Евросоюза, еврозоны. Но задача эта не будет легкой.

Кризис в еврозоне обнаружил, что мы имеем дело с серьезным и растущим кризисом доверия к Евросоюзу, политикам и европейским институтам. Снижается доверие и к идее европейской солидарности, которая развивалась со времен конца Второй мировой войны и была краеугольным камнем европейской интеграции. Одновременно углубляются национальные эгоизмы, противоречащие сложившимся интеграционным тенденциям. Беспокоит также рост популярности националистических и ксенофобских партий.

Несмотря на эти объективные факты, мы считаем, что шансом для Евросоюза будет выработка новой идеи в виде отраслевой политики, заключающейся в том, чтобы эта направляющая рука не заменяла «невидимую».

В нередко упрощенных, но, однако, часто доминирующих вариантах крайне либеральной идеологии, как правило, о роли государства высказывается отрицательное мнение: власть в государстве осуществляют бюрократы, часто ленивые перестраховщики, бывает, и коррумпированные. Зато другая сторона воспринимается стереотипно: это трудолюбивые, самоотверженные, готовые пойти на риск в создании рабочих мест предприниматели или частные работодатели. Дьявольский облик госслужащих и ангельский вид предпринимателей в одинаковой мере ложны. Бывают и компетентные, ответственные служащие и в то же время не так уж редки алчные, эгоистичные, недальновидные, склонные к мошенничеству предприниматели. Следовательно, в равной мере надо стремиться к хорошему качеству государства и честной конкуренции — это во-первых, и, во-вторых, нет единого, идеального образца капитализма и роли государства в нем, а тот, кото-

рый считается универсальным, — образец, предпочитаемый финансовыми рынками.

Мы осознаем, что отраслевая, промышленная политика в нынешней институциональной структуре Экономического и валютного союза ЕС не будет простой, но она необходима, если мы считаем ценностями существование и развитие еврозоны. Нельзя не замечать ловушки, в которой оказались некоторые страны с большими задолженностями. Такое положение дел опасно. Освобождение от долгов не восстановит их конкурентоспособности, необходимой для преодоления стагнации, в какой они оказались. Достижение этими странами высоких темпов роста, которые смогут вобрать в себя высокую безработицу, притом в короткий срок, на практике трудно осуществимо. В этом вопросе мы убежденные пессимисты. Тем временем долгосрочная безработица, в чем не надо никого убеждать, — это социальная драма, особенно для молодого поколения. Она вызывает принудительную эмиграцию, дестабилизирует положение в семьях, сокращает численность населения.

Какова секторная политика?

Стратегия повышения конкурентоспособности и ускорения экономического и общественного роста должна содержать комбинацию и иногда более динамичное продолжение действий, направленных на поддержку секторов, а именно:

- сектора малых и средних предприятий, уже предпочитаемых Евросоюзом и национальными властями (но сейчас особое внимание уделяется так называемой самостоятельности «рыночных открытий» малых и средних фирм, которые могут создавать даже национальную специальность в сфере многих товаров и услуг);
- сектора фирм, обещающих создание высокой добавленной стоимости, инновационной продукции, или тех фирм, у которых шансы увеличения экспорта;
- секторов, создающих рабочие места, особенно в сфере необмениваемых благ и услуг, таких как здравоохранение, забота о детях и престарелых, система образования и т. п.

В этих предложениях можно справедливо увидеть некоторые идеи так называемого индикативного планирования. Внезапный кризис создал шансы возвращения кейнсианства, восстановление после кризиса может создать шансы секторной экономике.

В восстановлении конкурентоспособности страны Юга Европы должны воспользоваться инструментами и средствами, используемыми государствами «восходящих рынков». Руководство Экономического и валютного союза ЕС должно создать им такую возможность. Такого типа требование нелегко выполнить в свете обязательств, следующих из участия в ЭВС и соглашений в рамках ВТО. Кроме того, не-

которые методы деятельности, которые принесли успех «восходящим рынкам», невозможно просто повторить. Дело касается скорее философии действия, которое вынуждает сложность обстановки и осознание неэффективности механизмов свободного рынка в решении такого типа проблем, по крайней мере в перспективе, приемлемой для нынешнего поколения.

Надо приступить к тестированию создаваемых институтов и фондов Евросоюза, а также решений, принимаемых в создаваемом Банковском союзе в вопросе возможности их использования в осуществлении новой секторной (промышленной) политики. Следует помнить, что сильные государства не говорят о промышленной политике — она у них есть.

Такого типа изменение мышления большинства элит в Евросоюзе, или, скорее, принципиальная корректировка политики, требует углубления политической и экономической интеграции и установления новой модели солидарности внутри Евросоюза. Сегодня на практике с трудом осуществляется немецкий вариант и лишь некоторые элементы варианта кейнсианского, или, скорее, варианта солидарности. Мы утверждаем, что даже успешное их осуществление может смягчить последствия кризиса, но не отведет угрозу распада Экономического и валютного союза, так как не преодолет источника напряженности, вызванного обманутыми надеждами на реальную конвергенцию и постепенное устранение структурных различий, имеющих в странах Евросоюза (в особенности различий в области производства, потребительских и инвестиционных расходов).

Новая архитектура союза — наша идея Европы

Как же должна выстраиваться архитектура европейского сообщества и его приоритетов? Премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон поставил важный вопрос: какой должна быть интеграция — вокруг общей валюты или вокруг Общего рынка? Оба варианта интеграции приемлемы. Необходимость интеграции не вызывает сомнений. Однако ключевым вопросом является оздоровление положения в еврозоне. Это важно не только для самого Союза, но и для глобального рынка, которому евро нужен.

Единый рынок может существовать без общей валюты, но считаем, что мнение о контролируемом расформировании еврозоны слишком рискованно, создание механизма валютной координации без общей валюты может оказаться долгосрочным мероприятием и не реальным в глазах инвесторов. Также постоянное сокращение и смягчение различий в конкурентоспособности европейских экономик в случае отказа от евро кажутся нам малоубедительным.

Наша идея относительно Европы другая. Мы считаем, что еще есть время на менее революционные решения — частично альтернативные по отношению к главному ходу преобразований, которые происходят сегодня в еврозоне.

Следует заметить, что сейчас не удалось бы найти политический консенсус даже для наиболее продуманного процесса возвращения к национальным валютам. Но более существенно то, что главные действующие лица — руководители Евросоюза — создают основы решений, идущих в противоположном направлении. Опасения Германии, что возвращение к национальным валютам обозначило бы депрециацию марки с возможными последствиями, разделяют почти все политические силы на Рейне. Независимо от оценок проектов и осуществления фискального пакта, или установок Банковского союза, это определенный путь, направленный на реформирование действующей еврозоны (см.: [1—10]).

Если мы чего-то и опасаемся, то того, что проводимые до сих пор реформы с заметным превосходством фискальных решений могут навлечь на Европу продолжительные политические и социальные конфликты, углубление, а не сокращение продуктивности, а также снижение конкурентоспособности многих стран еврозоны. В этом случае ослабилась бы позиция Европы по отношению к таким мировым экономическим державам, как США, Индия, Китай и в последнее время Мексика.

Мы считаем, что к имеющимся фискальным механизмам надо решительно пристраивать новые — для новой опоры, назовем ее кейнсианской. Относительно роли и значения Брюсселя в Евросоюзе заметим, что нас не возмущает рост потребности в «видимой» руке Брюсселя в преодолении кризиса. Однако наши надежды по отношению к нему более дифференцированы, чем те, которые выражает мейнстрим.

Мы с удовлетворением приняли решение Еврокомиссии об оживлении рынка труда, благодаря поступлению структурных средств из Евросоюза. С одобрением относимся и к информации о том, что в последнее время Еврокомиссия смягчила финансовый режим для шести стран, в том числе для Польши, чтобы они, как обычно говорится, в течение года-двух перевели дыхание перед трудными реформами.

Однако мы хотели бы прежде всего обратиться с призывом к политикам и руководителям Евросоюза: стратегия конкурентоспособности и ускорения экономического и общественного развития может содержать комбинацию и иногда более динамичное продолжение действий в пользу поддержки секторов. Существует необходимость нового восприятия в области экономической политики. Активная, но все-таки определенная роль государства, не только не помешает, но и поспособствует выходу из — не побоимся этого утверждения — сложного,

социально драматического, экономического положения во многих странах. Это новый приоритет для Евросоюза, который, как мы предлагаем, одновременно является преимущественно экономическим и социальным постулатом, так как предполагает требование ускорения реальной конвергенции стран еврозоны. Мы считаем, что основные положения номинальной конвергенции сегодня стали малоамбициозным и малопродуктивным постулатом для того, чтобы уверенно смотреть в будущее еврозоны.

Мы реалисты и поэтому высказываемся за включение дополнительных решений и идей в духе Дж.М. Кейнса. Не забываем, что сам автор государственного интервенционизма казался самым большим оптимистом во времена, когда все вокруг воспринималось как черное и безнадежное. Когда одни заявляли о конце западной цивилизации, он высказывался просто за введение монетарной политики, чтобы преодолеть кризис. Но следует помнить и то, что Джон Мейнард Кейнс — спекулянт из лондонского Сити, преподаватель Кембриджского университета, на смертном одре заявил, что единственное, о чем он в жизни жалеет, что не выпил больше шампанского.

Литература

1. *Wojtyła A.* Ewolucja keynesizmu a główny nurt ekonomii. Warszawa, 2000.
2. *De Grauwe P.* Economics of Monetary Union. Oxford, 2009.
3. *De Grauwe P.* Prospects for Monetary Unions after the Euro. Cambridge, 2005.
4. *Helleiner E.* States and the Reemergence of Global Finance: From Bretton Woods to the 1990's. Cornell, 1996.
5. *Kenen P.B.* Economic and Monetary Union in Europe: Moving beyond Maastricht. England, Cambridge, 1995.
6. *Nowak A.Z.* Współczesny świat w erze turbulencji // Zarządzanie: tradycja i nowoczesność / J. Bogdanienko, W. Piotrowski (reds.). Warszawa, 2013.
7. *Nowak A.Z., Shachmurove Y.* End of Eurozone? // Understanding Global Economy — National and Regional Studies. Warszawa, 2012.
8. *Taplin R., Nowak A.Z.* Intellectual Property, Innovation and Management in Emerging Economies. L., 2010.
9. *Tchorek G.* Teoretyczne podstawy integracji walutowej // Mechanizmy funkcjonowania strefy euro / P. Kowalewski, G. Tchorek, J. Górski (reds.). Warszawa, 2011.
10. *Ryć K., Nowak A.Z.* Euro will Be Later — Costs or Benefits? // Проблемы национальной стратегии. М., 2010.

Р.Т. ЗЯБЛЮК

Эволюция рыночной системы и экономики России*

Аннотация. В статье рассматриваются двойственное содержание каждой экономической системы, движущие силы ее развития и основные этапы эволюции. Уточняется процесс эволюции рыночной капиталистической экономики. На основе общих закономерностей экономической эволюции выясняются причины, характер перехода российской экономики от плановой системы к рыночной и ее эволюция.

Ключевые слова: экономическая система, двойственность экономической системы, развитие экономики, эволюция и революция, этапы эволюции экономики, способы и движущие силы развития экономики, критерий переходной экономики, советская экономика, российский капитализм.

Abstract. The article discusses the ambiguous content of the economic system, the driving force of its development and evolution. The process of evolution of a market capitalist economy is clarified. Based on the general laws of economic evolution, the reasons of the nature of transition of the Russian economy from a centrally planned system to a market and its evolution.

Keywords: the economic system, the duality of the economic system, economic development, evolution and revolution, the evolution of the economy, the means and the driving forces of economic development, the criterion of the transition economy, the Soviet economy, Russian capitalism.

Проблема гибели советской экономики, достигшей в кратчайший исторический период в экстремальных условиях мировых, гражданской и «холодной войн» невероятного взлета, кажется парадоксальной. Внезапность и неожиданность такого события создают иллюзию исчерпаемости развития по пути социализма. Переход к рыночной экономике нередко воспринимается как воскрешение стародавних идей о «вечности» этой системы, которой противостоит якобы лишь «натурализм». Геополитический масштаб трагедии разрушения социализма вызвал столь же масштабное смятение в умах, коль скоро история экономики нередко стала восприниматься в столь же стародавнем двухмерном измерении «натуральность — рынок». Восприятие рынка как венца развития тождественно утверждению о конце человеческой истории. Пессимизму такого рода противостоят реальные факты, повторяющиеся в разных частях мира, преодоления «рыночных флажков»,

* По следам теоретического семинара «Советское хозяйство как феномен эпохи Модерна».

расставленных 1% населения, коим жить хорошо именно в рынке. Рыночные отношения в той же степени, как «натурализм» времен рабовладения и феодализма, относятся к этапу младенчества истории, ибо люди здесь социально не равны, кастово дифференцированы. А ведь «бог сделал всех людей равными». Эту выраженную в религиозно мистической форме цель человечество пока не достигло.

Причины гибели советской экономики можно изучать, рассматривая внутренние причины, тормозившие развитие страны, и внешние разрушительные силы. Исследование этих явлений необходимо, поскольку они реально существовали. Однако сами по себе отдельные факты, даже такой масштабный факт, как судьба огромной страны, трудны для понимания вне целостного исторического процесса. Ведь любое сколь угодно развитое общество имеет недостатки разного рода в силу сложности социальной материи. Внешнее давление, потрясения, войны переживают многие страны. Изучение разрушения советской экономики в контексте целостного общеэкономического процесса позволит системно подойти к трагическому событию заката звездного часа отечественной истории, первопроходческого феномена в истории человечества. Системность в науке позволяет обнаружить закономерности изучаемого объекта, без чего он не доступен адекватному восприятию.

В современной экономической литературе широко применяется термин «экономическая система». Обычно его определяют как совокупность упорядоченных, соподчиненных элементов, сводя тем самым понятие к комментированию некоторых общих признаков любой системы как таковой. Эти признаки присущи любой системе, но они не выражают именно экономическую реальность, не позволяют отличить экономику от любой иной системы, скажем, от атома или биологического организма. Имеются определения, в которых акцент делается именно на экономическом содержании экономической системы. Ее определяют как упорядоченную систему экономических отношений. В этом случае неопределенность уменьшается, но не устраняется, ибо возникает неясность в интерпретации экономических отношений. Трудность заключается в различном, даже противоположном понимании содержания экономики и границ экономического пространства основными направлениями экономической теории.

В современной неоклассике (мейнстриме) под экономикой понимают выбор хозяйствующими субъектами рациональных решений из множества альтернативных возможностей. Производство при этом понимается как сфера технологическая, но не экономическая. Производственная функция характеризует количественную связь выбора на рынках ресурсов и на рынке готовой продукции. Пространство экономики строго ограничено сферой обращения.

В диалектической классической политической экономии (марксизме) под экономикой понимают способ соединения производителей со средствами производства и вытекающее из него содержание экономического механизма, включающее отношения в сфере обращения, конкуренции, распределения, присвоения, поведенческий выбор. Экономическая система здесь представлена как органическая целостность, все звенья которой связаны единым законом развития. Сторонники этого направления, в свою очередь, к экономике относят либо только производственные (экономические) отношения, либо диалектику производительных сил и производственных отношений. В обоих вариантах экономическая система есть синоним разработанного здесь понятия «способ производства».

Сила и познавательная мощь классической теории состоят помимо прочего и в том, что она обнаружила достаточно прочный (на данном этапе науки) критерий классификации экономических систем и достигнутых ступеней развития человечества. Другие подходы к такой классификации либо вовсе не имеют критерия, либо выражены крайне неопределенно. Это относится и к известному цивилизационному подходу, и к делению экономических систем на индустриальную систему, до- и постиндустриальные. В последнем случае названа одна система, но как интуитивное, не требующее определений понятие, что далеко от истины. В силу того, что в науке к настоящему времени не получено много обоснованного и развитого критерия различия экономических систем, а тем самым и определения экономической системы как таковой объективно необходимо считать научно доказанным диалектический критерий классической политической экономии, который будет использован для решения поставленной здесь проблемы.

Экономическая система, как и любой объект (целое) в окружающем мире, внутри себя раздваивается на противоположности, взаимодействие которых есть способ существования данного объекта, целого в объективном мире. Закон двойственности составляет основание диалектики. Вне его невозможно объяснить развитие всего сущего научным образом. В этой связи существует опасность неполного отражения экономики в интерпретации ее только как системы производственных отношений, выводя за ее пределы производительные силы. Это получается в случае подхода к ним как к внешней предпосылке, которая всегда-де лишь «имеется в виду». Заметим, что в диалектике различия между противоположными сторонами единого целого отнюдь не абсолютно, но относительно. Принадлежа к одному и тому же объекту, они должны иметь нечто тождественное, благодаря чему противоположности взаимопревращаются, образуя новую форму данного объекта. Это дает основание утверждать, что экономическая система имеет две стороны, образующие ее содержание. Вне этой двойствен-

ности она не является целостностью, т. е. самостоятельным объектом общества. Если определить экономические отношения как суть экономики, а производительные силы — в качестве внешней по отношению к ней ипостаси, то экономика становится одноплоскостной, теряя свою диалектическую природу и источник своего развития.

Вышесказанное позволяет определить экономическую систему как диалектическое взаимодействие производительных сил и производственных (экономических) отношений. Оно является основанием, фундаментом любой экономической системы, из чего разворачивается все ее содержание. Закон же соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил служит движущей силой развития экономической системы. Этот закон лежит в основе всего исторического процесса развития человечества, в процессе которого возникают и сменяют друг друга различные типы экономических систем и обществ. В уровне производительных сил содержится «программа», основной принцип каждой отдельной экономической системы. Им является способ соединения производителей со средствами производства, из чего, в свою очередь, рождаются ее сущность и механизм функционирования.

К началу XXI в. из обширной палитры направлений, течений, школ экономической мысли классическая теория на основе диалектического метода создала непротиворечивую, органически целостную теорию капиталистической рыночной экономики. Сам факт отсутствия таковой у иных подходов является достаточно строгим научным аргументом о нефальсифицируемости (неопровергаемости) диалектической экономической теории. Адекватность диалектики объективному миру помимо классической политической экономии подтверждена в XX в. квантовой физикой, раскрывшей корпускулярно-волновую природу материи.

Диалектическая теория капиталистической экономики как органической целостности создана почти полтора века назад. В ней содержались выводы о возникновении монополий (олигополий) из свободной конкуренции и посредством конкуренции. Основная суть современной так называемой смешанной экономики обобщена В.И. Лениным в теории государственно монополистического капитализма. Однако в наше время в современной экономике появляются новые явления, не существовавшие в первой половине XX в. Они, конечно, исследуются разными направлениями и школами, но этот процесс далек от завершения. На пути классического направления возникла преграда в виде факта гибели социализма в нашей стране и ряде других стран. Его объяснение, а также выяснение содержания новых явлений в современной смешанной экономике требуют понимания процесса развития

(эволюционного и революционного) любой экономической системы и капиталистической в частности.

Каждая экономическая система непрерывно развивается в процессе функционирования. Непрерывность же развития обусловлена непрерывностью превращения экономических форм. *Превращение форм*, согласно диалектике, *тождественно развитию экономики*. Оно происходит всегда и везде как в отдельном хозяйственном, так и в историческом процессе. Непрерывное, постоянно повторяющееся течение хозяйственной жизни отнюдь не означает отсутствия качественных изменений. Они происходят при нормальном ходе событий всегда, даже в случае простого воспроизводства. Даже в этом простейшем случае функционирования экономики качественные изменения заключаются в потоке взаимопревращений экономических форм.

Процесс превращения форм является *способом развития* экономики. В советской экономической литературе было достигнуто глубокое понимание марксистско-ленинской диалектической методологии. Однако вследствие сложности диалектики как таковой и ограниченности срока ее интенсивного изучения, не все здесь было неоспоримо. Это относится к тезису о тождестве понятий превращенности форм и их развития. Бесспорным было утверждение о превращенных формах капиталистической экономики как явлении видимости, скрывающей и искажающей их сущность. В частности Д.И. Розенберг превращенные формы комментирует именно в таком качестве, относя их только к III тому «Капитала» [1, 474].

Функционирование экономической системы сопровождается постоянно повторяющимися превращениями форм, в результате чего обеспечивается экономический рост, который постепенно усиливает интенсивность качественных изменений, подготавливая кардинальные преобразования в экономике. В постепенных непрерывных качественных изменениях, происходящих в процессе функционирования экономики, осуществляется ее *эволюционное развитие*. Это длительный и спокойный способ развития, в отличие от происходящих перерывов и скачков в развитии, т. е. революционных преобразований. Тем не менее скачки являются неизбежным следствием постепенности и плавности. Функционирование экономики приводит к изменениям в ее технической основе, к реформированию институтов, организационных форм, экономических отношений, достигая все более полной реализации внутреннего потенциала ее сущности. *Эволюция экономики* в хозяйственной практике реализуется *посредством реформ*. Их содержание всегда ограничивается сущностью данной системы, не меняя ее кардинально. Напротив, качественные изменения сохраняют данную сущность тем, что создают простор для ее жизнедеятельности. Изменения в пределах данной сущности можно с позиций сущности эконо-

мики назвать ее количественными изменениями, ибо количество есть отношение предмета к самому себе. Тожественность экономической системы себе самой обеспечивается потому, что ее *эволюционные изменения управляются единым законом развития*. Это центральный признак эволюционного процесса экономики. В капиталистической экономике таким законом является закон стоимости, включающей прибавочную стоимость¹⁸.

В реальной жизни эволюционный ход событий, являясь закономерным, нередко серьезно нарушается в результате катаклизмов разного рода, политических ошибок либо внешней силы. Кроме того, экономический же рост отнюдь не всегда выражает развитие. Так, в экономике России последние два десятилетия наблюдается рост, но качественных изменений в структуре экономики не происходит. Напротив, рост экономики непрерывно закреплял сырьевую ориентацию экономики, что означает ее деградацию. Выясняемые здесь закономерности отражают объективные тенденции, но они отнюдь не гарантируют их обязательности в каждый данный момент для любой страны мира. Великий диалектик Гегель обращал внимание на то, что в истории наблюдались периоды, когда развитие как будто бы прекращалось в тех или иных частях мира, и через пятьсот или тысячу лет люди вновь открывали то, что было открыто давно [2, 52—53]. Вернемся, однако, к развитию экономики.

Постепенное развитие экономики в процессе ее функционирования посредством превращения форм неизбежно сопровождается качественными изменениями дискретного характера. Эволюция и революция представляют собой два способа или, точнее, *две стадии развития экономики* и в целом общества. Реформирование экономики в пределах данной сущности характеризуют эволюционный путь развития экономики. Все страны и экономические системы всегда определенное время развиваются эволюционно посредством постепенных, последовательных, реформенных изменений. Но вечно так функционировать экономическая система (отдельно взятая) не может. По мере приближения к абсолютной реализации возможностей данной системы осуществляются не просто качественные изменения, а в той или иной

¹⁸В связи с бурной дискуссией советских экономистов 1970—1980-х гг. заметим, что вновь созданная стоимость не может быть бесструктурной, т. е. не содержащей внутри себя переменный капитал и прибавочную стоимость. В докапиталистической экономике существовали обмен, цены и «протостоимость». Последняя не сформировалась как действительная «стоимость», не соответствовала понятию стоимость. Это была переходная форма. Ведь без внутренней структуры стоимость не способна создать *всеобщую* форму своего существования и не способна к непрерывному возрастанию.

форме *кардинальные преобразования, меняющие сущность экономики*. Это процесс возникновения новой сущности. Развитие экономики становится скачкообразным, дискретным. Возникновение новой сущности экономики означает доминирование *нового способа соединения производителей со средствами производства*. Уход с исторической арены старого способа соединения факторов производства знаменует собой *революционный способ развития* экономики. Если предположить, что эволюция может не привести к революции, тогда на нашей планете должна бы существовать одна единственная экономическая система. Но история показывает их смену и развитие. Можно сделать вывод, что эволюция неизбежно завершается революцией — отмиранием старых, более не реформируемых отношений, сменой их новыми отношениями. *Революция необходимое следствие эволюции*.

Исторический процесс развития экономики характеризует неуклонное движение человечества к техническому и социальному прогрессу. Очевидно, что к нему применимо эволюционное восприятие, в котором революции выполняют функцию перехода и границы между разными системами. Всегда ли революции происходят в форме насилия? Можно ли представить себе мирный скачок в новое общество? До сих пор история на первый вопрос отвечала утвердительно (восстания, революции либо войны). Продвижение в будущее не обходилось без жертв первопроходцев, ибо господствующие классы всегда заинтересованы удержать историю «за хвост». Однако история продолжает свою поступь к прогрессу человечества. Человек неустанно движется к соответствию своему понятию. Возможно, в будущем, скажем, в бесклассовом обществе, будет найдено более мягкое и мирное решение проблемы смены экономических систем.

Действие вышеназванного фундаментального закона соответствия экономических отношений уровню и типу производительных сил применительно к отдельно взятой экономической системе имеет иную детализацию. Развитие каждой отдельно взятой экономической системы последовательно проходит три этапа (стадии, фазы).

Первый этап развития экономической системы — ее становление. Новые экономические отношения вначале основываются преимущественно на производительных силах предыдущей системы, стимулируя их прогресс, качественное совершенствование, подготавливая тем самым качественно более высокую технику и рабочую силу. Новые отношения зарождаются и на этапе становления существуют в недрах предыдущих отношений в качестве переходных форм и социально-экономических укладов. На этом этапе новая система не устойчива, не стабильна: характерны восстания, революции, войны, разного рода бифуркации, нередки откаты назад, контрреволюции и реставрации прошлого. По мере технических изменений в материальной основе

новая система постепенно пространственно расширяется, вытесняя старые экономические формы.

Как свидетельствует история, этап становления экономической системы занимает довольно длительное время. Так, Древнее Царство Египта, где сочетались общинное хозяйство и рабовладение, существовало более 1000 лет; период становления рабовладения в Древней Греции занял 300 лет. Становление феодализма в Западной Европе происходило в течение 500 лет, в Древней Руси — около 200 лет.

На этапе становления новая система нередко погибает, возникая через какое-то время в той же либо в другой стране. Так, в течение 200-летнего этапа — мануфактурный капитализм (основными признаками которого являются кооперация с разделением труда внутри ее, наемная рабочая сила, ручные орудия труда). В результате западноевропейских буржуазных революций возникал капитализм, а затем нередко наступала реставрация монархий. Буржуазные революции терпели поражения, сменяясь периодами реставраций феодализма. После реставрации происходили вновь буржуазные революции, уничтожавшие феодальные отношения и институты. Классический пример тому Франция. Эти смены противоположных векторов развития повторялись неоднократно в течение 200 лет.

Похожая ситуация произошла с социализмом в СССР. Здесь также в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции был уничтожен рыночный капитализм и построен социализм. Советская экономика представляла собой этап становления (нижнюю фазу) новой экономической системы — коммунистического способа производства. В конце же этого века произошла реставрация капиталистических отношений. Они существовали в России в развитом виде с 1870-х гг., довольно быстро возникли промышленные монополии («Союз рельсовых фабрикантов», 1882), и в течение 10—15 лет XX в. заняли доминирующие позиции в экономике. Государственное вмешательство в экономику ускорилось революцией 1905 г., русско-японской и мировой войнами. Следовательно, переход от социализма к рыночной экономике означал возврат в прошлое. К концу XX в. рыночный капитализм значительно изменился, но все же сохранился в прежнем системном качестве.

После насильственного разрушения социализма в нашей стране в экономической литературе появились разные толкования характера советской экономики, в том числе ее трактовка как особого способа производства. Она не опровергла хорошо развитую теорию общности основного отношения и общественной собственности на средства производства социализма и коммунизма, ибо даже не затрагивала этот основной аргумент. Общие основы двух этапов новой коммунистической системы в СССР реально существовали. Различия же в формах

общественной собственности, уровне обобществления экономики, характере труда, распределения определяли социализм как низшую фазу (этап) становления коммунизма.

Отличия экономических отношений социализма от коммунизма обуславливаются, как известно, технической основой. При социализме техническая основа качественно одинакова с капитализмом (по уровню, т. е. количественно, она различается в разных странах и капитализма, и социализма). Ею является система трехзвенных машин, т. е. крупная индустрия. Индустриализация страны 1929—1930-х гг. являлась, используя выражение В.И. Ленина, «доделыванием работы капитализма» в период перехода к социализму. Ведь технический потенциал страны был практически разрушен войнами, к тому же он во многом по этой же и другим причинам отставал от мирового уровня. Исходный пункт становления социализма в нашей стране был крайне неблагоприятным. Тем не менее трехзвенная система машин (индустриальная техника) была создана в нашей стране в кратчайшие сроки и на мировом уровне, что обеспечило эффективное развитие социалистической экономики и победу в Великой Отечественной войне.

В послевоенные годы разрушенная индустриальная основа экономики была восстановлена в течение 5—6 лет и непрерывно совершенствовалась в последующие годы. Одновременно шло интенсивное развитие постиндустриального сектора, которым являлись четырехзвенные машины. Новая техника устранила предел роста эффективности, заложенный в предыдущей технике естественной границей возможностей человека, который управлял индустриальными машинами. Развитие автоматизированной техники, атомной энергетики в советский период находилось в центре внимания. В планах и статистической отчетности ввод в действие автоматических линий, развитие робототехники выделялись особой строкой. По объему постиндустриального сектора экономики, согласно статистике ООН, в 1988—1991 гг. СССР занимал второе место в мире после Японии, значительно опережая США. Несмотря на экстремальные условия «железного занавеса» и жесткой «холодной» войны капиталистических стран. Неслучайно, именно постиндустриальный сектор в первую очередь был разрушен в начале 1990-х гг. Гипотезы, отрицающие социалистический характер советской экономики, исходят из субъективной конструкции «социализма» в каждой отдельно взятой голове автора-ниспровергателя советского социализма. Но реальная мощная общественная практика крупнейшей державы мира — аргумент несопоставимо серьезнее и значительнее любых прекраснотушных фантазий. Теория социалистической природы советской экономики, планового механизма ее функционирования является научным багажом, который выполнил свою

научную миссию в советский период и будет востребован жизнью в будущем.

Причина гибели социализма, по нашему убеждению, имеет внешний характер. Это поражение экономике в изматывающей «холодной» войне. Советская экономика развивалась бурно. Ее рост замедлялся войнами, постоянно навязываемой извне гонкой вооружений. Тем не менее даже в 1970-е гг., когда наша страна обеспечила военный паритет с США, что вызвало замедление темпов роста, производительность труда в СССР увеличивалась ежегодно в среднем на 2,2%, в то время как в США — на 0,6%. Однако отставание по уровню производительности труда от США было значительным: к середине 1980-х гг. в промышленности — в 2 раза, в сельском хозяйстве — в 5 раз. Такой разрыв в эффективности был связан не с типом экономики, а с различиями исходных уровней стран, природно-климатический условий. Наконец, несопоставимы разрушения Второй мировой войны, которая для США завершила Великую депрессию, принесла экономическое богатство, могущество, мировое господство доллара.

Советская экономика к 1990-м гг. не только не находилась в так называемом застое, но еще и не развернула свой потенциал по названным причинам. Тем не менее внутренние уязвимые места все же имели место, главным образом в сфере управления страной, чем в полной мере воспользовались противники в «холодной» войне. Политическая картина хорошо подготовленной катастрофы достаточно аргументированно и детально описана многими авторами [3; 4]. Гибель социализма в СССР, разрушение нашей страны — катастрофы всемирного масштаба, величайшие бедствия нашего народа. Однако они не отрицают марксистско-ленинскую теорию экономического развития, но подтверждают ее выводы о становлении новой системы, о неизбежности смены капитализма социализмом. Последнее подтверждается как негативными фактами — постоянными войнами, «цветными» революциями, интенсивно происходящими после пирровой победы над социализмом, так и позитивным эволюционным процессом развития обобществления западной экономики и элементов социализации общества.

Второй этап развития экономической системы — этап зрелости экономической системы. Здесь производственные отношения функционируют на адекватных производительных силах, на своей собственной основе. Соответствие двух сторон экономики обеспечивает ей стабильность, устойчивость и эффективность, не доступную предшествующей системе. Благодаря этому она становится конкурентоспособной, а потому устойчиво поступательно развивается, реализуя потенциальные возможности и исторические преимущества, содержащиеся в ее сущности. По мере эволюционного развития в процессе функционирования сущность системы, ее основное отношение, все более

укрепляется, постоянно раздвигая пространство возможностей технического прогресса. На известном пункте экономическая система достигает абсолютной реализации всех заложенных в ней потенциалов, приближаясь к пределу исчерпания своих возможностей. Здесь наблюдается замедление развития. Рост фондоемкости, энергоемкости, материалоемкости опережают повышение производительности труда. Динамика затрат превышает изменение социальных показателей эффективности, прежде всего на продолжительности жизни и численности населения.

Этап развития экономической системы на собственной материальной основе наиболее детально изучен экономической теорией применительно к капитализму. Имеются три варианта теории зрелой рыночной капиталистической экономики — классический, неоклассический, институциональный. Ныне доминирует неоклассический вариант. Эта роль в общественных науках определяется политическими ветрами. Мнение об устарелости марксизма как теории XIX в. неубедительно, ибо мейнстрим старше марксизма на два столетия. Действительно, его основой, как и всех школ неоклассики, является теория трех факторов, полезности как основы ценности (стоимости) Ж.-Б. Сэя. Именно эта теория, но отнюдь не маржинализм, не дифференциальное исчисление, не теория вероятностей, как часто утверждают, определяет основное содержание неоклассики, включая мейнстрим. Эти же математические методы применяют многие науки, скажем, физика. И ни в одной из них это не является главным содержанием. Неоклассика адаптировала некоторые математические методы, более всего маржинализм, что обогатило исследовательский аппарат. Однако основные ее представления об экономике — ее созидательных силах, сути хозяйственного механизма, источнике доходов субъектов экономики — определяются теорией трех факторов, их производительности и т. п.

Описания рыночной экономики с точки зрения неоклассики и классики весьма различны. Неоклассика описывает рыночную экономику построением все большего числа моделей, разнообразя инструментальные приемы анализа. Однако никаким сколь угодно большим числом моделей не удастся исчерпать содержание экономики, поскольку ее предмет ограничен сферой обращения, точнее, ее частью. Основной объем экономического пространства попросту выброшен из предмета.

Третий этап развития экономической системы — этап отмирания данной системы, совпадающий по общему содержанию с этапом становления новой системы, по спиралевидной траектории как бы находящийся над ним. Специфическое содержание этих двух этапов с позиций данной экономики диаметрально противоположно. Преодоление предела прежних отношений возможно только посредством дополнения функционирующих, но все менее эффективных форм хозяйст

ния, новыми экономическими формами и новым механизмом хозяйствования. Процесс развития экономики продолжается посредством ограничения доминирующих производственных отношений отношениями новой экономической системы. Новые отношения вначале трудноотличимы от доминантных, ибо облекаются в их формы. Различия в содержании между ними становятся все более четкими по мере приближения к перевороту в производительных силах. Длительность первого и третьих этапов довольно велика. Нередко она превышает время жизни зрелого периода. Так, для капитализма второй этап, состоящий из свободной конкуренции, достиг вершины и, следовательно, предела к 1870-м гг. [5, 16]. В XX в. в развитых странах лидерство переходит к монополиям (олигополиям), транснациональным монополиям, вмешательству государства в экономику, т. е. рыночная экономика эволюционирует к новой системе, генерируя отрицающие ее технику и отношения. Но именно таким образом преодолевается предел роста эффективности экономики.

На третьем этапе эволюции находится рыночная экономика развитых стран и в начале XXI в. Переходные формы непрерывно развиваются. К ним относятся постиндустриальная техника. Система трехзвенных машин (индустриальная техника) по-прежнему доминирует. Однако возникли и все более распространяются четырехзвенные машины (постиндустриальная техника). Новые экономические отношения — достаточно заметное явление современной экономики. К ним относятся вертикальная интеграция корпораций, деперсонализация собственности в акционерных компаниях, смешанные частно-государственные компании, регулирование рыночных отношений государством, развитие государством кооперативных форм связи между наукой и производством на стратегических направлениях инновационного процесса, регулирование государством некоторых социальных процессов. Самое же существенное и выразительно новое, на наш взгляд, состоит в процессе *социализации общественных отношений*, происходящем во всех развитых странах. В Швеции доля распределения государством произведенного, в том числе в частных компаниях, ВВП в общественных целях составляла к концу XX в. 62% [6, 157]. Это означает, что большая часть собственности по форме, юридически частная, а по содержанию — общественная. Не случайно, часто употребляются термины «шведский социализм», «норвежский социализм». Хотя в них содержится явное преувеличение, но этот гипертрофированный литературный оборот выражает очевидную тенденцию социализации экономики развитых стран.

Экономика современной России в работах экономистов понимается по-разному. Часто ее называют переходной к рыночной экономике, т. е. не вполне рыночной. Официальная же позиция, включая между-

народные институты, отождествляет ее с рыночной экономикой, одновременно относя ее по классификации МВФ к развивающимся, стало быть, к неразвитым рынкам. Аргументы, что переход к рынку еще не закончен, обычно апеллируют к низкому уровню жизни населения в России в сравнении с западными странами. Однако уровень жизни населения может быть критерием определения экономической системы лишь в конечном и весьма далеком счете. Ведь он меняется значительно в течение жизнедеятельности одной и той же системы. Кроме того, страны с одинаковой экономической системой существенно различаются по уровню жизни в силу различий природных, исторических и др. В XIX в. в западных странах население было беднее, чем сейчас в России. А экономика представляла собой классическую свободную рыночную экономику. Следовательно, этот показатель не дает достоверной информации о сущности экономики. Часто к бедности добавляют коррупционность как аргумент в пользу неразвитости рыночных отношений. Однако это доказывает обратное. Там, где деньги являются главным регулятором, люди «гибнут за металл». В рыночной экономике коррупция — имманентное ее свойство. Достаточно сослаться на известный документальный фильм Ч. Фергюссона «Грабеж», удостоенный в 2010 г. премии «Оскар», где изображена мошенническая паутина, охватывающая все общество США — банки, компании, министры, советников президента, цель которой грабеж народа.

Зачастую, о переходном характере российской экономики судят на основании пассивности капиталистов к инновациям. Действительно, частный капитал равнодушен к технологическому новаторству. По словам одного из президентов РФ, «наши предприниматели ничего не предпринимают». Но это относится ко всем развитым странам. Современный уровень техники, технологий столь сложен, что инвестиции стали высоко рискованны. Пассивность предпринимателей к инновациям — свидетельство того, что частный бизнес стал преградой технического прогресса. Неслучайно именно в этой сфере все более концентрируется деятельность государства. Так, в США именно государство на стратегических направлениях НТП возглавляет инновационный процесс. Оно стимулирует отнюдь не конкуренцию, а именно кооперацию производственных компаний, университетов, информационное обеспечение, выращивание фирм, организуя и финансируя на этих направлениях образование кластеров. Отсутствие в России заметной активизации инновационного процесса является результатом ошибочности либеральной политики ухода государства из экономики.

Переход к рыночной экономике в России завершился после ввода свободных цен, приватизации основной части государственной собственности, создании рыночной инфраструктуры. Преобразования такого рода осуществлялись в течение 1991—1995-х гг. Частная соб-

ственность и рыночный механизм стали реальностью к середине 1990-х. Тогда же и закончился переходный период от плановой социалистической экономики, произошла реставрация рыночной экономики. Движение вперед требует напряжения народных сил. Откат назад может произойти быстро. Экономика России деградировала и технически, и социально. Галопирующая инфляция ускорила реставрацию рыночных отношений. К 1995 г. ВВП РФ сократился на 40%, объем промышленного производства — более чем на 50%, инвестиции упали в 4 раза. Эти плачевные результаты трактуют иногда как отсутствие рыночных отношений, как итоги трансформационного кризиса. Однако, если бы трансформация была прогрессивной, устранившей препятствия в экономике, она не имела бы столь разрушительные результаты. За пять лет в плановой экономике всегда получали существенные позитивные результаты, ощутимые каждым человеком. За двадцать лет плановой экономики практически с нуля была создана индустрия мирового уровня. Итоги рыночных 20 лет — превращение космической державы в сырьевой придаток развитых стран. Эти итоги являются убедительными аргументами именно рыночного характера российской экономики.

В некоторых отношениях экономика России эволюционирует обратно тем тенденциям, которые характерны для развитых стран Запада. Современная рыночная капиталистическая экономика западных стран находится на этапе государственно-монополистического капитализма. Это высший этап развития рыночной системы. В России к началу Первой мировой войны российская экономика находилась именно на этом этапе. Либеральные идеи ухода государства из экономики негативны, ибо не соответствуют объективному течению истории. Они были верны в XVIII в. В наше время отсутствие государственного регулирования неизбежно превращает рыночную экономику в дикий капитализм. Рыночная экономика регулируется методом «проб и ошибок». Современная техника, в особенности постиндустриальная, посредством столь архаичного механизма развиваться не может. Она требует более точных и совершенных форм развития. Позитивные изменения в этом направлении в России в последнее время предпринимаются. К ним относятся разработка стратегического планирования, закон о развитии промышленности. Однако сценарная форма разработок, исходящая от цены на нефть, весьма далека от стратегических подходов к управлению. Избавиться от столь ненадежной формы означает перейти от сырьевой структуры к высокотехнологичной и самодостаточной экономике. Это позволит использовать бесценный инструментарий экономической политики, разработанный в нашей стране.

Литература

1. *Розенберг Д.И.* Комментарии к «Капиталу» К. Маркса. М., 1983.
2. *Гегель.* Философия истории. Соч. Т. VIII. М.; Л., 1935.
3. *Зиновьев А.* Русский эксперимент. М., 1995.
4. *Фроянов И.* Россия. Погружение в бездну. М., 2009.
5. *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17.
6. *Эклунд К.* Эффективная экономика. Шведская модель. М., 1991.

И.Е. РУДАКОВА

Наследство, которое стоит приумножать (о некоторых научных исследованиях кафедры политической экономии МГУ в 1960—1990 гг.)

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые ключевые направления исследований ученых кафедры политической экономии экономического факультета МГУ в период 1960—1990 гг. Ряд общих черт объединяет эти исследования, представляя школу кафедры и ее научное наследство: системный подход к анализу экономики, интерес к фундаментальным основаниям экономических процессов, особое внимание к методологическим аспектам.

Ключевые слова: научное наследство кафедры, системный метод исследования, методологический аспект, фундаментальность.

Abstract. The paper looks same key trends of 1960—1990 years science investigations of political economy faculty MSU. Some common typical features form the faculty school and represent it heritage: system method of investigations, interest to fundamentals, methodological aspects of economic works.

Keywords: science faculty heritage, system method of investigations, methodological aspects, fundamentals.

Грань XX и XXI вв. в нашей стране отмечена драматическими событиями — сменой общественного строя, идеологии, институциональных структур. Страна перешла от плановой, авторитарной, административной системы с сильной верой в решающую социальную роль государства к рыночной, конкурентной, индивидуалистической системе.

Тектонические сдвиги в социальной системе сопровождались изменением представлений и поведения людей. Переворот в обычном

сознании был воспринят и сферой экономических знаний. Драматические сдвиги в обществе сопровождались драматическими событиями в экономической науке — сменой научной парадигмы.

Уже в 1980-х гг. усиливались сомнения в способности господствующей теории объяснить главные проблемы советской экономики — падающие производительность и благосостояние, плохое восприятие плановой экономикой технического прогресса, неспособность обеспечить эффективность производства в масштабе всей экономики.

Распад СССР вынудил интенсивно изучать опыт рыночной экономики. Советским читателям, интересовавшимся экономикой, стали доступны источники альтернативных экономических знаний (прежде всего, учебники по экономике)¹⁹. Чем дальше уходила наша экономика от плановой системы, тем яснее становилось, что наши знания о прошлом опыте не актуальны, не соответствуют новой реальности. В то же время знания о рыночной системе на уровне, достигнутом западными странами, многими экономистами были встречены в штыки: трудно было отказаться от привычного взгляда на экономику, от верований в существование и возможность достижения лучшего общества без товарных отношений буржуазного типа. В экономической науке это был период острой полемики «нерыночников» и «рыночников», приверженцев старых марксистских взглядов и сторонников новой рыночной парадигмы. Накал полемики в вузовской науке усиливался необходимостью выхода на студенческую аудиторию, остро чувствующую новое и требовавшую перемен.

Формирование реальной экономики в России заставило экономистов пересмотреть свои взгляды на многие версии экономической теории, обосновывавшие механизм функционирования и эффективность рыночной системы. Переводная научная и учебная литература стала дополняться российскими исследованиями с анализом западных теорий, с попытками осмыслить с этих позиций специфику российской экономики. Вузовская экономическая наука (прежде всего, экономическая теория) вступила в новый этап жизни.

¹⁹ В 1992 г. был переведен учебник по экономической теории К.Р. Макконнелла и С.Л. Брю «Экономикс» под общей редакцией перевода д.э.н., профессора А.А. Пороховского. Фактически это был второй значимый западный учебник после «Экономики» П. Самуэльсона (изд. 1961 г., пер. на русский язык 1964 г., гриф на титульном листе «Для научных библиотек») [1]. Учебник познакомил экономистов с принципами рыночной экономики, с современной (для тех лет) экономической теорией и, что немаловажно, с методами подачи научного материала для учебных целей. Во многом учебник явился откровением для советских экономистов, деятельность которых на практике, в науке, в преподавании базировалась на совершенно других представлениях.

На этом фоне появление критического отношения к научным исследованиям прошлого периода стало неизбежным. Новая эпоха в обществе и науке вызывает вопросы со стороны молодых и не очень молодых ученых, исследователей современной реальной экономики, со стороны наших студентов — будущих экономистов. Нужны ли сегодня знания, вооружавшие экономистов прошлой плановой экономики? Имеют ли какое-нибудь научное значение работы советских политэкономов сегодня, не занимались ли теоретики политической экономии бесполезной работой? Не является ли политическая экономия советских времен областью «алхимии» экономической мысли? Все поставленные выше вопросы в полной мере относятся и к научной деятельности кафедры.

Сразу скажем: рассматривая научную жизнь кафедры того периода с позиций сегодняшнего дня, было бы неверным предоставить научное наследие кафедры «грызущей критике мышей», отбросить сделанное в науке тех лет как устаревшее, как ошибочный путь. Прежде всего, об образовании. Многие выпускники экономического факультета МГУ, обучавшиеся на кафедре политической экономии, стали крупными деятелями российской экономики, бизнеса, государственного управления, вузовской науки. Это свидетельствует о качестве преподавания и значимости привнесенных в сознание наших выпускников фундаментальных знаний. Полученное образование помогло многим переосмыслить события на сломе эпох, осознать возможность существования иной общественной системы, участвовать в преобразованиях и реформах. Другим, напротив, эти знания придали уверенность в ценности прежних принципов, дали силы искать им применение в новом мире.

В науке многое из сделанного тогда представляет ценность и сегодня. Попробуем сформулировать то ценное, что перешло нам в наследство из кафедральных исследований прошлых лет и что мы должны ценить и продолжать в качестве лучших традиций, каких бы разных взглядов каждый из нас ни придерживался сегодня.

Кафедра политической экономии МГУ была в 1960—1990-х гг. лидером вузовской экономической науки в Советском Союзе. Научный коллектив кафедры под руководством профессора Н.А. Цаголова разрабатывал широкий круг проблем в области экономической теории. Коллектив кафедры был создателем «Курса политической экономии» [2]. Он выдержал три издания, был принят многими вузами страны в качестве базового. Сегодня, когда издаются десятки учебников по разным разделам экономики и экономической теории, это событие не кажется эпохальным. Но тогда, в середине 1960-х гг., написание учебника по такой «идеологической» дисциплине, как политическая экономия, это событие не было рядовым. Выпуск учебника был большой

смелостью из-за «опасности отклонения» от идеологических установок партии. Разрешение на публикацию давалось на самом высоком уровне. В то время официально признанным лидером (и своеобразным образцом) был учебник, подготовленный коллективом авторов под редакцией академика К.В. Островитянова [3]²⁰. Кафедральный «Курс» во многих подходах оппонировал официальной точке зрения и поэтому не получил статуса учебника. Очевидцы этой ситуации говорят, что это только увеличивало его популярность.

Одна из общих черт кафедральных работ, объединявшая авторов в научный коллектив — *системный подход*. Во многих работах (профессоров Н.А. Цаголова, Н.В. Хессина, Н.В. Шкредова, В.Н. Черковца и др.) обсуждался один из главных для того времени вопросов — определение (нахождение) исходного пункта (исходного понятия, отношения) для построения теоретической системы политэкономии социализма. Аналогично теоретической системе, данной К. Марксом в «Капитале», где исходное отношение капитализма усматривалось в простом товарном отношении, а «клеточкой» товарного производства был товар, в качестве исходного отношения социализма трактовалось отношение планомерности.

Подробно эта проблема рассматривалась как основополагающая для политической экономии социализма в обширной статье Н.А. Цаголова, написанной по случаю выхода в свет второго издания «Курса политической экономии» [4]. Эти подходы были воплощены и в «Курсе». При широком охвате тем экономической теории, при различии творческих подходов и оригинальности взглядов авторов курса научная редакция придала единство и фундаментальность «Курсу», что и объясняло его популярность в тот период.

Системное мышление предполагало логическое движение от простейшего элемента, лежащего в основе, до законченной сложной системной конструкции, выявление единства системных свойств во всех ее элементах. Поскольку социалистическое общество в полном его воплощении не было построено и распалось, постольку идея «клеточки» общества кажется устаревшей. Однако такое суждение, на наш взгляд, было бы неверным. Включенный в фундамент научного мыш-

²⁰ Первое издание этого учебника вышло в свет в 1954 г. после (и в результате) обширной дискуссии 1951 г., где обсуждалась «правомерность» существования отношений товарного производства в системе социализма и, следовательно, правомерность включения теории товарного производства в теоретическое описание социализма. Учебник занимал монопольное положение. Все издания этого учебника вплоть до последнего, четвертого (1964) были подготовлены под пристальным контролем идеологического отдела Центрального комитета КПСС.

ления этот когнитивный принцип сохраняет свое значение и тогда, когда реальность вносит существенные изменения (при смене общественных систем) в материал (фактуру, предмет) науки²¹.

Системные исследования как в логическом, так и в историческом плане были темой профессора кафедры Н.В. Хессина. Философский подход к эволюции, трансформации, определению границ экономических систем рассматривался в его работах по истории и развитию товарного производства, капитализма, социализма [5].

Особенность системного подхода, красной нитью проходившая через работы ученых кафедры, состояла в понимании взаимной связи и взаимовлиянии элементов системы. Методологически это означало, что специфические черты экономики определенного типа проявляются и проникают во все явления, сплетающиеся в систему. Качественные различия систем отражены и в качественных различиях всех ее элементов.

Системный подход помогает понять (тому, кто обучен мыслить системно), почему попытки «исправить» трудности современной российской экономики, вползающей в экономический кризис с одновременным сокращением производства и растущей инфляцией, не может дать ощутимых позитивных результатов с помощью широкого регулирования и контроля цен. Подобный «прием» государственной политики выпадает из системы, существующей сегодня в нашей стране. Такие меры не системны, не соответствуют механизму рыночных трансакций, скрепляющих экономику. Едва ли следует ждать позитивного эффекта от подобных «регулятивных» действий государства на динамику цен и экономику в целом. Широкое регулирование рыночных цен государством требует «подкрепления» адекватными отношениями плановой системы, управляемой из единого административного центра. Но в таком случае мы будем жить в другой стране.

Характерной чертой исследований школы кафедры тех лет, получившей название в научном экономическом мире «цаголовская школа», был особый интерес к *методологическим аспектам* теории. Значительный ряд работ по методологии экономической теории этого периода по праву возглавляла деятельность Н.А. Цаголова. Его выступления в дискуссиях, на научных конференциях, в печати по широкому кругу проблем экономической теории возбуждали интерес и активизировали работу преподавателей кафедры в этом направлении. Сборник статей Цаголова за период 1929 — 1975 гг. «Вопросы методологии и

²¹ В сущности тот же прием имеет место в современной экономической теории при включении микрооснов (поведенческих элементов индивида) в систему макроэкономики (в агрегированные феномены — отношения на уровне общества).

системы политической экономии» [6] дает представление о размахе предложенных к обсуждению вопросов. Практически любое теоретическое исследование кафедральных ученых не обходилось без методологического разбора теоретических версий. Вопросы методологии, связанные с предметом и логикой политической экономии, поднимались в работах В.Н. Черковца, К.П. Тронева, А.И. Юдкина [7—11]. Основная область методологических исследований — политическая экономия социализма и «Капитал» К. Маркса, но методологические аспекты сопровождали работы кафедры и в других разделах политической экономии [12—14].

Интерес к методу при исследовании или разработке различных научных версий сохраняет свое значение и во многих сегодняшних исследованиях ученых кафедры, продолжающих тем самым ее научные традиции.

Как научные исследования, так и система образования на экономическом факультете строились вокруг *фундаментальных* экономических идей. В центре научного внимания находились базовые принципы взаимодействия людей в обществе, поиск и трактовка основных движущих сил развития, возможность и роль регулирования экономических процессов. Эти проблемы побуждали искать определяющие причины не на поверхности случайных явлений, а в глубинных основаниях общественного устройства. Возможно, позже именно недооценка этого подхода создавала заблуждение относительно легкости преобразований в 1990-х гг., непонимание глубины, сложности и неизбежной длительности изменений.

Интерес к фундаментальным основаниям в науке сказывался и в довольно острой полемике о назначении политической экономии. Является ли она «чистой наукой», доказывающей научные истины с помощью своего метода (что, кстати, и превращало метод в одну из ключевых обсуждаемых тем политической экономии), или у нее есть практическая функция объяснения реальных явлений экономики. Отметим, это проблема, не ушедшая в прошлое и актуальная сегодня, обсуждаемая как соотношение экономической теории и экономической практики.

Характер экономических дискуссий, интерес к основам экономической теории, понимание роли методологии — все это при значительном разнообразии творческих подходов ученых формировало облик *школы кафедры политической экономии*.

Фундаментальный характер образования в немалой степени обеспечивался неперменным обращением к *первоисточникам* научных идей. Прямо скажем, первоисточников было не так много в системе за железным занавесом. Но работы классической экономической теории и марксизма все же позволяли решить одну из главных задач образо-

вания — знакомство с лабораторией ученого. Студенты постигали работу научной мысли, построение аргументации и логики доказательств, методы научной полемики, они познавали необходимость широких познаний ученого, претендующего на то, чтобы объяснить миру, почему он таков и как его можно улучшить.

Разбор первоисточников на методологических семинарах кафедры и в студенческой аудитории давал бесценный навык аналитической работы. Позже, когда стало возможным предлагать что-то, не совпадающее с позицией классиков (точнее, с позицией их официальных «трактователей»), первоисточники давали примеры и опыт построения собственной аргументации в теории. С этой точки зрения, значительную ценность представлял спецсеминар по «Капиталу», в котором подробно рассматривался (изучался!) оригинальный текст этого произведения. То, что потом разжевывалось в учебниках, студентам тех лет нужно было добывать самим. Сложности работы по пониманию научных текстов стимулировали обсуждения внутри студенческой среды, до семинара и до заключения преподавателя — важнейший способ усвоения знаний.

Программы спецсеминара, его уникальные методики, рассчитанные на формирование самостоятельного мышления студентов, использование оригинальных текстов для интеллектуального развития студентов — все это составляло уникальный методический продукт кафедры. Разработка всего этого багажа в значительной мере принадлежит рано умершему, но оставившему неизгладимый след в памяти своих учеников, талантливейшему преподавателю, доценту кафедры Константину Петровичу Троневу²².

Характерной чертой научных работ кафедры была их *полемическая заостренность*. Интерес к поиску решений неизбежно порождал полемику. Умение доказывать свою позицию (и умение слушать оппонента!) ценилось как важная черта ученого. Члены кафедры проявляли интерес и знали работы друг друга. Критическая оценка коллегами становилась существенной помощью и условием совершенствования результатов научной работы. Poleмика шла на научных конференциях, в печатных изданиях, при защите диссертаций, на методологических семинарах кафедры, в повседневном общении преподавателей.

²² В течение десяти последних самых продуктивных лет жизни Константина Петровича им была опубликована целая серия работ по теории и методологии политической экономии. Из всего перечня упомянем статьи в журнале «Вестник Московского университета»: «Категории «рыночная стоимость» и «рыночная цена»»; «К вопросу об абстрактном и конкретном в политической экономии»; «Еще раз к вопросу об абстрактном и конкретном в политической экономии» [15—17].

По некоторым вопросам она длилась годами и, в конечном счете, выливалась в публикации, втягивавшие в научную дискуссию широкий круг экономической общественности за пределами экономического факультета.

В процессе дискуссионных обсуждений достигались результаты, значимые для экономической теории и сегодня. К ним можно отнести работы профессора Владимира Петровича Шкредова, одного из самых глубоких и оригинальных ученых кафедры рассматриваемого нами периода. Его основные работы были посвящены проблемам собственности²³ — теме, которую можно назвать кафедральной.

Проблема собственности обсуждалась на кафедре долго и заинтересованно. Основной пафос дискуссии сводился к спору между двумя казавшимися принципиально разными позициями: 1) собственность является отдельным самостоятельным отношением в системе производственных экономических отношений, и как таковая она может рассматриваться в качестве исходного звена системы, в том числе и социалистической; 2) собственность раскрывается только в системе всех производственных отношений, она не может рассматриваться как отдельное самостоятельное производственное отношение, и потому не может быть исходным элементом системы²⁴. В зависимости от позиции экономистов по отношению к этим двум вопросам строились концепции учебных курсов, учебников, учебных пособий.

Шкредов переориентировал проблему из области схоластической в научную: а) собственность является юридическим институтом и как таковая оказывает влияние на экономику; б) формирование юридической формы связано с экономической реальностью, отражает зрелость существующих отношений, а не создается в отрыве от нее. Он определял «действительное право собственности» в качестве системы реальных правоотношений, которые воспроизводятся в процессе воспроизводства, и «собственность» как юридическую волевою форму. «Государственное регулирование посредством законов придает этому праву общественно признанную, официально дозволяемую и защищаемую государством форму. Право собственности приобретает тем самым

²³ Основная работа В.Н. Шкредова — «Экономика и право» с подзаголовком «Опыт экономико-юридического исследования общественного производства». Первое издание книги вышло в свет в 1967 г., в предисловии ко второму изданию 1990 г. автор говорит о том, что со времени первой публикации все основные вопросы, поднятые в книге, сохранили свою актуальность, а некоторые приобрели большую остроту [18].

²⁴ По материалам Научного совета МГУ по координации разработки системы категорий и законов политической экономии социализма, Москва, 1972 г. (см.: Хессин Н.В. О двух направлениях анализа собственности и ее места в системе производственных отношений социализма. Тезисы доклада. Рукопись.).

вид, в котором оно существует эмпирически и непосредственно доступно наблюдению» [18, 5]. Шкретов отмечает, что право собственности человека как *волевое отношение* к вещам реализуется в обществе и потому сталкивается с волей других людей. «Здесь существует необходимость в согласовании действий всех участников процесса производства, в обеспечении единства их воли» [18, 7]. Волевое отношение к вещам неизбежно предполагает взаимоотношение людей, т. е. общественные отношения.

Рассматривая природу собственности, Шкретов фактически анализирует ее как институт. Важно, что институт рассматривается не с прикладной точки зрения, а как феномен экономический, со стороны реально существующих и воспроизводящихся отношений, и как законодательно юридически оформленная норма. Значение этого анализа, на наш взгляд, и в том, что он закладывает методологические основания для органического включения феномена «институт» в ткань экономической теории. Шкретов отмечает, что в экономической и юридической литературе укоренились теории собственности, которые восходят от общества, государства, единого экономического центра, общенародных интересов. «Но не будет ли лучше идти от социально определенного человека и предприятия, на котором он работает, к обществу, народу, государству, законодательству?» [18, 25]. Весьма интересным являются выводы относительно неоднозначности институтов и их влияния на общество. Анализ коллективной собственности позволяет автору показать, насколько сильно могут препятствовать движению экономики «плохие» институты, поддерживаемые силой привычки к старым методам хозяйствования, застойными явлениями в экономике, хроническими дефицитами [19].

В.Н. Шкретов фактически с большим опережением исследовал ключевые проблемы *институциональной экономики*. Понятно, что его тексты были написаны языком и в понятиях того времени, но это не отменяет важного значения сделанного им в экономической теории.

Мы лишь кратко рассмотрели работы ученых кафедры периода, предшествовавшего «смене эпох». Научный, методологический и теоретический багаж кафедры до сих пор помогает искать ответы и в новых обстоятельствах экономической жизни. Анализ прошлого убеждает: у нас есть наследство, которое стоит умножать, и традиции, которым стоит следовать²⁵.

²⁵ Автор выражает огромную благодарность к.э.н., старшему научному сотруднику кафедры политической экономии А.М. Беляновой за помощь в подборе материалов для данной публикации.

Литература

1. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика: В 2 т. М., 1992.
2. Курс политической экономии / Под ред. Н.А. Цаголова. М., 1963.
3. Политическая экономия. Учебник / Под ред. К.В. Островитянова. М., 1954.
4. Цаголов Н.А. Проблемы политической экономии социализма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 1970. № 6—7.
5. Хессин Н.В. О двух основных направлениях анализа собственности и ее месте в системе социалистических производственных отношений // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 1973. № 3.
6. Цаголов Н.А. Вопросы методологии и системы политической экономии. М., 1982.
7. Черковец В.Н. О методологических принципах политической экономии как научной системы. М., 1965.
8. Хессин Н.В. Понятие «экономическая клеточка» и его методологическое значение для политической экономии социализма // Вопросы экономики. 1964. № 4.
9. Тронеv К.П. Об историческом месте товарного производства при социализме // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 1975. № 3.
10. Юдкин А.И. Некоторые вопросы применения логики «Капитала» к политической экономии социализма // Вестник Моск. ун-та. 1968. № 6.
11. Юдкин А.И. Метод исследования системы производственных отношений в «Капитале» К. Маркса. М., 1985.
12. Рудакова И.Е. Методологические проблемы теории империализма. М., 1983.
13. Пороховский А.А. Большой бизнес: путь к господству. М., 1985.
14. Чибриков Г.Г. Роль современных международных монополий в процессе интернационализации капитала и производства. М., 1979.
15. Тронеv К.П. Категории «рыночная стоимость» и «рыночная цена» // Вестн. Моск. ун-та. 1973. № 3.
16. Тронеv К.П. К вопросу об абстрактном и конкретном в политической экономии // Вестн. Моск. ун-та. 1972. № 4.
17. Тронеv К.П. Еще раз к вопросу об абстрактном и конкретном в политической экономии // Вестн. Моск. ун-та. 1975. № 5.
18. Шкредов В.П. Экономика и право. Опыт экономико-юридического исследования общественного производства. М., 1990.
19. Шкредов В.П. Деньги, предпринимательство, государство. М., 1999.

Р.С. ГАЙСИН, Н.М. СВЕТЛОВ

**Стоимость и ценность: пути синтеза классической
и неоклассической теорий**

Аннотация. Статья развивает теоретические основы синтеза классической теории стоимости и неоклассической теории ценности в двух направлениях: трактовка стоимости по третьему тому «Капитала» Маркса как соотносительной равновесной величины; применение теории абстрактных балансовых систем для установления отношения эквивалентности пропорций затрат абстрактного труда и стоимости, что позволяет сформулировать количественный аспект закона трудовой стоимости как теореме, выводимую из предпосылок неоклассической микроэкономики. Показано, что стоимость, количественно определяемая как соотносительная величина затрат общественно необходимого рабочего времени, выступает объективной мерой общественной полезности, данной обществом через производство и рынок, а понятие предельной полезности углубляет понимание стоимости как общественной оценки данной полезности с точки зрения совокупных общественных затрат рабочего времени.

Ключевые слова: стоимость, ценность, уровни спроса и предложения, величины спроса и предложения, воспроизводство, балансовая система, полезность, предельные издержки производства.

Abstract. The paper broadens the theoretical ground of synthesis between the classical theory of worth and neoclassical theory of value in two directions. The first dimension is an interpretation of worth following the 3rd value of Marx's "Capital" as a relative equilibrium variable. The second is an application of the theory of abstract balance systems to establishing an equivalence between the ratios of expenses of abstract labor and the ratios of worth, which makes it possible to formulate the quantitative aspect of the Marxian Law of worth as a theorem derived from the assumptions of neoclassical microeconomics. It is shown that the worth defined in quantitative terms as a relative measure of expenses of socially demanded working time acts as an objective measure of social welfare, which is determined by the society by means of production and market. Complementarily, the dimension of marginal utility deepens understanding of worth as a social evaluation of the utility from the viewpoint of total social expenses of working time.

Keywords: worth, value, levels of supply and demand, amounts of supply and demand, reproduction, balance system, utility, marginal production costs.

Актуальность и предпосылки объединения теорий стоимости и ценности

Основополагающей проблемой экономической теории является проблема экономической ценности благ, взаимосвязанная с проблемами стоимости, предпочтений и рыночной цены. Помимо очевидного теоретического, познавательного, мировоззренческого значения, ее разработка имеет важные прикладные импликации.

Так, представления о сущности экономической ценности имеют значение при определении меры доверия к рыночным ценам в качестве критериев принятия решений, относящихся к области государственной экономической политики. Ясное понимание содержания информационного сигнала, передаваемого ценами, способно предупредить неточное понимание экономических показателей, производных от стоимостных. И напротив, в ряде случаев аргументы к принятию решений на разных уровнях управления могут стать более убедительными, если участники этого процесса имеют общее понимание информационного содержания цены, основанное на достоверном научном знании.

Теоретически установленная роль цен в механизме рыночного саморегулирования экономики в столкновении с общественной практикой заставляет исследователей вновь и вновь задаваться вопросом о причинах устойчивых неэффективных состояний экономики, которые не всегда находят удовлетворительное объяснение в терминах «провалов рынка» и «институциональных ловушек» [1].

В эпоху высокой волатильности цен, в которую мировая экономика вступила в последней трети прошлого столетия, важное значение имеют научные основания для выделения полезного сигнала, передаваемого ценами, из всевозможных помех и шумов. Они необходимы для выбора вариантов институционального развития глобальной рыночной экономики, направленных на последовательное устранение причин волатильности, дезориентирующей хозяйствующих субъектов при принятии долгосрочных хозяйственных решений — в частности, тех, которые формируют основополагающие условия устойчивого экономического развития в будущем.

Из всего многообразия теоретических разработок проблемы ценности экономических благ господствующими признаны два направления. Первое из них — классическое, начало которому положено трудами У. Петти, А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса. Другое направление — неоклассическое, основанное А. Маршаллом, развитое Л. Вальрасом в последней трети XIX в. и получившее статус завершенной научной теории благодаря работам К. Эрроу и Ж. Дебре [2]. Для этих двух направлений характерны различия в теоретических концепциях, поразному объясняющих механизм ценообразования. В первом случае

это закон стоимости, во втором — закон редкости, на котором основываются законы спроса, предложения, издержек производства и понижающейся предельной полезности.

Суть классических теорий заключается в том, что стоимость определяется суммой труда, затраченного на производство товара, приведенного к нормальной сложности и интенсивности. Неоклассические теории ценности определяют внутреннюю стоимостную основу блага главным образом с позиции потребителя, с позиции полезности. Содержательную основу ценности благ эти теории видят в их предельной полезности. Различие тех и других теорий объясняется тем, что один и тот же объект — экономика — рассматривается ими под разными углами зрения. Классики рассматривают экономику с позиции производства (товарного производства), требующего затрат, которые в конечном счете сводятся к затратам рабочего времени. В центре внимания неоклассической теории находится не производство продукта, товара, стоимости, а рыночное формирование и распределение доходов. Исходной категорией здесь является рыночная цена. Исходя из этого, можно предположить возможность рассмотрения этих теорий не как взаимоисключающих, а как дополняющих друг друга. Такая трактовка может быть положена в основу «великого объединения» двух направлений экономической мысли на платформе синтетической теории стоимости, вытекающей из единой системы взаимно согласованных исходных посылок.

В подтверждение этого положения следует указать на крупные научные результаты в предметной области теорий стоимости и ценности, полученные при помощи подходов, которым одновременно присущи элементы как неоклассической, так и классической методологии. Во-первых, это модель «затраты—выпуск» В. Леонтьева, из которой выводятся формулы зависимости цен от коэффициентов полных затрат, применимые для практических расчетов. Замечательно, что модель Леонтьева может быть представлена как спецификация, с одной стороны, модели Вальраса, с другой, формулы стоимости $c+v+m$, предложенной К. Марксом. Во-вторых, это опередившая свое время работа Дж. фон Неймана по теории сбалансированного экономического роста [3], в которой система цен динамического равновесия выводилась из основополагающих идей Вальраса об общем экономическом равновесии, но без обращения к понятию полезности. Наконец, сюда же относится метод разрешающих множителей Л.В. Канторовича [4], приведший к открытию объективно обусловленных оценок и доказательству необходимости возникновения стоимостных пропорций в оптимально функционирующей экономике, опять-таки полученному без обращения к понятию полезности.

Несмотря на принципиально различные подходы классической и неоклассической школ к определению ценности благ, есть научные элементы, сближающие эти школы в понимании «естественной» (стоимостной) основы цены. В частности, теория А. Маршалла представляет собой своеобразный «мост» между двумя направлениями: классической теорией трудовой стоимости Д. Рикардо и теорией предельной полезности Е. Бем-Баверка. Этим «мостом» является обоснованный Маршаллом механизм взаимодействия спроса и предложения. Маршалл доказывает, что рыночная цена определяется не только полезностью товара, но в равной мере издержками производства. При этом он ссылается на важное значение теории Д. Рикардо для решения этого вопроса: «...Основы теории, оставленные нам Рикардо, сохраняют свою силу и сегодня... Рикардо знал, какую существенную роль в формировании стоимости играет спрос, но... он считал его действие менее скрытым, чем влияние издержек производства» [5, 202]. А. Маршалл сформировал концепцию, рассматривающую в качестве содержательной основы ценности благ полезность, соизмеряемую с издержками производства, которые, в свою очередь, обусловлены ограниченностью (редкостью) ресурсов.

Теоретическая платформа «великого объединения» в экономической науке

Цена как фактор и как результат изменения спроса и предложения. В методологическом плане ценность теории Маршалла заключается в ее положениях, согласно которым цена, во-первых, выражает не абсолютные, а соотносительные величины; во-вторых, предстает как результат соизмерения потребности с ресурсами, т. е. определяется, с одной стороны, полезностью товара, с другой, издержками производства; в-третьих, балансирует потребности и возможности как индивида, так и общества в целом. В конечном счете, именно баланс общественных потребностей и общественных издержек определяет общественную ценность (стоимость) экономических благ.

Назовем изменения, графически выражаемые смещением кривой спроса (предложения), изменениями *уровня спроса и уровня предложения*, чтобы отличать их от *величин* спроса и предложения, которые выражаются различными точками заданной кривой спроса или предложения. Рыночная цена меняется не под влиянием величин спроса и предложения, а вследствие изменений их уровней. В самом деле, в отличие от величин спроса и предложения, находящихся в зависимости от цены, уровни спроса и предложения определяются, в конечном счете, внерыночными факторами. Эти факторы выступают как неценовые детерминанты спроса и предложения. Следовательно, *глубинные*

причины, определяющие величину и динамику цены, лежат за пределами рынка.

Изменение уровня спроса происходит независимо от состояния данного рынка, конъюнктуры рынка данного товара, его цены. Оно вызывается факторами, выражающими изменение абсолютных объемов, структуры и взаимосвязей потребностей общества. Сказанное относится и к изменениям уровня предложения. Здесь также основными являются нерыночные факторы — изменение условий производства, влияющих на производственные издержки. Таким образом, уровни спроса и предложения, а вслед за ними изменения рыночной цены в долговременном периоде определяются глубинными общеэкономическими факторами — потребностями общества и его производственными возможностями. Эти факторы относительно устойчивы в сравнении с краткосрочными колебаниями цен и другими рыночными детерминантами — динамикой товарных остатков, сезонностью спроса и т. п. Для объяснения влияния на цену вне рыночных факторов не оценима роль классической методологии. В данной статье мы обобщаем аргументы в пользу тезиса, гласящего, что нерыночная основа цены, которая выражает равновесие между потребностями и производственными возможностями общества, — это и есть товарная, трудовая стоимость. Но *стоимость не как затратная, а как соотносительная равновесная величина*²⁶. Стоимость определяется, если использовать терминологию А. Смита, не «затраченным» и не «покупаемым» трудом, а их равновесием. Состояние равновесия или неравновесия между потребностями и производственными возможностями общества определяет ценность (стоимость) экономического блага.

Аргументацию данного утверждения укрепляет кибернетический аспект анализа категории стоимости. Он связан с постановкой следующего вопроса: каким образом участники рынка узнают величину трудовой стоимости благ, устанавливая цены? Раскрытие этого процесса — необходимое требование к законченной научной теории стоимости. В последней трети XX в. соответствующая методологическая база была сформирована в работах В.М. Полтеровича [7, 90—96]. На ней основано описание информационных процессов, сопровождающих заключение сделок. Несложный алгоритм, выполняемый договаривающимися сторонами для оценки своей выгоды, в общественном масштабе имеет результатом вычисление полных общественных издержек, которые, в свою очередь, сводятся к полной трудоемкости в наименее благоприятных условиях производства [8, 100—144]. Это

²⁶ Рассматриваемая в статье концепция соотносительной равновесной стоимости более подробно изложена в [6, гл. 1] и в других наших работах.

описание базируется на неоклассической аксиоматике, причем оно остается верным при ее развитии в направлении учета возможного влияния стоимости на предпочтения.

Трактовка стоимости по третьему тому «Капитала» К. Маркса как методологическая основа синтеза классической и неоклассической теорий. Марксова концепция стоимости содержит параллели с неоклассической концепцией ценности и помогает преодолеть недосказанности последней. Чтобы их обнаружить, следует отказаться от трактовки стоимости только по первому тому «Капитала», от рассмотрения его третьего тома как иллюстрации уже завершенной теории стоимости. В действительности в третьем томе «Капитала» Маркс развивает и углубляет теорию стоимости. Здесь содержится наиболее существенная поправка к домарксовым трактовкам стоимости: показано, что стоимость, как и цена у представителей неоклассической школы, выражает не абсолютные, а соотносительные величины. Стоимость выражает соотношение общественных потребностей и общественных затрат труда.

Довольно острая дискуссия по вопросу о различной трактовке К. Марксом стоимости в первом и третьем томах «Капитала» состоялась еще в 1920-е гг. Уже в тот период А. Мендельсон, критикуя Ш. Двойлацкого, показывал модификацию закона стоимости по мере перехода от первого к третьему тому «Капитала». Он утверждал, что «основным условием, предпосылкой стоимости, согласно теории Маркса, является полезность — способность удовлетворять какую-либо общественную потребность» [9, 88]. На этой основе он доказывает, что Марксова трудовая стоимость имеет «незатратный» характер.

Развернутая «незатратная» трактовка стоимости была дана в 1970-е гг. Г.Б. Правоторовым. Он отмечает, что К. Маркс неоднократно подчеркивал: стоимость «...определяется не тем трудом, который затрачен на производство товара, а трудом, который нужен для его воспроизводства» [10, 96]. Ссылаясь на третий том «Капитала», он отмечает методологическую ценность указания К. Марксом качественно новых моментов определения стоимости применительно не к отдельному товару, а к стоимости всей суммы товаров данного вида; показывает, что общество перераспределяет совокупный труд сообразно своим потребностям; обнаруживает большую роль общественных потребностей в формировании общественно необходимых затрат труда; указывает, что закон стоимости выражает «связь между различными общественными потребностями и затратами общественного труда, необходимыми для их удовлетворения... выражает окольным путем — через соотношение спроса и предложения» [10, 107].

На уровне общественного производства главное в содержании общественно необходимых затрат труда — то, что это затраты не фактические, а необходимые обществу. Общественный оптимум труда формируется на уровне общества, а не индивидуального производства. В третьем томе «Капитала» речь идет о переводе самого сущностного и функционального анализа стоимости, процесса ее формирования с уровня отдельного производственного процесса на уровень экономики в целом. Здесь общественно необходимое рабочее время рассматривается не применительно к отдельному товару, а к данной группе, данному виду товара, производимому для общества в целом. Это означает, во-первых, что средние затраты на единицу продукта при средних условиях производства являются общественно необходимыми затратами лишь в том случае, если общее количество данного продукта соответствует потребностям общества в данный момент. Во-вторых, общественно необходимые затраты труда в отдельно взятом товаре зависят от фактических затрат и степени их соответствия оптимальным в товарах всех других видов на данном рынке.

Изменение потребности общества в данном товаре или изменение фактических затрат на него влияет на объем необходимого обществу труда, воплощенного в других товарах. В стоимости выражается динамическое равновесие общественного производства и потребления, потребностей и возможностей общества, уровня спроса и уровня предложения на рынке. Если рост общественных потребностей на данную группу товаров опережает рост производственных возможностей, то увеличивается суммарное время необходимого обществу труда на производство товаров в данной отрасли, т. е. повышается стоимость товаров. *Стоимость определяет границу общественно необходимого рабочего времени, воплощенного в данном виде товара.* Она выражает ту часть всего общественного рабочего времени, которая выделена обществом для производства данного вида товара, сообразуясь с тем, что необходимое пропорциональное количество рабочего времени должно затрачиваться на все группы товаров. «Если это разделение пропорционально, — отмечает К. Маркс в третьем томе “Капитала”, — то продукты различных групп продаются по их стоимостям... Закон стоимости в действительности проявляется не по отношению к отдельным товарам или предметам, но каждый раз по отношению ко всей совокупности продуктов отдельных обособившихся благодаря разделению труда общественных сфер производства» [11, 691].

Если же данная группа товаров, например, тканей, произведена в непропорционально большом количестве, значит, общество затратило больше своего совокупного рабочего времени, чем это необходимо. В подобном случае весь продукт может быть продан «лишь так, как

если бы он был произведен в необходимой пропорции» [11, 692]. Выделенный на данный вид товара общественный труд оказывается распределенным на фактически *произведенное* количество товара, а стоимость единицы *проданного* товара станет ниже, чем при производстве пропорционального количества товара. Следовательно, общественно необходимое рабочее время — это не просто общественно усредненное применительно к условиям производства фактическое рабочее время. Это отличное от фактических затрат, общественно необходимое рабочее время, выделяемое обществом для производства определенного количества товаров данного вида исходя из наличных трудовых возможностей (ресурсов) и общественных потребностей.

В соответствии с данным методологическим подходом к формированию стоимости и цены, который разработан К. Марксом в третьем томе «Капитала», общественно необходимое рабочее время зависит:

- во-первых, от трудовых возможностей общества, от совокупного общественного рабочего времени и производительной силы труда,
- во-вторых, от потребностей общества, их структуры и пропорциональности распределения по отдельным конкретным видам продукции.

«Общественная потребность... вот что, — пишет К. Маркс в третьем томе “Капитала”, — определяет здесь долю всего общественного рабочего времени, которая приходится на различные особые сферы производства» [11, 692]. Общественная потребность определяет количественную границу общественно необходимого рабочего времени. Эта граница не всегда совпадает с фактически затраченным на данную группу товаров (или на данный товар) рабочим временем.

Указанный механизм воздействия потребностей общества (уровня спроса) и его производственных возможностей (уровня предложения) на величину общественно необходимого рабочего времени, приводящий к перераспределению совокупного рабочего времени между отраслями, был проанализирован К. Троневым. «При обычных колебаниях, — отмечает он, — спрос и предложение воздействуют следующим образом. Если, например, спрос упал по сравнению с предложением, вызвав соответствующее снижение цены по сравнению с рыночной стоимостью, то конкурентная борьба может либо вытолкнуть из производства предприятия, у которых индивидуальные затраты труда слишком высоки, либо привести к развитию производительности труда в отрасли. И в том, и в другом случае произойдет повышение среднего отраслевого уровня производительности труда, в результате чего *рыночная стоимость упадет*. При превышении спроса над предложением... *рыночная стоимость повышается*. Воздействие спроса и

предложения на величину рыночной стоимости здесь не непосредственное; воздействуя на отклонения цен от стоимостей, они тем самым воздействуют на условия воспроизводства в отрасли, а изменение последних, выражающееся в изменении среднего отраслевого уровня производительности труда, приводит к соответствующему изменению рыночной стоимости» [12, 34, 36—37].

Рассмотренное выше понимание общественно необходимого рабочего времени, процесса формирования величины стоимости по-новому освещает и понятие общественного труда как субстанции стоимости. Труд — основа стоимости — это не «затраченный» на производство товара, а выделенный обществом для производства товара, не фактический, не в физическом смысле, а необходимый общественный труд. К тем же суждениям можно прийти, отталкиваясь от концепции А. Маршалла, как показано в следующем разделе статьи. Общественным является лишь труд в определенной структурной пропорции, — абстрактный труд, но в конкретной структуре, соответствующей потребностям общества. В стоимости выражается не только определенное количество труда, но и его соответствие, количественное и структурное, общественной потребности. Только в таком совпадении труд в действительности является общественным.

Линии соприкосновения классической и неоклассической теорий ценности (стоимости). Трактовка стоимости в качестве соотносительной равновесной, а не абсолютной величины значительно сближает классиков и неоклассиков. В такой трактовке стоимость органично занимает место *основы* рыночной цены. С другой стороны, исследования неоклассиков представляют достаточно разработанный механизм *формирования* стоимости и ее взаимосвязи с ценой.

Субстанцией стоимости является не просто труд в физическом смысле, а общественный труд. Общественный труд — это не только труд в обществе и для общества, а труд, формируемый, учитываемый и возмещаемый обществом исходя из его потребностей и возможностей. Ограниченность трудовых возможностей общества означает, что общественно необходимые затраты труда на один вид товаров зависят от фактических и необходимых затрат труда на все другие виды товаров. Механизм формирования этих затрат в развернутом виде представлен у неоклассиков, в теории производственных возможностей общества. Изучение рыночных механизмов содействует пониманию процесса формирования товарной стоимости как общественного процесса, протекающего в масштабах всей экономики, зависимости величины стоимости не только от абсолютного количества труда в массе товара, но и от того, насколько он количественно и структурно соответствует общественным потребностям и общественным возможностям воспроиз-

водства данного товара. Стоимостное содержание затраты труда приобретают лишь при условии, что эти варианты выбирает потребитель — а следовательно, и общество в целом — через рынок, что согласуется с трактовкой стоимости по третьему тому «Капитала», представленной выше.

Неоклассический подход существенно сближается с классическим, если принять положение о том, что предельная полезность, стоящая за ценой, — это не субъективная, а объективная полезность. В самом деле, ее оценивает индивид, но его оценка зависит от количества данного товара и других товаров на рынке, *от предельных издержек их производства*. т. е. речь идет о полезности, оцененной с точки зрения общественной потребности и производственных возможностей общества. Однако если классическая школа изначально придает большое значение зависимости полезности от издержек²⁷, то неоклассики (в отличие от неoinституционалистов) вполне осознанно определяют предмет исследования экономической науки таким образом, чтобы оставить предпочтения — причинную основу величин предельной полезности — за его рамками.

Таким образом, важным недостающим звеном синтеза двух плодотворных ветвей экономической науки является теория формирования предпочтений, описывающая влияние на них со стороны процессов производства, распределения и обмена. Развитие этой теории должно содействовать достижению взаимопонимания между представителями обеих ветвей на обновленной теоретической основе.

Минимально необходимое условие решения этой проблемы — развитие теоретической модели *homo economicus*, предполагающей инвариантные предпочтения. Положим, что *homo economicus*—II, в отличие от прежней модели, обладает множеством разнообразных потребностей, которые он по своей природе, в отсутствие каких-либо внешних причин, *в принципе не в состоянии соизмерить*. В этом случае очередность удовлетворения потребностей диктуется обстоятельствами. Так, если традиционный *homo economicus* отправился за покупками, имея в своем распоряжении заданный бюджет, то приобретенный им набор благ не будет зависеть от того, каким оказался маршрут его следования мимо торговых точек: от книжных лавок к палаткам с

²⁷ К. Маркс пишет («Капитал», т. 3, отдел 2, гл. X): «...на стороне спроса имеется определенная общественная потребность данной величины... Но количественная определенность этой величины чрезвычайно эластична и изменчива. Она только кажется фиксированной. Если бы жизненные средства были дешевле или денежная заработная плата была бы выше, то... обнаружилась бы более значительная “общественная потребность” в данных видах товаров».

планшетными компьютерами или в обратном направлении. Homo economicus—II в этих двух случаях, вполне вероятно, приобретет разные наборы благ, как это случается и с реальными потребителями.

Такая модель экономического поведения хорошо поддается теоретическому анализу: например, склонность сберегать деньги находит в ней более естественное объяснение, чем в традиционной [13, п. 2.1.2]. При условии, что homo economicus—II исчерпал имеющиеся у него возможности более полного удовлетворения своих потребностей, общая теорема взаимности в математическом программировании А. Лурье [14] позволяет распространить на такие модели традиционный математический аппарат исследования задач на поиск экстремума. В этом состоянии (Парето-оптимуме потребностей) удовлетворение одной потребности может быть повышено только за счет некоторого снижения удовлетворения другой. Размер этого снижения и дает, наконец, возможность соизмерить потребности, формируя предпочтения. Однако такие предпочтения оказываются зависящими, как минимум, от того, в каком из многих оптимумов по Парето оказался homo economicus—II, проходя случайным маршрутом мимо торговых павильонов.

Под углом зрения обновленной модели «экономического человека» стоимость и предпочтения представляют собой диалектическое единство противоположностей, образующее движущееся и развивающееся целое. Представления о стоимости благ и о предпочтениях в потреблении формируются благодаря процессу поиска торговых партнеров и заключения сделок, доставляющему хозяйствующим субъектам информацию о соотносительных трудозатратах на обретение (производство, покупку, обмен) благ и на удовлетворение потребностей. Суть этих процессов в том, что отношения обмена, связывающие хозяйствующих субъектов, имеют следствием достижение состояния экономики, в котором возможности дальнейших обменов исчерпаны. В этом состоянии стоимостные пропорции, существующие в представлении homo economicus—II, обусловлены соотношением затрат рабочего времени, необходимых для обретения единицы того или иного блага, а предпочтения — соотношением затрат рабочего времени, необходимых для единичного прироста степени удовлетворения той или иной потребности. *Соотносительные трудозатраты в конкретном предельном состоянии последовательности обменов обуславливают не только стоимость благ, но и предпочтения.* Этот вывод дополняет теоретическую картину воспроизводственного процесса, которая складывается на неоклассической методологической основе, и согласует ее с трудами экономистов классической школы.

Процесс формирования предпочтений можно структурировать по этапам, предположив, что различные источники необходимой для этого информации используются последовательно. Соответственно, выделяются четыре рода предпочтений (см. рисунок).

Предпочтения I рода не обладают полнотой: они не позволяют сопоставить любые два набора потребностей и установить, какой из них желательнее. Пока homo economicus—II руководствуется такими предпочтениями, стоимость может существовать только в случайной форме.

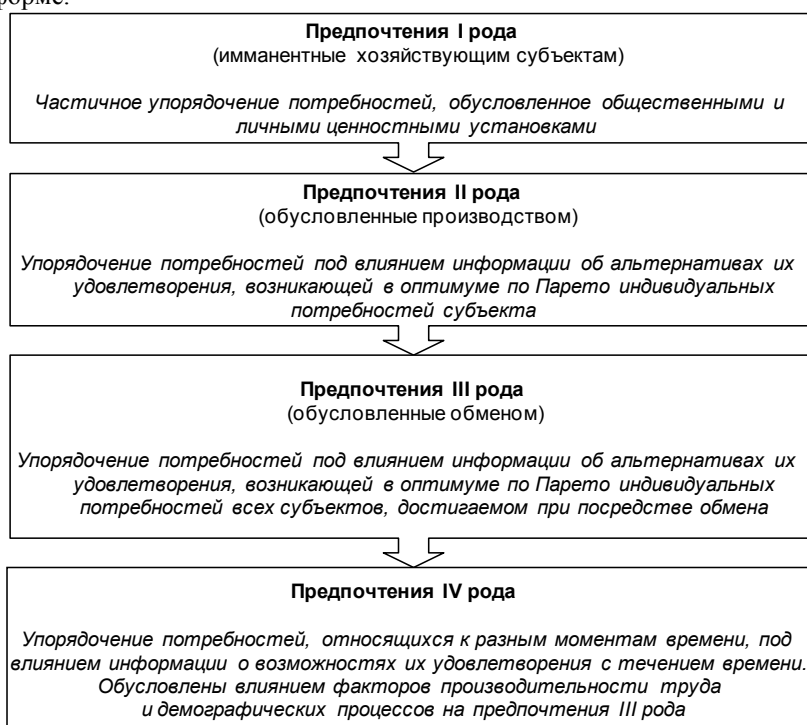


Рис 1. Схема трансформации предпочтений в процессе общественного воспроизводства

Предпочтения II рода, как правило, полные, но различны для разных субъектов. Для их образования необходимо достижение субъектом оптимума по Парето своих потребностей. *Предпочтения III рода* одни и те же для всех хозяйствующих субъектов. Они образуются одновременно с общественной стоимостью благ вследствие одного и того же информационного процесса, сопровождающего рыночные

сделки и определяющего тенденцию к состоянию, в котором все возможные на данный момент обмены совершены. Действительное поведение хозяйствующих субъектов обуславливается *предпочтениями IV рода*, позволяющими соизмерить не только сегодняшние потребности, но и будущие. Эти предпочтения образуются под действием закона согласованности экономического роста с темпами роста населения и производительности труда [13, п. 2.5].

Каждому из потенциально достижимых предельных состояний последовательности обменов присуща собственная система предпочтений и стоимостных пропорций, определяющая, в конечном счете, уровень жизни, образования, культуры, социального расслоения и др. Изменение системы стоимостных пропорций приводит к изменению всей системы предпочтений и, опосредованно, социально значимых характеристик экономики. Система стоимостных пропорций, складывающаяся на рынке в процессе отыскания одного из многих потенциально возможных предельных состояний, отвергает институты, которые с ней не совместимы в силу финансовой несостоятельности. Таким образом, она не только обеспечивает согласование использования ресурсов, балансируя потребности и возможности общества, но и направляет институциональную эволюцию социума. Опираясь на математические модели, направления этой эволюции можно и нужно предвидеть, учитывать и оценивать с точки зрения их соответствия целям национальной экономической политики.

Было бы неверным полагать, что эта эволюция необходимо имеет прогрессивную направленность: во всяком случае, не дополняя новыми сущностями модель homo economicus—II, к подобному выводу прийти нельзя. Так, в предельной точке последовательности обменов, для которой характерна меньшая предпочтительность потребностей, удовлетворяемых творческим трудом человека (потребности в познании, культурном и интеллектуальном развитии), снижается ценность человеческой личности, обостряется противоречие между двумя функциями человека в воспроизводственном процессе: целеполагающего начала общественного производства и элемента производительных сил. Конкуренция между национальными хозяйственными системами стимулирует прогрессивные институциональные изменения, подчас взимая за них чрезмерную цену; однако даже этот фактор перестает действовать в условиях глобализации наиболее конкурентоспособных институтов.

Классическая и неоклассическая трактовки проблемы роста цен и стоимости. Рост цен в течение ряда десятилетий XX в. при росте производительности труда представлен в литературе как главный «ступик» трудовой теории стоимости. Однако понимание стоимости в

рамках выдвинутой выше концепции *соотносительной равновесной стоимости* позволяет выделить факторы, соотношение и динамика которых разнонаправлено действуют на величину стоимости:

- ресурсы труда в обществе с учетом производительности труда;
- объем и структура потребностей.

Экономический рост, углубляющееся общественное разделение труда ведут к росту объемов и разнообразия потребностей, к динамичному изменению их структуры. Общественные потребности в какой-то группе товаров или отдельном виде товара могут расти быстрее, чем производственные возможности. Это ведет к возрастанию *необходимого обществу* рабочего времени для производства больших групп товаров, опережающему рост количества и качества *затрачиваемого* труда, росту производительности конкретного труда. «Труд, затрачиваемый на воспроизводство товаров, необходимых для удовлетворения потребностей, может — как подчеркивает А.А. Борейко, — не совпадать с трудом, который присваивается через обмен» [15, 187—188]. Результатом может стать рост стоимости товаров.

Подобную динамику цены и стоимости К. Маркс представил в третьем томе «Капитала» на примере производства земледельческой продукции. Сокращается количество занятых, растет производительность их труда, а, следовательно, исходя из традиционной трактовки стоимости, должна снижаться стоимость сельскохозяйственной продукции. Но в это же время растет неземледельческое население, растут общественные потребности в продовольствии, причем быстрее производственных возможностей. Вследствие этого возрастает масса необходимого обществу труда, и возрастает быстрее, чем фактический затрачиваемый труд, т. е. растут стоимость и рента. Стоимость земледельческого продукта, заключает Маркс, «зависит от массы и производительности неземледельческого населения» [11, 694]. Но это явление «не представляет специфической особенности земледелия и его продуктов», — замечает далее Маркс [11, 693]. В рассматриваемой ситуации возрастает величина общественного труда, выделяемого для производства продукта данной отрасли, так как быстро растет потребность в данном товаре. Следовательно, возрастает его общественная стоимость.

Эта трактовка проблемы не противоречит, а дополняет и углубляет истолкование той же проблемы неоклассиками. В частности, неоклассики решают проблему длительного роста цен, опираясь на закон возрастающих вмененных издержек, закон понижающейся доходности факторов. Но действие названных законов в условиях роста производительности труда связано с ростом объемов и разнообразия потребностей общества, которое вызывает возрастание вмененных издержек

на большие группы продуктов, вызванное переходом на новые, инновационные производства. Закон понижающейся доходности факторов на примере земледелия является прямой конкретизацией положения о росте стоимости сельхозпродуктов.

Рыночные подходы к теории стоимости, получившие развитие в неоклассической концепции, впервые встречаются в классической теории земельной ренты у Д. Рикардо. Теория дифференциальной ренты построена на предельных категориях. Средние затраты на худших землях, лежащие в основе рыночной стоимости сельскохозяйственного продукта, в неоклассической теории отождествляются с предельными издержками производства. Д. Рикардо объясняет динамику земельной ренты и рост цен в земледелии именно через рост предельных затрат, через понижающуюся доходность факторов производства в связи с переходом к худшим землям.

К. Маркс, развивая идеи Д. Рикардо, связывает движение стоимости — в частности, стоимости продукта земледелия — с потребностями общества. По мере быстрого роста потребностей в продуктах земледелия, опережающего рост производительности труда, общество оценивает земледельческий труд (в качестве общественно необходимого) более высоко, что обуславливает рост стоимости его продуктов. Это создает излишек стоимости в продуктах земледелия. Таким образом Маркс приходит к идее абсолютной земельной ренты. Однако в XX в. картина меняется. Производственные возможности (производительность труда) в сельском хозяйстве индустриально развитых государств растут быстрее, чем потребности общества в продукции этой отрасли. В связи с этим имеет место обратная тенденция: снижается стоимость сельскохозяйственной продукции, уменьшается (или даже исчезает) излишек стоимости в продуктах земледелия — источник абсолютной ренты. Проблема, известная как диспаритет цен между промышленностью и сельским хозяйством в XX в., на деле представляет собой сложившийся в индустриально развитых странах баланс общественных потребностей в продовольствии и возможностей общества по их удовлетворению. Он обусловлен влиянием «зеленой революции», приведшей к резкому повышению производительности труда в сельском хозяйстве. За последние десятилетия опубликован цикл научных работ, посвященных детальному раскрытию содержания абсолютной земельной ренты на основе концепции синтеза классической и неоклассической теорий ценности — концепции соотносительной равновесной стоимости.

Математическая платформа «великого объединения»

Как мы видим, концепции классического и неоклассического направлений экономической науки в понимании *механизмов* формирования общественных издержек производства можно с достаточным основанием считать взаимодополняющими. А как соотносятся эти концепции в истолковании *содержания* (субстанции) общественных издержек? Эта проблема представляется основным водоразделом в экономической теории. При этом «несовместимость» двух концепций в значительной мере предопределялась преимущественно идеологическими соображениями.

Товарная теория ценности рассматривает в качестве содержания общественных затрат в производстве товара и, соответственно, субстанции товарной стоимости общественный труд, а рыночная — затраты ресурсных факторов производства — труда, капитала, земли (природных ресурсов), предпринимательской активности. Исходная основа у этих концепций одна — ограниченность ресурсных факторов производства, придающая издержкам производства экономический характер. Но в одном случае предполагается, что общество учитывает и возмещает в обмене, в качестве основы ценности, затраты природных, трудовых и капитальных ресурсов, в другом — что оно сводит эти затраты исключительно к расходованию трудовых ресурсов.

Строгий анализ показывает, что существует уровень абстракции, на котором это различие не является фундаментальным. Одним из следствий теории абстрактных балансовых систем является то, что ограниченность любых производственных ресурсов, в конечном счете, может быть сведена к ограниченности единственного ресурса. Это в полной мере относится к рабочему времени, особая роль которого в ряду экономических благ не вызывает сомнений: это единственное благо, безусловно необходимое для осуществления любого технологического процесса и, следовательно, для удовлетворения любой потребности общества. В этом отношении рабочее время принципиально не заменимо: при удовлетворении заданного набора потребностей можно говорить о высвобождении некоторого его количества благодаря доступности другого ресурса, но, в отличие от других ресурсов, оно *не может быть полностью замещено другими ресурсами ни в одном производственном процессе*. Напротив, ограниченность природных и капитальных (средства производства) ресурсов может быть в известных пределах преодолена при наличии достаточных (в количественном и качественном отношении) ресурсов рабочего времени. Следовательно, трудовые ресурсы могут быть признаны конечным ограничителем производства в обществе. Вот почему не потеряло своей зна-

чимости утверждение классиков о том, что конечным мерилom богатства общества является труд.

Не вдаваясь в детали теории балансовых систем, рассмотрим ее приложение к системе однопродуктовых технологий с целью выяснения условий, при которых трудозатраты пропорциональны, с одной стороны, ценам, а с другой, затратам любого другого ограниченного ресурса. Последнее представляется особенно существенным, чтобы подвести черту под дискуссией о том, какие факторы и в какой доле вносят количественный вклад в размер стоимости. В действительности *полные общественные затраты любого ограниченного блага вполне определяют стоимость, и в этом отношении рабочее время ничем не отличается от других благ (если, конечно, оставить в стороне его уникальное свойство, отмеченное абзацем выше).*

По аналогии с понятием «закрывающие затраты» назовем *закрывающей однопродуктовой технологией* такую технологию, которая отвечает предположениям модели «затраты— выпуск» В. Леонтьева, входит в состав совокупного технологического процесса однопродуктовой отрасли и не создает добавленной стоимости при заданных положительных ценах.

Пусть $Z = (z_{ij})$ — квадратная матрица прямых затрат в закрывающих технологиях каждой однопродуктовой отрасли, одна из строк которой описывает затраты рабочего времени. Записав условие равновесия на однопродуктовом рынке $MC = MR$ (равенство предельных затрат предельной выручке) для каждой однопродуктовой отрасли в терминах матрицы Z , получим условие конкурентного равновесия $Z^T p = p$, где p — неотрицательный ненулевой вектор цен, произведение $Z^T p$ равно вектору значений MC каждого блага, p — вектор соответствующих значений MR . Балансовую систему для данных условий образуют матрица $I-Z$, где I — единичная матрица, вектор p и вектор x объемов выпуска благ, который решает систему уравнений $Zx = x$ и обеспечивает, таким образом, баланс производства и потребления. Поскольку обе приведенные выше системы уравнений однородные, а матрица $I-Z$ вырождена в силу того, что в ней представлены только закрывающие технологии, векторы p и x могут иметь любой масштаб: существенны только *соотношения* между их компонентами.

Пусть $A = (a_{ij})$ — такая последовательность матриц, в которой компоненты a_{ij} образуют последовательности, сходящиеся к нулю, при том, что определитель ни одной матрицы последовательности нулю не равен. Рассмотрим последовательность матриц, задаваемую формулой $I-Z-A$. Компоненты соответствующих матриц $\Gamma = (\gamma_{ij}) = (I-Z-A)^{-1}$ интерпретируются по аналогии с компонентами матрицы $B = (I-A)^{-1}$ классической модели «затраты-выпуск» как коэффициенты полных

затрат благ в системе технологий $Z+A$. Последовательность $I-Z-A$ отвечает условиям теоремы о бесконечно малом определителе [16], согласно которой величины (γ_{ij}) подчиняются соотношениям $c\gamma_i - p \rightarrow 0$, где γ_i — произвольная i -строка матрицы G , c — подходящий скаляр. Следовательно, подходящим образом нормированные полные затраты *любого блага* (в том числе рабочего времени) в системе технологий $Z+A$ стремятся к ценам конкурентного равновесия. Вышесказанное обосновывает следующие два утверждения применительно к рассмотренной балансовой системе:

- во-первых, цены конкурентного равновесия имеют тенденцию к полным общественным затратам рабочего времени на производство единицы соответствующих благ при технологических возможностях, имеющихся у общества, т. е. к стоимости в ее классическом понимании;
- во-вторых, пропорции полных затрат любого блага также имеют тенденцию к сближению с полными общественными затратами рабочего времени.

Заметим, что если в системе замыкающих технологий какие-либо коэффициенты прямых затрат изменятся (что повлечет изменение относительных совокупных затрат рабочего времени), то изменится стоимость не только вновь выпускаемых благ, но и всех ранее выпущенных. Это подтверждает представления Маркса о природе стоимости, на которые указывал Г.Б. Правоторов.

В технологиях $Z+A$, поскольку они близки к замыкающим, конечный чистый выпуск возможен лишь ценой неограниченно больших полных затрат. Поэтому компоненты вектора $c\gamma_i$ следует трактовать как пропорции, в которых возможно замещение одного блага другим в производственной программе без изменения валового выпуска блага i . Напомним, что к выбору блага i эти пропорции инвариантны. Таким образом, компоненты вектора $c\gamma_i$ представляют собой относительные величины стоимости. Эта интерпретация согласуется с неоклассической интерпретацией цен конкурентного равновесия, вытекающей из теоремы об отделимости выпуклых множеств в приложении к модели Эрроу—Дебре и ее модификациям: цены конкурентного равновесия суть пропорции, в которых возможно замещение производства одного блага другим без изменения размеров прибыли производителей и уровней благосостояния потребителей.

Возможна также интерпретация компонентов вектора $c\gamma_i$ (а следовательно, и p) не только в терминах затрат индивидуального рабочего времени, но и в терминах времени функционирования экономической системы. Для этого запишем соотношение единиц измерения двух компонентов вектора $c\gamma_i$ в предположении, что матрица Z построена

на основе данных о функционировании экономики в течение года (в.п. — валовая продукция, к.п. — конечная продукция, цифры — номера благ):

$$\frac{(\text{в.п.0/год})}{(\text{к.п.1/год})} : \frac{(\text{в.п.0/год})}{(\text{к.п.2/год})} = \frac{(\text{к.п.2/год})}{(\text{к.п.1/год})} = \frac{\text{лет/к.п.1}}{\text{лет/к.п.2}}.$$

Таким образом, компоненты векторов cy_i (с точностью до сколь угодно малого отклонения) и p обозначают соотношение времени функционирования экономической системы, необходимого для выпуска одинаковых малых количеств каждого блага.

Рассмотренная нами система замыкающих технологий требует, вообще говоря, выполнения весьма обязывающих предположений и не в полной мере раскрывает причины, по которым такие системы технологий могут (и должны) иметь место в реальности. Например, можно допустить, что движущие силы конкурентной борьбы, обеспечивающие равенство MC и MR на рынке одного товара, могут одновременно действовать на другие рынки в направлении их разбалансирования. К. Эрроу, Ж. Дебре и другие ученые, развивавшие идеи Л. Вальраса, нашли различные варианты условий, при которых этого не происходит. В связи с этим следует указать, что метод абстрактных балансовых систем применим (с рядом дополнительных предположений, не критичных для экономической интерпретации) к математическим моделям, использованным в подобных исследованиях, и дает аналогичные результаты.

Теория абстрактных балансовых систем в приложении к моделям конкурентного равновесия показывает, что рабочее время заключено во всех благах, поступающих в обмен на рынке, и в издержках их производства, и в их полезности. Но понимание этого положения, механизм этого включения рабочего времени и в полезность, и в издержки ее производства, отражены в Марксовом учении о двойственности труда. Труд, как было обосновано выше, может считаться конечным содержанием затрат всех факторов производства. Так, природные ресурсы оцениваются в стоимости товара не сами по себе, а в связи с экономией рабочего времени благодаря их вовлечению в хозяйственный оборот. Капитал, средства производства включаются в ценность товаров как овеществленный прошлый труд. Классиками теоретически решена и проблема включения в стоимость различных конкретных видов труда. Но реальным механизмом общественной реализации труда в стоимости товара являются рынок, спрос, предложение, цена. И здесь неоклассическая рыночная теория, ее конкретная разработка проблем функционирования рыночного механизма не только дополняет теорию трудовой стоимости, но и раскрывает причинные механиз-

мы, информационные процессы, результатом действия которых оказывается закон стоимости К. Маркса.

Таким образом, количественный аспект закона трудовой стоимости приобретает статус одной из неопровержимых теорем неоклассической микроэкономики, с необходимостью выводится из ее посылок. При этом, однако, неоклассическая теория ценности не позволяет решать полный спектр научных задач, поддающихся Марксовской теории стоимости, и наоборот. Научная значимость теории абстрактных балансовых систем заключается в том, что она позволяет строго обосновать заведомую совместимость классической теории стоимости и неоклассической теории ценности, адекватность одной и той же экономической реальности, их фундаментальное единство²⁸.

Заключение

Классическая теория стоимости и неоклассическая теория ценности, как видно из вышеизложенного, строго выводятся из одних и тех же теоретических оснований и взаимно обогащают друг друга. Углубленное понимание цены и стоимости, достигаемое благодаря такому единству, дает возможность трактовать стоимость как выражение динамического соотносительного равновесия между потребностями и производственными возможностями общества по отношению к данному товару, в то время как рыночная цена рассматривается как выражение динамического равновесия между спросом и предложением. На рынке движение стоимости отражает изменение соотношения между *уровнями* спроса и предложения, а движение цены — изменение *величин* спроса и предложения. Указанное разграничение проясняет взаимосвязи между ценой и стоимостью как на сущностном, так и на функциональном уровнях.

Цена — это один из элементов самой сущности стоимости. Поскольку формирование стоимости происходит на рынке *в процессе* совершения сделок, понятия «стоимость» нет без понятия «цена», так же как нет понятия «стоимость» без понятия «меновая стоимость». Труд становится субстанцией стоимости только при условии его общественной реализации (признании, учете, возмещении обществом) через рыночный механизм цены. С другой стороны, цена, т. е. определенное количественное выражение равновесия между спросом и предложением, получает не условное, учетное, а реальное экономическое содержание.

²⁸ На это обстоятельство указывал К. Ланкастер [17], получив результат, по сути являющийся следствием теоремы о бесконечно малом определителе в приложении к классической модели «затраты—выпуск». Однако подход Ланкастера еще не увязывается в полной мере с аксиоматикой неоклассической микроэкономики.

жание лишь постольку, поскольку она соответствует реальному равновесию между потребностями и производственными возможностями общества, т. е. выражает определенную общественную стоимость товара. Функционально, изменение стоимости вызывает напрямую изменение цены. Обратное воздействие изменений в цене может привести к изменению стоимости лишь опосредованно, через изменение потребностей общества (но не величины спроса) или экономических возможностей общества (но не величины предложения).

Неоклассики утверждают, что ограниченность естественных ресурсов (например, земли) по сравнению с другими повышает цену на соответствующий продукт, так как повышает его предельную полезность. Маркс объясняет, что высокая цена обусловлена высокой рыночной стоимостью, так как ограниченность ресурсов вынуждает общество выделять больше общественно необходимого труда на данный продукт. В результате данная полезность оценивается более высоким трудовым эквивалентом. В обоих случаях имеет место повышенная оценка обществом данной полезности в связи с ограниченностью ее источников: в одном случае оценка непосредственной полезности в денежном эквиваленте, в другом — оценка ее производства в трудовом эквиваленте.

Теория абстрактных балансовых систем, в которой коренным образом разрешается противоречие между трудовой теорией стоимости и теорией факторов производства, позволяет дедуктивно вывести количественную зависимость между совокупными затратами рабочего времени и равновесными ценами из неоклассических предположений, подтверждая тем самым объективную причинную взаимосвязь между стоимостью в ее понимании экономистами классической школы и рыночными ценами. Однако исследовательский потенциал теории балансовых систем этим не исчерпывается. Ахиллесова пята математической формы, предложенной Л. Вальрасом для анализа конкурентного равновесия, на основе которой впоследствии был развит математический аппарат неоклассической теории ценности, — это абстрагирование от взаимного влияния производства на общественные потребности и общественных потребностей на возможности производства. Форма балансовой системы преодолевает этот разрыв и позволяет показать математически, каким образом в экономике достигается баланс потребностей и производственных возможностей общества, почему этот баланс характеризуется соотносительными, а не абсолютными, величинами стоимости, формулировать условия и границы возможностей рыночного саморегулирования экономики более точно, чем это достигается в рамках неоклассического подхода. В частности, она демонстрирует, что обнаруженные Ж. Дебре условия соответствия конку-

рентных равновесий эффективным (неулучшаемым) состояниям экономики могут нарушаться, если при анализе функционирования рыночной экономики принять во внимание взаимовлияние производства и общественных потребностей. Дальнейшие теоретические исследования с использованием формы абстрактной балансовой системы представляются весьма актуальными, поскольку, ввиду вышесказанного, могут иметь своим результатом изменение научных представлений о возможностях достижения эффективных состояний экономики, которыми располагает рыночный механизм ее саморегулирования.

Тезис о том, что в равновесии предельная полезность равна предельным издержкам, под углом зрения концепции стоимости как соотносительной равновесной величины, балансирующей общественные потребности и производственные возможности общества, обретает более глубокий смысл. Предельные издержки выражают, в конечном счете, не только субъективную полезность благ, расходуемых в процессе производства, но и объективную полную ресурсоемкость в сложившихся технологических и социальных условиях общественного производства, находящую количественное выражение в полных затратах рабочего времени (равно как и в полных затратах любого другого ограниченного ресурса, и во времени функционирования экономики в целом).

В конечном итоге стоимость, количественно определяемая как соотносительная величина затрат общественно необходимого рабочего времени, выступает объективной, данной обществом через производство и рынок мерой общественной полезности, а понятие предельной полезности углубляет понимание стоимости как общественной оценки данной полезности с точки зрения совокупных общественных затрат труда. Стоимость — это не фактически вложенный труд в данную полезность, а ее оценка с точки зрения общественного труда, оценка в трудовом эквиваленте.

Исходя из вышесказанного, принципиальных препятствий «великому объединению» нет. Обе теории отражают объективную реальность и, таким образом, имеют под собой одну и ту же основу, которую требуется четко сформулировать. Однако немало работы на пути к «великому объединению» предстоит по отдельным направлениям: освобождения от неточностей и натяжек, обусловленных грузом идеологической борьбы; согласования терминологии; овладения «классиками» в полном объеме неоклассическим математическим инструментарием; готовности «неоклассиков» к его приспособлению для анализа экономических процессов — таких, например, как потребление и производство — во взаимовлиянии, движении и развитии факторов, которые их определяют.

Литература

1. *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. № 2.
2. *Debreu G.* Theory of Value: An Axiomatic Analysis of Economic Equilibrium. Wiley, 1959.
3. *Neumann J. von.* A Model of General Economic Equilibrium // Rev. Ec. Studies, 1945—1946. Vol. 13. No. 1.
4. *Канторович Л.В.* Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. М., 1960.
5. *Маршалл А.* Принципы экономической науки. Т. 2. М., 1993.
6. *Гайсин Р.С.* Механизм формирования и развития конъюнктуры рынка продовольствия. Вопросы теории и методологии. М., 1998.
7. *Полтерович В.М.* Экономическое равновесие и хозяйственный механизм. М., 1990.
8. *Светлов Н.М., Гатаулин А.М.* Стоимость, равновесие и издержки в сельском хозяйстве. М., 2013.
9. *Мендельсон А.С.* К проблеме конъюнктуры. М., 1926.
10. *Правоторов Г.Б.* Стоимостьные категории и способ производства (проблемы теории и методологии). М., 1974.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. 2.
12. *Тронеv К.* Категории рыночная стоимость и рыночная цена в III томе «Капитала» К. Маркса // Экономические науки. 1988. № 3.
13. *Светлов Н.М.* Кибернетика стоимости: Основы теории сигнальной системы современного рынка. Lambert Acad. Publ., 2012.
14. *Лурье А.Л.* Абстрактная модель оптимизации народнохозяйственного процесса и объективно обусловленные оценки // Экономика и математические методы. Т. 2. 1966. Вып. 1.
15. Современная экономическая теория: проблемы разработки и преподавания / Под ред. К.А. Хубиева. М., 2002.
16. *Светлов Н.М.* Связь цен конкурентного равновесия с натуральными показателями затрат // Журнал экономической теории. 2009. № 1.
17. *Ланкастер К.* Математическая экономика. М., 1972.

А. БЭТТЛЕР

Западные марксисты о новом империализме

Аннотация. Среди теоретиков международных отношений и международных до сих пор не прекращаются споры относительно поня-

тия «империализм». Некоторые из них вообще сбрасывают со счетов данное явление из международной жизни как не отвечающее современным реальностям. Против такого подхода выступают западные марксисты, предлагающие свои формулировки современного империализма.

Ключевые слова: империализм, международные отношения, США, западные марксисты, Ленин, Н. Бухарин, Генри Магдоф, Эрнест Мандель, Эрик Хобсбом, Роберт Курц.

Abstract. Among theorists of international relations and foreign affairs are still ongoing debate about the concept of «imperialism». Some of them write off the phenomenon out of international life, as not suited to contemporary realities. Against such an approach are the Western Marxists, offering their formulation of modern imperialism.

Keywords: imperialism, international relations, Western Marxists, Lenin, N. Bukharin, Henry Magdoff, Ernest Mandel, Eric Hobsbawm, Robert Kurz.

Соединенные Штаты Америки надо благодарить уже за то, что они не дали погибнуть слову *империализм*, блестяще демонстрируя его живучесть своей внешней политикой в начале XXI в. В отличие от международных и политологов современной России, которые практически вычеркнули это слово из своего лексикона, у западных это слово сохраняет свою первоначальную свежесть, причем в применении не только к американскому империализму, но и как к явлению, присущему основным капиталистическим державам современности. Понятно, что основными исследователями данного явления на Западе являются ученые-марксисты или ученые, придерживающиеся левой идеологии, но не чужда эта тематика и буржуазным теоретикам, так сказать, правого уклона. Другое дело, что оценка данного явления может кардинально отличаться, что опять же естественно, поскольку понятие *империализм* слишком тесно увязано с сущностью формационного устройства того или иного государства.

Обычно среди авторов-марксистов называют следующие имена: Генри (Гарри) Магдоф, Эрнест Мандель, Эрик Хобсбом, Элен Вуд, Дэвид Харви. В этот ряд относят и Роберта Кокса, видимо, из-за неприятия им капитализма. В данной статье я коснусь только первых трех имен.

I

Гарри Магдоф — американский марксист и социалист. Империализму он посвятил две монографии, в которых именно в марксистском ключе, т. е. на основе статистики и теории марксизма, проанализиро-

вал современный вариант империализма. Высоко оценивая работы Маркса и Ленина по данной теме, он, возражая критикам, указывал, что два великих мыслителя рассматривали различные стороны империализма, актуальные для своего времени. Маркса, например, в контексте империализма (хотя, повторю, он и не употреблял этого слова. — *А.Б.*) больше интересовала проблема разделения труда в мире, в то время как Ленина — внутренняя экономическая структура капиталистического государства. Кроме того, Ленин в своей известной работе об империализме практически не уделил внимания взаимоотношениям между метрополиями и колониями. Поэтому противопоставлять Маркса Ленину, и наоборот, было бы просто глупо. Не отрицая взглядов Ленина и Маркса на империализм, Магдоф выделяет новые отличительные черты империализма, который некоторыми учеными назывался «современным империализмом», или неоимпериализмом. Как пишет Магдоф, такими чертами являются: «(1) сдвиг основных усилий от соперничества в ограблении мира к борьбе против сужения империалистической системы; (2) новая роль Соединенных Штатов как организатора и лидера империалистической системы; (3) усиление роли технологий, которые имеют международный характер» [1, 40].

Классики теории международных отношений, такие как Ганс Моргентау, Кеннет Уолц и др., говоря об империализме как о политике государств, или о политике западных стран против Советского Союза, все без исключения упускали первый пункт Магдофа — борьбу против сужения империалистической системы. Ярость империалистических держав против Советской России вызывал не сам по себе «коммунизм» в этой стране, а то, что такая обширная страна, которая в свое время была удачно экономически поделена между державами и позволяла себя эксплуатировать, из-за революции выпала из сферы капиталистического хозяйствования. Точно так же и Китай, ставший после 1949 г. на путь независимости, выпал из сферы влияния тех же держав. Борьба против названных государств была не столько борьбой против «коммунизма», которого к тому же нигде не было, а против выпадения социалистических стран из сферы капиталистических отношений, где правил бал империалистический ГМК. И в данном случае интересы капиталистического государства и частные интересы монополистов совпадали как нельзя лучше. Магдоф приводит примечательное высказывание одного из представителей корпорации, который заявил следующее: «Таким образом, наши поиски выгод полностью совпадают с национальной политикой расширения международной торговли, являясь средством усиления свободного мира в конфронтации и холодной войне с коммунизмом» (цит. по: [1, 200]). «То есть, — подчеркивает Магдоф, — борьба против коммунизма помогает поискам выгод, а

поиск выгод помогает борьбе против коммунизма. Можно ли представить еще бóльшую гармонию интересов?», — саркастически заключает Магдоф [1, 200—201].

Вообще-то подобная взаимосвязь более чем естественна, поскольку по своим сущностям капитализм не совместим с коммунизмом. Хотя, как показывает современная практика, на начальной стадии социализма какие-то компромиссы и могут быть найдены. Но в период «холодной войны» они исключаются.

В другой книге Магдоф развивает тему признаков современного империализма [2]. Прежде всего он указывает на то, что если во времена Ленина империализм только начал осваивать мировой рынок, то современный империализм «выполнил свою историческую задачу», втянув весь земной шар в орбиту мировой капиталистической системы. Другим признаком является то, что эта мировая система закрепила индустриальную и финансовую зависимость так называемых стран «третьего» мира от ключевых центров метрополий на базе правил капиталистического рынка. Третьим признаком, о чем ранее у него было сказано вскользь, является появление новых технологий в различных сферах промышленности (сталелитейной, электрической, переработки нефти органической химия и т. д.), которые позволили сконцентрировать колоссальные ресурсы в руках монополистических объединений (олигополий). В результате чего возросшая потребность в сырье вынуждала их с большим рвением начать контроль за своими рынками, которые в основном были сосредоточены в развивающихся странах. Наконец, существенной чертой нового империализма стало усиление соперничества среди самих развитых стран. Кто знает историю мировых экономических отношений после Второй мировой войны, легко вспомнит, например, «торговые войны» между, как писали в Советском Союзе, тремя центрами соперничества: США, Общим рынком и Японией²⁹.

Эта тема была весьма актуальна в те годы, а западные марксисты эти центры называли «империалистическими». В частности, известный крупный марксист *Эрнест Мандель* полагал: «Слияние капитала достигнуто на континентальном уровне, в то время как на межконтинентальном уровне империалистическое соперничество еще более интенсифицировалось» [3, 533]. Это «межимпериалистическое соперничество», по его мнению, происходило между американским, японским и западно-европейским империализмами.

²⁹ С позиции Японии это соперничество у меня описано в книге «Внешняя политика Японии в 70-х — начале 80-х годов».

Между прочим, в связи с последним признаком многие ученые США раскритиковали Магдофа, утверждая, что империализм проявляется в отношениях между развитыми и развивающимися странами. Внутри же развитых стран, дескать, не может быть империалистических отношений. Магдоф же в своей монографии «Империализм» в разделе «Империализм и отношения между развитыми странами» убедительно доказывает, что они не только возможны, но и неизбежны, хотя и происходят в довольно усложненной форме. В этом случае необходимо учитывать весь клубок отношений, который накручен как по вертикали, так и по горизонтали, т. е. Запад—Юг и Запад—Запад, — анализ, который как раз и проделал Магдоф (подр. см.: [3, 241—261]).

Эрик Хобсбом — британский историк, имя, которое достойно вошло в ряд крупных ученых марксистского направления. Его сочинение «Эпоха империи: 1875–1914» [4] можно считать классическим, в деталях описывающим становление империализма на рубеже веков. Есть смысл привести некоторые его замечания об империализме общего характера.

Между прочим, он сразу же обращает внимание на то, что известная ленинская работа в оригинале называлась «Империализм, как новейший этап капитализма», а отнюдь не «высшая стадия» [5]³⁰. Подобное изменение в названии было сделано после смерти Ленина по непонятным мне причинам.

Хобсбом также напоминает, что ряд ученых, таких как Шумпетер и Моргентау, объясняли империализм не изменением экономической структуры капитализма, а психологическими, идеологическими, культурологическими и политическими факторами, при этом избегая анализа внутренних причин его возникновения. Они доказывали, что империализм не вел к соперничеству между имперскими державами и не являлся истоком возникновения Первой мировой войны [4, 61]. По мнению Хобсбома, такие авторы упускали из виду, что само технологическое развитие великих держав требовало сырья, которое в силу географических и климатических причин находилось в отдаленных районах. В первую очередь имелись в виду нефть (Ближний Восток) и каучук (Африка) [4, 63].

* * *

³⁰ Вставку с первоначальным названием «популярного очерка» см.: [5, 299—300].

Итак, западные аналитики различных течений и идеологий признают актуальность понятия «империализм», обоснованно при этом подчеркивая, что его структура и формы проявления к началу XXI в. изменились. Каждый из них это изменение отразил в обозначении современного империализма: Майкл Хадсон назвал его финансовым империализмом, Роберт Кокс — имперской системой, Элен Вуд — глобальным империализмом, Дэвид Харви — неолиберальным и неоконсервативным империализмом.

Следует выделить еще один тип империализма, который весьма необычно был определен немецким марксистом *Робертом Курцем*. В своем фундаментальном труде «Черная книга капитализма» он писал: «Ныне речь не идет о территориальных “зонах влияния” старого типа, речь идет о своего рода “империализме по обеспечению безопасности”; цель — не завоевание, а “умиротворение” (Ruhigstellung) ради того, чтобы транснациональным компаниям не мешали кризисы» [6, 761]. При всей необычности формулировки Курц прав: так называемая система безопасности, продвигаемая всем Западом во главе с США, необходима ему для безопасности не самой по себе, а безопасности осуществлять именно имперскую политику, создавая благоприятные условия для той самой «аккумуляции» капитала главных капиталистических держав. На немецком языке такой империализм Курц назвал *Sicherheitsimperialismus*, который в цитате я перевел как «империализм по обеспечению безопасности». Но по своему содержанию это словосочетание можно передать и как *полицейский*, или привычнее, *жандармский* империализм. Другими словами, его функция — это уже не столько откровенный грабеж, как в XIX и начале XX вв., а охрана награбленного и его преумножение.

Следует отметить, что почти все эти определения относятся к одному государству — США. В начале XX в., как известно, и с этим никто не спорит, под термин «империализм» попадали все великие державы на то время. А в XXI в. — только США. Можно ли считать это спецификой момента — или целого периода?

II

Когда Ленин писал свой очерк об империализме, он не оперировал термином *ГМК*. Поэтому содержание самого ГМК он закладывал в нутро термина «империализм» (финансовый, монополии), мало придавая значения его внешней политике. Ленина интересовала экономическая суть капиталистического империализма. Каутского же и других больше интересовало именно внешнее проявление империализма, т. е. его внешняя политика, которая как раз в первую очередь и бросалась в глаза. Некоторые авторы в этой связи сделали вывод, что Ленин игно-

рировал в принципе внешнеполитический аспект действия империализма. На самом деле это не так. Ленин писал: «Империализм есть стремление к аннексии — вот к чему сводится *политическая* часть определения Каутского. Она верна, но крайне не полна, ибо политически империализм есть вообще стремление к насилию и реакции. Нас занимает здесь, однако, *экономическая* сторона дела, которую внес в *свое* определение *сам* Каутский» [5, 388—389]. Ленин, как видим, не отрицал агрессивность империализма, она была как бы очевидной и не заслуживала особого внимания. Главное — экономическая сторона, от которой отплясывались социальные последствия тогдашних классов. И не вызывает сомнения, если бы в тот момент Ленин оперировал термином ГМК, он все эти «экономические стороны» крутил бы именно вокруг этого термина. И в связке *ГМК—империализм* последний, не исключая, стал бы рассматривать как внешнюю форму проявления ГМК. Но при отсутствии такой связки последующие марксисты стали приписывать империализму то, что на самом деле осуществлял ГМК, например, накопление капитала (Дэвид Харви). Попробуем разобрать эти термины именно в этой связке.

Из предыдущего анализа современного капиталистического государства вытекает, что ленинское определение его сущности как ГМК также сохраняет свою силу, только на Западе его предпочитают называть государственным капитализмом. Новым добавлением к ГМК являются ТНК и МНК, т. е. помимо национальных монополий и национального финансового капитала, появились мощные конгломераты в их среде, которые главным образом действуют за пределами страны обитания. Первые два ленинских принципа империализма обогатились за счет ТНК и МНК (естественно, плюс ТНБ и МНБ). Это дает мне повод обозначить современный ГМК как МГМК (*международный государственно-монополистический капитализм*). Такой тип свойствен практически всем нынешним крупным державам Запада, включая Японию, естественно, с присущей каждой из них спецификой.

В силу природной сущности капитала он постоянно требует воспроизводства, причем воспроизводства расширенного. Национально-государственные границы уже давно стали узки для монополистического капитала, не говоря уже о капитале ТНК. Поэтому он естественно стремится к внешней экспансии. На это его толкает и следующий момент, о котором писал еще Маркс, а Николай Бухарин его повторил. А именно: «Итак, не невозможность деятельности внутри страны, а погоня за более высокой нормой прибыли — вот что является движущей силой мирового капитализма» [7, 60], т. е. стремление к экспансии зависит не просто от прибыли, а от ее величины. Что же облегчает капиталу получение сверхприбыли?

Когда Ленин писал о ГМК, его больше волновало, как было сказано выше, социально-политическая сущность этого явления. Н. Бухарин, кстати, опубликовавший свою работу об империализме на два года раньше ленинской (в 1915 г.), обратил внимание на другое, — на то, что сращивание капитала и государства превращается в «добавочную экономическую силу». И потому: «Здесь более сильное государство обеспечивает наивыгоднейшие торговые договоры и устанавливает значительные таможенные пошлины в ущерб конкурентам» [7, 89]. Именно в этом преимущество, по выражению Бухарина, «государственно-капиталистического треста» (=ГМК). «Поэтому, — продолжает Бухарин, — даже если имеются приблизительно одинаковые хозяйственные структуры, но значительное различие военных сил государственно-капиталистических трестов, то более сильному из них выгоднее продолжать борьбу, чем идти на соглашение или фузию³¹» [7, 89].

Поэтому борьба за силу нужна для того, чтобы она обеспечивала преимущества над конкурентами в приобретении сверхприбылей, а не просто ради абстрактного баланса сил, о котором писал Моргентау.

Сама же силовая политика может принимать различные формы и средства. Даже «демократию» можно привнести на штыках, а можно внедрить с помощью джинсов и макдональдсов («культурный капитал»). Но сама демократия также является средством реализации империалистических целей. И об этом опять же совершенно точно написал Бухарин: «Господствующие классы суть выразители экономического status quo, — немудрено, что их политика есть политика расширения совершенно определенного социального уклада, носителями которого они и являются. Этому нисколько не противоречит тот факт, что в политике иного государства можно наблюдать разнородные элементы, — этот “политический эклектизм” отражает в таком случае неоднородность хозяйственной структуры» [7, 75]. В условиях западной «демократии», которая чужда большинству стран «третьего» мира, но внутри которой прекрасно чувствуют себя империалистические страны, им легче осуществлять свои цели, выраженные в четырех словах: *oscuru, fortify, grab and brag*.

И все же современный мир все-таки несколько изменил форму экспансии, если говорить о военных средствах. Одно из нововведений: это получение «благословения» на военное вторжение от ООН, т. е. как бы получение санкций от международной организации. Имея в виду, что эта самая ООН фактически контролируется через финансо-

³¹ Фузия — поглощение монополиями слабейших конкурентов путем слияния предприятий.

вые рычаги США, Японии и ЕС, то благословение на использование военной силы получить нетрудно. Другой вариант, более сложный, — спровоцировать внутри страны-объекта «революцию» с перспективой прихода к власти прозападных сил. Во многих случаях это удавалось сделать, по крайней мере, на Ближнем Востоке. Наконец, третий вариант — скоординированная военная акция стран НАТО, как бы коллективная озабоченность ситуацией в конкретном месте, которую «поневоле» приходится решать военным путем. Этот вариант неплохо работает на Югославии, но плохо работает в Афганистане.

Другими словами, современному империализму в значительно большей степени, чем в прежние времена, необходимо заручаться «общественным мнением», чтобы не выглядеть обнаженно агрессивным. В то же время по своей сути он сохранил все свои империалистические качества, а по форме принял статус своеобразного джентльмена, который гадости и пакости делает очень вежливо и с улыбкой.

Но при всем этом, можно ли назвать империалистической современную политику ФРГ, Великобритании или Франции? Другими словами, каждый ли МГМК вовне проявляет себя по-империалистически? Думаю, что нет — и не в силу миролюбивости, а в силу отсутствия такой необходимости. Поскольку за них такую почетную функцию возложили на себя США. Именно США являются глобальным империалистом-жандармом, способным поддерживать такой уровень экономической и военно-стратегической безопасности, который отвечает интересам всех крупных держав Запада и Японии. И хотя против такого лидерства США у стран-союзников нередко возникают брюзжание и раздражение, однако плюсов от этого они получают больше, чем минусов уже потому, что им не надо выделять громадные ресурсы на вооружение и обеспечение мировой безопасности. В США также иногда возникают всплески недовольства своими собратьями по классу, многих из которых рассматривают как «свободных наездников». Но и здесь плюсы перевешивают минусы, хотя бы в том, что «наездникам» нередко приходится идти на поводу старшего брата в ущерб собственным интересам. Именно поэтому чуть ли ни все аналитики всячески пытаются избегать эпитетов к слову империализм, да и само это слово четко подвязывают именно к США. И в этом есть свой резон. *Глобальный империалистический жандарм* — весьма подходящее слово для обозначения США на мировой арене.

А пока надо еще ответить на вопрос: к чему же ведет такая политика империализма? Ответов может быть три, в зависимости от того, чьи интересы она отражает: интересы субъекта политики или объекта? Или «интересы» мировых отношений? Если говорить о последних, то политика империалистических МГМК объективно соединяет колонии,

а в современных условиях развивающиеся страны с метрополиями, образуя громадный единый капиталистический рынок, «империю», по словам Негри и Хардта, в которой выигрывает сильнейший. Этот процесс был очевиден еще в начале XX в. Бухарин так оценивал этот процесс: «Мировой капитализм, мировая производственная система принимает, следовательно, за последнее время такой вид: несколько сплоченных, организованных хозяйственных тел (“великие цивилизованные державы”) и *периферия стран неразвитых*, с полуаграрным или аграрным строем» (курсив мой. — А.Б.) [7, 53]. В современном мире такими «хозяйственными телами» являются США, ЕС и Япония, подстраивающие под себя остальной мир. Это вполне естественно, поскольку сохраняется силовая иерархия. В любом случае создано мировое капиталистическое хозяйство, отличающееся от периода, существовавшего в XX в. Насколько оно отличается и в чем эти отличия — тема последующего анализа.

Излагая обозначения многих авторов современного империализма, сам я пытался избежать такой конкретности по одной причине: в отличие от упомянутых авторов я не достаточно владею конкретным материалом по каждой из ведущих держав, имея в виду состояние их социально-экономического положения на период после 1980-х гг. Поэтому здесь я могу предложить некоторые определения только в качестве тезисов, которые были у меня сформулированы еще в середине 1980-х гг. Но предварительно я хочу напомнить формулировки Ленина о характерных особенностях империализма некоторых ведущих держав, данные им в ряде работ периода 1916—1920 гг. Английский империализм он обозначил как колониальный, французский — ростовщический, германский — юнкерско-буржуазный, японский — военно-феодальный, наконец, русский — также как военно-феодальный. На середину 1980-х гг., когда я плотно занимался Японией, постоянно сравнивая ее с другими «центрами империализма», мои обозначения выглядели следующим образом: США — гегемонистский империализм, Общий рынок — коллективистский империализм, Япония — торгово-финансовый империализм [8, 287]. Повторяю, это всего лишь тезисы, которые, не исключая, мне придется переформулировать, когда дело дойдет до конкретного анализа каждого из значимых акторов международных отношений.

Вместе с тем хочу отметить следующее. Обычно слово «империализм» вызывает негативную реакцию у противников капитализма, обвиняющих его в агрессии, грабеже и прочих криминальных качествах. С идеологических и даже геостратегических позиций такую оценку можно считать обоснованной. Но при этом необходимо иметь в виду два важных момента, которые перекрывают все идеологические и по-

литические факторы, — это закон силы, о котором косвенно высказался Бухарин, и второй закон термодинамики, или закон возрастания энтропии. Если исходить из этих законов, то может оказаться, что силовая и империалистическая политика — это не прихоть алчного буржуазного класса или воинственного политика, а является объективным отражением законов силы и энтропии. И не исключено, что экспансионистская политика нынешних великих держав или тех же США окажется весьма прогрессивной с точки зрения развития человечества. Поэтому я не стал бы торопиться с оценками нынешнего капитализма и империализма, в какой бы форме или обличьи они не выступали.

Что же касается ответа на вопрос: отражает ли внешняя политика нынешних МГМК интересы всего народа, или нации, как обычно утверждается в концепциях национальных интересов любой страны, однозначно можно сказать, что нет, не отражает. Она отражает интересы командующего класса в политике и экономике, или той или иной группировки, но того же командующего класса, который и входит во властную структуру МГМК. Опросы общественного мнения относительно внешней политики собственной страны, из которых можно предположить, что чуть ли ни весь народ одобряет внешнюю политику своей страны, на самом деле отражают неосознанные оценки населения и уровень и степень мастерства пропаганды буржуазных государств по манипулированию сознанием масс. Но и здесь надо иметь в виду, что внешняя политика любого капиталистического государства, не говоря уже об империалистическом, хотя и не может в силу классовой сущности отражать интересы всего народа, или всей нации, но с объективной точки зрения, с точки зрения направленности самой истории развития человечества, опять же не исключено, что даже самое оголтелое империалистическое государство может отражать интересы и всего народа, поскольку народ любой капиталистической страны является частью «всего человечества».

Литература

1. *Magdoff H.* The Age of Imperialism. N. Y., 1969.
2. *Magdoff H.* Imperialism. N. Y.; L., 1978.
3. *Mandel E.* The Nation-state and Imperialism // State & Societies / D. Held et. al. (eds.). Oxford: The Open University, 1983.
4. *Hobsbawm E.J.* The Age of Empire. 1875—1914. N. Y., 1989.
5. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 27.
6. *Kurz R.* Schwarz Buch Kapitalismus. Ein Abgesang auf die Marktwirtschaft. FaM: Iechborn, 1999.

7. Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.

8. Алиев Р.Ш. [Алекс Бэттлер]. Внешняя политика Японии в 70-х — начале 80-х годов (Теория и практика). М., 1986.

В.В. РЫШКУС

К вопросу творческого наследия Карла Маркса

Аннотация. Происходящие в мире события последнего времени усиливают дискуссию по характеру общественно-исторического развития на современном этапе. Это делает актуальным обращение к вопросам творческого наследия К. Маркса. В статье разбирается один из таких вопросов, связанный с пониманием Л. Фейербаха К. Марксом и Ф. Энгельсом. Этот вопрос способствует осознанию особенности материалистического понимания истории К. Марксом, исходящего из естественноисторического развития, в отличие от Ф. Энгельса.

Ключевые слова: естественноисторическое развитие, действительный субъект, фейербаховский материализм, чувственно-практическая деятельность, гегелевская философия, материалистическая диалектика.

Abstract. Events which have been taking place in the world for the last time arises the discussion on the character of social historical development today. This makes examination of scientific heritage of K. Marx actual. In the article there is a review of one of such questions related to understanding of L. Feuerbach by K. Marx and F. Engels. This question helps to see the particularities of materialistic conception of history of K. Marx, based on the naturalistic development, comparing with F. Engels.

Keywords: naturalistic development, real subject, materialism of Feuerbach, sensationally-practical activity, philosophy of Hegel, materialist dialectic.

События последнего времени, разворачивающиеся на мировой арене, особенно те из них, которые связаны с ситуацией на Украине, оставляют больше вопросов, чем однозначных высказываний. По сути, мы являемся свидетелями уже давно наметившегося и теперь углубляющегося раскола между Россией и Западом. Может показаться, что суть раскола — в борьбе за ресурсы, за военное превосходство, в целенаправленном дроблении общества по политико-экономическим соображениям («политика раздела, растаскивания, ослабления» народа [1]),

в попытках «сделать мир однополярным», в информационном нагнетании противоречий между государствами. За преследованием каждой из стран сугубо личных экономических интересов пытаются угадать определенную *идеологию*, политическую волю. Если это действительно так, то за этими идеями стоят конкретные люди или организации, которые разрабатывают и реализовывают сценарии развития. Причем влияние этих людей должно быть настолько велико, что их идеи способны управлять ходом исторического развития, изменять его. Вопрос сводится уже не собственно к влиянию этих людей, а, если говорить вообще, к главенству самой *идеи*, к ее определяющей роли в деятельности человека в истории. Возникает вопрос, лежит ли в основании происходящих в мире событий борьба идеологий, или же все-таки идеология появляется как результат определенной деятельности человека.

Сегодня, как и в советское время, отечественные ученые и политики занимаются разработками стратегий развития страны, нацеленных на обеспечение национальной безопасности, экономической независимости, повышение качества жизни граждан. Однако, несмотря на многообразие разработанных стратегий, жизнь людей продолжается и, как показывает история, продолжается независимо от принимаемых политических решений, спланированных программ долгосрочного развития, по каким-то своим внутренним законам. В связи с вышесказанным обращение к творческому наследию Карла Маркса становится неизбежным. Именно К. Маркс первым сказал об общественно-историческом развитии как *естественном* процессе: «Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, <...> не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами» [2, 10]. Вместе с тем К. Маркс отметил, что «случайные обстоятельства являются лишь выражением некоторого необходимого развития» [3, 87]. По Марксу, такое необходимое развитие является естественным, существующим независимо от воли правителей и иных идеологов. Его необходимость определяется объективными внутренними факторами, а не чьим-либо субъективным выбором. Так, обращение к этой части творческого наследия Маркса ставит вопрос о сущности естественноисторического развития, объясняющего происходящие в мире явления и характеризующего общемировые тенденции и процессы.

Более того, сегодня, в отсутствие идеологических препятствий, существовавших еще в недавнем прошлом и стопоривших разработку научных проблем, не соответствующих марксистско-ленинской идеологии, появилась реальная возможность проникнуть вглубь творческого наследия К. Маркса. Как известно, наследие великих мыслителей

часто не может быть формализовано, что требует от их последователей *глубокого* изучения поставленных ими проблем. В связи с этим ключевые роли играют их популяризаторы, берущие на себя ответственность объяснить наследие своих учителей доступным и понятным языком. Несмотря на то, что Маркс первым заговорил о естественноисторическом процессе, с его именем в свое время была связана программа построения коммунизма в Советском Союзе. Как получилось, что Маркс писал про невозможность осознанного, волевого изменения хода истории ни с помощью сценариев или стратегий развития, ни с помощью какого-либо иного средства, а на практике получилось наоборот, как будто за программой построения коммунизма стоял сам Маркс, еще требует разъяснений. Дополнительными стимулами к разворачиванию научной дискуссии по обозначенным вопросам служат приближающиеся 200-летние юбилеи Карла Маркса (2018) и Фридриха Энгельса (2020).

Чтобы проникнуть вглубь вопроса творческого наследия К. Маркса, важной является постановка уточняющих вопросов. По сути, обращение к требующим дополнительного исследования вопросам позволит по-новому взглянуть на само наследие мыслителя. Один из таких вопросов непосредственно связан с ранним творчеством К. Маркса, в большей степени с его «Экономическо-философскими рукописями 1844 года». Рукописи 1844 г. появились в результате обращения К. Маркса к политической экономии. Стремление Маркса постичь действительность, материальное начало жизненных отношений, *«реальное или материальное наличное бытие»* субъекта привело его к эмпирическому анализу, «основанному на добросовестном критическом изучении политической экономии». Еще в рукописи 1843 г. «К критике гегелевской философии права» К. Маркс поставил вопрос о *действительном субъекте*, который приводит в движение общественные процессы и определяет жизнь общества. По этой причине в рукописях 1844 г. Маркс взял исходным пунктом *современный экономический факт*³².

Особую роль в рукописях 1844 г. К. Маркс отвел Людвигу Фейербаху. Вопрос, о котором пойдет речь, связан с пониманием Л. Фейербаха К. Марксом и Ф. Энгельсом. Поиск действительного субъекта привел Маркса к материализму Фейербаха. К. Маркс увидел, что «недовольный *абстрактным мышлением*» Л. Фейербах «хочет иметь дело с чувственными объектами, действительно отличными от мысленных объектов» [4, 1]. В материализме Фейербаха Маркс пытался найти от-

³² «Рабочий становится тем беднее, чем больше богатства он производит, чем больше растут мощь и размеры его продукции» [3, 87].

вет на вопрос о действительном субъекте. Неслучайно объектом критики Маркса еще в рукописях 1843 г. стала не столько частная философия права Гегеля, сколько *спекулятивная*, по сути, *философия*.

Маркс, признавая, что «общественная жизнь является по существу *практической*», подчеркнул высокую значимость научного вклада Л. Фейербаха, основным принципом теории которого является отношение человека к человеку, назвав это его подвигом. Маркс охарактеризовал Фейербаха как основателя *«истинного материализма и реальной науки»*. Тем самым Фейербах, отметил Маркс, «опрокинул в корне старую диалектику и философию», развил ее в свою, *фейербаховскую*, диалектику, *фейербаховский материализм*. Истинность *фейербаховского материализма* Маркс увидел в том, что «отрицанию отрицания, утверждающему, что оно есть абсолютно положительное, он [Фейербах] противопоставляет покоящееся на самом себе и основывающееся положительно на самом себе положительное» [3, 154]. Л. Фейербах критически подошел к гегелевскому отрицанию отрицания, указав на «противоречие философии с самой собой»: положительное суждение утверждается через отрицание отрицательного суждения. Его критика Гегеля сводится к тому, что гегелевское отрицание отрицания утверждает положительное, являясь при этом «сомневающимся в самом себе», «не доказывающим само себя своим бытием». Л. Фейербах противопоставил отрицанию отрицания «чувственно-достоверное, основывающееся на самом себе положение».

Маркс назвал Фейербаха «единственным мыслителем, у которого мы наблюдаем *серьезное, критическое* отношение к гегелевской диалектике; только он сделал подлинные открытия в этой области и вообще по-настоящему преодолел старую философию» [3, 154]. Маркс увидел, что Фейербах действительно пошел своим путем, перейдя от области мысли к области чувств, впервые сказав об «основывающемся на самом себе» положительном начале. Вместе с тем Маркс нашел причину, не позволившую Фейербаху развить понимание положительного начала. Он увидел, что область чувств, чувственность у Фейербаха, будучи оторванной от реальности, не представляет собой единство с практической деятельностью человека. Он отметил, что Фейербах рассматривает действительность *созерцательно*³³. К. Маркс, понимая под человеческой сущностью совокупность всех общественных отношений и ставя задачу изучать их в действительности, определил огра-

³³ «Фейербах рассматривает отрицание отрицания, конкретное понятие, так же как и мышление, превосходящее себя в мышлении и, в качестве мышления, желающее быть непосредственно созерцанием, природой, “действительностью»» [3, 155].

ниченность фейербаховского материализма, рассматривающего чувства человека сами по себе, абстрактно, независимо от практики. Он заключил: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно» [4, 1].

К. Маркс отметил, что Л. Фейербах пошел дальше, чем философы-предшественники, но при этом не перестал быть теоретиком и философом, оставшись «в плену у философии». Маркс осознал, что понимание положительного начала как *активного* начала, изменяющего мир, не может быть развито философом. Вот почему для абстрагировавшегося от хода истории Фейербаха, отметил Маркс, «истинно человеческой» является только теоретическая деятельность, а сущность человека рассматривается им через «связь множества индивидов *природными* узами». Маркс увидел абстрактную сущность рассматриваемого Фейербахом индивида. Он добавил: «Само собой понятно, что абстрактный мыслитель, решившийся перейти к созерцанию, созерцает природу абстрактно» [3, 172]. Созерцающий мыслитель видит в природе только повторение «в чувственной, внешней форме» логических абстракций, существующих в его голове в форме идей. Природа рассматривается им абстрактно, изолированно от практики, от деятельной стороны жизни человека: «...его созерцание природы есть лишь акт утверждения его абстрагирования от созерцания природы, есть лишь сознательно повторяемый им процесс порождения его абстракций» [3, 173]. Такой мыслитель стремится «добиться только правильного осознания *существующего* факта», не связывая его с практическим основанием. Маркс подытожил: «Отсюда и произошло, что деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой» [4, 1]. Развивая понимание положительного начала Фейербаха, Маркс перешел от изучения философии к изучению политической экономии. Он пришел к пониманию действительного субъекта, *нефилософского* положительного активного начала, с которого общественное развитие каждый раз начинается снова. Для Маркса это положительное начало есть деятельность человека, являющаяся по своей сути *чувственно-практической* деятельностью.

Ф. Энгельс дал оценку взглядам Фейербаха на страницах работы «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», написанной в 1886 г., после смерти Маркса. Энгельс, рассуждая о необходимости изучения «действительных людей и их исторического

развития», как и Маркс, отметил, что Фейербах смотрит на мир созерцательно («природа и человек остаются у него только словами»), изучая абстрактного человека, его отношения с другими абстрактными людьми. Фейербах, по мнению Энгельса, не смог «перешагнуть за пределы философии». Энгельс добавил, что Л. Фейербах как философ «остановился на полдороге, был материалист внизу, идеалист вверху». Он увидел *бедность*, «плоскость» Фейербаха в сравнении с Гегелем. Отмечая «энциклопедическое богатство гегелевской системы», Энгельс писал, что философия Гегеля охватывает не только право и мораль, но и экономику и политику. Величайшей заслугой Гегеля Энгельс назвал «возвращение к диалектике как высшей форме мышления», оставившей после себя понимание всех общественных процессов в их движении, изменениях, взаимосвязях. За идеалистической формой гегелевской системы Энгельс увидел богатство ее реалистичного содержания³⁴. В свою очередь, он критиковал Фейербаха за то, что у него за реалистичной формой («за точку отправления он берет человека») скрывается абстракция («о мире, в котором живет этот человек, у него нет и речи»).

Как признал сам Энгельс, его задачей было путем критики гегелевской философии («великого творения») устранить ее форму, сохранив содержание. Ф. Энгельс отметил, что провозглашенное Фейербахом на страницах «Сущности христианства» торжество материализма («Природа существует независимо от какой бы то ни было философии») «взорвало» гегелевскую систему, *отбросив ее в сторону*³⁵. Энгельс, полагая, что критика гегелевской философии была возможна только с помощью ее же *метода* («ее надо было «снять» в ее собственном смысле»), писал, что Фейербах «не одолел Гегеля оружием критики, а просто отбросил его в сторону как нечто негодное к употреблению» [5, 300]. Он сравнил системы Гегеля и Фейербаха с точки зрения богатства их содержания, указав, что Фейербах не смог противопоставить Гегелю ничего, кроме религии и морали.

Высоко оценив богатое реалистичное содержание философии Гегеля, Энгельс поставил «высший» вопрос всей философии — об *отношении мышления к бытию*. Вопрос первичности мышления и бытия привел Ф. Энгельса к постановке вопроса об их тождестве, о том, может ли человек в своем сознании представлять «верное отражение дей-

³⁴ «...Гегелевская система охватила несравненно более широкую область, чем какая бы то ни было прежняя система, и развила в этой области еще и поныне поражающее богатство мыслей» [5, 278].

³⁵ «Фейербах разбил систему и попросту отбросил ее»; «...отодвинула в сторону всякую философию, как Фейербах своего Гегеля» [5, 281].

ствительности». Вместе с тем это и вопрос первичности чувственной или практической сторон жизни человека, их соотношения. Благодаря постановке этих философских вопросов Ф. Энгельс увидел, что история философии есть борьба идеализма с материализмом. Он подчеркнул, что бурное развитие промышленности обусловило наполнение идеалистической философии материалистическим содержанием. Таким образом, Ф. Энгельс признал метод Гегеля, назвав *непригодной* только его *форму*, а потому поставил перед собой задачу устранить только «идеологическое извращение» Гегеля, отметив, что «в гегелевской системе дело дошло, наконец, до того, что она и по методу и по содержанию представляет собой лишь идеалистически на голову поставленный материализм» [5, 285]. Как бы оппонируя с Фейербахом, Энгельс писал, что им «Гегель не был просто отброшен в сторону». Наоборот, Энгельс назвал диалектический метод Гегеля положительной, «революционной» стороной его философии, пригодной для марксизма, но только в материалистической форме. Это явилось основанием развития метода *материалистической диалектики*.

К. Маркс отметил совершенные Фейербахом научные открытия. Перейдя от области мыслей к области чувств, Фейербах выявил проблему положительного начала в противовес гегелевскому отрицанию отрицания. К. Маркс, отойдя от философии, поставил вопрос нефилософского положительного начала как материального начала, действительного субъекта, изменяющего жизни людей, опосредующего происходящие в обществе процессы. Это, по сути, означало, что положительным началом для Маркса не может быть ни идея, ни чувство, являющиеся только абстракциями. Этим положительным активным началом стала для него *деятельность* человека, представляющая собой неразрывное единство ее чувственной и практической сторон. По Марксу получается так, что практическая деятельность человека формирует его чувственность. Мысли и чувства человека выражают характер его практической жизнедеятельности. Энгельс иначе оценил развитие фейербаховской философии, заключив, что Фейербах не смог одолеть Гегеля гегелевским же оружием критики, а в процессе развития собственных взглядов только отбросил его в сторону.

Выявленное различие в понимании значения Фейербаха для Маркса и Энгельса дает возможность посмотреть на другие вопросы, связанные с их творческим наследием. Так, это различие является важным в понимании ими философии Гегеля.

К. Маркс, столкнувшись с противоречивыми мнениями о своем методе, в предисловии ко второму изданию «Капитала» писал: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. <...> У Гегеля

диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» [2, 21—22]. Маркс не только подчеркнул разнополярность идеализма и материализма («является прямой противоположностью»), но и указал на некое *основание*, отличающее его метод от гегелевского («по своей основе отличен»). Как показали научные поиски Маркса, для него было недостаточным признать материальный субъект только в противоположность идее. Неслучайно критика им Гегеля в рукописях 1843 г. переросла в критику Фейербаха в рукописях 1844 г. Преодолевая обуревавшие его сомнения, Маркс признал недостаточность философии, неважно, гегелевской или фейербаховской, в изучении действительности. Если бы гегелевская система оказалась достаточной для К. Маркса (хотя Маркс никогда не умалял заслуг Гегеля в развитии диалектики), то вряд ли на страницах рукописей 1844 г. он воздал бы должное Фейербаху, который, по его мнению, сумел перевернуть старую философию. Случайно или нет, но С.Н. Булгаков, будучи не знакомым с рукописями 1844 г. на момент написания статьи о К. Марксе, назвал Л. Фейербаха «невысказанной тайной Маркса, настоящей его разгадкой» [6, 256]. К. Маркс не только критиковал созерцательный материализм Фейербаха, но отметил и признал его научные подвиги. Этим особенным основанием стало для К. Маркса изменяющее мир положительное начало, положительно исходящее из себя самого.

Отдельного внимания заслуживает история рукописей 1844 г. Эти рукописи К. Маркса впервые были изданы в Советском Союзе только в 1932 г., спустя много лет после смерти Маркса и Энгельса. Они остались неизвестны ни современникам самого Маркса, в том числе Энгельсу, ни его ближайшим потомкам. Однако даже публикация Энгельсом «Тезисов о Фейербахе» К. Маркса (1845), являющихся как бы продолжением рукописей 1844 г., не возымело на него достаточного влияния, чтобы он оценил проделанный Марксом путь в изучении Фейербаха и оценке его научного вклада. Именно поэтому Энгельс начало дальнейшего развития фейербаховской философии, вышедшей за пределы философии, связал с работой К. Маркса «Святое семейство», минуя «Тезисы о Фейербахе».

Ф. Энгельс определил роль Гегеля как основополагающую для развития взглядов Маркса и в целом марксизма: «Маркс был и остается единственным человеком, который мог взять на себя труд высвободить из гегелевской логики то ядро, которое заключает в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод, освобожденный от его идеалистических оболочек» [7, 496—497]. Вслед за Энгельсом многие ученые рассматривали Фейербаха с точки зрения гегелевской системы, а потому не увидели того самосто-

ятельного значения, которое он приобрел в понимании его Марксом³⁶. Этому способствовала популяризаторская роль самого Энгельса, писавшего: «Маркс и я были едва ли не единственными людьми, которые спасли из немецкой идеалистической философии сознательную диалектику и перевели ее в материалистическое понимание природы и истории» [9, 10], или: «вместе с этим гегелевская диалектика была перевернута, а лучше сказать — вновь поставлена на ноги, так как прежде она стояла на голове. И замечательно, что не одни мы открыли эту материалистическую диалектику, которая вот уже много лет является нашим лучшим орудием труда и нашим острейшим оружием...» [5, 302].

Различие в понимании Фейербаха Марксом и Энгельсом выявляет и особенности *материалистического понимания истории* Марксом в отличие от Энгельса. Энгельс определил, что в основании исторического развития лежит противоречивая борьба общественных классов друг с другом («...с тех пор как возникла противоположность классов, рычагами исторического развития сделались дурные страсти людей»): «Материалистическое понимание истории и его специальное применение к современной классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией стало возможно только при помощи диалектики» [10, 322—323].

В рукописях 1844 г. К. Маркс через понимание чувственно-практической деятельности человека как действительного субъекта, источника развития, пришел к рассмотрению *природы человека*. По Марксу, чувственно-практическая деятельность есть единство духовной и материальной сторон жизни, единство человека и природы, человека и рода. Сущность *деятельности* соответствует природе человека как универсального родового существа и заключена в разнообразии совершаемых человеком взаимосвязанных друг с другом умственных и физических видов деятельности. Исходя из понимания деятельности как положительного активного начала, Маркс рассматривал *современный* ему капиталистический способ производства, развитие которого обусловлено трансформацией деятельности человека. Материалистическое понимание истории Марксом, исходящее из признания естественности исторического развития, рассматривает существующие *условия* как внешние по отношению к положительному началу, не влияющие на его развитие. По Марксу, сам действительный субъект формирует и изменяет эти условия. В рукописях 1844 г. Маркс критиковал понимание, что *интересы капиталистов* определяют «взаимоотноше-

³⁶ «...Для Фейербаха оказалось еще недоступным материалистическое понимание истории, он не смог найти перехода от отвлеченного к действительному, практически живущему и борющемуся человеку» [8, 128].

ние между заработной платой и прибылью на капитал», и что конкуренция зависит от *внешних обстоятельств*. По Марксу, противоречия в процессе развития действительного субъекта возможны, но как *моменты* развития, а не как его *факторы*.

Энгельс подошел к рассмотрению деятельности людей как основы общественного развития, по сути, с позиции гегелевской системы. Признавая за движущими силами истории идейные побуждения людей, он связал историческое развитие с классовой борьбой, заложенными в природе общественных классов противоречиями друг с другом. Так, по Энгельсу, само появление капиталистического способа производства является идеологией, результатом классового антагонизма. Это позволило ему сделать предположение, что изменение способа производства позволит решать проблемы, порождаемые классовыми противоречиями. Ф. Энгельс поставил задачу объяснить неизбежность возникновения и гибель капиталистического способа производства. Именно поэтому он критиковал положительное начало Фейербаха, которым для него является любовь: любовь не может существовать в «обществе, разделенном на классы с диаметрально противоположными интересами».

В материалистическом понимании истории Энгельсом определенное значение приобретают политический и идеологический факторы. Энгельс писал, что сменяющие друг друга в истории общественные порядки разнятся в зависимости от *условий, обстоятельств и времени*, когда они появились. Большую роль в его понимании исторического процесса играет фактор *случайности*, наличие неопределенных обстоятельств: «ход истории подчиняется внутренним общим законам», однако результат этого хода, при котором действуют «люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям», зависит от случая. В исследовании движущих причин развития, сводимых к «сознательным побуждениям в головах действующих масс и их вождей, так называемых великих людей», Энгельс видел «единственный путь, ведущий к познанию законов, господствующих в истории вообще и в ее отдельные периоды или в отдельных странах» [5, 308].

Материалистическое понимание истории Марксом, исходящее из естественноисторического развития, проявляется в анализе им в рукописях 1844 г. процесса труда и связанного с ним *отчуждения*. Маркс сделал вывод, что отчужденная деятельность, коей является процесс труда, при капиталистическом способе производстве «приобретает *внешнее* существование» для человека, становится для него чужим, *независящим* от него. Рассматривая исторически процесс как естественный, Маркс увидел факторы, обуславливающие трансформацию

чувственно-практической деятельности, ее превращение в процесс труда: урбанизация, появление и дальнейшее углубление специализации и др. Так, фактически, по К. Марксу, является невозможным научное обоснование революционного изменения способа производства.

Казалось бы, после публикации рукописей 1844 г. в Советском Союзе вопрос творческого наследия К. Маркса, связанный с пониманием Л. Фейербаха, мог получить новое звучание. Однако даже более поздние исследователи Маркса не смогли выбраться из-под влияния Энгельса, Ленина и других марксистов. В результате анализа процесса труда в рукописях 1844 г. Маркс сделал вывод, что «хотя частная собственность и выступает как основа и причина отчужденного труда, в действительности она, наоборот, оказывается его следствием» [3, 97]. Он заключил, что возникновение производственных отношений между рабочими и капиталистами является следствием определенного характера процесса труда, а именно *отчужденного*. Понимание действительного субъекта — источника развития — привело в дальнейшем к постановке К. Марксом проблемы открытия естественного «экономического закона движения современного общества».

Тем не менее принятое в советской науке материалистическое понимание истории, развитое Энгельсом, не позволило И.С. Нарскому, исследовавшему рукописи 1844 г., увидеть естественный характер отчужденного труда. Он как бы вторил Ф. Энгельсу, когда писал, что «отчуждение труда, а вслед за ним и его многочисленные порождения упраздняются путем ликвидации капиталистических общественных отношений» [11, 493], или, что преодоление капиталистического отчуждения связано с «существенным изменением не только сознания масс, но и установки каждого человека» [12, 30]. По К. Марксу, появление и капиталиста, и рабочего не связано с желаниями каких-либо людей, а имеет одинаковую природу, определяемую отчужденным характером процесса труда. Их появление в экономике обусловлено изменившимся характером деятельности человека, ставшей на определенном этапе исторического развития процессом труда, являющимся отчужденным по своей природе. Для Энгельса, в свою очередь, разделение труда является производительной силой, «пущенной в ход» буржуазией в борьбе против феодализма и ради развития капиталистического производства», представляет собой сознательное действие определенных общественных классов. Анализ капитала в рукописях 1844 г. позволил Марксу выявить *естественную* власть капитала над капиталистом, показать ничтожность *силы* интереса самого капиталиста по отношению к общественному развитию, которое осуществляет помимо его воли, и, кроме того, продуктом которого он является.

Проделанный нами анализ наделяет слова Энгельса о том, что Маркс «стоял выше, видел больше, обозревал больше и быстрее» других, особым пафосом, превращая их из эмоциональной характеристики в действительный порядок вещей. Особенности материалистического понимания истории Марксом становятся яснее, если их рассматривать в отличие от понимания истории Энгельсом.

Маркс смог преодолеть философию, назвав еще одним подвигом Фейербаха то, что философия есть «другой способ существования отчуждения человеческой сущности». Именно то, что философия отделяет чувства от практики, духовное от материального, заставила Маркса идти дальше, своим путем, к осознанию нефилософского положительного начала, которым для него является чувственно-практическая деятельность человека. Разрешенная Марксом проблема действительного субъекта особенно важна для русской экономической мысли. Особенности развития России свидетельствуют о сохранившейся традиции, исторической памяти русского народа. В связи с этим понимание истоков формирования этой традиции, связанной с чувственно-практической хозяйственной деятельностью русского человека, живущего в единстве с природой, народом, родом, является важным для выявления источников сбережения самого народа, для осознания действительного субъекта — источника развития, в отличие от химер, рождающихся в чьем-либо сознании. Изучение природы чувственно-практической деятельности человека позволит выйти на проблемы экономики, самой что ни на есть капиталистической по своей природе.

Литература

1. Прямая линия с Владимиром Путиным от 17 апреля 2014 г. // <http://www.kremlin.ru/news/20796>.
2. *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
3. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
4. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3.
5. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21.
6. *Булгаков С.Н.* Карл Маркс как религиозный тип (Его отношение к религии человекобожия Л. Фейербаха) // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 2.
7. *Маркс К.* К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13.

8. Александров Г. Философские предшественники марксизма. М., 1940.

9. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20.

10. Энгельс Ф. Предисловие к первому немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 19.

11. Нарский И.С. Категория отчуждения в «Капитале» и других трудах К. Маркса // «Капитал» Маркса, философия и современность. М., 1968.

12. Нарский И.С. Проблема отчуждения в теоретическом наследии К. Маркса // Философские науки. 1983. № 2.

А.Ю. КОЗЛОВСКИЙ

**Теоретическая основа марксистской типологии стран мира:
двойственный характер переходного состояния российского
экономического уклада XIX — начала XX в.**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению марксистской теории и типологии экономических укладов как теоретической основе типологии стран мира. В статье автор рассматривает фактор господства определенного экономического уклада как показатель уровня развития страны и ее общества в соответствии с марксистским экономико-формационным видением исторического прогресса. На основе марксистского подхода к характеристике экономического уклада России XIX — начала XX в., его соотнесения с альтернативными теориями экономического прогресса, определен специфический характер переходности экономического уклада России XIX — начала XX в.

Ключевые слова: типология, страна, марксизм, экономический уклад, капитализм, способ производства, община, переходное состояние.

Abstract. The Marxist theory and typology of economic systems as a theoretical basis of typology of countries is under consideration in the article. The author considers the factor of prevailing of the given economic system as an indicator of the level of development of a country and its society according to Marxist economic and formation view of historic progress. Revealing Marxist approach to characterizing Russian economic system of XIX — the beginning of XX century, comparing it with alternative theories of economic progress, the author reveals a specific character of Russian economic system transition state of XIX — the beginning of XX century.

Keywords: typology, country, Marxism, economic system, capitalism, method of production, community, transition state.

Среди существующих подходов к типологизации стран мира, чрезвычайно важным, а зачастую и наиболее актуальным, является подход, основанный на оценке уровня экономического развития государств. Данный оценочный подход, относящий те или иные страны к развитым, развивающимся или неразвитым (бедным), подчеркивает чрезвычайную научную актуальность и историческую востребованность марксистского подхода к оценке экономических факторов как первичных по своей исторической значимости.

Следует отметить, что есть основания считать представителей марксистской политэкономической школы, а именно К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, К. Каутского и др., одними из первых, кто на основе колоссального социально-экономического анализа мирового хозяйства XIX — начала XX в. концептуально обосновал становление социально-экономических групп государств в качестве объективной реальности международных политических и экономических отношений. Марксистский подход, группирующий страны мира XIX — начала XX в. по типу господствующих в них способов производства, степени разложения докапиталистических хозяйственных укладов в тех или иных странах, можно рассматривать в качестве определенной модели типологии государств тогдашнего мира.

Так, В.И. Ленин в своем труде «Капиталистический строй современного земледелия», подчеркивая важность работы, проделанной различными направлениями экономической науки по обобщению критериев оценки уровня развития государств и их обществ, писал: «Социальная статистика вообще, экономическая статистика в частности, сделала громадные успехи в течение двух-трех последних десятилетий. Целый ряд вопросов и притом самых коренных вопросов, касающихся экономического строя современных государств и его развития, которые решались прежде на основании общих соображений и примерных данных, не может быть разрабатываем сколько-нибудь серьезно в настоящее время без учета массовых данных, собранных относительно всей территории известной страны по одной определенной программе и сведенных вместе специалистами-статистиками» [1, т. 19, 323].

Английский марксист и общественный деятель Джон Хоррабин, давая оценку социально-экономическим и политическим реалиям мира после Первой мировой войны в своем труде «Очерки историко-экономической географии мира», изданном в 1923 г., пишет: «Реальные политические единицы послевоенного времени — это вовсе не

национальные государства, а группы национальных государств, каждая из которых возглавляется той или иной могущественной промышленной державой и включает в себя целый ряд менее значительных государств или колоний. Некоторые из этих государств пользуются официальной (de jure) независимостью, но экономически (т. е. de facto) все они одинаково зависят от более сильных держав» [2, 53].

Всемирно-исторические условия конца XIX — начала XX в. в их социально-экономическом выражении характеризовались разделением мирового хозяйства на две большие группы. Первую группу стран составляли высокоразвитые государства Западной Европы (Франция, Англия, Германия), США. В начале XX столетия капитализм в странах Западной Европы и в США достиг своего исторического апогея — империализма как высшей своей стадии. Ленинская концепция империализма как высшей стадии капитализма, будучи одним из наиболее ценных концептуально-теоретических вкладов в марксистскую социально-экономическую типологизацию стран мира начала XX в., характеризует страны, переживающие империализм, т. е. «предсмертное» состояние капитализма, как страны, которые достигли пика развития общественно-экономических отношений капитализма.

В то же время политическая карта тогдашнего мира была представлена государствами, в которых, согласно постулатам марксизма, преобладают докапиталистические экономические уклады. В этих странах не произошло достаточного разделения общества, с одной стороны, на класс, имеющий в частной собственности средства производства, а с другой — на класс, отчужденный от средств производства и продающий как товар свою рабочую силу собственникам средств производства.

Критикуя теорию ультраимпериализма Каутского, Ленин приводит модель хозяйственных регионов мира, выдвинутую немецким экономистом Р. Кальвером, отмечая некоторую географическую узость этой модели: «Р. Кальвер в своей небольшой книжке “Введение во всемирное хозяйство” сделал попытку свести главнейшие чисто экономические данные, позволяющие конкретно представить взаимоотношения внутри всемирного хозяйства на рубеже XIX и XX веков. Он делит весь мир на 5 “главных хозяйственных областей”:

- 1) средневропейская (вся Европа кроме России и Англии);
- 2) британская;
- 3) российская;
- 4) восточно-азиатская и
- 5) американская,

включая колонии в “области” тех государств, которым они принадлежат, и “оставляя в стороне” немногие, нераспределенные по областям, страны, например, Персию, Афганистан, Аравию в Азии, Марокко и Абиссинию в Африке и т. п.» [1, т. 27, 392—393].

В связи с этим следует отметить, что замечание Ленина относительно «нераспределенных по областям стран» и колоний, включенных в «области тех государств, которым они принадлежат», представляет для нас особенный интерес в русле фундаментальной критики марксистской одномерной капиталоцентристской формационной модели процессов, происходящих в незападных обществах. Научно-теоретический аппарат классического марксизма, будучи завершенной политэкономической теорией западного капитализма, столкнувшись с дискретностью форм и очагов исторического прогресса в других регионах мира, обусловленной различными факторами природного и культурного характера, старался более или менее творчески адаптировать альтернативные Западу очаги (страны) исторического прогресса в его социально-экономическом содержании к исторически апробированному опыту стран Запада. Данное стремление проявилось в небезуспешных попытках русских марксистов, трактовать те или иные процессы социально-экономического развития, например, в России, в духе, пусть и «догоняющего», но все-таки развития в соответствии с канонами теории становления капитализма на Западе с перспективой его дальнейшего революционного преобразования.

Как справедливо, на наш взгляд, отмечает российский политолог и обществовед С.Г. Кара-Мурза в своем известном труде «Советская цивилизация», идейной культурно-исторической основой марксистской типологизации России как переходного общества в XIX — начале XX в. являлся евроцентризм: «Структура мышления, созданная в течение последних ста лет для определенного понимания России, опирается на связный набор понятий и терминов, она логична и проста, и, главное, она поддерживается авторитетом Запада. Нельзя сказать, что этот тип мышления политизирован, хотя в советское время в официальной идеологии была преувеличена и приукрашена роль одного течения — большевиков, а потом КПСС. В принципе на одном и том же языке в начале века могли говорить и понимать друг друга и либералы-кадеты, и Колчак, и Савинков, и социал-демократы. Это язык евроцентризма, который отвергал существование иных жизнеспособных цивилизаций, кроме Запада. Россия должна пройти тот же путь, что и Запад! В конце XIX века это означало, что и в России должен быть капитализм. Россия сильно отстала, в ней много еще крепостничества и «азиатчины», но сейчас она наверстывает упущенное» [3, 12].

Исторически обусловленное различие целых групп стран по господствующему в них способу производства рассматривалось в марксизме и с точки зрения существовавших докапиталистических укладов прошлого. Так, Маркс в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» указывает на наличие в прошлом античной, германской и азиат-

ской общин, фиксируя, между прочим, несмотря на их общий докапиталистический способ производства, различную социально-политическую и общественно-экономическую природу, присущую этим трем историческим видам общин.

Характеризуя основные экономические и общественно-политические черты азиатской общины и определяя ее как азиатскую форму собственности на средства производства, или азиатский способ производства, Маркс отмечает: «Земля — вот великая лаборатория, арсенал, доставляющий и средство труда, и материал труда, и место для жительства, т. е. *базис* коллектива. К земле люди относятся с наивной непосредственностью как к *собственности коллектива*, притом коллектива, производящего и воспроизводящего себя в живом труде. Каждый отдельный человек является *собственником* или *владельцем* только в качестве звена этого коллектива, в качестве его члена.

Действительное *присвоение* посредством процесса труда происходит при таких *предпосылках*, которые сами не являются *продуктом* труда, а представляются его природными или *божественными* предпосылками. Эта форма, в основе которой лежит то же самое отношение [т. е. общая собственность на землю], сама может реализовываться самым различным образом. Например, ей нисколько не противоречит то обстоятельство, что как в большинстве основных *азиатских* форм, *объединяющее единое начало*, стоящее над всеми этими мелкими общинами, выступает как *высший собственник* или *единственный собственник*, в силу чего действительные общины выступают лишь как *наследственные владельцы*» [4, т. 46, ч. 1, 463].

Хозяйственная структура античной общины, согласно Марксу, будучи производственной общиной, связанной с городом, содержала уже частную собственность, которая противопоставлялась общинной, что обуславливалось специфическими историческими особенностями политического и экономического развития на Западе: «Общинная собственность — в качестве государственной собственности, *ager publicus* — отделена здесь от частной собственности. Собственность отдельного человека сама непосредственно не является здесь общинной собственностью, как в первом случае, когда она, следовательно, не была собственностью отдельного лица в отрыве от общины, а лишь владением этого лица» [4, т. 46, ч. 1, 465].

В германской общине Маркс усматривает наличие еще большей экономической обособленности субъектов хозяйствования друг от друга: «У германцев, отдельные главы семей которых селились в лесах и были разобщены один от другого большими расстояниями, община, рассматриваемая чисто *внешне*, существует в каждом отдельном слу-

чае лишь в форме сходов членов общины, хотя их внутренне единство дано в их происхождении, языке, общем прошлом, общей истории.

Община выступает, следовательно, как *объединение*, а не как *союз*, как единение, самостоятельные субъекты которого являются собственниками земли, а не как единое начало. *Община* существует поэтому на деле не как *государство*, не как *государственность*, как это было у античных народов, потому что она существует не как *город*. Чтобы община обрела действительное существование, свободные собственники земли должны сходиться на *собрания*, тогда как в Риме, например, община *существует*, помимо этих собраний, в наличии самого города и должностных лиц, поставленных над ним, и т. д.» [4, т. 46, ч. 1, 470].

Таким образом, марксистская политэкономическая школа, посредством выделения и подробного анализа различных по отношению друг к другу докапиталистических форм собственности и способов производства прошлого, уже изначально фиксировала различие исторических путей социально-экономического развития макрорегионов различных стран и цивилизаций. Это существенным образом отразилось на подходах марксизма к типологизации стран мира XIX — начала XX в., основой которой было различение экономических укладов, не исключая при этом искусственного перенесения общественно-экономической истории Запада на иные культурно-цивилизационные почвы.

Собственно азиатский общинный способ производства как определенный исторический экономический уклад характерен во многих своих чертах, согласно теоретикам марксизма, современному им сельскохозяйственному производству в России XIX в.

В главе V «О социальном вопросе в России», относящейся к работе, посвященной обзору эмигрантской социалистической литературы, Энгельс характеризует азиатскую общину как отсталую форму экономических отношений, а в качестве ярких примеров господства во второй половине XIX в. архаического (азиатского) общинного способа производства приводит современные ему крестьянские общинные хозяйства в России, существовавшие там наряду с зачатками промышленного и сельскохозяйственного капиталистического производства: «В Западной Европе, включая сюда Польшу и Малороссию, эта общинная собственность превратилась, на известной ступени общественного развития, в оковы, в тормоз сельскохозяйственного производства и была мало-помалу устранена. Напротив, в Великороссии (то есть собственно России) она сохранилась до сих пор, доказывая тем самым, что сельскохозяйственное производство и соответствующие

ему сельские общественные отношения находятся здесь еще в очень неразвитом состоянии, как это и есть на самом деле» [4, т. 18, 544].

Неоднородность типов хозяйствования, неравномерность и, что очень важно, нелинейность экономического развития стран мира во второй половине и конце XIX в., а также в начале XX в., с присущими этим факторам различиям классовой структуры различных обществ, обусловили продолжительные дискуссии между представителями различных направлений социалистической мысли XIX в. относительно возможности или невозможности построения коммунистического общества на основе некапиталистических экономических укладов. Эти дискуссии велись между Марксом, Энгельсом, Лениным, рядом других теоретиков, олицетворявших ортодоксальный и механистический марксизм, с одной стороны, и представителями русского народнического направления (П.Н. Ткачев, М.А. Бакунин, Н.Ф. Даниельсон и др.), с другой. Важнейшее внимание в рамках данных дискуссий уделялось исторической роли и будущему сельскохозяйственной общины России, которая олицетворяла крупнейший практический пример альтернативного капитализму пути социально-экономического развития.

В «Советской цивилизации» С.Г. Кара-Мурза по этому поводу пишет: «Важнейшим понятием концепции “неподражательного” пути развития было народное производство, представленное прежде всего крестьянским трудовым хозяйством. В конце 70-х годов в крестьянско-общинное производство на наделных и арендованных у помещиков землях было вовлечено почти 90% земли России, и лишь 10% использовалось в рамках капиталистического производства» [3, 13].

Предметом спора о судьбе и предназначении русской крестьянской общины между западноевропейскими и русскими марксистами и их идейными оппонентами, русскими народниками, был типичный вопрос марксистской политэкономии, вращающийся вокруг перспектив разложения традиционного докапиталистического общества с последующим формированием капиталистических общественно-экономических отношений и соответствующих им антагонистических классов, исторически необходимых составляющих капиталистического классового общества.

Русские народники, отталкивающиеся в своих проектах социалистического преобразования России от русской крестьянской общины как производственно-экономического базиса, утверждали наличие в России готового класса — русского крестьянства, способного без становления капиталистических отношений, т. е. без того, чтобы быть экспроприруемы, построить на своей основе социалистическое общество. Данный народнический подход можно рассматривать как альтернативное марксистскому идейно-теоретическое толкование рос-

сийского хозяйственного уклада XIX — начала XX в. как уклада переходного.

Маркс, Энгельс и Ленин рассматривали русскую крестьянскую общину как исторически преходящее общественно-экономическое явление русской хозяйственной жизни, неспособное в том виде, в котором оно существовало, стать классовой и производственной основой для социалистической революции в России. В послесловии к работе «О социальном вопросе в России» Энгельс указывает: «Исторически невозможно, чтобы обществу, стоящему на более низкой ступени экономического развития, предстояло разрешить задачи и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь в обществе, стоящем на гораздо более высокой ступени развития. Все формы родовой общины, возникшие до появления товарного производства и частного обмена, имеют с будущим социалистическим обществом только то общее, что известные вещи, средства производства, находятся в общей собственности и в общем пользовании известных групп. Однако одно это общее свойство не делает низшую общественную форму способной создать из себя самой будущее социалистическое общество, этот последний продукт капиталистического общества, порождаемый им самим. Каждая данная экономическая формация должна решать свои собственные, из нее самой возникающие задачи; браться за решение задач, стоящих перед другой совершенно чуждой формацией, было бы абсолютной бессмыслицей. И к русской общине это относится не в меньшей мере, чем к южнославянской задруге, к индийской родовой общине или ко всякой иной общественной форме периода дикости или варварства, характеризующейся общим владением средствами производства» [4, т. 22, 445].

Более взвешенно, хотя и неоднозначно, подходил к историческому предназначению русской общины Карл Маркс. В своем неотправленном письме от 1881 г. к Вере Засулич Маркс оптимистично, хотя и несколько неопределенно, высказывается о судьбе русской общины: «Анализ, представленный в “Капитале”, не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы, прежде всего, устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития» [4, т. 19, 251].

Но что же понимал Маркс, говоря о том, что в отношении русской общины «нужно было бы, прежде всего, устранить тлетворные влия-

ния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»? Если истолковать эти слова согласно постулатам канонического марксизма, то под «тлетворными влияниями» Маркс имел в виду, безусловно, пережитки крепостнических и общинных экономических отношений в русской деревне, а под «нормальными условиями свободного развития» — постепенный процесс классового разложения русской общины. Это привело бы к развитию частнособственнических крестьянских хозяйств с последующим отчуждением земли как средства производства от широких масс крестьянства с его последующей пролетаризацией.

В уже цитированной нами работе Энгельса, посвященной обзору эмигрантской социалистической литературы, ясно раскрывается эта историческая перспектива преобразования докапиталистического способа производства в русской деревне: «Дальнейшее развитие России в *буржуазном* направлении мало-помалу уничтожило бы и здесь общинную собственность без всякого вмешательства “штыков и кнута” русского правительства. И это тем более, что общинную землю крестьяне в России не обрабатывают сообща, с тем чтобы делить только продукты, как это происходит еще в некоторых областях Индии. Напротив, в России земля периодически переделяется между отдельными главами семей, и каждый обрабатывает свой участок для себя. Это создает возможность очень большого неравенства в благосостоянии отдельных членов общины, и это неравенство действительно существует. Почти повсюду среди членов общины бывает несколько богатых крестьян, иногда миллионеров, которые занимаются ростовщичеством и высасывают соки из крестьянской массы» [4, т. 18, 544—545].

Точка зрения, описывающая историческую необходимость и неизбежность распада русской общины, перехода земельного фонда в руки немногочисленной крестьянской буржуазии, массовой пролетаризации русского трудового крестьянства, наиболее полно отражена в фундаментальном труде В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». В этом труде Ленин отмечает: «Либо старое помещичье хозяйство, тысячами нитей связанное с крепостным правом, сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, “юнкерское” хозяйство. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является внутреннее преобразование крепостнического помещичьего хозяйства. Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические. Либо старое помещичье хозяйство ломает революция, разрушая все остатки крепостничества и крупное землевладение прежде всего. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является свободное развитие мелко-

го крестьянского хозяйства, получившего громадный импульс благодаря экспроприации помещичьих земель в пользу крестьянства. Весь аграрный строй становится капиталистическим, ибо разложение крестьянства идет тем быстрее, чем полнее уничтожены следы крепостничества» [1, т. 16, 15—16].

В работе 1908 г. «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» Ленин указывает, что фоном классовой борьбы русских крестьян является второй сценарий буржуазно-капиталистической эволюции сельского хозяйства России: «Борется мелкая (буржуазная) культура против крупного (крепостнического) землевладения. Иного результата переворота в лучшем случае, чем нарисованного у меня, быть *не может*» [1, т. 16, 206].

Точка зрения русских народников на русскую крестьянскую общину, опровергающая исторически одномерную капиталоцентристскую позицию марксизма в вопросе социально-экономического прогресса общества, нашла определенное отражение и обоснование в работах «марксиста-ревизиониста» Каутского.

В работе «Американский и русский рабочий» Каутский пишет: «В Америке больше, чем в какой-либо другой стране, можно признать существование диктатуры капитала. С другой стороны, нигде борющийся пролетариат не достиг такого значения, как в России, и это значение должно расти, ибо эта страна, в сущности, только что вступила на путь современной классовой борьбы...»

Замечательно, во всяком случае, то, что именно российский пролетариат может служить примером для нас, что в России мы должны видеть образцы нашего будущего развития, — не в смысле организации капитала, а в смысле борьбы рабочего класса, — и это несмотря на то, что по своему экономическому развитию Россия наиболее отстала среди всех капиталистических стран. Это как будто противоречит материалистическому пониманию истории, согласно которому основой политического развития общества является развитие экономическое» [5, 2].

Однако Каутский не дает четкого ответа на вопросы, являющиеся ключевыми для марксистского политэкономического историзма в его применении к русской формационно-экономической действительности начала XX в. и связанной с ней классовой борьбы. Что это за «пролетариат», на базе которого, согласно Каутскому, который, на наш взгляд, отдаленно вторит русским народникам, характеризуя «борющийся класс» России, может быть осуществлено социалистическое преобразование российского общества при отсутствии развитого капиталистического способа производства? И против чего борется «рус-

ский пролетариат» при неразвитости капиталистического способа производства в России?

Вся сложность ответа на первый вопрос состоит в том, что сама классовая структура русского общества на рубеже XIX и XX вв. не поддается более или менее четкому классовому разбору с позиций канонического марксизма. В капитальном труде С.Г. Кара-Мурзы «Советская цивилизация» указывается, что по состоянию на начало XX в. 85% населения России составляло крестьянское сословие [3, 20].

По данным Всероссийской переписи 1897 г., подробные результаты которой приводятся в книге Д.И. Менделеева «К познанию России», население России в конце XIX в. составляло 128,2 млн человек [6, 45]. Результаты переписи, подробно разбивая общее количество людей физического труда на будто бы абсолютно независимые друг от друга профессиональные категории, не дают возможности составить мнение о своеобразной смешанной классовой структуре населения России в конце XIX в., поскольку к 17,3 млн человек, обозначенных в результатах переписи как «добывающие земледелием», необходимо добавить 1,4 млн «промышляющих охотой в лесу и т. п.», 180 тыс. работающих в горном деле, 5,1 млн промышляющих ремеслами и являющихся фабрично-заводскими рабочими, 76,7 млн домоладцев представителей первых трех сословно-профессиональных категорий, а также некое, отдельно не уточненное, число домоладцев фабрично-заводских рабочих [6, 85]. Таким образом, получится более 100 млн человек.

Что же дает нам основания, вопреки традиционному марксистскому пониманию понятия «пролетарий», относить к крестьянскому сословию российских горных и фабрично-заводских рабочих конца XIX в.?

Ответ на этот вопрос заключается в исторической запоздалости и формационной незрелости российского капитализма, его имитационно-догоняющем характере, в условиях которого российский «пролетариат» представлял собою исторически чуждое панораме марксизма «межсословное образование», характерное для стран периферийного «островного» капитализма, к которым можно отнести и Россию конца XIX — начала XX в.

«Рабочий класс в России, не пройдя через горнило протестантской Реформации и длительного раскрестьянивания, — пишет С.Г. Кара-Мурза, — не обрел мироощущения *пролетариата* — класса, утративших корни индивидуумов, торгующих на рынке своей рабочей силой. В подавляющем большинстве русские рабочие были рабочими в первом поколении и по своему типу мышления оставались крестьянами. Совсем незадолго до 1917 г. (в 1905 г.) половина рабочих-мужчин имела землю, и эти рабочие возвращались в деревню на время уборки

урожая. Очень большая часть рабочих жила холостяцкой жизнью в бараках, а семьи их оставались в деревне. В городе они чувствовали себя “на заработках”.

С другой стороны, много молодых крестьян пребывало в город на сезонные работы и во время экономических подъемов, когда городе не хватало рабочей силы. Таким образом, между рабочими и крестьянами в России поддерживался постоянный и двусторонний контакт. Городской рабочий начала века говорил и одевался примерно так же, как и крестьянин, в общем, был близок к нему по образу жизни и по типу культуры. Даже и по сословному состоянию большинство рабочих были записаны как крестьяне» [3, 69].

Историческим же итогом развития капитализма в России как с точки зрения административно-насильственного «культивирования» капитализма в аграрном традиционном обществе посредством воздействия «сверху и справа» (политика государственных деятелей праволиберальной ориентации), так и с точки зрения осмысления сословно-классового характера российского общества начала XX в. «слева» (ленинское видение «развития капитализма» в России), стали результаты аграрной реформы П.А. Столыпина 1906—1911 гг., а также состояние сельского хозяйства России (СССР) в период нэпа.

Сопоставляя попытки представителей марксистской школы представить общественно-экономические процессы, происходящие в России в начале XX в., как процессы, свойственные переходному предкапиталистическому обществу в рамках марксистского политэкономического историзма, С.Г. Кара-Мурза отмечает:

«Вообще, спор о земледельческой общине можно считать законченным после двух исторических экспериментов: реформы Столыпина и Октябрьской революции 1917 г. Получив землю, крестьяне повсеместно и по своей инициативе восстановили общину. В 1927 г. в РСФСР 91% крестьянских земель находился в общинном землепользовании. Как только история дала русским крестьянам короткую передышку, они определенно выбрали общинный тип жизнеустройства. И если бы не грядущая война и жестокая необходимость в форсированной индустриализации, возможно, более полно сбылся бы проект «государственно-общинного социализма народников» [3, 21].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, мы имеем основания констатировать, что марксистская теория и типология экономических укладов, в ее применении к историческим условиям развития стран мира XIX — начала XX в., имеют основания быть рассматриваемыми в качестве одной из первых моделей типологии стран мира. Детерминируя хозяйственную систему той или иной страны мира в рамках категорий докапиталистического, предкапиталистического (переходно-

го) или капиталистического уклада, марксизм выдвигал и обосновывал определенное понимание уровня социально-экономического развития и исторической зрелости государств, создавая тем самым модель распределения стран по экономическим группам.

Основываясь на исторической необходимости и неизбежности развития капиталистического способа производства, эта теория детерминировала состояние хозяйственного уклада России XIX — начала XX в. в духе последовательного становления капиталистических экономических отношений, относя, тем самым, Россию к группе стран, в которых превалировал докапиталистический экономический уклад, находящийся в состоянии предкапиталистического разложения.

Однако марксистская типология экономических укладов, игнорируя своеобразную классовую структуру российского общества XIX — начала XX в., являющуюся производной от господствующего в России некапиталистического экономического уклада, отвергала двойственный характер переходного состояния хозяйственного уклада России XIX — начала XX в., неоднократно отмечаемый русскими народниками и альтернативными подходами отдельных представителей марксистской политэкономической школы.

Литература

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч.
2. Хоррабин Дж. Очерк историко-экономической географии мира. М., 1931.
3. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М., 2008.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
5. Каутский К. Американский и русский рабочий. М., 2009.
6. Менделеев Д.И. Познание России. Заветные мысли. М., 2008.

Я.В. ГРИГОРОВА

Проблема прекаризации современных форм труда

Аннотация. В статье анализируется проблема трансформации трудовых отношений. Ставится вопрос о причинах появления прекаризации труда.

Ключевые слова: прекариат, прекаризация трудовых отношений, фордизм, постфордизм.

Abstract. The problems of transformation of modern labor relations are analysed in the article. The author raises a question of the reasons of appears precarisation labor.

Keywords: precariat, precarisation of labor relations, fordism, postfordism.

Стремительное изменение сферы труда со второй половины XX в. поставило перед обществом задачу формирования адекватной системы трудовых отношений, соответствующую вызовам социальных реалий. Одной из важнейших проблем современного труда стало возникновение новых форм занятости, которые породили феномен прекаритета. Прекаризация начинается в сфере социально-трудовых отношений, но затрагивает все больше сфер жизни, что порождает глубокие противоречия как в жизни отдельного человека, так и всего общества.

Трансформация системы труда началась в 1980-х гг. с возникновением кризиса в сфере управления труда, что было обусловлено пределом развития фордистской системы организации. Для того чтобы выяснить общий вектор происходящих изменений, необходимо кратко раскрыть особенности содержания фордистского типа труда.

Термин «фордизм» в научный оборот ввел итальянский теоретик А. Грамши в работе «Американизм и фордизм» [1]. Автор показал связь между конвейерным производством и формированием новых общественных отношений, которые стали причиной возникновения нового этапа капитализма. Название данная система получила от имени Г. Форда, который первым использовал конвейер на фабриках по производству автомобилей. Успех фордистской системы производства был обусловлен следующими факторами: введением массового производства, повышением заработной платы, иерархичностью, расширением управленческого аппарата, относительной стабильностью рынка, почти максимальной занятостью и т. д. Одновременно была осуществлена смена роли государства в отношении трудового регулирования. Высокое государственное социальное обеспечение, ориентация политики на стимулирование высокого потребительского спроса привели к относительно высокому росту среднего уровня жизни и появлению «государства всеобщего благосостояния».

Однако в 1970-е г. производство сталкивается с неразрешимыми кризисами в рамках данной системы, вызванными перенасыщенностью рынка и возрастанием недовольства работников, участвующих в монотонном труде. Кроме того, на мировой рынок выходит автомобильный концерн «Тойота», который выигрывает в конкурентной борьбе с фордистским производством. Примечательно, что организация производства «Тойоты» основывалась на все большем участии

производственного коллектива в принятии решений, уменьшении иерархических уровней, гибкой перестройке производства для выпуска новых моделей. Кроме того, постоянная экономия ресурсов, уменьшение брака в процессе производства, использование информации об изменениях спроса на продукцию обусловили успех данной производственной системы. Стоит отметить, что данная система распространилась в развитых странах и породила новую форму социально-экономических отношений, которая получила название постфордизма.

Для того чтобы поддерживать гибкость производства, необходимо было пересмотреть организацию трудовых отношений. Постфордизм стал опираться на следующие принципы: сетевую организацию производства, гибкость, децентрализацию трудовых отношений, аутсорсинг, нестабильную, частичную, удаленную занятость и т. д. Все эти методы были призваны сделать производство гибким, способным быстро меняться в ответ на внешние обстоятельства.

Для описания новой формы трудовых отношений используется термин «прекаризация», который означает нестабильные, гибкие трудовые отношения.

По оценкам современных социологов, в результате описанных изменений в обществе складывается постоянно растущий слой прекариата. Г. Стендинг приписывает прекариату специфические отношения распределения. Работникам в основном приходится полагаться только на прямое денежное вознаграждение за труд. Прекариат не может рассчитывать на пенсии, пособия по безработице, оплату медицинских счетов. Кроме того, все больше людей в прекариате не имеют тех же прав (гражданских, социальных, политических, культурных и экономических), что есть у остальных граждан. Автор называет прекариат новым опасным классом. [2, 198].

Так Р. Кастель, отмечает, что скачкообразная, временная система занятости нормализуется в современном обществе и постепенно вытесняет стабильность пятидневной недели. На новом витке капитализма усиливается мобильность рабочей силы, что легитимирует снижение оплаты труда, провоцирует конкуренцию между работниками. Эти процессы усиливают власть работодателя: происходит постепенный переход на краткосрочный контракт, узаконивающий право на увольнения без объяснения причин, понижается уровень социального страхования. Автор считает, что сама фигура наемного работника оказывается центром нестабильности [3, 391].

Отметим, что к прекариату относятся как мигранты, которые не имеют трудовой стабильности, но все же более тяготеют работники интеллектуальных, творческих профессий. Действительно, данной

тенденции подвержены преподаватели, фрилансеры, работники художественной сферы и т. д.

М. Пасквинелли считает, что в десятилетие Интернета мы пережили массовое деклассирование работников до статуса precarious работников [4].

Те же работники, которые имеют постоянную занятость, подвержены внутренней прекаризации в рамках своего места работы. Современная теория управления гласит, что «срок годности» команды не должен превышать одного года. К примеру, в высокотехнологичном секторе Кремниевой долины средний срок работы на одном месте составляет примерно восемь месяцев [5].

Остановимся на анализе перечисленных тенденций. Переход от фордизма к постфордизму дестабилизировал трудовые отношения. С одной стороны, происходит перенос на наемных работников груза рыночной ответственности, что привело к снижению социально-трудовых гарантий, с другой — создаются неравные условия доступа к труду.

Представителями прекариата так же становятся и многие работники интеллектуального труда, не имеющие постоянного контракта, занятые в основном на временных должностях. «Не надо думать, будто прекариальный труд — это удел только низкоквалифицированных работников, кто не учился и не приобретал профессию. Например, все больше прекариальных черт проглядывает в деятельности вузовских преподавателей, офисных работников и даже государственных служащих» [6].

Прекарность распространяется за пределы производства на все социальное пространство, обостряя внутренние и внешние конфликты общества, что влечет за собой появление новых протестных движений. В этой связи необходимо отметить, что увеличение количества precarious работников становится угрозой прогрессивного развития общества.

Данные тенденции показывают, что в обществе происходят глубокие изменения, связанные с коренным преобразованием современного труда.

Ученые обращают пристальное внимание на то, что чрезмерная нестабильность труда разрушительно действует на человека, на человеческую целостность.

Неустойчивость, подвижность, шаткость характеризуют не только профессиональную, но и частную жизнь человека. Гибкость, мобильность, отсутствие прочных связей, адаптация к постоянным изменениям часто вступают в противоречие со стремлением к долгосрочному планированию своей жизни.

Прекариат становится питательной почвой для социальной напряженности в обществе. Данная тенденция не может не вызывать опасений. Т. Гартон Эш отмечает, что «уже появилось целое поколение европейских выпускников, которые ощущают, что их лишили лучшего будущего, в которое они поверили» [7].

Нестабильность трудовых отношений становится своеобразным «клеем» для возникновения солидарности «новых» работников. Европейские преподаватели в свою очередь объединились в широкое движение *L'Onda* («Волна») [8]. Движение призывает к решению проблем внештатных интеллектуальных работников университетов — низкооплачиваемой прекарной рабочей силы на рынке преподавательского труда. Подобное объединение вокруг движения прекариата подкрепляется инициативой множества студентов, работников, исследователей и преподавателей в рамках большого движения прекариата.

В Италии в последние годы прекарный труд вместе с борьбой за права иммигрантов стал одной из основных тем гражданских выступлений. Множество акций, особенно первомайских, ставило в центр это требование гарантированного дохода. Оно оперирует понятием «гибкой безопасности» и утверждает: мы без работы, мы прекарны потому, что капитализм от нас этого требует, так что он и должен за это платить.

Решение проблемы нестабильных трудовых отношений требует внимательного рассмотрения, так как работники прекариата являются незащищенными, а это не может не стать причиной общественного недовольства и выступлений.

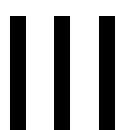
Литература

1. *Gramsci A.* Americanism & Fordism // Selections from Prison Notebooks. L., 1971.
2. *Standing G.* The Precariat — The New Dangerous Class. L., 2011.
3. *Кастель Р.* Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб., 2009.
4. *Пасквинелли М.* Цифровой неофеодализм: кризис сетевой политики и новая топология ренты // <http://permm.ru/menu/xzh/архив/xudozhestvennyj-zhurnal-E2%84%9685.-nashe-novoe-budushhee.-chast-2/czifrovoj-neofeodalizm:-krizis-setevoj-politiki-i-novaya-topologiya-renty.html> (дата обращения 21.08.2014).
5. *Сеннет Р.* Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость, безразличие // http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/05.pdf (дата обращения 21.08.2014).

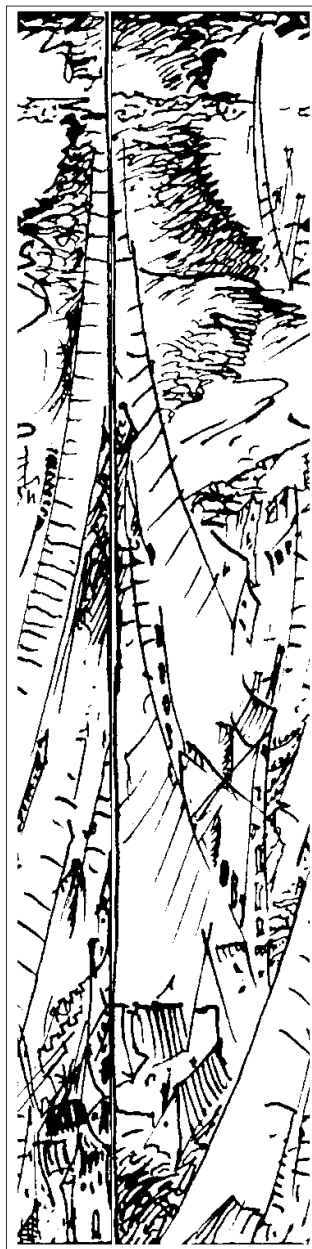
6. *Бизюков П.* Диктатура прекариата. О рождении в России нового социального класса // http://www.gazeta.ru/comments/2014/04/29_x_6013393.shtml#comments (дата обращения 21.08.2014).

7. *Гартон Эи Т.* Европа-континент недовольных // <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/may/26/europe-unhappy-european-union> (дата обращения 21.08.2014).

8. *Корради Л.* Итальянские университеты выставлены на продажу // Глобальный диалог. Т. 2. 2012. № 5.



**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**



Ю.М. ОСИПОВ

Кризис мира и мир кризиса

Аннотация. Мир как планетарный феномен не отделим сегодня от феномена кризиса. Отсюда кризис мира, что глубже и содержательнее мирового кризиса, и мир кризиса, что глубже и содержательнее типологической характеристики феномена.

Ключевые слова: мир, кризис, человек, человечество, философия, историософия, философия хозяйства, геополитика, геостратегия.

Abstract. The article is devoted the world as a planetary phenomenon that isn't separable today from a crisis phenomenon. The world of the crisis is deeper and more substantial than the crisis of the world.

Keywords: world, crisis, human, mankind, philosophy, historiosophy, philosophy of economy, geopolitics, geostrategy.

Описание нынешнего мира — описание его кризиса, а описание кризиса мира — описание самого мира. *Мир — кризис, а кризис — мир!* Все здесь в сплетении: нет уже мира вне его тотального кризиса, как уже нет и кризиса вне целого мира. Глобальный постмодерн намертво сочетал мир с кризисом, а кризис — с миром. Теперь за словом «мир» следует слово «кризис», а ежели произнести слово «кризис», то надо полагать при этом и весь мир. *Мир — кризис, а кризис — мир!*

Сначала о мире.

Что есть сегодня мир?

Целостно планетарный, в передовой своей части искусственный, уже и постчеловеческий.

В нынешнем технизированном мире может обитать столь же технизированное разумное-де существо, у которого еще есть интеллект, но уже нет, или почти нет, души, на месте которой... э-э... пустота. Отсюда и интеллект оказывается уже *самим для себя интеллектом*, или *ультраинтеллектом* — без души, а потому и *постчеловеческим*, киборгиальным, чиповейным. И никуда передовому человеку от этого уже не деться — приходится стремительно превращаться в *постчеловека*.

Передовой мир, который уже и *пост-мир*, активничает, ведет, рулит, заражая собою планету, пытаясь над ней господствовать, ею тотально управлять. Обескровленный, он не может уже существовать самостоятельно, ему нужно питаться внешней для себя кровью, кото-

рой еще полнится мир *остальной* — не передовой, а с позицией передового мира — отсталый.

Так или иначе, но на планете сейчас по меньшей мере два планетарных мира, составляющих при этом вовсе не гармоничное, хотя вроде бы и глобальное, целое, а целое, вынужденно составленное из противодействующих половин.

Остальной мир не желает господства над собой передового мира, к тому же уже переходящего в постмир вкупе с постчеловеком, и, все более это осознавая, втягивается в борьбу с этим передовым миром, намереваясь в недалекой перспективе его опрокинуть в подготовленное им же самим небытие. Почему же небытие? А потому что постмир есть одновременно и *анти-мир*, или *мир-небытие*, чему уже столько свидетельств, что и не перечислить. А раз так, то передовой мир, устремившийся в постмир, одновременно оборачивается и антимиром, чему остальной мир, — еще человеческий! — может и поспособствовать, забрав технологии у передового мира, но предоставив ему возможность, гния на корню, опрокинуться в им же подготовленное небытие.

И вот разве перед нами не глубоко и целостно кризисный мир: раздвоенный, внутри себя борющийся, идущий по краю глобальной бездны?

Это уже *мир миров*, то бишь не мир стран, культур, цивилизаций, континентов, а именно *мир миров* — и борьба внутри него есть *борьба миров* — не менее и не более! Да ладно бы борьба передового мира с остальным миром, как и наоборот, а то ведь *пост-мира* с *сей-миром*, мало того — *анти-мира* с *еще-миром*. Вот так! И после всего этого говорить, что *апокалиптика*, или тряска, сопровождаемая движением к концу — всего лишь досужая выдумка каких-то там теистов. Ничего подобного: апокалиптика — помимо того, что это есть учение — самая настоящая реальность, а сегодня — еще и буквально восставшая актуальность!

Можно продолжать восхищаться предовым, пока еще вроде бы инновационным, миром; можно в него отовсюду бежать, не замечая впрыгивания уже не в последний вагон последнего поезда, а прямо-таки в «Титаник»; можно пренебрегать остальным миром, почитая его за примитивный, устаревший и безнадежно отставший. Но не видеть обездушенных глаз прогрессистов, как и все еще одушевленных глаз периферийцев, уже нельзя: *постчеловек* против *все-еще-человека*; *античеловек* против человека, автомат против сознания. Решается не то, кому быть и оставаться на планете среди человек, а быть или не быть самому человеку, да и не в ходе и в результате той же эволюции,

а в ходе решительной и вряд ли сильно уж долговременной *схватки миров*.

А тут, понимаешь ли, диалоги цивилизаций, культур, народов — не смешно ли? — особенно ежели учесть, что на переднем плане не так уже цивилизации как антицивилизации, не культуры, а антикультуры, не народы, а антинароды. Неужели еще не ясно? Так хоть на Украину взгляните, господа хорошие, где уже цветет пышным цветом этот самый антимир, еще и цветом желто-голубым, ядовитым, смертельным! Попробуйте-ка объяснить все происходящее с Украиной и на Украине — причем именно *все!* — как не в терминах густой, и исключительно передовой, апокалиптики, а-а?

Коснись мысленно современного мира и вылезает... кризис, а задумайся глубоко над кризисом, то в голову приходит... весь мир. Отсюда все разговоры о мире вне его кризиса, как и о кризисах вне всего мира — уже пустые разговоры! Ах, эти ученые, эксперты, лауреаты престижных премий, члены авторитетных академий и клубов, адепты тайных организаций, кто там еще, кто либо сам ничего не понимает, либо что-то все-таки понимает, а лишь попудривает в меру сил мозги всему смотрящему в электронные окошки и читающему электронные тексты миру.

Нет ничего проще — обратись, свободный интеллигент, к украинскому вопросу и все сразу станет в твоей несвободной голове на свои места: хорошие передовые люди с Запада борются с плохими отсталыми нелюдьми с Востока — вот и все, не так ли? А ведь и в самом деле так: ничего другого свободному от глубоких размышлений интеллигенту в голову просто не придет — и все потому, что интеллигент — адепт передового мира и враг мира отсталого, а *инновации*, ведущие в бездну, ему дороже традиции, от этой бездны удерживающей. А еще ему претит всякая новизна, на эту традицию опирающаяся и предполагающая что-то *иное*, чего нет и не может стать в дорогом ему передовом мире.

И очень не хочется свободному передовому интеллигенту замечать *античеловечность* им любимого передового мира, его уже состоявшийся выход за пределы так ему всегда нравившегося *гуманизма* — причем по всем азимутам! Ах, Адольф, Адольф, какой же ты всего лишь отчаянный сорванец по сравнению с досточтимой миледи Пс., готовой уничтожить полмира, не выходя из своего прозрачно-призрачного кабинета! Ты, Адольф, был энергичным, деятельным, изобретательным, талантливым, жестоким, кровавым, мечтательным, сентиментальным, в общем — гениальным... э-э... зверовеком, пусть и со стороны, по поручению и в образе самого дьявола, а Пс... что особенно примечательно... *никто*, ибо она уже... *она*... э-э... *постче-*

ловечиха, которой никаких качеств, кроме пустой на опустевшем лице улыбки, уже и не надо!

И это ли не свидетельство *апокалиптического кризиса* Америки, Европы и Запада, всего передового мира?!

Покажи мне один раз Пс., и я скажу, кто и что ты!

Передовой мир не просто передовой в научно-техническом и антикультурном (Голливуд) планах, но еще и передовой по части превращения человека в пост- и античеловека, да и попросту уничтожения человека — тысячами, миллионами, миллиардами! И чем же он отличается по сути своей от досточтимого Рейха, коли вот и «украин» предоставил возможность не только стать новым «рейхом», но и превзойти его в разрезе «зверогуманизма» по всем статьям? А все почему? А потому, что чувствует передовой мир, что он первый, причем уже и добровольный, кандидат в небытие, ежели не подчинит себе тотально остальной мир и не продлит свое вампирическое малокровное существование за счет все-еще-человечества. Интересно, какого цвета кровь у милой Пс. и сколько вообще кровеподобной жидкости в ее посторганлизме?

Остальной мир не однообразен, это очень разный по качествам мир, это тоже *мир миров*! Китай, Индия, мусульманский мир, внутри которого еще и большой арабский мир, черноафриканский мир, латиноамериканский, наконец — российский (а с учетом примыкающих к России своеобразных стран — евразийский мир). Остальной мир — очень большой мир с большими мирами в его составе. И империяльное давление глобалического передового мира столь велико, а потенциалы сопротивления этому давлению уже настолько немалые, что остальной мир вынужденно объединяется — союзнически! — и уже достаточно рисуночно противостоит хищному передовому миру, шаг за шагом перехватывая у него историческую инициативу.

Основой единения остального мира в большой планетарный мир является не одно лишь сопротивление передовому миру, но и сохранение и наличие в остальном мире того, что сегодня принято называть *Традицией*, однако трактуемой уже не столько идейно-культурно, сколько *антропологически* — остальной мир не расстается, несмотря на большие в нем перемены, в том числе и постмодерновые, с человеческим началом в человеке, то бишь с божеским началом в человеке. Остальной мир, воспринимая многое от передового мира, не становится на путь движения к пост- и античеловечеству. В остальном мире возникает возможность перехода к *новому человечеству*, а не постчеловечеству с его пагубной античеловеческой составляющей. Достаточно сравнить глаза миледи Пс. с глазами любой представительницы

любой из правящих структур остального мира! Пустота и полнота — не одно ведь и то же!

Появление и существование в остальном мире межгосударственно-го — союзного типа объединения, именуемого сейчас для краткости БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), а вскоре, со вступлением в объединение других стран вроде Аргентины и Турции, обретущим какое-то другое наименование, означало не только начало конца гегемонии передового мира надо всем планетарным миром, но и... что не столь заметно, но что все-таки имеет место... начало самоубийственной развязки для передового мира. Украинские события все это блестяще подтверждают: передовой мир впал во вроде бы неожиданную и в плохо скрываемую истерику! А истерика — лучший показатель зыбкой неуверенности, перманентного кризиса и накатывающегося из небытия скверного конца!

В отличие от Америки Россия сохраняет спокойствие, исключая, конечно, сидящий в России, но любящий Америку и ею подкармливаемый антироссийский «гуманистический» слой. Антисистема на то и антисистема, чтобы «терпеть ненавидеть» все родное ради всего чужеземного, пусть и впрямь замечательного. Не первый это случай и не последний, как и не только в России. В целом же Россия хранит геополитическое спокойствие, немало уже владея и геостратегической перспективой. Мало того, Россия ведет ныне *свою игру*, она уже ни в коей мере не объект игры (как и возможный для кого-то приз), а самый настоящий *субъект игры*, у которого и цель достаточная имеется — *Россия!*

Да, это именно так: Россия ведет ныне геополитическое сражение за Россию, понимая при этом, что сражение это не отделить от большого сражения больших миров, развертывающегося на планете, а потому Россия не только участник судьбоносного геостратегического действия, но и... *ведущий* его участник — как раз со стороны остального мира. Никто сегодня, кроме России, не может и не смог бы занять эту ведущую (вовсе не главенствующую) позицию в среде остального мира. В этом, безусловно, историческая миссия Руси — Российской империи — СССР — Российской Федерации, отчего и велико раздражение Америки против России, отраженное наиболее ярко в нескрываемой злобе нациствующей Украины (части ее «сверхчеловеческой элиты») относительно русскости, русских, России.

Почему же именно Россия? На это имеется немало разных оснований и причин, но следует особо подчеркнуть три момента: 1) историческая альтернативность восточноевропейской (условно — евразийской) России европейскому Западу, или просто Европе (ныне — ЕвроАмерике); 2) особое сочетание традиции и свободы, позволя-

ющее России культурно и институционально импровизировать, переходя от одной формы бытия к другой, не теряя своих фундаментальных оснований (чего не могут себе позволить, к примеру, ни Китай, ни Индия, ни те же мусульмане); 3) *имперскость* России в сочетании с ее недавней *лидерской ролью* в мире Советского Союза (историческое припоминание). Можно, конечно, упомянуть о большом пространстве, богатых природных ресурсах, как и иных моментах вроде особого народного характера, но, как представляется, высказанных выше трех обстоятельств вполне достаточно: Россия, хочет она того или нет, ищет какой-то новый для себя образ бытия, отличный, как всегда, от западного и того же восточного, причем ищет не сама по себе, а с учетом общемирового контекста, происходящих в нем эволюционных и кризисных процессов, что создает и возможность — в силу мировой величины России — предположить что-то новое, пусть и в отдельных аспектах, для всего мира, а также выполнить роль если не страны-лидера, то хотя бы страны-первопроходца.

Здесь нет со стороны России никакой исторической самонадеянности, как и имперской устремленности к доминированию в мире или в его значительной части. Это очень важно сознавать: у России нет потребности кого-либо эксплуатировать, кем-либо командовать или кого-то куда-то вести (как было в случае с СССР, а СССР — не Россия, а очень даже европейский проект!). Россия может выйти на лидирующую позицию в мире только по причине своей *особости*, предложения миру *иной* — не западной и не восточной — формы жизнеотправления, причем более всего в итоге исторического «хода вещей», чем какого-либо априорного замысла.

Тут важно учитывать, что Россию не оставляют в покое, всячески на нее воздействуя — из западного прежде всего «высока» — в целях выдавливания из нее собственно России (как сути), ослабления России как державы, ее последующего раздробления (распада либо принудительного расчленения — неважно!). Борьба с Россией — важнейший исторический факт, не требующий доказательств! Не требует доказательств и факт борьбы России за саму себя, ее сопротивления внешнему давлению, а главное — нежелания России не только исчезать с карты мира, но и служить кому-либо послушной марионеткой. Смешно, но Запад, кажется, и в самом деле решил, что Россия после распада СССР и ельцинского правления уже не более, чем филиал Запада, ему примерно служащий и ни о чем *своем* не помышляющий.

Однако все оказалось по-другому: очередной раз напитавшись «западнизмом», Россия вдруг вспомнила о себе и шаг за шагом стала приближаться к... *самой себе*, что-то в себе припоминая, а что-то уже по ходу для себя созидая. И выходит так, что и традиция не отвергнута, и

новизне путь не закрыт. На очереди *новая Россия*, еще не понятная, ибо модели никакой тут нет, но зато есть, во-первых, Россия, а во-вторых — тенденция к новой России. Был ли при этом в чьей-то мудрой голове *новый российский проект*, не был ли, это не очень-то и важно, — знаменательно, что он — этот проект — уже существует, работает и исполняется, хотя преднамеренно он никем и нигде не начертан. Россия сама себе чертит проект — прямо на ходу, а кризисные обстоятельства в мире только этому способствуют. Не будь кризиса мира и борьбы миров, ситуация с Россией и в самой России была бы иная, как и иными были бы проект новой России и его текущее исполнение.

Да, Россия, еще будучи СССР и в СССР, сама себя вогнала в кризис, когда мир вроде шибко кризисным и не выглядел. Российский кризис оказался глубоким, ужасным, безысходным. Однако что-то передельное в стране произошло, и она вышла из этой переделки, будучи вовсю еще кризисной... *другой*: Россия 2010-х гг. уже никак не Россия 1990-х! За этой великой трансформацией в *другое* последовали стабилизация страны и движение к преодолению российского кризиса, хотя вовсе пока еще не его полное преодоление. В это же время планетарный мир, изменяясь, стал втягиваться в свой качественный, или системный, кризис, поровнявшись и прировнявшись к кризисной России. На рубеже 2000—2010-х гг. уже стало ясно, что мир находится не в одном лишь экономическом кризисе, как любит рассуждать ученая братия всего мира, а в кризисе *сущностном*, то бишь в *кризисе мира*, причем в кризисе *апокалиптического* свойства, что и подвигло нас рассуждать не только о кризисе мира, но и *мире кризиса* — необычного, глобального, судного, явно уже эсхатологического, чуть ли не последнего.

Охваченный собственным сущностно-судным кризисом, Запад не может никуда уйти, кроме... Запада. Тут как раз «на западном фронте без перемен»! Точнее, с переменами, но... западными. Куда? К постмиру и антиммиру, постчеловеку и античеловеку, пустоте и небытию! Перспектива не то что нерадостная, а в общем-то жуткая, хотя мало кто это сегодня осознает. Сам Запад, чувствуя свою завершительную апокалиптику, кое-что все-таки понимает, стремясь поскорее сожрать остаточную планету, ею насытиться и продлить свое передовое, но вовсю уже брэнное существование.

Будучи передовым, прогрессивным, возвышающимся (идушим вверх), Запад является и главным генератором кризиса мира, задавая характерную особенность и миру кризиса. У планеты есть свой основной очаг кризиса — Запад, США, как есть, разумеется, и главный антикризисный мотор — тот же Запад, те же США, но ежели генератор

кризиса во всех отношениях хорош, превосходно разгоняя кризис, то антикризисный мотор тут не то что слабоват, а просто не в том направлении работающий, не только не на свой кризис, его преодоление, и даже не на кризис мира, а на сам... *мир* как таковой — как на всего лишь *топливо антикризиса*. Не будет мира — не будет и его кризиса, зато может остаться Запад... нависший над остаточным после такого преодоления кризиса миром. Вот и весь на сегодня мир кризиса — прозападному!

Остальной, или незападный мир, даже во главе со многими прозападными «лидерами», не очень-то жаждет попасть в горнило кризиса мира, генерируемого кризисом Запада, и исчезнуть в этом горниле прозападной антикризисной жертвой. Отсюда и общее сопротивление Западу, и БРИКС со своими сторонниками, и та же ШОС, и эпохальный по значению *российский вопрос*, как и, разумеется, раскрутка Западом во главе с США украинского кризиса, что немедленно породило и *украинский вопрос*, — как вопрос уже межмировый, если не полностью мировой. Запад решил присвоить себе Украину, превратив в плацдарм борьбы с Россией и тем же БРИКС, на что не могла согласиться Россия, — что и получило подтверждение после прозападного и одновременно шовинистического (антирусского в украинской националистической интерпретации) переворота в Киеве и прихода власти на Украине более-чем-«европейцев» и более-чем-нацистов: России пришлось спасать от разъяренных «укров» исконно российский Крым с Севастополем посредством их воссоединения с первородиной и поддерживать пророссийский Юго-Запад Украины, не пожелавший оказаться под антирусской — укро-нацистской — тиранией, совершенно уже маргинальной! Никакое НАТО не должно быть на исторически русской, пусть ныне и номинально украинской, территории. Украина — не место для натовских баз, ракет и авианосцев! США, потерявшие от «однополюсных» успехов, собственного неизлечимого кризиса и нарастающего сопротивления остального мира буйную американскую голову, пошли ва-банк, вторгшись со своим агрессивным уставом в зону иных имперских интересов — российских, спровоцировав на базе украинского кризиса вспышку войны западного мира, включая и несчастную Украину, с Россией, а косвенно — с БРИКС и всем остальным относительно Запада миром. Вот он — долгожданный успех Запада, позволяющий покончить с играми во всеобщую лояльность «белого мира», и ликвидировав Россию как вышедшего вперед мирового лидера, если не устранив ее насовсем — как огромную северо-восточную страну, заняться всерьез остальным миром, включая и Китай.

Украинский вопрос — вопрос мирового значения, разумеется, не из-за самой по себе Украины, а по причине ее попадания в искрящуюся межмировую геостратегическую промежность, где находится-то ей не очень-то уютно, а уж исчезнуть можно в один миг. Есть такой «грешок» — *геополитический авантюризм*, да ладно там Македонский, Чингиз, Бонапарт, Гитлер, а тут вот... э-э... новые уже претенденты на историческую, хоть и весьма сомнительную, славу.

Введя санкции против России, Запад фактически объявил ей войну — этакую «темную», то бишь не горячую и не холодную. Запад хочет сделать Россию страной-изгоем, а президента Российской Федерации поставить вне закона и попросту уничтожить. Но... Россия не Ирак, не Ливия, даже не Сербия, а потому поход на Россию — несомненная оплошность, хотя сам поход имеет многие признаки крестового (лучше бы сказать — антикрестового) похода. Но если уж война, то война! Плохи, видно, кризисные дела у Запада (точнее — у США), ежели он решился на такую безумную авантюру прямо-таки гитлеровского пошиба! Где ты, Адольф, чтобы подсказать кое-что важное новым мировым авантюристам: «не суйтесь, парни, в Россию, не суйтесь! Не тревожьте “медведя” не травите его своими “собаками”, ибо это не тот медведь, на которого ходят в леса русские медвежатники, а совсем другой — *иномирный*, вроде призрака какого-то, вам непонятного, вам не подвластного и для вас крайне опасного!».

Что ж, Россия принимает безумный вызов Запада, но принимает его вовсе не бездумно, а, как и положено, поведенчески выдержанно и будучи в себе уверенной, и дает вполне разумный ответ: не бывать врагу (а Запад теперь — враг!) на исконно русских, на кровью и потом русичей утвержденных, землях; не бывать и зависимой от Запада России; не бывать и расчлененного русского мира, еще и тщательно позападному загаженного. Всё! Глобалический эксперимент закончен: Россия выходит из глобалической западни, сосредоточиваясь, мобилизуясь и перестраиваясь на ходу. Что касается войны, то, если уж она так неотвратима, то... нет, нет... Россия сегодня не та, чтобы бросаться безоглядно в расставленные ей силки, она этого делать не будет, лучше расставит свои собственные силки, выступив в роли вовсе не медведя, а самого медвежатника — тоже *иномирного*, то бишь в меру призрачного, непонятного и без меры опасного!

Что поделать, ежели в глобальном кризисном мире ничего уже не делается без кризисов, катастроф, революций, войн, уничтожений, убийств, мало того — без расчеловечивания человека, а потому Россия, вполне это осознавая, принимает кризисный вызов, но не ради войны с каким-либо субъектом глобалического кризиса, а ради борьбы с самим этим глобалическим кризисом мира, ради сначала российско-

го, а потом и мирового *антикризиса*. Вот она, великая экзистенциальная, она же и геостратегическая задача, от решения которой (во всяком случае, попытки решения которой) ни России, ни миру уже не уйти!

Никакой паники! Один здравый расчет! Хранимая Богом, вразумляемая Софией и обороняемая своим оборонным щитом, Россия способна, не теряя самообладания, вести последнее сакральное сражение с восставшим в Постмодерне антимиром, как подавляя его внутри себя, так и отбиваясь от него извне. Ничего не поделаешь: таково требование эпохи!

Удастся ли? Надо думать не столько об этом, сколько о том, что реально в России делать, а реально что-то делая, делать так, чтобы никто из умников ни в России, ни за кордоном, ничего из конкретно делаемого и за сим непременно происходящего не понимал, ничего не предвидел и ничего противного для России не выстраивал. Скрытое опережение, неожиданные ответы, непредсказуемые для противника итоги!

Что ж, маски сброшены! И не так с США и Европы (чего уж их сбрасывать?), как с близких стран-государств, — и не только с лица одной лишь «братской» Украины! Новая геополитическая ситуация! Россия — мир, а вместе с небратским БРИКС так и очень большой мир, так что не ей бояться изоляции, это, во-первых, а во-вторых, чего ей бояться, так это самой себя вкупе с антиРоссией внутри себя, но ежели Россия возвращается к себе, ища для себя и новую Россию, то и антиРоссия не может помешать России в ее движении к самой себе.

Только что Россия, переживая свой внутренний кризис, утопала в кризисе мира и участвовала в мире кризиса, но вот майдан, Крым, Юго-Восток Украины — и, обзаведясь санкциями и получив вызов к войне, Россия вдруг оказалась уже не так в кризисе мира с кризисной же войной, как в своем собственном *антикризисе*!

Первейшая задача России — выдавить из себя *антикризис*! Да не просто антикризис, а *российский антикризис*!

Вот она — актуальная сверхзадача!

Если совсем недавно мы говорили о суверенитете России, ее великодержавии и необходимом постреформенном перестроении с выходом на развитый подъем как о чем-то более желательном, чем реальном, возможном, а не действительном, чуть ли не утопическом, то сегодня все это уже в повестке дня, как и переход к государственно-корпоративному дирижизму, не закрывающему свободы в экономике, но ее заботливо корректирующему — в практическом на сегодня образе *неодирижизма*.

Война, объявленная России, — даже не полезная встряска, это необходимость, но не войны как таковой, ибо сама Россия ни в какой войне не нуждается, а мобилизационного состояния, сопровождающе-

го любую войну — столь потребного для нынешней России. Что говорить, это уже ожидавшийся страной шанс, уставшей от внешней зависимости, глобалического патроната, навязанной ей роли международного «плохиша», которого положено держать в узде и под контролем, а потому подспудно уже стремившейся на свободный свет и самоопределение своего собственного пути. И не в одной стране тут дело, ибо есть еще ослабленный, разделенный, теснимый, обгаживаемый и умерщвляемый *русский мир*, ищущий для себя выхода и жаждущий собственного возрождения. Да, в России много этномиров и культуромиров, но есть один, который всегда в основании России, даже если кто-то этого не замечает, нередко по недомыслию, а чаще всего делая вид, как всегда — умный, что никакого органического и целостного русского мира с рускостью в его сердцевине вообще не существует. Война, объявленная России, диктует отрезвление русского мира, его последовательную самоидентификацию, его возвращение в большую историю.

Вообще — и это очень знаменательно — реальная история сама вывела русских и всю Россию на русский мир, да не ради фольклорных деяний, а для осознания геостратегической роли русского фактора в прошлом, настоящем и будущем, причем роли корневой, базовой, живоносной. И тут огромное геэтнокультурное спасибо новоявленным «украам» (не украинцам, а именно «украам» — этим горе-«тевтонам» современности), прямо обозначившим, не скрывая своей ненависти, наличие русских, русскости, русского мира. Сами многие русские стали забывать, что они русские, хотя никем другими они попросту быть не могут, а тут разъяренные «укры» взяли, да и напомнили русским, что они русские, призвав их — *русских* — гнать, гнобить, убивать. Тут важно заметить, что русские на Украине, вполне к ней самой лояльные, не очень-то устремились в украинизацию, как будто предчувствуя превращение Украины во враждебную им «Укрыану». Что ж, геноцид, он же и холокост, тоже по-своему полезен, чтобы всех его вольных и невольных участников поставить на свои места: кого определить в палачи, а кого, увы, в жертвы. «Укры», конечно, отрицают и будут отрицать геноцид русских, но русский мир все хорошо уже понял и никогда уже истым «украам» этого не простит. Тут уж: *или* — *или!*

Российский антикризис предполагает не одно хозяйственное переустройство, не одни политические и идеологические перемены, но и, повторяем, самый настоящий *Русский Ренессанс*, одинаково благоприятный как для собственно русских, так и для всех остальных россиян. Именно русские, их язык и культура, их традиции, их вообще бытие придают смысл и образ существования России, всем россиянам, —

разве не так? Так зачем же недооценивать русский мир, его принижать, зауживать, не замечать, — уж не для того, чтобы свести Россию на нет, а россиян отправить в небытие?

Всякие бывают времена, и вот сегодня — *война!* — и чем быстрее мы это поймем, сделаем необходимые заключения и приступим к потребным в таких случаях действиям, тем меньше шансов у врагов России ворваться в Россию, ее пытаясь уничтожить, а у друзей России больше шансов поддержать Россию, а в итоге избежать большой истребительной войны.

Русские — вовсе не «укры», и разве это плохо?

Ф.И. ГИРЕНОК

Антропология власти

Аннотация: В статье анализируется классическое представление о власти как ограничении свободы. А также раскрываются смыслы современного подхода к проблеме власти. Реконструируются взгляды Фуко и Бурдьё. Отдельно автор обращается к пониманию власти для русского менталитета.

Ключевые слова: власть, воля, свобода, насилие, быт, Фуко, Бурдьё.

Abstract. In article classical idea of the power as freedom restriction is analyzed. And also meanings of modern approach to a power problem reveal. Fuco and Bourdie views are reconstructed. Separately the author addresses to understanding of the power for the Russian mentality.

Keywords: power, will, freedom, violence, life, Fuco, Bourdie.

Вопрос о власти решается у нас, у русских, просто: у одних она почему-то есть, у других ее нет. И те, у кого ее нет, ничего не хотят сделать для того, чтобы власть у них была. У русских нет воли к власти. Зачем себя неволивать, если настоящая власть может быть только у царя.

Царь

Был на Руси царь. Да теперь не скоро будет. А без царя русская земля не правится. В Европе правится, а в России не правится. Почему? То ли потому, что мы плохие европейцы, то ли потому, что мы право править понимали иначе.

Чем славна Европа? Римским правом, т. е. содержанием различия между публичным правом и частным в Дигестах Юстиниана. Но не проросло римское право в русском сердце, и поэтому мы до сих пор не

знаем, где заканчивается твое, частное, и начинается общее, публичное пространство. Иван Киреевский рассказывает: везет крестьянин из барского леса дрова. Ему говорят, что же ты делаешь, зачем ты ворую чужое? Крестьянин отвечает: я не ворую. Я так беру. Лес он ничей, он от Бога. Нет у барина на него никаких прав.

Нет у нас для римского права онтологических корней. А без этих корней не держится в России ни гуманизм Возрождения, ни кодекс Наполеона, ставший основой современного европейского права. Что мешает? Соборная личность, т. е. у всех европейских народов есть личности и эти личности объединяются в некое целое, а у нас само объединение считается личностью. В Европе государство — это ночной сторож. А у нас — симфоническая личность.

Но если мы плохие европейцы, то не потому, что мы хорошие азиаты. Мы и в азиаты не вышли. Ведь у них Бог, а у нас Богочеловек. Они растворились в мироздании, а мы откупились от него искуплением Христа.

Право всего лишь уверяет русского человека в возможности истины. Но он-то знает, что истина на деле — это правда, а не право. Право можно передать другому. Правда неотчуждаема. Стоять насмерть можно за правду, а не за логическую истину. В России про правду слышали, а кривду видели. И теперь даже дурак знает, что право кривде не помеха. Лишенные власти, мы хотим не власти. Мы хотим, чтобы царь правил, а мы жили своей жизнью и он нам не мешал. Русские до сих пор получают наслаждение в момент, когда начинают «качать права», демонстрируя тем самым не тягу к справедливости, а отсутствие воли к власти. Конечно, без правды жить легко, да умирать тяжело.

Что значит править

Править — значит исправлять неправо, прямить кривое. Вот рукопись. Ее нужно править. Это делает редактор. Вот дорога. Ее правит дорожник. А вот страна, которую некому править, и ею правит всякий, кому не лень. Правят криво, без соблюдения должного, т. е. правят как чиновники, зарабатывая деньги. А ведь править — это еще и взыскивать, и оправдывать. Право — не правит. Править — это еще и давать направление, вести по нему правых и неправых.

В слепом царстве слепых ведет тот, кто кривее кривых. Не всяк царя видит, а всяк его знает. Что знает? Ум. Русское сознание сближает царя и ум. Свой ум — царь в голове. Быть без царя — то же, что быть без ума. Царству без царя никак нельзя. Без царя оно не царство, а так. Евразия какая-нибудь, беспорядок в мыслях и чувствах.

Природа власти: Бурдьё и Фуко

Обычно власть понимается как ограничение свободы. А поскольку свобода сопряжена с произволом, постольку предполагается, что власть ограничивает произвол. Современные представления о власти связаны с такими именами, как Фуко и Бурдьё.

Бурдьё полагает, что власть может быть символической. Что это значит? Например, Маркс придумал теорию пролетариата. А такая социальная группа, как рабочие, стала себя осознавать в терминах этой теории, полагая, что ей нечего терять, кроме своих цепей. Вот это и будет означать, что у Маркса имеется символическая власть. Эта власть основана на вербальной суггестии, т. е. на внушении, в результате которого какие-то концепты становятся условием существования социальных групп. Власть философов проявляется в том, что они заставляют говорить на своем языке. В семье символическим капиталом обладают родители. Поэтому умные родители не будут говорить своему ребенку, что он глупый или некрасивый. Они знают силу символического воздействия слова.

Для русских понятие власти сосредоточено в слове «царь». Для Фуко власть не зависит от того, что означает слово «царь», был он или нет. На его взгляд, власть не сконцентрирована в какой-то одной точке. Например, нельзя думать, что власть сосредоточена в Кремле. Нет ее и в парламенте, принимающем законы. Власть — это не законы. Законы, что дышло: как повернешь, так и вышло. Власть, как пыль, проникает всюду. Она везде. Она воспроизводится в каждой точке и во всякое время. Власть исходит отовсюду. Идеальным местом для власти являются тюрьма или больница. Между тем ее можно заметить в семье, в детском саду, в школе, в институте. Как она проявляется? В языке, в жестах, в позах, в праве говорить и в праве лишать слова. Она зависит от того, где ты сидишь в классе за школьной партой, как тебя зовут, куда тебя приглашают прийти или куда не приглашают. Власть проявляется в навешивании ярлыков, в именовании и переименованиях. Сам по себе язык не имеет власти, но он позволяет строить классификации, в одну из клеточек которых ты попадаешь. Всякая классификация — это подавление человека. Власть приучает человека к дисциплине. Дисциплинарная власть принуждает каждого знать свое место. Власть стремится все видеть, оставаясь невидимой, как в «Паноптикуме» Иеремии Бентама. Она стремится поместить человека не в темницу, а в комнату со светом с тем, чтобы в каждое мгновение видеть, что человек делает.

Что же есть власть?

Власть — это то, на что нельзя смотреть прямо. Лицо в лицо. И поэтому никто не знает ее лица. И не может назвать ее по имени. Власть анонимна. Она, как Медуза Горгона, гипнотизирует. Волящих к власти она лишает власти над своей субъективностью. Живое камнеет под взглядом власти. А слуги неожиданно испытывают нужду в услугах того, кому они служат, т. е. господина.

Предметом власти может быть только власть, и ничего кроме власти. Власть нуждается в непрерывном расширении власти. Где заканчивается это расширение — никто не знает.

Сила не создает власть. Комара можно убить, если есть сила, но нельзя его силой втянуть в поле власти. То есть нельзя его приручить. Собаке приказывают, и она подчиняется, но кошку просят. Приказ и просьба обращены к тому, кто уже находится в поле власти, под действием ее гипноза, и это делает возможным само существование как приказа, так и просьбы.

Интеллигенция смотрит на власть рефлексивно. Она ее видит, а власть ее нет. Почему? Потому что у интеллигенции есть щит Персея: имитация. У нее есть способность строить сложные синтаксические конструкции. Она всегда может укрыться за изоощренным терминологическим языком. Термины и синтаксис являются тем способом, которым интеллигенция выстраивает свою форму власти. Но даже образованные люди видят не власть, а свое отражение во власти.

Делить власть нельзя. В результате деления она теряет силу. Абсолютная власть — это власть не над другим, а над самим собой. Власть без насилия над собой — это не власть, а педагогика. Власть не нужна там, где есть логика, где царит разум. Власть нужна человеку грезящему, чтобы избавиться от грез. Каждый человек носит в себе свой хаос, свою субъективность, преодолеть которую помогает другой. Но другой также заражен субъективностью, в попытках преодоления которой люди часто обращаются к Богу.

Почему всякая власть от Бога?

«Толковый словарь живого великорусского языка» говорит нам о том, что всякую власть определяет закон. Власть действует в рамках закона и по закону. Всякое иное действие признается незаконным. И только верховная власть стоит выше закона.

Отношение русского сознания к власти может быть выражено простой формулой: всякая власть дана человеку от Бога. Но что это значит? Разве и безбожная власть от Бога? Разве она не от дьявола? На все эти вопросы следует дать отрицательный ответ. Почему? Потому что

из этой формулы следует, что человеку нужно сторониться власти. Не его это дело, а Бога. Бог — судия для власти, а не человек.

Изменить природу власти никому не удастся. Это нам кажется, что мы иногда используем власть. В действительности это она нас всегда использует. В самом деле, человек может стремиться к власти, но не может противостоять ей. Государственная машина, как злая собака, охраняет власть вообще. Она способна превратить в прах любого человека. И только на Христе она сломала свои зубы. Нельзя, чтобы люди делали глупость, бросая бессмысленный вызов власти. Объявляя всякую власть от Бога, народное сознание как бы говорит: нечеловеческое это дело бросать вызов власти, ибо силы их совершенно несоизмеримы. Если же объявить, что власть происходит не от Бога, а от человека, то тогда она покажет свою соизмеримость с человеком и многие люди могут попытаться вступить с ней в борьбу, попробуют изменить ее природу, а это чревато для них катастрофой. Ибо ее природа — это насилие.

В той мере, в какой власть мыслится от Бога, она перестает быть основным вопросом социальной революции. Человеку не следует заниматься переустройством общества. Ему нужно не вращать вокруг себя глазами, а изменить самого себя, изменить способ, которым он выбирает субъективность. Из формулы «всякая власть от Бога» следует, что, только изменяя себя, человек может изменить и социальный мир.

Мир человека — это не мир логики и права, а мир абсурда. Рационально устроенный мир существует только в порядке речи. В мире же абсурда требуется не ум, а воля к власти. Волю человека нельзя обуздать умом и направить ее к цели. Иными словами, страшнее власти безвластие. Вот безвластие — не от Бога, а от дьявола. В пространстве безвластия пробуждаются и показывают себя все пороки человека. В нем нет никакой метафизики, никакой сверхидеи. Во время безвластия ничего нельзя сделать, все невозможно. Конечно, ничто не может быть дурным само по себе. Зло несубстанциально. Но все может вести ко злу. В том числе и власть.

Быт и власть

Абсолютная власть есть у царя, но царь далеко, а тиранить можно и дома, в тихой повседневности быта. Почему же люди восстают против абсолюта, против того, что они не видели, и не пытаются сказать «нет» тому, что их мучает каждый день? Ежедневно нас кто-то водит за руку и мешает нам жить. Кто водит? Руководитель. Хозяин или начальник. Власть вяжущей связи повседневности абсолютнее власти абсолютного, власти царя. Эта власть тоталитарная. Она не знает перерывов и

затрагивает всех, ни для кого не делая исключений. Власть повседневности задает неметафизические контуры власти вообще.

На исходе XX в. повседневностью овладели структуры виртуальной власти: мода, реклама, PR. Сообщения о событиях теперь заменяют сами события. Образы власти составляют существо самой власти. К власти мало-помалу демократическим путем приходят не политики, а менеджеры. Поэтому сегодня волят не политики, а менеджеры политики, мыслят не мыслители, а менеджеры мысли, т. е. люди, которые делают так, что мыслью являет себя то, что менеджеры публикуют в качестве мысли.

От абсолютной власти спасает быт. Иными словами, расширение свободы возможно двояким образом: политическим или бытовым. Жителям городов нужна политическая свобода. Они кочевники, т. е. они готовы терпеть тиранию быта. С ними кочует и виртуальная свобода, которая перестала быть непорочной в своей охоте к перемене мест.

Жители деревни, оседлые, соединяют свободу с бытом, а не с политикой. Бытовая свобода нуждается в трудности их труда, в повседневном бессознательном сопротивлении политической власти. Политика — это охота на вожделирующих людей, на тех, кто еще чего-то хочет. Тот, кто ничего не хочет, вне политики.

Неполитическая, бытовая власть не нуждается в праве. Она бесправна. Но и право само по себе безвластно. Попытка соединить неполитическую власть и безвластное право имеет, кажется, шансы на успех. Всякая власть лишается сегодня смысла, если она не коренится во взглядах на мир обывателя. Власть выше закона, выше власти уже не царь, а обыватель.

Бытовая власть — это возможность делать то, что иным образом сделать нельзя. Бытом вяжется связь свободы и спонтанности грез. В пространстве спонтанного действия власть связана покоем успокоившихся. Здесь властвует то, что претерпело терпение смирением труда. Быт — это чистая власть, удерживаемая точкой зрения обывателей. Но что нас спасет от нудящей власти самого быта? От его властвования нас спасает творчество.

Быть в быту — значит быть уже прирученным бытием, т. е. быть домашним. Первое прирученное существо есть, конечно, человек.

А.В. САКУН

Социокультурная реальность в контексте эволюций типов мышления

Аннотация. Автор рассматривает проблему культуры мышления в контексте «рамочных» методологий. Утверждается, что развитие мышления, обусловленное методологической работой в области философии и науки, позволяет выделять и усваивать приемы, способы, техники интеллектуальной деятельности. В результате наука и философия в контексте социокультурной реальности приобретают новый тип практичности. Данная ситуация обуславливает качественную трансформацию мышления и деятельности.

Ключевые слова: мышление, культура, методология, «рамка», экранизация, смысл, рефлексия.

Abstract. The author considers the problem of a culture of thinking in the context of the «framework» methodologies. It is argued that the development of thinking, due to the methodological work in the field of philosophy and science, allows selecting and assimilating the techniques, methods, technologies of intellectual activity. As a result, science and philosophy in the context of socio-cultural reality acquire a new type of practicality. This situation causes a qualitative transformation of thought and action.

Keywords: thinking, culture, methodology, «frame», meaning, reflection.

Современная эпоха принесла существенные изменения техник и приемов мыслительной и, шире, интеллектуальной деятельности. Можно выделить, по меньшей мере, три принципа, которые конституируют новую формацию мышления: принцип «рамок» или «рамочной организации» методологического мышления и мыслительной деятельности вообще; принцип двойной интенциональности или двойного возложения (фона, объекта и пространства для объектов типа, предмета и предметной организации). Сосуществование этих интенциональностей и их одновременное применение делают возможным принцип полиэкранной организации пространства интеллектуальной деятельности или принцип топика, что сближает методологические версии организации мыслительной деятельности с концепциями «коммуникационного пространства» и «фрактального ума» [1, 39].

Развитие мышления, обусловленное методологической работой в области философии и науки, заключается в том, что последовательно осознаются, выделяются и усваиваются приемы, способы, техники работы с несколькими типами «рамок». Для научного исследования и

даже философии классического периода характерной была работа с одним и достаточно устойчивым мыслительным процессом (или мыслительной деятельностью), «набором» «рамок» с последующим переходом к содержанию заданного пространства, к тем объектам, которые существуют или могут существовать в данном контексте. Напротив, методологическая работа — это всегда работа со многими принципиально несовместимыми «рамочными контурами», следовательно — с множеством действительностей, с множеством объектов. Отметим, что исходные представления методологии научного познания формировались в русле внутренней научной рефлексии практически на протяжении всего развития науки. Однако решающими для ее теоретического становления событиями оказались процессы философского осмысления исследовательской деятельности, осуществлялись сначала на базе категориально понятийного аппарата теории познания. В рамках «внутренне-научной рефлексии методология научного познания долгое время существовала исключительно в форме конкретно-научной методологии, т. е. как рефлексивная система, которая отражает рационально обоснованные оптимальные варианты организации познавательных действий в той или иной конкретной дисциплине или области исследований, пользуясь исключительно их средствами. Поэтому ее результаты носили локальный характер» [2, 57], — отмечает В. Лукашевич.

Методологическое программирование всегда движется в трех рамочных контурах, которые функционально определяются как рабочие, объемные и пограничные «рамки». Последние указывают на грани мыслительного мира, границы онтологии; объемные рамки задают способы и направления объективации (предметных); рабочие структурируют оперативное поле, в котором происходит мыслительная деятельность. В той мере, в которой методологическое мышление в каждой проблемной ситуации движется в трех названных рамочных контурах, оно образует новую социокультурную и антропологическую ситуацию.

Очевидно, дело заключается в универсальности методологических рефлексий. Они не локализованы в той или иной области науки, они «пронизывают» ее всю, проявляют себя в языке, эмпирическом опыте, научном мышлении и познании. Они сложны в своей содержательно-смысловой структуре. В них содержится ряд уровней смысла — общечеловеческий (как своеобразный вариант соответственно различных традиций), достаточно абстрактный, который фиксирует основы каждого человеческого бытия; уровень смыслов, выражает особенности той или иной науки соответствующей исторической эпохи; и, наконец, уровень, который выражает личностные и социально-групповые инте-

рпретации универсалий науки, представляет ценностные установки личности ученых и научных сообществ [3, 8].

В современных условиях можно констатировать, что отдельный индивид не является больше субъектом мыслительной деятельности. Претензии классической философии на то, чтобы превратить индивида в субъект интеллектуального процесса и мышления, закончились неудачей. Одновременно закончились неудачей соответствующие этому антропологическому проекту и в его рамках конституированные проекты создания редуцированных технологий мышления, в частности, науки, технологии, проектирования и философии. В данном случае философию нужно понимать не как претензию на фундаментальность, а как редуцированную технологию индивидуального мыслительного поиска. В прошлом веке завершился очередной цикл развития: претензии немецкой классической философии сконструировать соответствующие редуцированные технологии индивидуализированного мышления не достигли результата. За ней наступает кризис, который заканчивается «переживаниями» о потере «культуры», «личности» и «субъекта». Однако такие выводы преждевременны, поскольку сформулированы скорее под влиянием традиционного мышления и устойчивого подхода к пониманию современности. «Никакое знание в условиях современности, — отмечает Э. Гидденс, — не есть знание в “старом” смысле, где “знать” означает “знать достоверно”. Это равным образом имеет отношение к естественным и к социальным наукам» [4, 157]. Следовательно, и к мыслительной деятельности.

Коллективная мыслительная деятельность существует, прежде всего, в знании о ней — как предмет и гипотетический объект системы знаний о мышлении и деятельности. Иными словами, существование в форме знания может и должно быть признано первой и во многих случаях исходной формой существования любой организованности в практической и мыслительной деятельности. Признание свободы коллективной мыслительной деятельности в качестве «пограничной рамки» актуального самоопределения каждого агента (субъекта) мышления вовсе не означает, что оно всегда будет реализовываться в полной структуре. Напротив, мы должны признать, что идея коллективного мышления остается, прежде всего, в основном проектом. Возникновение «полных» систем коллективного мышления каждый раз будет уникальным событием, созданной «Вселенной», мыслительной деятельностью организованного «Космоса». Возникнув, определенные системы мыслительной деятельности достаточно быстро подвержены влиянию агрессивной социальной и социокультурной среды и трансформируются в различные редуцированные структуры, которые «в

свою очередь становятся центрами организмов жизнедеятельности, центрами кристаллизации жизненных миров»[1, 43].

Исторический процесс представляет собой коэволюцию и взаимодействие организмов жизнедеятельности, и в результате редуцирование структур мыслительной деятельности. Мир коллективного мышления может быть признан наличным бытием в той мере, в которой мы различаем полные и редуцированные структуры мыслительной деятельности и признаем, что любая социокультурная ситуация возникает как момент в процессах коэволюции и взаимодействия мыслительных центров жизненных миров. Правда, этот «социокультурный момент», реализованный в системе универсалий культуры, представляет собой своего рода погранично обобщенную программу социальной жизни. На ее основе возникает и с ней согласовывается огромный массив конкретных программ человеческой жизнедеятельности, которые составляют «тело» культуры — знаний, установок, образцов деятельности, поведения и общения, верований, ценностных ориентаций и т. п. Благодаря этим конкретным программам, которые «закрепляются в культуре в виде различных семиотических систем, универсалии определяют тот тип социальных связей, образ жизни, типы личности, отношение человека к природе, особенности человеческих коммуникаций» [3, 8]. Конечно, и особенности мышления.

Если исходить из положения, что онтологизация и объективация являются лишь одними из типов реализации, то «объектами» в этом случае являются результаты процессов реализации в культурных пространствах. Мыслительная деятельность и акты целеполагания, коммуникации, поведения, социального действия и взаимодействия имеют «рамочный» (определенный) характер, и поэтому не могут быть правильно поняты вне реконструкций их «рамочных» компонентов. Причем данная реконструкция касается осмысления стратегий исследования. Так, неклассическая философия, отказываясь от построения «окончательных» и «последних» систем, вовсе не отказывается от системного мышления, от установления связей между категориями. Она, как и раньше, прослеживает изменение представлений о свободе личности, права, справедливости, деятельности, отношения к природе и т. д. Но, в отличие от классической философии, она допускает появление новых смыслов универсалий как культуры, так и науки.

Важно то, что мир коллективной мыслительной деятельности и его социокультурные формы манифестации пронизаны знаниями (а также другими эпистемологическими организациями), интеллектуальными процессами, которые позволяют принимать знания в «рамочных» функциях. «Рамочные» способы применения знаний и других познавательных действий образуют на материале жизнедеятельности и мысли-

тельной деятельности локальные «контуры» самоопределения, влияющие на формирование стратегий и «сценариев» поведения, а также «детерминируют пределы пространств, в которых возможны коммуникации и взаимодействия» [1, 43] — отмечает П. Щедровицкий.

«Рамочный» способ применения знаний в европейской интеллектуальной традиции был осознан давно. Одним из примеров подобного потребления и соответствующего класса рамок является культура, которая со временем получила четко выраженное натуралистическое толкование. Вместо того, чтобы анализировать рамочные способы применения знаний и их функции в процессах коллективной мыслительной деятельности, начала рассматриваться морфология культуры — содержание или другие «культурные» нормы, которые трактовались фактически как «причины» или «генеральные условия» актуального поведения в ситуациях. Исследование процессов такого рода сегодня, без сомнения, представляет собой ключевое направление в науках о культуре, бурно развивающихся. Можно утверждать, что проблематизация структуралистских методов анализа морфологии культуры позволила перенести внимание на «рамочные» аспекты.

Одновременно каузальное толкование морфологии «культуры» в европейской традиции разворачивалось параллельно с телеологическим толкованием «культуры» как пространства свободы и самоопределения. Телеологическое толкование культуры, в отличие от каузального, содержит в себе указание на нужный класс процессов и ситуаций «рамочного» потребления знаний в коллективном мышлении, который далеко выходит за пределы «рамочных» техник мыслительной работы. Развитие и становление новых социокультурных реалий обуславливают реализацию главного назначения философии: «понять не только имеющийся человеческий мир, но и каким он может стать в процессе возможных будущих перемен» [3, 10].

Культурологический подход утверждает, что архетипы культуры, которые задают способы использования человеком своих способностей, а также прагматических, этических и моральных измерений процессов использования практического разума, будут определять и «место» человека в социальных структурах (набор социальных ролей), и статус, и возможные формы социально-экономической и хозяйственной деятельности. Различия между людьми, которые обладают различными типами знаний, ориентируются на различные культурные нормы (формы организации мышления и деятельности), оказываются большими, чем бывшие «классовые» и иерархические связи [5].

Социальные науки и философия в контексте культурной реальности приобретают новый тип практичности, влияют на ее инструментальность и содержание. В то же время возникновение и динамичное разви-

тие сферы культурной политики проблематизируют существующие техники интеллектуальной деятельности и предметно организованного мышления. Эти изменения во многом стимулируют обработку и распространение рамочных техник организации мыслительной деятельности и ситуаций коллективного мышления.

Важнейшими итогами современного этапа развития являются «истощение», «исчерпание» индустриального общества, основанного на применении малопродуктивных технологий. Ключевыми ресурсами становятся информация, знание и мышление. Знания и отдельные единицы рабочего времени могут быть одновременно задействованы в целый ряд различных процессов деятельности. Теперь новое измерение возникает у всей совокупности материальных условий деятельности и в самой деятельности. Во второй половине XX в. образовался фундамент нового, постиндустриального, хозяйственно-экономического строя, ядром которого стали экономика и индустрия производства, распространения и использования знаний. Производство новых знаний, следовательно, и новых технологий — знание о том, как можно использовать имеющиеся ресурсы иначе, чем мы это привыкли делать — сегодня определяет «не только конфигурацию, но и стоимость всех других факторов производства» [1, 48], — считает П. Щедровицкий.

В результате сначала постепенно, а затем все более динамично начинает складываться новая реальность — геэкономика — процесс мирового оборота и перераспределения глобальных ресурсов: биосферных, человеческих, финансовых, организационных, инновационных. Постиндустриальные виды деятельности, а главное — развитие в целом, как бы вышли за рамки существующих национально-государственных границ. Традиционные понятия — суверенитет, внутренний валовой продукт, внутренний рынок, налоги — во многом утратили свой экономический смысл. Сегодня практически невозможно ответить на вопрос, какая стоимость создана в пределах того или иного государства.

Данная ситуация обуславливает качественную трансформацию мышления. Прошедшие века показали возможность индивидуализации тех отдельных видов и типов мышления, которые могут быть представлены как деятельность. Для решения этой задачи за последние три века были сконструированы соответствующие образовательные и культурные технологии и, прежде всего, учебные предметы и организация учебного процесса. Современное образование как в институциональном, так и в содержательном плане представляет собой проект и форму организации процессов индивидуализации типов мышления, представленных как деятельность. Вся существующая сегодня система

образования обслуживает новоевропейский проект создания индивида — субъекта мышления.

Сегодня попытки превратить новые типы мышления — программирование, организационное проектирование, управление, исследования, политику — в вид и форму мыслительной деятельности, свести их к монорамочной организации и технологии, следовательно, обучать этим технологиям, становятся наивностью и иллюзией, которая перешла к нам от прошлого. С точки зрения предыдущих рассуждений это означает, что в рамках существующих учебных практик мы воспроизводим ничем не обоснованные гипотезы о развитии мышления и возможностях формирования индивидуального мышления, характерные для Нового времени. Очевидно, что доминирование подобного подхода и лежит в основе современного кризиса образования и всей педагогической антропологии. Отметим, что традиция индивидуалистической трактовки антропного материала мышления и мыслительной деятельности есть основа и вместе с тем проект, от которого мы не можем отказаться. Мы продолжаем двигаться в рамках этой программы со всеми ее плюсами и минусами. Кризис философского индивидуализма сегодня также выдвигает ряд требований к учебно-познавательному процессу, который не может быть выполнен в рамках образовательных технологий, которые стремятся превратить отдельного индивида в субъекта коллективной мыслительной деятельности. Итак, перед нами возникают новые проблемы понимания и развития мышления, которые требуют своего рассмотрения и решения.

Литература

1. Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011.
2. Лукашевич В.К. Философия и методология науки: Учеб. пособие. М., 2000.
3. Философия в современной культуре: новые перспективы (Материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. 2004. № 4.
4. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.
5. Щедровицкий П.Г. Изменения в мышлении на рубеже XXI столетия: социокультурные вызовы // Вопросы философии. 2007. № 1.

Т.И. КОПТЕЛОВА

**Экономика и православие — евразийский вариант
«капиталистического духа»**

Аннотация. В работе дана характеристика евразийской экономической модели, сформировавшейся под воздействием традиций русской православной культуры. Раскрыты важнейшие составляющие евразийской модели хозяйства: «идеал служения» и «соборность», принципы равноправия экономических субъектов и «внутриконтинентного притяжения». Проведен сравнительный анализ евразийской и европейской моделей экономики. Показаны перспективы дальнейшего научного исследования евразийской экономической модели, ее востребованность в социально-экономической и политической практике современных государств.

Ключевые слова: евразийство, православие, протестантская этика, евразийская экономическая модель, европейская модель экономики, «идеал служения», «соборность», «внутриконтинентное притяжение», мировое хозяйство.

Abstract. In the scientific article the characteristic of the Euroasian economic model created under the influence of traditions of the Russian orthodox culture is given. The most important components of the Euroasian model of economy are opened: «altruism ideal» and «conciliarity», principles of equality of economic subjects and «vnutrikontinentny attraction». The comparative analysis of the Euroasian and European models of economy is carried out. Prospects of further scientific research of the Euroasian economic model, its demand in social and economic and political practice of the modern states are shown.

Keywords: eurasianism, Orthodoxy, Protestant ethics, Euroasian economic model, European model of economy, «altruism ideal», «conciliarity», «vnutrikontinentny attraction», world economy.

Модели хозяйственно-экономической деятельности столь же различны и многообразны, как и уникальные национальные культуры, составляющие мозаику человечества. Так сложилась история, что в последние столетия наибольшее распространение на планете получила европейская экономическая модель, основанная на протестантской этике [1, 61, 64]. Но национальный опыт организации хозяйственной деятельности всегда несет в себе уникальные черты, сформировавшиеся под воздействием особого климата и ландшафта, в результате неповторимой исторической судьбы народа. Так, уникален экономический опыт России, вобравший в себя многовековую историю сотрудниче-

ства всего множества населяющих нашу страну народов, синтез разных культур и духовных традиций. В XX в. на основании отечественных традиций была разработана в философии русского зарубежья модель хозяйственной жизни, альтернативная европейской. По названию философского течения, возникшего в среде русской эмиграции в 1920-х гг., она получила название «евразийской». В настоящее время данная модель нашла практическое применение во внутренней и внешней политике России, в формировании Евразийского Экономического Союза и поэтому она особенно актуальна.

В основе «евразийского» варианта экономики лежат традиции православной культуры. Евразийцы считали, что наиболее чистая форма православия воплотилась в «бытовом исповедничестве» — этой самой естественной стороне византийского христианства, когда оно было не предметом сознательного теоретического мышления, а «центром жизни» каждого верующего. «Бытовое исповедничество» не исключает ни одну сторону жизнедеятельности общества и человека. Такая целостность жизни общества была свойственна русскому народу на определенных этапах его развития. Поэтому справедливо утверждение Н.С. Трубецкого о том, что православная вера — это та «рамка сознания, в которую само собой укладывалось все: частная жизнь, государственный строй и бытие Вселенной» [2, 253].

Под воздействием православия сформировались специфические черты евразийской хозяйственной модели, ее особые идеологические принципы. Прежде всего это «идеал служения», согласно которому общественные интересы всегда важнее индивидуальных. Здесь выражается философский принцип цельности, пронизывающий всю русскую культуру: невозможно сформировать целостную личность вне коллектива и национальных традиций, невозможно также индивидуальное благополучие без коллективного успеха. «Идеал служения», предложенный православной культурой, можно сравнить с европейским «идеалом успеха», построенным не на сотрудничестве для достижения общего результата, а на конкуренции и стремлении к индивидуальному превосходству в чем-либо. Как известно, вслед за Монтескье М. Вебер повторяет, что «англичане превзошли все народы мира в трех весьма существенных вещах — в набожности, торговле и свободе», и «успехи англичан в области приобретательства, а также их приверженность демократическим институтам» являются «рекордом благочестия» [1, 69].

Евразийская экономическая модель не похожа на экономику либерализма, так как предлагает иной подход к преодолению противоречий между государственными и частными интересами в хозяйственной сфере. Она указывает на необходимость взаимозависимости целого и

частей, всей государственной жизни вообще и политико-экономической деятельности, в частности. Это возможно через развитие сотрудничества коллектива и индивида во всех сферах жизнедеятельности. Соединение же общей и частной инициативы в евразийской экономической модели осуществляется ради достижения единой цели, соответствующей положительным нравственным идеалам. В евразийской экономической модели «нет и не может быть противоречия между усилиями всех и каждого». Такая система хозяйства невозможна без «идеала служения» [3, 54].

«Идеал служения» — основа «этики обязанностей», на которой, по мнению евразийцев, строится российское государство. Именно обширность территории, ее монолитный характер, самые протяженные сухопутные границы определили Россию как «тягловое государство». В связи с этим один из первых евразийцев Н.Н. Алексеев справедливо замечал, что «государство наше, выросшее в... борьбе, типично имело характер военного общества, построенного как большая армия, по принципу суровой тягловой службы» [4, 73]. А, по мнению «последнего евразийца» Л.Н. Гумилева, способность служить какой-либо идее, верность правителю особенно сильны в период этнического подъема, восходящей линии этногенеза. Именно в этих условиях возникает система взаимных обязанностей и взаимовыручки, круговой коллективной ответственности. Складываются особый стереотип поведения и соответствующая ему «этика обязанностей», когда каждый отвечал за свой маленький коллектив, в который он входил непосредственно, и за большой, в который он был включен опосредованно [5, 142—145]. И если приобретение денег законным путем является в системе европейской экономики результатом деловитости человека, следующего своему призванию, то в евразийской модели это может рассматриваться как личная творческая реализация только в том случае, когда действия индивида соответствует интересам всего социального целого.

При этом, согласно евразийцам, русская православная культура дает возможность максимально реализовать творческие силы как всего коллектива, так и отдельной личности. Об этом свидетельствует феномен соборности. *Соборность* — религиозная, философская идея, а также жизненный принцип, сформированный на христианской заповеди любви. «Единство во множестве» — мозаичное множество индивидуальностей, скрепленное идеей общего блага, идеей, преодолевающей индивидуализм и эгоизм. Именно возрождение альтруистической этики способствует тому, что люди начинают ставить «во главу угла не свой личный эгоистический интерес, не свою шкуру, а свою страну, как они ощущают ее, свой этнос, свою традицию» [5, 324].

Евразийская модель экономики, реализуя принцип соборности, раскрывает Россию как многонациональную культурную целостность, «собор народов», где у каждого этноса есть своя уникальная, необходимая роль. При этом учитывается внутреннее, органическое единство народов России. Для достижения успешного экономического сотрудничества необходимо постичь дух другой национальной культуры. По мнению евразийцев, этому во многом способствует «сравнительное самопознание», согласно которому каждый этнос для раскрытия своей самобытности должен находиться среди «симпатизирующих» ему народов. В связи с этим Н.С. Трубецкой замечал, что между народами Евразии всегда существовали подсознательное культурное притяжение и симпатия, случаи же «подсознательного отталкивания и антипатии» встречались редко [6, 29]. Но в зависимости от географического положения, определяющего соседей того или иного народа, межэтническое взаимодействие может быть самым различным. Народ либо старается подражать своим соседям, либо органически сливается с окружающей его культурной средой, либо растворяется, полностью поглощаясь соседними народами, либо искусственно ограничивает взаимодействие с другими этносами, находясь в изоляции. Когда круг общения у народа широк и разнообразен, а сам он не зависим ни от одного из своих соседей, у него появляется возможность свободного выбора. Это в свою очередь способствует полноценному национальному развитию, что можно наблюдать в «соборе народов» Евразии.

Принцип соборности предполагает многоукладность экономики, органическое сочетание различных видов хозяйственной деятельности. Евразийская экономическая модель строится на основе добровольного объединения и общности интересов хозяйственных субъектов при сохранении принципа равноправия, исключая всяческое давление. Такая модель экономики предусматривает выгоду для каждого участника, а также использование суммарного потенциала в общих интересах. В отличие от европейской экономической системы здесь не допускаются жесткое деление и специализация по принципу «развитых» и «развивающихся» (высокотехнологичных, перерабатывающих, и добывающих, сырьевых) регионов и стран. При этом евразийская экономическая модель подвергает критике важнейшие принципы мировой экономики, сформированные под воздействием протестантской этики европейской культуры.

Под мировым хозяйством евразийцы понимали океаническое хозяйство, которое не учитывает особенностей континентальной экономики, а поэтому в полном смысле слова не может считаться мировым хозяйством. П.Н. Савицкий в связи с этим отмечал: «Океан един, континент раздроблен, и поэтому единое мировое хозяйство неизбежно

воспринимается как хозяйство океаническое» [7, 22]. *Океанический принцип*, предполагающий ликвидацию национальных экономических различий, распространяющий так называемую общечеловеческую экономическую модель, созданную европейской культурой, евразийцы считали неприемлемым для России.

Создание экономической системы на основе океанического принципа — это, прежде всего, достижение колониальных держав, например, Великобритании, так как в свое время единство этого государства определялось единством океана. Именно океан обеспечил Великобритании многие экономические выгоды: более дешевый путь обмена, меньшую зависимость от расстояний и т. д. В отличие от нее, Россия — сплоченное континентальное государство, которому необходимо использовать в своем экономическом развитии выгоды континентальных соседств. По убеждению евразийцев, континентальные государства не должны подражать океаническим. В противном случае они «рискуют оказаться на задворках мирового хозяйства» [8, 400].

Изучая особенности взаимоотношений отдельных территорий континентальных государств, евразийцы вводят понятие *внутриконтинентного притяжения* — взаимного экономического дополнения, существующего между отдельными регионами. Но «внутриконтинентное притяжение», по их убеждению, приобретает наибольшее значение преимущественно там, где сфера соприкасающихся континентальных областей имеет наибольшее пространственное протяжение и где они представляют собой большое экономическое разнообразие. «Факторы первого рода, — писал П.Н. Савицкий, — расширяют пространственную зону, в пределах которой действительно внутриконтинентное притяжение; факторы второго рода умножают число хозяйственных благ (товаров, продуктов), к которым последние применяются» [8, 411—412]. При этом евразийцы убеждены, что внутриконтинентное притяжение способно компенсировать экономические минусы, которые имеют единотерриториальные государства с точки зрения принципа океанической торговли.

Принцип внутриконтинентного притяжения позволяет рассматривать евразийскую экономическую модель и как ответ на негативные последствия глобализации. Дело в том, что глобализация открыла проблему неспособности национальных государств обеспечивать свое устойчивое социально-экономическое развитие и безопасность в рамках мировой экономики. В этой связи евразийская модель показывает, что только мощные региональные объединения могут противостоять негативным последствиям глобализации. «Современной европейской модели глобализации необходимо сегодня противопоставить идею “евразийской интеграции”, основанную на принципе “национального

либерализма” — равноправии и свободе всех участников международных отношений, признании их культурной уникальности» [9, 145]. Этот принцип лежит в основе Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС), который является попыткой создания мощного регионального объединения на основе внутриконтинентного притяжения. Как известно, достигнутые договоренности по созданию (ЕАЭС) вступают в силу с 1 января 2015 г. «Его сверхзадача — остановить и повернуть вспять дезинтеграционные процессы, происходящие на окружающем Россию пространстве» [10].

Признание ценности и уникальности друг друга между экономическими партнерами — основа построения равноправных и взаимовыгодных отношений сотрудничества. Согласно евразийской экономической модели, партнерские отношения строятся не на индивидуальной сиюминутной, а на коллективной долгосрочной выгоде. При этом именно православная культура способствовала формированию альтруистических, а не эгоистических установок в русском национальном характере. По мнению Л.Н. Гумилева, для существования этнической системы необходимы и «альтруисты», обороняющие этнос как целое, и «эгоисты», воспроизводящие его в потомстве. Понимание таких нравственных категорий, как добро и зло, в альтруистической и эгоистической этике, как известно, различно: «добро» — жизнь и благополучие коллектива (у «альтруистов») и «добро» — сохранение собственной жизни и получение всевозможных личных благ (у «эгоистов»). Оптимальный вариант для развития этноса — гармоничное сочетание этики альтруизма и эгоизма, максимально возможное совпадение интересов личности и коллектива. Но естественный отбор, как замечает ученый, ведет к уменьшению численности «альтруистов», при этом этнический коллектив становится все более беззащитным [11, 130]. Альтруизму, по мнению Гумилева, всегда противопоставит «разумный эгоизм». Православие он считает эффективным фактором, преодолевающим «разумный эгоизм», так как именно православие формирует универсальные духовные ценности, важнейшая из которых любовь — признание самостоятельности, необходимости, уникальности другого (человека, этноса). Такое понимание любви способно объединять этносы вокруг одних и тех же духовных целей и задач, не лишая их культурного своеобразия.

Евразийская экономическая модель, основанная на православной культуре, сохранила приоритет духовных ценностей: истины, красоты, справедливости, любви. Духовные ценности развивают свободное, творческое отношение к действительности, они представляют альтернативу мещанскому духу и потребительскому обществу. При этом идеологические ориентиры потребительского общества и современ-

ную техносферу (производственную сферу со всевозможными техническими изобретениями) Л.Н. Гумилев, например, рассматривал как негативные явления, уничтожающие биосферу. При этом научные достижения, по его мнению, могут быть употреблены как во благо, так и во зло природе, решающее значение здесь имеют идеологические ориентиры. Господство альтруистической этики, «этики обязанностей», может способствовать возникновению таких этнических систем, которые даже при достаточно развитой техносфере прекрасно впишутся в окружающий их ландшафт, не нарушая природных процессов. В качестве примера ученый приводил Византийскую империю с крупнейшими для своего времени городами [5, 137].

Современные экологические проблемы и необходимость сохранения природных ресурсов для будущих поколений также подчеркивают некоторые плюсы евразийской экономической модели. Как известно, каждый народ по-своему относится к окружающему его миру природы, но особо различаются мироощущения Запада и Востока. Так, например, А.С. Панарин утверждает, что сегодня в качестве идеи, объединяющей все народы России, может выступить «экологическая аскеза» — ограничение потребительских запросов по отношению к природе. Борьба с потребительским, эгоистическим мироощущением в большей степени свойственна восточным культурам [12, 4—5]. Евразийство подталкивает к появлению подобной идеи, так как его геософия изначально учитывала существование духовно-религиозных факторов развития социума. Например, по мнению П.Н. Савицкого, концепция месторазвития должна обязательно сочетаться со всем разнообразием форм человеческой истории, «с выделением, наряду с географическим, самобытного и ни к чему иному не сводимого духовного начала жизни» [8, 292].

В конечном итоге, анализ евразийской экономической модели показывает, что под воздействием православной культуры сформировались следующие специфические принципы социально-экономического устройства, без которых невозможно представить будущее России. Важнейшие из них: идеал служения и соборность в противовес западному индивидуализму и эгоизму, творчество в противоположность потребительству, сотрудничество во имя общего блага вопреки важнейшего принципа западной экономики — конкуренции ради достижения индивидуального результата. Евразийская экономическая модель — это шаг на пути к формированию нового рационализма, где есть место интеграции разнообразных национальных интересов, где еще сохранился приоритет духовных ценностей и возможна «экологическая аскеза», без которой трудно представить будущее человечества.

Литература

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
2. Трубецкой Н.С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 2000.
3. Чхеидзе К.А. Идеократическое содержание хозяйства // Евразийская хроника. Вып. XI. Париж, 1935.
4. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998.
5. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало: Популярные лекции по народоведению. М., 2001.
6. Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм // Евразийская хроника. Вып. IX. Париж, 1927.
7. Записки Русского географического научно-исследовательского объединения при Русском Свободном университете в Праге. Т. XI. Прага. 1921.
8. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997.
9. Коптелова Т.И. Евразийская методология изучения социального развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2014. № 1.
10. Ольга Буторина, Александр Захаров: Евразийский экономический союз: что дальше // <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/31775281/evrazijskij-ekonomicheskij-soyuz-chto-dalshe> (дата обращения: 18.08.2014).
11. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2001.
12. Евразийство: за и против, вчера и сегодня (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1995. № 6.

М.Ю. ЗЫРЯНОВ

Медиация (посредничество) в контексте российской правовой культуры: комплексный подход

Аннотация. В статье предпринимается попытка поставить относительно новый и развивающийся институт медиации в контекст отечественной правовой культуры и правосознания. Применяется комплексный подход, т. е. на основе взаимодействия философии, юриспруденции, экономики и других областей знания. Доказывается, что принципы медиации, как бы пришедшие из-за рубежа, в действитель-

ности глубоко укоренены в отечественной культуре, основой которой на протяжении веков является православие.

Ключевые слова: медиация, посредничество, правовая культура, правосознание, этика, мораль, личность, культура, православие, идентичность.

Abstract. In the article attempt to put rather new and developing mediation institute in a context of domestic legal culture and legal consciousness is undertaken. The complex approach that is on the basis of interaction of philosophy, jurisprudence, economics and other areas of knowledge is applied. It is proved that the mediation principles as though came from abroad in reality are deeply rooted in domestic culture, the basis of which for centuries is Orthodoxy.

Keywords: mediation, legal culture, legal consciousness, ethics, morals, person, culture, Orthodoxy, social identity.

Медиация как таковая по общему убеждению является междисциплинарным феноменом. Для ее адекватного анализа требуется объединение усилий специалистов в области юриспруденции, философии, психологии, экономики и других областей знания. Однако представляется, что общей методологической платформой здесь выступает именно социальная философия. Например, в первой статье закона о медиации подчеркивается его цель в осуществлении «...содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений» [1]. На основе анализа научной литературы, посвященной развитию института медиации в современной России, мы полагаем, что наиболее продуктивным подходом к исследованию медиации является социальный анализ, поскольку последний, ввиду рассмотрения с точки зрения всеобщего, позволяет акцентировать внимание на сущностных механизмах развития данного социального института. Представляется, что в социально-экономических условиях современной России как никогда ранее актуализируются вопросы мировоззренческого характера, от ответа на которые зависит практическая деятельность. Так, даже один из авторов пишет: «Давайте, сохраняя энтузиазм и терпение, думать глобально, а действовать локально...» [2]. Если рассуждать о более частных подходах, то это определенно концепты правовой культуры и правосознания, охватывающие проблематику в области медиации.

Становится уже привычным критиковать отечественную правовую культуру за как бы отсутствие ее самой. Складывается такая ситуация, что практически все исследования в области правовой культуры и правосознания начинаются с самобичевания и нигилизма о том, что правосознания-то в России нет, что по закону мы-то жить никак не мо-

жем, да и не сможем в будущем. Далее идут почти что заклинания о необходимости формирования правосознания, о трансформации российского общества, о переходном периоде — правда, остается весьма туманным, отчего и к чему мы «переходим». Так, мы неизбежно возвращаемся к вопросам национальной, исторически формирующейся идентичности российского общества.

Российская правовая культура и правосознание, как правило, характеризуются как в определенной степени дефектные, неполноценные, с отсутствием адекватных представлений о праве и вообще предпочтении вместо последнего жизни по нравственности и совести. Речь идет о постоянно критикуемом предпочтении нравственных норм перед правовыми, что в России издревле живут согласно нравственному закону, но никак не правовому. Еще Б.А. Кистяковский в своей известной статье критикует русскую интеллигенцию за стремление к высоким, моральным идеалам. Уже с первых строк он отводит праву заведомо значительно более низкое положение по сравнению с «научной истиной, нравственным совершенством, религиозной святостью» [3, 122—149].

Однако, почему же люди соблюдают законы? Несмотря на свою простоту, последний вопрос может иметь фундаментальное значение для юриспруденции. Несмотря на обилие теоретических концептов и конструкций правосознания, преподносящих правовое сознание с различных точек зрения, на наш взгляд, последнее сводится к в принципе достаточно простым и уж точно всем известным вещам. Последнее, по сути, есть мораль, нравственность. По В.С. Соловьеву, «задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он — *до времени* не превратился в ад» [4, 454]. В принципе такой же позиции придерживается и Е.Н. Трубецкой. Он однозначно утверждает, что «...правовые институты *должны* служить нравственным целям, что право в целом его составе *должно быть* подчинено цели добра и только в ней может найти свое оправдание» [5, 306].

Мы придерживаемся того, что такие явления, как мораль и личность, настолько тесно взаимосвязаны, что в определенном смысле даже совпадают. Итак, на наш взгляд, главное преимущество медиации, посредничества, состоит в том, что не разрываются межличностные отношения. Иными словами, на основе сохранения взаимоуважения и диалога продолжается процесс понимания точки зрения другой стороны. В судебном разбирательстве это, как правило, происходит редко. Если правовому способу регулирования соответствует суд, то нравственности и личности — именно медиация. Если право является

как бы «внешним» по отношению к человеку, личности регулятором, то мораль является регулятором внутренним.

Медиация по своему определению представляет собой альтернативный способ урегулирования конфликтов (ADR — Alternative dispute resolution), когда конфликтующие стороны при участии посредника (медиатора) могут прийти к обоюдоприемлемому решению, позволяющему не только сохранить прежние отношения, но и попытаться вывести их на качественно более высокий уровень. Согласно легальному определению, «процедура медиации — способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения» [1]. Согласно же американским авторам, «медиация — процесс, в котором 2 или более людей объединены вместе в спорном вопросе и пытаются найти справедливое и осуществимое решение их проблемы» [6, 3].

Хотя медиация применима к отношениям различного уровня, от межгосударственных до межличностных, мы здесь исходим из ее применения в бизнесе (в корпоративных отношениях), а также в урегулировании трудовых и семейных споров. Обращение к медиации, безусловно, помогает распутать узлы многих ключевых общественных проблем, через призму медиации можно увидеть пути к разрешению практически всех общественных противоречий. Медиатор, «...заслужив доверие каждой из сторон, получает больше информации по сравнению с той, которой владеет каждая отдельно взятая сторона. Это позволяет медиатору увидеть возможные пути решения проблемы, которые отвечают интересам (иногда и личным интересам участников переговорного процесса) и целям сторон, которые не могут увидеть сами стороны. Затем медиатор помогает сторонам прийти к соглашению и оформить такое соглашение» [7].

В самое последнее время своеобразным открытием стало понимание важнейшей роли медиации как мирного урегулирования споров для российского общества. Однако, к сожалению, дальше в определенной степени поверхностных моментов понимание сути этого социального института пока не идет. Об этом свидетельствует, в частности, некритичное и фрагментарное перенимание опыта западных коллег. Хотя, надо признать, за рубежом действительно существует длительная традиция применения медиации продолжительностью уже в несколько десятилетий. «В отличие от России, в других странах медиация как развитый институт альтернативного разрешения споров существует со второй половины прошлого века...» [2]. Поэтому, если развитие медиации на Западе как отрицание эффективности судебной системы началось во второй половине прошлого века, то у нас тогда

полным ходом шел скорее обратный процесс девальвации нравственных ценностей в общественном сознании, начавшийся примерно с революционных событий. Это происходило на фоне серьезных проблем и в правовых ценностях, чему исчерпывающим подтверждением выступает отношение к праву со стороны марксизма.

Согласно наиболее распространенной точке зрения, медиация и сущностные ее принципы применительно для российского общества являются чуть ли не принципиально новым явлением, и для ее институционализации, внедрения ее принципов в общественное сознание требуется приложить поистине грандиозные усилия. При этом делается ссылка на западный опыт ее достаточного активного применения. Однако нам данная позиция, хотя она и получила наибольшее, пожалуй, даже безальтернативное распространение, представляется достаточно поверхностной. Так, в данном отношении требуется в первую очередь обратиться к истокам культурной идентичности российского общества. И, возможно, в данном отношении получится сделать потрясающее «открытие», что медиация, в особенности ее принципы, по сути-то являются исконно русским явлением. Ведь именно православие, в течение веков выступающее в качестве основы русской культуры, как ничто другое говорит о ценности примирения, да и смирения тоже. В российском общественном сознании и исторически сложившейся культуре до сих пор сохраняются глубокие предпосылки развития медиации, примирения. При наличии соответствующей идеологии личностное осознание ценности примирения и посредничества по сравнению с часто неэффективной судебной системой может произойти очень быстро, поскольку преимущества первых говорят сами за себя.

В этом случае решится и проблема доверия к самой так называемой медиации. Важно, как она осознается сторонами, т. е. как незнакомое слово или примирение, посредничество на основе нравственных ценностей, укорененных в отечественную культуру. Сам термин «медиация» является относительно новым и непривычным, по крайней мере, для массового общественного сознания. Иначе говоря, от ответов на мировоззренческие вопросы всецело зависит практическая деятельность. О.В. Аллахвердова пишет, что «...хотелось бы рассматривать медиацию как новую идеологию человечества, требующую обеспечения свободы каждого через согласование своих действий с другими» [2]. Много в этом правильно, только не новая это идеология, а коренящаяся в нашем историческом прошлом, в нравственных ценностях, и до того очевидная, что становится даже как-то печально, смотря на реальные социальные практики.

Нам бы хотелось по этому поводу заметить, что помимо высококвалифицированного медиатора, для успешности процедуры медиации

требуется как минимум определенный уровень культуры и у сторон, находящихся в состоянии конфликта. Попросту говоря, речь идет о самых простых и фундаментальных нравственных личных качествах, таких как доброжелательность, честность, принципиальная готовность понять другого. Многое зависит от личного принятия известного кантовского категорического императива. И если посмотреть глубже, одного из самых главных христианских (в России — православных) правил. Строго говоря, при наличии определенного уровня культуры у спорящих сторон, посредник, медиатор, скорее всего, вообще не понадобится, они либо сами смогут найти взаимоприемлемый выход из ситуации, либо она и вовсе не создастся.

Деятельность специалиста в сфере медиации, поэтому, по своей сути во многом сводится к деятельности по развитию правового, нравственного, гражданского сознания. Исходя из этого ясно, что особенно важны превентивные меры, т. е. когда медиатор выступает не как посредник в уже возникшем конфликте, а как специалист, ведущий, например, обучение среди сотрудников фирмы об основных принципах недопущения и разрешения конфликтов в контексте правосознания общества и корпоративной культуры организации. Конфликт, таким образом, сам по себе не есть негативный феномен, важно к чему он ведет.

Литература

1. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ.
2. *Аллахвердова О.В.* Медиация в философском, психологическом и юридическом контексте // Развитие медиации в России: теория, практика, образование / Под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М., 2012.
3. *Кистяковский Б.А.* В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1991.
4. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С.: Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1988.
5. *Трубецкой Е.Н.* Лекции по энциклопедии права // Труды по философии права. СПб., 2001.
6. *Lovenheim P.* Mediate, Don't Litigate. Nolo, 2004.
7. *Калдина М.А.* Медиация как инструмент корпоративного управления // Национальный совет по корпоративному управлению. 2007. № 3.

IV

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ



Ю.М. ОСИПОВ

Крутая перемена

Аннотация. Констатируется радикальная перемена в современном мире, ознаменованная кризисом мира, разделением планетарного мира на миры и их борьбой между собой.

Ключевые слова: мир, перемена, кризис мира, раскол мира, борьба миров, философия, историософия, философия хозяйства, геополитика, геостратегия.

Abstract. The article is devoted to the drastic change in the modern world, marked by the crisis of the world, separation of the planetary world into the worlds and their fight among themselves.

Keywords: world, change, crisis of the world, world split, fight of the worlds, philosophy, historiosophy, philosophy of economy, geopolitics, geostrategy.

Ваш покорный слуга, читатель, он же автор данного текста, уже чуть ли не с десятков лет твердит, что на земном шаре разворачивается не так борьба цивилизаций, как... (sic!)... *борьба миров* — «западного» и «антизападного» хотя бы, то бишь евроамериканского мира, включающего и Японию, или *передового мира*, и *остального мира*, или иначе — традиционно-развивающегося мира.

Можно эти оба гигантских мира условно называть *первым* и *вторым*.

Первый мир — передовой, прогрессный, новаторский, изменчивый, но при этом и амбициозный, агрессивный, экспансивный, эксплуататорский, империальный. Это мир индустриальный, технологический, научный, экономический, финансовый; а также «демо»-кратический, где «демо» — не народ, а правящая верхушка — «демон», которая над народом и «кратит» в основе для себя; «либеральный», что не значит, что свободный, но что значит «казаться свободным», не быть механическим; предельно внутренне конспиративный, что не мешает ему быть внешне и не в главном транспарентным; предпринимательский, инициационный, изобретательский, инновационный, переменчивый; синергийный, но ровно настолько, чтобы удерживать в себе главный свой аттрактор — деньги, капитал, стоимостное, физическое и интеллектуальное накопление.

Мир это и мир — вполне и занимательный! Лицедейный, циничный, трюкаческий. Любящий ему покорных, его признающих, за ним следующих, не терпящий иных, непокорных, его не признающих, ему сопротивляющихся. Мир-хищник, мир-доминатор, мир-правитель. Мир-работник, но и мир-потребитель, он же и мир-паразит. Такой мир не может быть сам по себе, он должен питаться всем планетарным контекстом: природным, людским, стоимостным. Он не может без паразитарного господства надо всем планетарным миром. Мир-господин, мир-латифундист, мир-колонизатор. Экспансионно-империальный мир. Отсюда и его глобализм — как контроль над земным шаром (глобусом) и им — этим шаром — глобальное управление.

Второй мир — мир антиглобалический, он возникает как сопротивленец первому миру, как его антипод, как ему альтернатива, но вовсе не как ему противовес. Тут все сложнее: второй мир — *новый мир*, еще не бывший на Земле, но ей — Земле — перспективно предназначенный.

Первый мир — мир не просто апокалиптический, но и мир эсхатологический, как раз в целостном и в конечном аспектах, ибо он — сам по себе — уже не может существовать, не превращаясь решительно и скоро в *антимир*, или расчеловеченный постмир, в котором уже ни человека, ни человеческого мира. Расставшись с традицией, первый мир, преданный науке и технике, всему искусственному и новому, и человека с его естественным миром превращает в античеловека, или постчеловека, то бишь готовит Конец Света как света именно человеческого.

Не то второй мир, который, избавившись от наваждения евросоциализма, столь же беременного, как и первый мир, античеловечностью, сохранил традицию или же к ней вновь обращается (а под традицией надо сегодня понимать предпочтение человека, или все-еще-человека, роботу, киборгу, постчеловеку, а иначе — божественно-природного человека искусственному человекообразному — человекообразу), что дает возможность второму миру, избавившись так или иначе от доминирования первого, занять ведущую позицию в преследовании будущего.

Будущее за вторым миром — и только по той простой причине, что он не идет под власть антибога, не ценит античеловека и рождает какой-то новый — вполне еще и человеческий — мир.

Россия сегодня в обоих мирах, все более отчаливая от первого и погружаясь во второй. Она всегда имела экзистенциальную двойственность, сохраняет ее и сейчас, но объявленная ныне первым миром, или Западом, война против России заставляет последнюю не только погружаться во второй мир, но и признавать выпавшую на нее

роль идейно-политического лидера не столько даже самого этого второго мира, сколько его — этого второго мира — сопротивления.

Первый мир попытался после ухода с исторической арены СССР втянуть в себя Россию, разумеется в качестве зависимой, ведомой, не самостоятельной части, и казалось, что это возымело место. Однако первая же попытка России выступить в интересах уже русского мира, а не только России как государства, вызвала не просто антироссийскую истерию на Западе, но и плохо контролируемое желание выбросить «русских» из первого мира — это как минимум, и разгромить Россию как государство с устранением ненавистного Западу российского президента-«высочки» — это как максимум. Отсюда и коряво объявленная война России!

Важнейший исторический акт, подтвердивший не только наличие на планете двух миров и их борьбу между собой, но и, если посмотреть на взбеленившуюся Украину и ее отчаявшихся заокеанских покровителей широко открытыми глазами, увидеть впридачу концентрацию на планете, с одной стороны, собственно *мира* — как *мира человеческого*, а с другой — *антимира* — уже как *мира античеловеческого*, что позволяет говорить о наличии суперисторической схватки не просто двух миров — первого и второго, а и *мира с антимиром*, когда функция мира выпала на долю второго мира, а функция антимира на долю первого.

Вот она — *крутая перемена*, стоящая за внешними событиями, а потому не слишком и заметная, а ведь все тут более чем серьезно: быть или не быть человеческому миру вообще, а ежели быть, то каким?

Вот вам, читатель, и *большая апокалиптика*, когда все вокруг на краю, а за краем не что иное, как... *бездна!* Югославия, Ирак, Ливия с Египтом, Сирия, даже Израиль с Палестиной — все это были и есть цветочки, теперь уж дело за ягодками.

Уцелеет мир земной или погибнет — вопрос не просто и очень даже крайний, — и как на него ответить, кроме разве сказать, что уцелеет, но при этом имея в виду, что уцелев, мир станет, конечно же, другим? Никому теперь не уйти от перемен: эволюционных, революционных; громких, тихих; распадных, объединительных; вольных, насильственных; мирных, «войновских».

Старт на крутые перемены дан!

И тут важно, в каком же *моменте* своего бытия находятся все стартовавшие: на спаде и в кризисе или в антикризисе и на подъеме, на пороге внушительного кризиса или уже после него; с ощущением перспективы или с чувством исторического безнадешья; с осознанием веры в себя или всего лишь в объятиях самоуверенности?

И дело тут более в духе, чем в материальной силе; в идейности, чем в экспертном когнитивизме; в метафизике, чем в физике; в софиасофии, чем просто в философии; в философии хозяйства, чем в той же, к примеру, политэкономии.

У кого ныне духа больше, идей больше, веры больше, провиденциальности больше, а также интуиции, стойкости и выдержки, как и «игровских» способностей, разумной политической маневренности, геостратегического хладнокровия, макиавеллизма наконец. Запад уверен, что у него, но где она — мудрость-то западная, где ум, где понимание? Антизапад же больше пока помалкивает, но что от него ни слово, то выпад, что ни дело, то удача, что ни инициатива, то залп! Кто кого сегодня переигрывает, а-а?

Историческая инициатива переходит от первого мира ко второму, причем второй мир, заметим особо, не порожден никаким, еще и европейским, как было с тем же социализмом, проектом: второй мир рождается в организме планеты как попросту зачатый свыше (вспомним библейское «непорочное зачатие»), хотя Запад и пытается послужить ему при этом злобной повивальной бабкой, но второй мир рождается все-таки без ее услуг, наоборот, вопреки ее знахарской суетности и изощренности.

Трудно во все это поверить, но для мало-мальски проницательного читателя, о котором мечтал когда-то Н. Чернышевский, достаточно взглянуть сравнительно на лица нынешних политических деятелей, их групповые фото — из одного мира и из другого, и увидеть, у кого из них на лицах перспектива, а у кого — унылая эсхатология. Не доказательство, мол, скажут нам любители развернутых экспертных аргументаций, при чем тут лица, — о-ох, ответим мы, лица-то как раз и при чем: в каких из них светится жизнь, а за какими, увы, стоит с собой одна лишь нежизнь?

Под большим апокалиптико-эсхатологическим вопросом сегодня не второй — наступающий — мир, а как раз первый — уходящий. США, ЕС, да и прочие их сателлиты уверены, что у них все замечательно, и ежели им грозят перемены, то лишь в плане усиления их власти над миром, приращения богатств, расширения нововведений. Напрасно: впереди для них самая подлая из неопределенностей — бездняя, когда будущее — пустота, а настоящее — простая насмешка! Да, они еще сильны, еще активны, еще наглы и нахраписты, но... все больше у них повторений, пробуксовок, нелепостей, вранья... что есть верный признак интеллектуальной нищеты, не говоря об отсутствии какой бы то ни было божественной мудрости. Сказать, что кто-нибудь из западных ведущих лиц мудрец, лишь оскорбить такое ведущее лицо, оно и вымороченная лицевая маска. Время университетских знато-

ков уходит в небытие, причем неумолимо, ибо знания уже не те, умные и не мудрые, а так себе — фиктивные, футлярные, бессодержательные.

Король всех западников не просто голый, а давно уже голый — это гуманизм, ухитрившийся за XIX—XX вв. превратиться в свою противоположность, вполне и дрянную; где сейчас гуманизм, еще и безбожный, там и ненависть к человеку, разумеется, второмировскому, тому же российскому, русскому, как и, наоборот, любовь к противочеловеку — высшему, так сказать, созданию человеческого — передовому, искусственному, зомбированному, пустому, правда, любовь эта всегда до поры до времени, что и доказывает пример нынешней Украины, тоскливо и азартно возжелавшей Запада.

Первый мир вынужденно уходит — хотя бы концептуально-исторически, но сам-то он и не собирается уходить, наоборот, борется за себя — против всех, разжигает повсюду низменные страсти, все еще надеясь на свои обесчужденные науку и технику, на внешнюю, уже и нечеловеческую, грубую силу — прямо из космоса. Что ж — война, так война, только уже не мировая, а *все-мировая*, причем не *одно-мировая*, а *меж-мировая*, мало того — еще и между собственно *миром* и как таковым *антимиром* — и попробуй-ка после этого не поверить в Иоаннов «Апокалипсис»!

В.К. КОРОЛЕВ

Софийная метафизика в действии: есть контакт!*

Так называемые парадоксы автора, шокирующие читателя, находятся часто не в книге автора, а в голове читателя.

Ф. Ницше

Аннотация. Автор рассматривает книгу как продолжение Ю.М. Осиповым метафизического обоснования возможностей спасения Человека в условиях реалий кризиса современного бытия. Ю.М. видит это спасение в стремлении к софийной мудрости, обосновывающей мессианскую судьбу России ее трагическим отличием от Запада, что открывает поиск «третьего», спасительного пути развития Человека и Мира.

* Отклик-размышление на кн.: *Осипов Ю.М.* Наедине с Софией. Метафизические реалии. — М.: ТЕИС, 2014. — 602 с.

Ключевые слова: София, мудрость, человек, философия, сознание, метафизика, история, культура.

Abstract. The author considers the book as a continuation of the metaphysical justification by Yu.M. Osipov of opportunities of Human' salvation in the realities of contemporary crisis of existence. Yu.M. Osipov sees this salvation in aspiration to the sophia' wisdom, substantiating the messianic destiny of Russia by its tragic difference from the West that opens the search of the «third», saving way of Human and World development.

Keywords: Sophia, wisdom, human, philosophy, consciousness, metaphysics, history, culture.

Несколько пессимистический тон «Requiem» («Каковы же шансы у человека?.. Никаких!» [1, 501], «...не избежать уже милому человечеству постыдного краха» [1, 455] и «Обретения», в котором Ю.М., как показалось, был не очень уверен в обрисованных спасительных перспективах обращения к свободной русской софийной мысли, в призыве идти к Софии как к смыслу бытия («*Последние времена, последние откровения, последние надежды!*» [2, 581]) зародил не только у меня, но и, судя по опубликованным в журнале откликам на эти работы, у других заинтересованных читателей и почитателей Ю.М. некоторую тревогу по поводу развития автором своих, ставших уже «фирменными», размышлений о «метафизических реалиях» бытия Человека в современном мире, о судьбе в нем России.

Хочется думать, что Ю.М. внял мнению читателей и в своей новой книге вновь озадачил их своими «светло-тягостными» «вопрошаниями» и «обословниваниями». Продолжая «гнуть» свою метафизическую линию, автор решил вновь обратиться к Софии и с жесткой (что присуще только сильным людям) откровенностью делится впечатлениями от этой «встречи», навеянными ею размышлениями и сентенциями.

Беря в руки каждое новое творение Ю.М., поневоле испытываешь весьма редкое для профессора философии волнение: смогу ли верно понять всю изысканность и глубину мыслей автора, не разочаруюсь ли в его таланте «всматриваться в реальность и видеть в ней *иное*»?

Что же можно, как говорится, по горячим следам сказать о книге, «торопливо пролистанной» («Ну-ка, ну-ка, что тут интересного...»), а потом и «внимательно прочитанной» («Да-а...»), по структуре и стилю изложения напоминающей тезисы «мира мудрых и злых» мыслей и мифологических откровений Фридриха Ницше?

Уже название интригует и напрягает: не будет ли читатель «третьим лишним»? Кажется парадоксальным и подзаголовок работы — «метафизические реалии»: ведь метафизика классически понимается как то, что стоит за(над) «физикой», выходит за реалии материального

мира. Но в современной — виртуализированной, симулякриванной и мифологизированной — жизни такое выражение обретает глубокий смысл и обнаруживает серьезные, к сожалению, перспективы: *реальный мир для слишком многих выступает как мир без реалий, не нуждается в них!* Наконец, если в «Обретении» Ю.М. начинал с рассмотрения проблематики философии хозяйства, экономической, то в «Наедине...» он серьезно усиливает свои «философско-софийные» позиции.

Всю работу для удобства анализа можно разделить на два раздела — философский (идеальное) и исторический (реальное). В первом автор касается практически всех основных философских проблем — ярко и по-своему говорит о бытии, материи, истине, метафизике, трансцендентальности. Здесь Ю.М. акцентирует внимание на рассмотрении одной из основных философских категорий — *сознания* (да и в дальнейшем периодически обращается к ней: тезисы 1—52, 64—68, 150—154, 160—177, 232, 545). В привычной манере изящно играя словами, Ю.М. как бы шлифует диалектические грани рассматриваемых вопросов, находит в этом часто довольно неожиданные, но удачные термины, выражения («сознание — осознание — подсознание — сверхсознание — бессознание — контрсознание — сознаниевое сознание, сознание сознания»). Ювелирная работа!

Во втором, большем, разделе автор дает блестящие очерки истории западной и отечественной культуры, доводя свой анализ до актуальных проблем современности, прежде всего российских.

Своего рода связующим звеном между философским и историческим разделами, призванном, как я понял, играть методологическую роль, должна быть «софиасофия» (189—200, 514—524, 594—600). Поскольку проблема Софии специально, многократно и глубоко рассматривалась автором ранее, в других своих работах, обсуждалась в журнале «Философия хозяйства» (см., напр., 2012, № 3 (81)), на конференциях АФХ, Ю.М. ограничивается отдельными замечаниями. Из них следует, что (в гносеологическом плане) Софию нельзя мыслить даже как идеальное представление, она не может быть объектом изучения, предметом дискурса; не является и методом познания. София — не Разум, а Мудрость; она представляется как *посредница* между Богом и Миром (человека) в их единстве, ее «работа», прежде всего, состоит в их объединении — Ю.М. и связывает Софией два названных раздела, справедливо полагая, что с разъединением — второй ее функцией, которой она спасается от своей относительности — у читателя проблем не будет. София Премудрости Божией — это «заумная», не улавливаемая понятийными оппозициями «греза» Бога, его креативная эманация в состояние души человека, главный позитивный нравственный

критерий, смысл жизни, ее «проектность» в обретении необходимости и даже возможности поиска *иной* реальности, более соответствующей божественному в человеке.

Именно проблема *Человека*, его противоречивой исторической сущности, ее современной кризисности, апокалиптической и... перспективности является концептуально главной, сквозной проблемой книги. Это представлено не только в подразделе первого раздела (49—62, 69—189), но и «пульсирует» во всем историческом разделе (220—600), что позволяет автору точно констатировать проблематику человека: «Вот вам и антропология с философией, вот вам и задачка без решения, вот вам и София Премудрость Божия со всей своей неразрешимой тайной!» (513).

Вся эта блестяще прописанная печальная, но точная констатация человеческой «истории болезни» ставит главный, классический вопрос: *что делать* для спасения человека? Ответ Ю.М. хорошо известен: «...в Софию погружаться надо... Только там это самое *Иное*» [1, 455]. Но тут, опять-таки, возникают вопросы... Как пользоваться предложенной «технологией» — замыслив какой-то проект, человек-мудрец справляется у Софии — если ее не открывают, а она открывается *сама* — кому и когда надо, и в той мере, в которой ей надо? А если ищущий не нравится Софии, если он не обладает необходимой аристократичностью, покаянной силой духовной, интеллектуальной слабости, несовершенства, осознания им этого, если он не может обрести особого состояния души для работы спасения и поиска «иного»? Ведь это дано очень и очень немногим, избранным... самой Софией. Вот Ю.М. Софии определенно нравится... Но как могут надеяться на это все страждущие? Вопросы, как говорится, интересные...

Эти перспективные, несмотря на поставленные вопросы и сомнения, идеи открывают путь блестящему авторскому анализу истории «Запада» как цивилизационно-культурного типа (от Римской античности — до наших дней), сопоставления с ним России. Ю.М. остро переживает ее поиски своей идентичности, места в современном мире, истоков ее неприкаянности и «окаянности». В трагичности истории России, ее несомненной самобытности автор видит перспективу искомым миром «инойности», исторический мессианизм нашей страны, задается риторическим вопросом, который волнует всех мыслящих людей: ну за что нам такая доля?! На то она и доля, чтобы ее *переживать*, а не только рефлексировать! И Ю.М. с болью, искренностью и мужеством долгие годы несет груз осознания этой ситуации, ищет пути ее преодоления.

По конкретным сюжетам мне особенно понравились глубина и подчас оригинальность мыслей автора по поводу «проектности» исто-

рии (не бесспорно до эпохи Просвещения, но интересно и завлекательно), феномена «русскости», российской революционности, советского строя, личности Сталина и судьбы сталинизма, европейского социализма, причин падения СССР, мерзости современного бытия России, возможностей ее «софийного» будущего и др. Автор вновь и вновь переосмысливает эти проблемы, уже рассмотренные в «Requiem» и «Обретении», находит их новые, актуальные грани. В этом Ю.М., как всегда, блещет эрудицией, проявляет свой недюжинный энциклопедизм и смелость суждений, сочетая глубину содержания с изысканностью литературных форм.

Но во всем этом «мире мудрых мыслей» особенно хочется выделить, как мне представляется, две идеи. Первая — оригинальная авторская концепция *сталинской антропологии* — попытки «земного» преодоления греховной природы человека, его «бесовщности» (469—473, 506). Вообще-то вся история культуры представляет собой сюжеты непрерывной борьбы человека с самим собой, со своей неустранимой, сущностной греховностью. Очевидно, разочаровавшись в многовековых попытках христианства переделать греховного человека, Сталин решил попробовать сделать это не с помощью «несправившегося» Бога, а практичными земными средствами — тотальным «зверским» насилием подавить зверя в человеке, *заставить* его быть «хорошим». И ведь удалось, причем всего за полвека! Но в конкретных исторических условиях мотивации выживания страны, в проектной деятельности жестких коммунистических «пассионариев», возглавляемых мудрым и суперволевым вождем, при (не обязательно осознаваемом) понимании важности такого жестокого «лечения» большинством народа. Но после такой суровой, напрягающей «мобилизации» неизбежна потребность в обвальном «демобилизации» как реакции усталости от изнеможения советского человека «преодолевать», быть хорошим, «топтать на горле собственной греховной песни» — своего нормального, естественного бытия, в отторжении за это советской искусственности при всех ее несомненных достижениях и достоинствах. («Миниримейком» такого подхода была горбачевская борьба с пьянством, необходимость которой понимали и поддерживали даже безнадежные пьяницы, но которая, в конечном счете, была отвергнута народом из-за своей неестественной обременительности).

Вторая идея — «софийные» возможности России, обусловленные, как ни парадоксально, ее нынешним кризисно-«синергетическим» состоянием. В раскрутке этой идеи и проявляется некоторое оживление оптимизма Ю.М. (в сравнении с «Обретением»); по его мнению, сейчас ожидается новая, иная Россия (526). Это выражается в (не бесспорных) соображениях по поводу сохранения в народе российского

социокультурного «кода» (506), надеждах Софии именно на Россию (522) за ее *не-от-мира-сего-йность* (523—524), ее мировую *инойность* (525—527, 540), софийное избранничество в приуготовлении *иного* (599). София нам нужна и важна, ибо, по сути дела, Россия в своей софийности есть поиск некоего «третьего рода», «третьего измерения» исторического существования, который нельзя описать в бинарных терминах, выступает как «обособленная потенциальность» в отношении как Европы, так и Востока. Если не понимать этого, то Россия воспринимается, в лучшем случае, как «недоделанный» Запад, а обычно — неправильной, презираемой и пугающей страной. (К сожалению, такое «россофобское» отношение присуще не только западному «цивилизованному» миру, но и нашей «либерально-демократической», «правозащитной» интеллигенции — вспомним феномен Новодворской.) Ю.М. справедливо подчеркивает, что общеизвестная историческая российская потенциальность выживания в условиях абсурда жизненно интересна и перспективна в нынешней кризисной неопределенности «конца истории» постчеловечества.

Но в ответе на жестоко неизбежный, пусть и не поставленный автором вопрос — каков же теоретический *проект* этого перерождения, его программа — Ю.М. с присущим ему изяществом загадочно заявляет: «...вся надежда, которой, в общем-то, и нет, на трансцендентный метафизис (? — *В.К.*), который, что бы там ни говорили, все-таки, есть» (532, С. 513—514); очевидно, он и обеспечивает рост в стране «субстанции возрождения», пронизывающей все (? — *В.К.*) слои российского социума (532), в частности, явления другой, «капиталобольшевицкой» России (554—555). Кроме изысканной неопределенности рецепта такого метафизиса автор честно отмечает и его сомнительность: да и вообще, получится ли такое — «Кто же знает?» (531). И далее Ю.М. восклицает — «Фантастика!» (534). И действительно — чего только в жизни не бывает! Но, «Новая Россия! Какая же? На этот вопрос нет ясного ответа, даже у самого господ Бога...» (560, С. 551). А поиск ответа «неясного» требует не столько знания (понимания), сколько мудрости (откровения). Очевидно, этим и озабочен Ю.М.

В целом мне очень близок симфоничный пафос книги, автор буквально «читает мои мысли» (или я — его?). Богатство идей, оценок, глубина вопросов в сочетании с жанром «отклика» избавляет от необходимости обсуждения конкретных проблем. Конечно, возникают отдельные «непонятки» (особенно по первому разделу), но они не имеют принципиального характера. Тем не менее в качестве особенности (недостатка?) книги я бы отметил малое внимание к философско-хозяйственным, экономическим вопросам, эта проблематика включена лишь в один сюжет, завершающий характеристику древне-римской

цивилизации (315—318). Конечно, можно сказать, что концептуально эти вопросы были обстоятельно рассмотрены в первом разделе «Откровения», множестве книг и статей Ю.М. Но... как интересна была бы, в продолжение работы С.Н. Булгакова, «софийная» проекция не только на «хозяйство», но и на экономику в историческом развитии Европы и современной России, в их типологических культурно-цивилизационных особенностях! (Впрочем, надеюсь, у Ю.М. еще немало творческих планов.)

«Зацепили» и суждения автора по поводу «разности» обычного профессионального философа и мудреца (180). Почему такой философ — *менее всего* соискатель мудрости? (С. 130). Сделаем исключение для философов профессиональных, но «необычных»? По какому основанию? Конечно же, философская профессия не делает человека мудрецом, но почему она несовместима с его приуготовлением к мудрости?

Наконец, всецело солидаризируясь с концепцией работы — стремлением дать именно софийную трактовку актуальных метафизических проблем бытия Человека, (современной) России, — нужно все-таки сказать, что эта идея скорее является пульсирующим «пунктиром», нежели «красной линией» книги. В частности, первый, философский, раздел, при всем несомненном своем богатстве, стоит как бы особняком от остального содержания книги, его категориальный аппарат если и используется, то эпизодически. Конечно, «протянуть» исторические коллизии сквозь метафизическое категориальное «сито» — дело неподъемное, разве лишь Гегелю удалась такая попытка, да и то, как мы говорим, в спекулятивной форме. Но это, опять-таки, скорее пожелание: «большому кораблю — большое плавание»!

Следует отдельно отметить и вроде бы скромное (три страницы) авторское заключение книги — «Вместо метасловия». Оно показывает, что Ю.М. хорошо понимает неизбежно возникающие при чтении такой сложной книги читательские проблемы и как бы «страхует» от их непонимания рассуждениями о необходимости и принципиальности «додумывания» ее текста, «вычитывания непрочитанного», важности «несказанного», о возможности «неберущихся» текстов и т. п. (Замечание очень актуальное, поэтому изящная формулировка «аналогичной» проблемы у Ницше и вынесена в эпиграф данного отклика.)

Меня особенно заинтересовали слова Ю.М. о том, что «...для метафизика-софисофа значимее не так сам по себе этот текст, как *за-текст, под-текст, над-текст*, то бишь не текст как таковой, а *метатекст*, где как раз и находят приют все *метасмыслы...*» (С. 602). Дело в том, что при всей важности и ценности такой оговорки, следует напомнить, что необходимость подобной методологии обоснована фи-

лософско-культурологическим *структурализмом* и хорошо прописана в *постструктурализме* (М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида). Это направление предлагает брать текст в момент его становления, чтобы «заглянуть» в ту «преисподнюю», где все значения смешаны, все претерпевает метаморфозы; такой процесс исследования получил название *деконструкции* — нужно (всего-навсего!) развернуть структуру в контекст! В частности, Ж. Делез («Логика смысла») полагал, что сами определенности смыслов (текстов), которые нужно прочесть, отнюдь не предзаданы заранее, они каждый раз даются событиями, и эти смыслы-события надо исследовать. Не этим ли предлагает заняться читателю Ю.М.? Спасибо, как говорится, за доверие, но дело такое — архисложное, попробуйте «софийное» тождество исследуемого и исследующего расположить в пространстве истории! Другой постструктуралист — Ж. Деррида — своим «поэтическим мышлением» воплотил принцип *интертекстуальности*: «комментатор существует только внутри и по поводу текста». Не выступает ли таким «комментатором» Софии сам Ю.М.? Не предлагает ли он и читателю попробовать?

Полагаю, лишь обозначенные автором в заключение книги мысли по поводу восприятия ее текста могут концептуально рассматриваться как развитие идей постструктурализма в новой, иной социокультурной среде — России, и не противоречат ее «софийному» восприятию. Более того, возможно, в словах заключения просматриваются перспективы использования этих идей в обосновании «софийности». Интересно...

Итак, можно с уверенностью сказать, что Ю.М. прошел испытание Софией, контакт с ней у него состоялся, и это само по себе — не просто несомненное достижение автора, но и вдохновляющий (или пугающий?) пример для «вумников» первого и второго этапов выхода в иное «познавательное-размыслительное» пространство учености. Конечно, результаты этой встречи, рискну предположить, не во всем очевидны для «массового» читателя. Но... а какими иными они могут быть, если она была «наедине» не столько с Софией, сколько с самим собой, с сомнениями в собственном несовершенстве матерого «третьеэтапника», с его фаустовскими терзаниями утверждающегося «первоступного» Разума?

Кроме того, как отмечал Ницше, «...сила ума измеряется той дозой “истины”, которую он может еще вынести». Книга Ю.М. дает дозу большую, но не смертельную, а лечебную, поэтому в любом случае ее восприятия она полезна, нужна уже, как минимум, своим примером, приглашением к сладостным мукам попыток обретения размыслительной мудрости, надежды и на свой контакт с Софией.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Реквием. Роман о романе, или роман с романом. Метафизическая проза. М., 2010.
2. *Осипов Ю.М.* Обретение. М., 2011.

Д.Б. ЭПШТЕЙН

Книга, чтение и осмысление которой возвышает*

Аннотация. В статье представлена рецензия на книгу «Дорога к свободе. Критический марксизм о теории и практике социального освобождения», которая вышла в серии «Библиотека журнала “Альтернативы”».

Ключевые слова: социальное освобождение, критический марксизм, демократия, социализм, снятие отчуждения.

Abstract. The article presents a review on the book «The Road to freedom. Critical Marxism about the theory and practice of social liberation», which was published in the series «Library of journal “Alternatives”».

Keywords: social liberation, critical Marxism, democracy, socialism, removing the alienation.

В серии «Библиотека журнала “Альтернативы”», которая насчитывает уже более 30 томов, недавно издана книга «Дорога к свободе. Критический марксизм о теории и практике социального освобождения». Среди ее авторов — философы В.М. Межуев, Л.К. Науменко, Ю.А. Красин и Б.Ф. Славин, политэкономы и экономисты А.В. Бузгалин, А.И. Колганов, С.С. Дзарасов, Р.С. Дзарасов, М.И. Воейков, историк А.А. Галкин., культуролог Л.А. Булавка и философ-литературовед Г.Г. Водолазов. Понятно, что именно междисциплинарность самой проблемы свободы и социального освобождения — величайшей, по-видимому, современной проблемы человечества, далеко еще не решенной — обусловила привлечение авторов из различных отраслей науки, что призвано обеспечить рассмотрение проблемы в нескольких измерениях — философском, социально-историческом, политэкономическом и конкретно- экономическом.

* Рецензия на кн.: Дорога к свободе. Критический марксизм о теории и практике социального освобождения / Под ред. Б.Ф. Славина. — М.: ЛЕНАНД, 2013. — 688 с.

Скажу сразу — книга заслуживает самого пристального внимания читателей. Во-первых, важностью, фундаментальностью и актуальностью избранной темы — о свободе, дороге к ней, о связи ее с социальным освобождением в его современном понимании и об опыте попыток освобождения предыдущих столетий. Во-вторых, качеством и глубиной рассмотрения. И здесь невозможно обойтись без некоторых примеров, а, приведя их, трудно удержаться от собственного комментария.

Проследим, хотя бы на некоторых главах, как авторы книги понимают соотношение свободы и социального освобождения. Первая в книге статья — статья В.М. Межуева «Свобода в социально- исторической перспективе». В ней автор дает краткий, но содержательный ретроспективный анализ понятия свободы в Древней Греции, у Аристотеля, в средневековом христианстве, в период Возрождения и последующей реформации, в период начального бурного развития капитализма, а также в «либеральной и социалистической перспективе». Обращает на себя внимание авторская характеристика понимания свободы в Древней Греции: «Свобода есть удел тех, кто ради истины и красоты способен “пренебречь земной пользой”. Она дарована не любому из смертных, а только избранным — тем, кто способен жить (мыслить и действовать) в царстве логоса» (С. 15). Это противопоставление «пользы земной» — т. е. экономики и связанной с ней политики, и «царства логоса» — т. е. разума, науки, культуры, в зародыше содержит концепцию автора.

Но развивает свою концепцию Межуев, критикуя традиционное понимание общественной собственности как государственной собственности и собственности, где никто не может сказать, что он владеет всей собственностью: «Как свобода каждого есть условие свободы всех, так собственность каждого на все богатство, есть условие общественной собственности, собственности всех. Последняя — не та обезличенная собственность, которая принадлежит всем и потому никому в отдельности, а та, которая принадлежит каждому и только потому всем³⁷. «Собственность, исключаящая дележ, и делает людей равными друг другу» (С. 24). И что же является объектом такой собственности? Автор отвечает: «Она есть собственность на то, без чего невозможен труд каждого. Таким “всеобщим условием труда” в современном производстве является, как известно, наука... Наука по природе своей принадлежит каждому, есть всеобщее достояние, что и делает ее глав-

³⁷Кажется, в советское время «народное» понимание собственности было близко к тому, о чем пишет Межуев — «все вокруг колхозное, все вокруг — мое!».

ным объектом реального обобществления... Выявленная Марксом тенденция превращения производства в “научное производство” содержит в себе, следовательно, иную версию перехода к общественной собственности, чем та, которая обычно излагается в качестве марксистской — через революцию, диктатуру пролетариата и насильственную экспроприацию. В отличие от первой вторая — политическая — версия представляется ныне архаической и безнадежно устаревшей, хотя сам Маркс и пытался как-то сочетать их... В более широком смысле под общественной собственностью следует понимать собственность на культуру в целом... Переход к ней знаменует переход не к свободной экономике (рыночной или какой-то другой), а к свободе от экономики, освобождению человека от навязанных ему экономикой функций и ролей».

И далее, развивая эту мысль, а также известные высказывания Маркса о богатстве способностей и потребностей, универсальности человеческой личности как основе человеческого богатства и о роли свободного времени для его развития (см., напр., С. 228), Межуев приходит к выводу о том, что именно увеличение свободного времени является мерой общественного богатства и общественного прогресса: «время труда не стало пока для большинства людей временем их свободы. Но именно этим определяется главный вектор их дальнейшего общественного развития, которое обретает смысл лишь в направлении движения от рабочего времени к свободному (в указанном выше смысле), превращения последнего в основу, базис их общественной жизни» (С. 37).

Мысли В.М. Межуева о роли культуры для социализма и культуры как сущности социализма находят определенное подтверждение в том, что культура играла в СССР колоссальную роль, в том числе как экономический фактор: большинство населения страны, не имея стимулов и желания самоутверждаться на почве бизнеса, накопления и сверхпотребления, находило стимулы и смысл самореализации в учебе, чтении, овладении культурой и профессией (которая также — часть культуры), оно стремилось получить высшее образование и заниматься наукой³⁸... Именно движение к культуре определяло смысл жизни многих поколений советских людей. Но!.. Но возникает ряд вопросов доказательности и корректности формулировки основополагающих утверждений этой интересной статьи. Поясним: то, что культура, ее освоение и обогащение были одной из проекций социализма, это — несомненно, но верно ли, выражаясь языком математики, что развитие

³⁸Отчасти и поэтому в СССР никогда не было ничего подобного по масштабам той дикой и разнузданной коррупции, которая начала процветать с 1990-х гг.

культуры необходимо и достаточно для социализма, иначе говоря, можно ли сводить социализм к культуре, науке, их освоению и обогащению, отождествлять социализм и культуру? Еще один вопрос такого же логического ряда: тождественно ли по своему содержанию понятие общественной собственности (в том числе и, прежде всего, на средства производства) формуле «собственность каждого на все... присвоение каждым целиком и без остатка», а также — действительно ли наука и культура это как раз те объекты, где каждый владеет всем и без остатка? Всякого ли подпускают к себе эти две «весьма избирательные особы»? Опасаюсь, что не все так однозначно! И как будет выглядеть общество, «свободное от экономики»? Ведь даже деятельность полностью автоматизированного производства нуждается в человеческом контроле, регулировании, совершенствовании и модернизации. И разве наука не становится все более неотъемлемой и крупной частью экономики?

Отдельного рассмотрения требует и общественная проблема свободного времени как противоположности рабочего времени в ее развитии по мере роста производительности труда, тенденций роста потребительских настроений и индивидуализма и... истощения многих природных ресурсов.

Но ответы на эти вопросы — задача читателя и, возможно, автора, а не рецензента. Ответ Межуева о содержании социально-экономического освобождения в ретроспективе, в современности и в будущем прозвучал — и это глубокий и содержательный ответ.

Следующая статья, статья Л.К. Науменко, посвящена анализу диалектики детерминизма (необходимости) и свободы применительно к СССР и содержанию социализма. Эту диалектику уже в заголовке автор формулирует в виде противоречия материализма экономического и материализма гуманистического. Анализ приводит его к постановке проблемы: был ли «реальный социализм» обществом «реального гуманизма»? И он отвечает — «вопрос праздный: конечно же, не был» (С. 40). И далее «реальному социализму», «застою», административно-командной системе, а также «перестройке» и «шоковой терапии» достается «по полной программе». Вот, например, лишь малая часть блестящей характеристики перестройки и последующего периода: «Раскошегарив рожденную “перестройкой” центробежную энергию распада, молекулярный хаос и безумие “прихватизации” эпохи рыночных “реформ” поставили на грань вымирания абсолютное большинство населения огромной страны. Не только не появилось обещанное благополучие — исчезла элементарная безопасность, рискованной стала сама жизнь, физическое существование, проблематичным простое выживание. Миллионы людей оказались заложниками безудерж-

ного хищничества, шкурничества и бесстыдного паразитического “процветания” кучки мультимиллионеров, попросту говоря, — “кидал”. И конца этому беспределу и по сей день не увидеть на горизонте даже в самые сильные бинокли» (С. 41). И далее автор ставит вопрос о связи того, чем был социализм в СССР, с этим страшным итогом: «Есть ли необходимая, закономерная связь застойного “порядка” и нынешнего хаоса?» (С. 42). Связь, конечно, есть, и автор ее подробно анализирует, используя ряд малоизвестных мыслей Маркса о бюрократизме, критикуя социализм периода «застоя» и попутно развивая мысли о социализме и реальном гуманизме и «обществе знаний» (С. 51). При этом он справедливо критикует рассмотрение развития СССР вне учета «его окружения», т. е. ситуации в мире. «Мне представляется, что следует вернуться к мысли Маркса о коммунистическом перевороте как мировом процессе» (С. 72). И далее: «Главный недостаток большинства работ по истории “реального социализма” составляет именно методологический просчет. Развитие социализма исследуется преимущественно как имманентный процесс в одной, отдельно взятой стране, только эзотерически, а не экзотерически. Окружающая среда, заведомо враждебная, рассматривается исключительно как внешнее обстоятельство, влияющее, конечно, на имманентный процесс, но не решающим образом... Страна тащила на себе чудовищный груз гонки вооружений. Страна истощилась и эту гонку проиграла. Странно читать размышления исключительно о “внутренней логике” социализма. Нет никакого сомнения в том, что это — “мейнстрим”, “колея”, навязанная марксистам чужая “парадигма”» (С. 74—75). С этим можно согласиться, но тогда получается, что страна обязательно должна была проиграть? Зачем же тогда автор ранее так подробно характеризует те недостатки «реального социализма», которые сильно помогли ему перестать существовать, если все можно списать на внешние силы и обстоятельства? Ведь вполне очевидно (доказал опыт Китая, Вьетнама, Кубы, а также Белоруссии), что не было детерминистской, фаталистической предопределенности развала СССР, тем более, что сам автор призывает к учету деятельности масс и «преследующего свои цели человека» (С. 77). У СССР, у его руководителей и народа был иной выбор, который они не смогли вовремя сделать!

Завершает свою статью Л.К. Науменко утверждением: «Необходимость следует понимать не как отрицание свободы, а как историческую необходимость свободы. Это и будет диалектико-материалистическим пониманием истории» (С. 79). На наш взгляд, это утверждение — своего рода теорема, которая при минимальном изменении звучит очень оптимистично и обнадеживающе: история развивается в направлении усиления и утверждения социально-

экономической свободы. По отношению к прошлому это доказано. А вот по отношению к будущему? На наш взгляд, пока еще нет. И это вызов, в том числе, «критическому марксизму».

Видимо, центральной статьей книги, представляющей наиболее полный и наиболее аргументированный ответ на вопрос о «дороге к свободе», т. е. о современной теории социального освобождения, дает статья А.В. Бузгалина «По ту сторону отчуждения: социальное творчество и свобода». В ней подробно анализируются различные «формулы» свободы от негативной до позитивной. Всесторонне рассмотрены различные аспекты реализации свободы, связанные с социальным творчеством, преодолением отчуждения, социальной революцией и другими важнейшими проблемами современной жизни. По мнению автора, лишь «ассоциированное социальное творчество» людей является сущностью социального освобождения людей, приближающих своей деятельностью будущее господство «креатосферы». Это будет новая эпоха общественного развития, которую основатели марксизма не случайно называли «царством свободы». По мнению А. Бузгалина историческая специфика социализма заключается в том, что он на практике реализует процесс «нелинейной трансформации» «царства необходимости» в «царство свободы».

Оригинальность подхода А.В. Бузгалина состоит в том, что он пошел по пути глубокого обобщения основных положений марксистской теории, делая упор на таких понятиях, как «отчуждение», «ассоциированное социальное творчество», «креатосфера» и др. Его метод — обобщение понятий до весьма высокого уровня абстракции и получение новых результатов на этом уровне — напоминает нам методы высшей математики. В одной части этот метод похож на метод «восхождения от абстрактного к конкретному». Гегель, как известно, сумел в «Науке логики», применяя его вывести «весь конкретный мир» из трех базовых понятий — ничто, бытие и нечто. На самом деле, разумеется, наши базовые понятия (и их понимание) лишь отражают, складываясь тысячелетиями и веками, реальную сложность и многообразие мира. Для того чтобы вывести конкретное из абстрактного, надо сначала правильно сформулировать это абстрактное, чтобы оно содержало в себе основные, сущностные черты конкретного. Иначе говоря, «восхождению от абстрактного к конкретному» предшествует правильное абстрагирование, т. е. «нисхождение от конкретного к абстрактному»³⁹, и это, на наш взгляд, значительно более трудная, твор-

³⁹На наш взгляд, было бы логичнее наоборот — говорить о восхождении от конкретного к абстрактному и затем о нисхождении от абстрактного к конкретному.

ческая и ответственная фаза, чем противоположная. И затем должна следовать наиболее сложная фаза выведения нового знания из анализа обобщенных понятий. Так, Маркс абстрагируется при анализе стоимости до примитивного акта обмена и выводит из него свою теорию стоимости, которую потом развивает в теорию цены производства как основы движения реальных рыночных цен, а затем эта теория применяется для получения новых знаний о законах капитализма.

На наш взгляд, Бузгалин весьма успешно применяет этот, по форме — очень математический, а по сути — один из основополагающих универсальных научных методов.

Но отметим одно важное обстоятельство. Для того чтобы теоремы, выведенные на высоком уровне абстракции, были успешно применимы для конкретных объектов: 1) абстракции должны удерживать в себе основополагающие свойства конкретных объектов и 2) теоремы должны доказываться строго и полно. В этой связи у нас возникает примерно тот же вопрос к связыванию перспектив социализма именно с развитием креатосферы, что и по отношению к формуле «социализм — это пространство культуры»: развитие креатосферы — это, несомненно, необходимое условие социализма и коммунизма, но является ли оно достаточным?

И еще вопрос к определению ассоциированного социального творчества: является ли деятельность киевского майдана или организаций националистов примерами прогрессивного социального творчества? Ведь их организаторы считают, что их деятельность ведет к национальному и, в этом смысле, к социальному освобождению. Может быть, надо что-то добавить в определение ассоциированного социального творчества, чтобы разделять регрессивное и прогрессивное социальное творчество?

Статья А.В. Бузгалина завершает первый, философско-социальный раздел книги. Следующий, мы бы сказали, конкретно-исторический раздел книги, посвященный соотношению реального социализма и свободы, открывается статьей редактора-составителя рецензируемой книги Б.Ф. Славина «Реальный социализм: рождение свободы и преодоление тоталитаризма». Не отказываясь от традиционного понимания социализма как результата взятия власти рабочим классом («Социализм как реальность в научном понимании, конечно, начинается со взятия власти рабочим классом и кончается ликвидацией всех и всяческих классов» (С. 174)), автор выделяет и прослеживает исторические и социальные корни именно идеи свободы как его основополагающего стержня: «...отличительным признаком, позволяющим выделить концептуальный стержень разных ипостасей и граней социализма, является идея свободы. Она выступает действенной альтернативой непосред-

ственной зависимости человека от капитала и социального отчуждения в буржуазном обществе. В этой связи, социализм означает не что иное, как рождение и нарастание реальной свободы человека. При социализме начинает исчезать всякое отчуждение, свойственное прошлой истории, и человек возвращается к себе как “человеку общественному”» (С. 175).

Почему же тогда реальный социализм не стал образцом свободы, а экономическая и политическая системы СССР несли на себе печать глубоких недемократических деформаций? Автор отвечает на этот вопрос, указывая, что имела место борьба двух тенденций в развитии СССР — демократической и антидемократической: «Демократическая тенденция выражала интересы рабочего класса и других трудящихся классов, прежде всего, многочисленного крестьянства. Она проявлялась тогда, когда улучшалась жизнь народа, когда становилось больше свободы и справедливости. Ее следует связывать, прежде всего, с ленинским пониманием положения дел в стране, с необходимостью перехода к политике нэпа, с планами радикальной демократизации политической системы, выраженными в его последних работах. По сути дела, эта была ленинская стратегия построения социалистического общества в СССР.

Другая тенденция — антидемократическая, бюрократическая, тоталитарная опиралась на интересы тех слоев общества, которые устали от революции и войны. Это были, прежде всего, интересы, запросы и потребности советской бюрократии, маргинальной части рабочего класса и крестьянства, конформистской интеллигенции. Сталин стал их официальным лидером и рупором. Бюрократическая тенденция, как правило, подмораживала и сковывала страну, она превращала ее в авторитарное или тоталитарное государство. В борьбе этих двух социально противоположных тенденций и осуществлялась советская история» (С. 196).

На наш взгляд, это справедливая характеристика, тем более, что вторая тенденция (бюрократической монополизации) получала мощную подпитку в силу того, что власть была взята большевиками в результате тяжелейшей Гражданской войны и строительство социализма осуществлялось в условиях капиталистического окружения. Это требовало жесткого контроля политической сферы и идеологии. И Б.Ф. Славин подробно анализирует эти факторы, а также и природу тоталитаризма. Лишь в середине 1970-х гг., когда, с одной стороны, стали замедляться темпы экономического роста, что говорило об исчерпании принятой экономической модели, а с другой — СССР был уже второй по мощи мировой державой, появился реальный шанс изменения сна-

чала экономической, а затем политической системы. Но должным образом этот шанс не был использован.

Следующая статья (Л.А. Булавка. «Массы и свобода: творчество vs бунт») посвящена проблемам развития культуры в условиях становления нового социалистического общества... Она чрезвычайно интересная, как и статьи М.И. Воейкова, А.И. Колганова, Р.С. Дзарасова и других авторов этой книги. Они формируют современный марксистский ответ на вопрос о дороге к свободе — дороге к социально-экономическому освобождению. Ответ весьма содержательный, в чем-то разноречивый, не во всем бесспорный, но глубокий и заставляющий думать, возвышающий читателя. За это мы ручаемся. Остается добавить, что не только эта, но большинство книг библиотеки журнала «Альтернативы» заставляют серьезно размышлять над социальными проблемами нашего времени. К сожалению, рамки журнальной рецензии не дают возможность подробно проанализировать все статьи данной оригинальной и интересной книги. Цель ее в другом: привлечь к ней внимание читателя. Надеемся, мы в меру своих сил сумели это сделать. Думаем, со временем интерес к этой книге будет только нарастать.

И.И. РУДЯК

Музыка сфер в пламени Булгакова: после крокодила как дирижера и брэнда как языческого божества

Аннотация. В статье говорится об истории экономики в свете дирижизма и эстетической теории Булгакова.

Ключевые слова: эстетическая история экономики, дирижизм, Постмодерн, Булгаков.

Abstract. This communication is about history of economics in aesthetic doctrine of Bulgakov.

Keywords: aesthetic history of economics, conductorism, Postmodern, Bulgakov.

1. Божества как участники экономического процесса. Культура отличается от цивилизации наличием хозяйства как способа экономического производства. Хозяйство зародилось на базе происхождения обмена как основы торговли и производства — из религиозной практики «обменной молитвы»: как просьбы, обращенной к языческому богу, взамен обещания человеческой благодарности. На Мадагаскаре у

скал Цинжи живет народ антакарана. Ежедневно от имени всей деревни шаман спускается к пещерному озеру, чтобы помолиться священным крокодилам — о хозяйственных нуждах родной деревни: например, о хорошем урожае или об обильном дожде. Взамен участия в хозяйственном производстве шаман дает крокодилам мясо, поэтому данные представители вида африканского нильского крокодила — из-за ежедневных поставок пищи — сделались крупнейшими представителями вида. В качестве языческого божества у «крокодиловых людей» нильский крокодил действительно является равноправной составляющей экономического процесса. Более того, возле скал Цинжи всей хозяйственной симфонией дирижирует именно откормленный бог глублин (словно в анекдоте: «Что вы! Разве может обезьяна играть на скрипке? Это все крокодил: он и на скрипке играет, он же и дирижирует»).

В подобном смысле хозяйство является таким способом экономического производства, который предполагает «композиционное погружение» производственного процесса в недра культуры. В рамках хозяйства производственные процессы, словно нити, продетые в ушко культуры, создающие некое подобие мозга — как «сетчатого шара» с «экономическим интерьером» и динамичными функциональными связями. При этом хозяйство может быть рассмотрено в качестве аналога естественного леса как природной экологической системы. А современное безликое капиталистическое производство может быть рассмотрено в качестве аналога выращенного компанией «неэкологического леса» — исключительно ради получения древесины.

Традиционные общества, для которых характерно хозяйство как способ жизни и производства, имеют также и «общественную религию». Так в Египте в эпоху Древнего Царства именно всем миром строили пирамиды, чтобы также — всем миром — и отправиться в рай. В Шартре строили собор всем миром: ради попадания в общий рай. В экономической жизни цельность проявляется в этноспецифических «культурных законах» о специальных способах деления туши (сказка «Как мужик гусей делил»: голову — хозяину, гузку — хозяйке, ножки — сыновьям, крылышки — дочерям). А дальше исторически общество переходит из «фазы общности» в «фазу индивидуальности». Так, в Древнем Египте в Период Гробниц в рай попадает лишь тот человек, который захоронен в данной гробнице. А в экономической жизни капитализма с его индивидуализмом и протестантизмом культурной цельности вовсе нет: ведь каждый может купить за деньги хоть гузку, хоть ножку, голову или крылышко.

2. *Отрыв экономического производства от культуры (экзистенции и религии) как разрушение хозяйства и возникновение цивилизации.* Создав учение о базисе и надстройке, Маркс фактически возвещает о

появлении на арене истории современной цивилизации промышленного типа, суть которой заключается именно в выходе культуры, подобной Еве, из тела цивилизации, подобной Адаму. Такая же система существует у обезьян, «биологическая культура» которых произошла из их социальных коммуникативных инстинктов («горизонтальная коммуникация»), а «биологическая цивилизация» — из их природных пищевых инстинктов («одномерное пищевое поведение»). Появление человека ознаменовалось именно появлением религии как слияния в данном случае виртуальной социальной коммуникации с богом и пищевого поведения на материальной земле («двумерное пищевое поведение»), т. е. эволюционное появление человека ознаменовалось появлением «вертикальной коммуникации» с богом. Капиталистическая цивилизация является аналогом возвращения Шарикова в состояние Шарика.

В процессе разложения первобытно-общинного строя дробление пятого уровня развития материи на цивилизацию и культуру изначально предполагает и дробление самой цивилизации — по разным признакам (типы дробления). Так, «дробление на фрагменты» может быть «дроблением индустриального типа» как дробление на «монтажные детали» или же «дроблением постиндустриального типа» как дробление на «немонтажные клочки». Деталь («Черный квадрат» Малевича как «икона XX в.») всегда имеет «композиционно валентные» и «осмысленные края» (Маяковский: «Болты, лезьте в дыры ровные, Части вместе сней огромные»), так как предназначена для композиционного перемонтирования (напоминающего природное переваривание мяса). В подобном смысле Колейчук перемонтирует фотоизображения реального жизненного пространства не только в качестве «метафизического кино», но также и в качестве «мира как текста» в понимании французских структуралистов (в культуре: речь и мышление в понимании Выготского). Клочки же Постмодерна — невалентные и бессмысленные — создают немонтажный дискретный ворох, наподобие обычной мусорной свалки (в природе мусора в принципе нет). Отсюда и промышленный экологический кризис, превращающий природу в произведение Постмодерна. Отсюда и теоретический призыв Уорхола: гармонизировать мусор путем создания из него произведений искусства.

Отсюда происходят и «типы потребления». «Монтажное потребление» порождает смыслы, выстраивает культуру, тело и личность, встраивает человека в окружающий его мир. А «немонтажное потребление», характерное для Постмодерна, осуществляется для получения монтажно бессмысленного сиюминутного «оторванного ощущения» (словно память человека — «дискретный ворох») — и не предполагает ни выстраивания культуры, ни тем более «антропологического строи-

тельства» (якобы у человека нет «фона памяти»: Грин, «Алые паруса»). Отсюда и навязывание социальной коммуникации («Общайтесь!», но без всякого смысла): «Числом поболее, ценою подешевле» (Грибоедов, «Горе пот ума»).

3. *Экспериментальное доказательство «закона Шамбалы».* Такое «клочковатое потребление» Постмодерна (в качестве дарвиновского «искусственного обора») порождает и своеобразного «клочковатого человека», не способного ни составить дискурс, ни прочесть объемную книгу. Вместо того, чтобы заменить исчезающий естественный отбор человека, приносящей ему пользу биологической революцией, человечество заменило естественный отбор искусственным отбором для домашних животных (что для самих животных невыгодно). Недавно выяснилось, что среднемировой рост женщины значительно занижен искусственным отбором. Это уменьшает и размер таза, что приводит к многочисленным смертям и травмам: как самих женщин, так и их младенцев. В подобном смысле происходит (особенно в рамках «золотого миллиарда») и сегодняшний искусственный отбор Постмодерна: в сторону увеличения численности «мартышек», путающих Пушкина и Толстого (те, которые их не путает, презрительно именуются «ботаниками»), — ради агрессивного «впаривания» им никому не нужных и негодных товаров.

Отсюда — интерес к «параллельному человечеству» (Шамбала), способному решать интеллектуальные проблемы, который проявляется в попытке создания (посредством геронтологии) «вечных мудрецов». Это подтверждает тот объективный факт, что у человека нет никакой «природы» (т. е. Фромм ошибается, а Мирандола прав). Более того, сегодня существуют естественнонаучные доказательства реального существования «закона Шамбалы». В 2013 г. (журнал «Lancet») завершилось исследование, которое подтверждает, что 90-летние люди стали умнее, чем были 10 лет назад, в 2003 г. Коре Кристенсен (Kaare Christensen), глава исследовательского Центра старения (Dansk Center for Aldringsforskning) при университете Южной Дании, 12 лет опрашивал и тестировал более 1500 человек, родившихся в 1905 г. и в 1915 г., чтобы выявить у них когнитивные нарушения («Краткая шкала оценки психологического статуса»). Оказалось, что те люди, которые родились на 10 лет позже, имеют на одну треть больше шансов дожить до 90 лет. При этом люди, родившиеся на 10 лет позже, показали лучшие результаты и чаще получали высшие оценки. Сегодня явно прогрессирует дивергенция двух виртуальных видов человека (подростки становятся все глупее, а старики — все умнее), которые отличаются друг от друга — не расой, не полом, не классом, а разумом — как продуктом конкретного способа производства (Маркс: «Бытие определяет сознание»).

Искусственный отбор, так некстати вклинившийся между естественным отбором животных и биологической революцией человека, инициирован (точно по Марксу) именно способом производства. Так «немонтажное потребление» Постмодерна, осуществляясь лишь для получения немонтажного, бессмысленного, сиюминутного, «оторванного ощущения», делает человека все более неспособным к связному, последовательному, логическому мышлению. Этому способствуют и культурные аналоги (в рамках «экономики ощущений») «потока сознания» (Джойс) и «автоматизма письма» (Дали, сюрреализм): прерывание рекламой художественного фильма и индивидуальный телевизионный заппинг. Отсюда и сегодняшний запоздалый инфантилизм: самоощущение «Я есть Я» у ребенка до 7 лет (Пиаже) и у первобытного человека (Юнг) осуществляется за счет внешнего ощущения («поверхностное сиюминутное Я»), а самоощущение «Я есть Я» у взрослого человека и у цивилизованного человека осуществляется за счет образов памяти («глубокое биографическое Я»). Особенностью Постмодерна является ассоциативность «совместного пребывания» (Грин, «Алые паруса») двух виртуальных видов человека («метафизический монтаж», Колейчук): долгоживущих и междисциплинарно образованных интеллектуалов и (выражаясь политкорректно) постмодернистов.

4. Первый этап современной цивилизации — капитализм: дробление и отчуждение Маркса. В эпоху капитализма происходит вычленение культуры из тела экономического производства (отсюда и отказ капиталиста от морали). Описывая отрыв культуры (экзистенции и религии) как надстройки от базиса производственно-экономической жизни, Маркс фактически описывает раздробление хозяйства (как перерождение его в «экономику»), которое (в качестве «натурального хозяйства») существовало еще при феодализме. Дробление цивилизации является результатом вычленения в рамках тела хозяйства — культуры как единого связующего звена из процесса жизни и производства. Лишившись «клея», цивилизация распадается: отсюда и дробление изделия на детали, а общества в процессе производства — на страты, отсюда отчуждение рабочего от продукта (Маркс об общественном способе производства и частном способе присвоения), отсюда индивидуальная вера протестантизма. В подобном смысле социалистическая революция является конечной точкой дробления. А дирижером капиталистической экономики является доход, в котором и пребывает их божество материального макромира.

5. Второй этап современной цивилизации — советский социализм: человек как винтик и щелка. Как и европейский капитализм Маркса, советский социализм в редакции Сталина основан на форсированной индустриализации. Однако, как это ни странно звучит, советский социализм сделал шаг назад: к социалистическому хозяйству от капита-

листической экономики — потому что дирижером в эпоху социализма является идеология как «религия цивилизации» (аналог Троицы — тройной портрет: Маркс, Энгельс, Ленин; аналог мощей святых — Мавзолей, аналог Библии — «Капитал»), т. е. идеология есть симулякр религии. В конце концов в виртуальной сфере (фильм «Кубанские казаки») социализм действительно был построен (анекдот об авоське, висящей на радиоприемнике). Поэтому сталинское божество пребывало в виртуальном мире идеологии. При этом сталинское социалистическое хозяйство функционировало якобы без людей, которые по воле Сталина заменяются идеологически подкованными «винтиками» и «щепками». Это отразилось в искусстве Родченко: «Я заставлю жить вещи, как души, а души, как вещи... Я вложу в вещи души людей». Отсюда — «типы отчуждения». При капитализме пролетарий изготавливает непонятные ему самому детали. «Фрагментарное отчуждение» и социализму не чуждо. Так, в фильме «Большая перемена» (Корнев) изображено фрагментарное «отчуждение Ганжи», который не имеет представления о крекинг-процессе, хотя и работает — на нефтеперегонном заводе. Однако о «техническом расчеловечивании» пролетария (характерного для сталинского типа социализма) при капитализме Маркса речь не идет. Только при социализме имеет место не просто общественный способ производства и государственный способ присвоения, но, более того, здесь имеет место государственный способ «присвоения личности».

6. Третий этап современной цивилизации — Постмодерн: человек как богатырь рекламы и бренд как миф неоязычества. Если для советского социализма характерна машинная «идеологическая виртуальность», то для пришедшего ему на смену Постмодерна характерна языческая «рекламная виртуальность» (неоязычество). Дирижером в данном случае является реклама, а боги пребывают именно в брендах постиндустриального производства. Если при социализме имеет место «техническое расчеловечивание» до состояния винтика, то в постиндустриальном обществе Постмодерна — «биологическое расчеловечивание» до состояния «мартышки»: как отказ от интеллекта и культурных запретов (атавизм как возврат к признакам предков).

Постмодерн как постиндустриальный способ производства базируется не на производстве товаров, а на производстве «виртуальных фантомов» (Андерсен, «Голый король»). В эпоху Постмодерна делается упор на производство предварительной рекламы товара (ради разжигания аппетита) и на производство заменяющей товар его «значущей упаковки». Так, в фильме «Сережа» (Данелия и Таланкин) дядя под видом настоящей конфеты вручает ребенку конфетный фантик (поверхностное восприятие мира «мартышкой»). Это и выводит жизнь потребителя, который лишь играет роль человека, якобы поедающего

воображаемую конфету (беспредметные этюды на актерском факультете), в виртуальное состояние маргинального художника («жизнь как искусство» в понимании Постмодерна). При этом текст рекламы человеком Постмодерна воспринимается именно как реальность, т. е. по актерской системе Станиславского: «Я верю в предлагаемые обстоятельства». Все это и является той гибелью информации (как внутренней структуры существующего объекта), которая и приводит к маргинализации Постмодерна (т. е. к «интеллектуальному пребыванию» на поверхности) и, как следствие, к мифологизации производства («культурный атавизм»). Торговая по сути мифология Постмодерна соткана из рекламных сюжетов брендов. При этом персонажи рекламных мифов — аналоги богатырей из обычных мифов. А бренды: моющего средства, бензина, сои — аналоги языческих божеств: воды, огня, урожая.

7. *Антропологическая экономика, эволюционная экономика, экологическая экономика и неоязычество современной некультурной цивилизации.* В эпоху Постмодерна воспитание личности происходит не для подготовки ребенка к жизни (как в случае нормального воспитания ребенка на основе обычных культурных мифов), а для подготовки к виртуальной мифологичности (бренд как миф неоязыческой по сути современной, т. е. отказавшейся от культуры, цивилизации), напрочь лишенной подлинной информации, живой материальности и реальности. Так, советский человек проживал телесно в своем родном и бедном колхозе, а душой пребывал в советском гламуре фильма «Кубанские казаки» (Пырьев). «Искажение личности» Постмодерном происходит как замена «юнговской мифологии» («мудрый старец») «рекламной мифологией» («высший рейтинг»). Подобная мифология («чемпион по лайкам») не опирается на реальность («шедевр»), поэтому и допускает фантазийные персонажи («бородатая женщина»), что и приводит к «аватарному расчеловечиванию». Ведь на самом деле бородатая женщина избрана первой певицей Европы — вовсе не среди обычных людей, а среди персонажей «аватарного человечества», словно они уже заменили настоящее человечество на Земле (у Мейерхольда персонажи спектакля выходили в пространство реальной жизни), словно наша жизнь — голливудский фильм или же дурацкая компьютерная игра.

Отсюда и сегодняшний экологический кризис, созданный людьми, весьма далекими от телесности («экологическая экономика»). Так, сегодня у 95% птиц Средиземноморья имеется в желудках пластик из отходов (более 1 млн птиц Средиземноморья не так давно погибло из-за загрязнения). В царстве нетелесности нет необходимости обеспечивать бумажные деньги золотом. А у настоящих язычников именно золото, как в банке, гарантировало попадание в рай. Так, древние скиф-

ские захоронения в Монголии (в вечной мерзлоте) содержат золото, предназначенное именно для богов. В последующие эпохи золото обеспечивало богатому человеку «рай на земле». И лишь в эпоху Постмодерна как «языческого капитализма» люди путем «потребления миражей» (вы покупаете не материальное мыло, а надежду на новую, лучшую жизнь) при жизни перебрались в виртуальный рай «ассоциативных ячеек» рекламных посулов. В фильме «Сны» (Куросава) герой в буквальном смысле входит в картину Ван Гога. Создание нематериальных ассоциативных ячеек в качестве «маргинального отклонения» от материальности не предполагает их материального воплощения (поэтому Постмодерн с его финансизмом и виртуализацией есть крайняя степень капитализма в понимании Маркса, где не просто базис отделяется от надстройки, но, более того, и сама надстройка развязывает конфликт с отделенным базисом и в конце концов уничтожит его; при этом параллельно и в рамках базиса идет здоровая миниатюризация, которую описывает Иноземцев). Поэтому при постмодерновском финансизме и реальное золото вовсе не обязано обеспечивать виртуальные финансовые деньги: такие же миражные (финансовый кризис), как и виртуальная экранная жизнь («Что нам стоит дом построить? Нарисуем — будем жить!»).

В эпоху Постмодерна вместо человекоподобного Прометея божеством огня является «Шелл», т. е. личность человека основана не на «мифах культуры», а на брендах как «мифах цивилизации» («некультурная цивилизация»). При этом «антропологическая архитектоника» личности человека Постмодерна настолько исказилась, что даже поэтические метафоры мировосприятия основаны на рекламе, а не на реальных объектах: снег напоминает стиральный порошок, а персики — по цвету и форме — мыло. И если бы реклама коньяка «Наполеон» гласила: «Попробуй коньяк — и превратишься в Наполеона», то пациентов с диагнозом «шизофрения» не смогли бы вместить все больницы мира. В рамках Постмодерна в процессе потребления происходит не воспроизводство личности (антропологический кризис), и не воспроизводство смыслов культуры, и не производство материальных товаров ради построения окружающего мира, а сиюминутное фрагментарное ощущение, никак не связанное с прочими ощущениями (Грин, «Алые паруса»). Так (в рамках общего дробления цивилизации) происходит «антропологическое дробление личности»: т. е. самоощущение «Я есть Я» происходит в рамках «фрагмента времени» (в соприкосновении с ощущением) — без всякого последующего монтажного выстраивания собственного «Я во времени». Поэтому «мартышка» как «мыслительный тип» не может составлять логических цепочек собственного же связного рассказа, и также она не может следить за логической мыслью Другого, автора (все это может делать «ботаник»).

Постмодерн рассматривает человека как покупателя и как одомашненное животное. Сегодня Постмодерн активно осуществляет искусственный отбор человека разумного, уже вышедшего из естественного отбора, как и сам человек активно осуществляет искусственный отбор у животных — и это («эволюционная экономика») виртуальный отбор на «ботаников» и «мартышек» («массовидный человек», Ортега-и-Гассет). Такова антропологическая природа экономики («антропологическая экономика»).

8. *Возврат от экономики цивилизации Маркса к экономике культуры Булгакова компьютерным путем: режиссеры и дирижеры.* Разнотипные государства формируют наиболее подходящие для себя разнотипные виды политиков. В мире никогда не существовало законов, запрещающих режиссеру трактовать произведение литературы, как ему будет угодно. В подобном смысле Людовик XIV, заявивший: «Государство — это я», является правителем-режиссером. Режиссером является также Сталин. Однако в настоящее время осуществляется переход между государством с «базисной» экономикой и государством с хозяйственным типом производства: при этом современное государственное хозяйствование осуществляется через компьютерную интерактивность (обратная связь) — между президентом и населением. Сегодня также существуют охранительные законы, которые фактически препятствуют дирижеру трактовать произведение музыки произвольно. Точно так же и «антропологическая интерактивность» исключает всякий политический произвол. В подобном смысле интерактивный политик, который кибернетически гармонизирует государство, является именно дирижером. Это создает органическую (дарвиновского типа) кибернетическую государственную структуру (при этом мониторинг, видеослежение, социальные сети и т. д. необходимы для осуществления интерактивности). Не чистый рынок или чистый план, а интерактивность как органическое единство рынка и плана является наиболее приемлемым вариантом государственной системы.

Режиссер Стреллер называет себя «дирижером драматического театра». Однако дирижеры (Федосеев и Темирканов) зачастую имеют претензии к режиссерам. «Это была музыка гибели... в сравнении с Бахом, Моцартом... она была свинством — но свинством было все наше искусство, все наше мышление, вся наша мнимая культура... музыка эта имела преимущество большой откровенности... Не были ли мы, старые знатоки и почитатели прежней Европы, прежней настоящей музыки... просто глупым меньшинством заумных невротиков, которых завтра забудут и высмеют? Не... умерло ли давно то, что только нам, горстке дураков, кажется настоящим и живым?» [1, 47—48]. Борьба режиссеров и дирижеров происходит не только в оперном театре: она идет и на уровне государства. Так, в эпоху СССР суще-

ствовало опасение, что использование ЭВМ (в качестве незаинтересованного надличностного божества) в управлении государством (при этом сама кибернетическая программа может быть рассмотрена как неприкасаемые для трактовки исполнителями ноты) может поспособствовать отлучению лидеров (в качестве режиссеров) от политической власти. Это и привело к возникновению общеизвестного политического «дела о кибернетике». А сегодня сам политический лидер (и при том именно на антропологическом уровне, как в известном рассказе Днепрова «Игра») и осуществляет «кибернетическое управление» государством («антропологическая кибернетика»).

9. *Космическое будущее как органическое единство цивилизации Маркса и культуры крокодила: Булгаков как диалектик.* Учение Булгакова как плод естественного развития мирового общехозяйственного процесса на следующем, более высоком уровне возвращается (не теряя и промышленного производства) к религиозному регулированию хозяйствования первобытными («хозяйственный крокодил»), чем и замыкает виток истории (так и Ленин писал когда-то о коммунизме). На этом этапе и происходит «возвратное погружение» (относительно капитализма Маркса) культуры (надстройки) в экономическое производство (базис), т. е. — историческая инверсия, замыкающая один из витков спирали (Гегель). В понимании Булгакова хозяйство проистекает из слияния промышленного производства человечества (как преобразованного пищевого поведения человека) с его общечеловеческой «горизонтальной коммуникацией» — с духовностью веры в единого Бога. Подобное слияние происходит путем «вертикальной коммуникации» с Богом на небесах (с учетом технической «вертикали цивилизации» Циолковского). Поэтому у Булгакова дирижером хозяйствования является небесный монотеистический Бог (музыка сфер Пифагора). И тут вся хозяйственная деятельность человечества (по учениям Ясперса и Вернадского) приобретает один генеральный вектор (у Ленина это построение коммунизма). При этом булгаковская «небесная экономика» исторически опирается на поиски Ньютоном в рамках физики «духартути» (алхимия) — как «метафорической основы» физической гравитации (дух ртути только подал ему идею). Булгаковское объединение базиса и надстройки (хозяйство как производство внутри культуры) обосновывает появление авангардного искусства. Так, Баху Барокко приличествует карета, а Малевичу Конструктивизма приличествует ракета. Но если бы Малевич вместо «Черного квадрата» написал бы еще одну версию «Джоконды», то он бы разорвал естественную связь производства и культуры, заявленную Булгаковым. И тогда хозяйство супрематизма (с его «волшебством») превратилось бы в экономику капитализма Маркса.

10. *Экспериментальное доказательство правоты Булгакова.* Научная группа и комиссия из десяти музыкантов (журнал «Times»), используя энцефалографию, магнитно-резонансную томографию и нотный способ записи звуков, сумели записать «музыку мозга», которая оказалась аналогом джаза. Междисциплинарная небесная экономика Булгакова, которая задействует всю Вселенную, вполне реальна именно потому, что она основана на единых законах, которые и являются законами формы (так форма спирали или форма фрактала характерны для многих законов Вселенной). Недавно ученые из университета в Сан-Диего (UCSD), используя сложные компьютерные программы, обнаружили, что все сетевые структуры (мозг, социальная сеть, Вселенная) развиваются по одним и тем же законам. А. Д. Крюков (журнал «Scientific Reports») предполагает, что одни и те же неизвестные законы действуют в разных сферах Вселенной. Крюков смоделировал раннюю Вселенную именно как сетевую структуру. Он разбил Вселенную на мелкие части, а суперкомпьютер связал их вместе: в единую пространственно-временную сеть. По мере расширения сети Вселенной увеличивалось и количество связей между частями. Компьютерную схему роста сети Вселенной сравнили с ростом сети участков мозга и также с ростом современных социальных сетей. Оказалось, что сплошной равномерной сети элементов и причинно-следственных связей на самом деле вовсе не существует. Напротив, зачастую отдельные элементы вовсе не контактируют с себе подобными. Соседние нейроны в рамках мозга вовсе не общаются напрямую, а обращаются ради связи к специальным узлам-посредникам. Поэтому у самых крупных узлов количество связей непропорционально большое. Подобно спирали или фракталу, такой неравномерный узор сети является одной из «эстетических форм», определяющих общие законы Вселенной.

11. *Эстетика как диалектический эффект Кулешова: через Гумилева — от «Домостроя» до Булгакова.* В эпоху Античности родственники покойного снабжали усопшего мелкой монетой, предназначенной для того перевозчика, который доставляет умершего человека за трансцендентальный разруб смерти. Иная связь практической экономики с «положительным трансцендентальным переходом» (т. е. с попаданием в рай) со всей очевидностью обозначена в «Домострое» (где дом является «малой церковью»). «...Это не просто строительство дома — жилища с точки зрения обыденного сознания, а... дома — храма... целостная хозяйственная система...» [2, 218].

В подобном смысле новшество Булгакова заключается в добавлении третьего звена (эстетика) в двучлен «Домостроя» (экономика и религия). «Добавление эстетики» к материальному производству является гегелевским «диалектическим олекаливанием» разрозненных объектов материального количества в идеальное «третье, новое качество»

(как диалектический эффект Кулешова). У Н.С. Гумилева в стихотворении «Слово» (1921) в роли эстетического «лекала качества» выступает именно «слово Бога», а «материальным количеством» экономического производства являются «числа как домашний подъяремный скот» (как «низшая», т. е. внутренняя структура): «В оный день, когда над миром новым / Бог склонял лицо свое, тогда / Солнце останавливали словом, / Словом разрушали города. / И орел не взмахивал крылами, / Звезды жались в ужасе к Луне, / Если, точно розовое пламя, / Слово проплывало в вышине. / А для низкой жизни были числа, / Как домашний подъяремный скот, / Потому что все оттенки смысла / Умное число передает». Леонардо да Винчи также полагает, что математика способна выразить все (даже олекаливание в качестве интегрирования также есть математическое понятие). Таким образом, именно Гумилев растолковывает «эстетическую экономику» Булгакова. Эстетика как качество, превышающее количество (о котором ничего не сказано в «Домострое»), создает пространство «рукотворной ячейки», т. е. «идеальный продукт» производства, функциональной задачей которого является создание «пространственного состояния» (Д.Л. Андреев, «Роза мира»; П. Зюскинд, «Парфюмер»). И.Ф. Анненский («Свечку внесли») описывает возникновение пространственного состояния: «Не мерещится ль вам иногда, / Когда сумерки ходят по дому, / Тут же возле иная среда, / Где живем мы совсем по-другому?» [3]. В данном стихотворении Анненский описывает внезапно проявившуюся «дикую ячейку» (как внутричеловеческий образ), возникшую как проекция булгаковского «прообраза» («...точно розовое пламя, / Слово проплывало в вышине»), гумилевского «слова», платоновской «формы», изначального библейского божьего «логоса» («розовое пламя» как прообраз). Пройдя сквозь очеловеченный мир материи, булгаковский *прообраз* превращается в «образ» (Анненский: «Точно ухом кто возле приник, / Заставляя далекое слушать»): в остывшее до антропологического уровня пламя — внутричеловеческое «голубое пламя» как образ (Анненский: «Лишь из глаз по наклонам луча / Тени в пламя бегут голубое»).

12. *Хозяйственное одомашнивание ячейки: через Гумилева — от Андреева до Булгакова.* Однако все тот же Анненский интересуется не только опьяняющим пространственным состоянием, но также и функциональной бытовой повседневностью. Так же и Бодлер умело сочетает — высокую поэзию, быт, науку. А позже и герой произведения Г. Гессе «Степной волк» диалектически противоречиво характеризуется интересом к быту и любовью к пространственному состоянию. И тут определенно проступает тяга к производственному преодолению косной материи — ради построения «пространственной ячейки» (Йено Бори: замок Боривар в Венгрии, Эдвард Линдскалнин: Коралловый

Замок во Флориде). Теоретической основой этого и является булгаковское софийное эстетическое учение, в котором обозначены три инстанции бытия: идеальный прообраз, материальная вещь, идеальный образ (икона вещи как выражение ее трансцендентального прообраза). В подобном смысле инстанция вещи является рабочим полем, в котором через наполнение материей формы (как прообраза будущего образа вещи), осуществляемое творческим производственным человеком как воспроизводство «святой телесности», может осуществляться построение ячейки («град земной») как одного из образов рая («град небесный»): по представлениям Булгакова человек может создавать произведения искусства непосредственно из самого мира. Поэтому, если Андреев является охотником на самопроизвольные «дикие ячейки» (Анненский, «Свечку внесли»), то, действуя в рамках учения Булгакова (Гумилев, «Слово»), можно даже «одомашнить ячейки» (небесная «проекционная экономика»: прообраз — образ, небесный град — земной град). В отличие от Анненского, сам Булгаков вовсе ничего о ячейках не пишет. Однако через толкование Гумилева становятся понятными «скрытые идеи» эстетического учения Булгакова. По мнению Булгакова, экономика материального мира локализуется между идеальными образом и прообразом, а это значит, что материальное производство вовсе не обязано завершаться «добыванием хлеба насущного в поте лица своего», потому что («религиозная экономика») «не хлебом единым жив человек, но и молитвою». У Булгакова экономика материального мира имеет также и функцию возведения тварного мира — к предвечной красоте Софии как основы бытия и искусства (искусство же имеет теургическую функцию, выходящую за рамки общепринятого искусства: здесь функция искусства — эстетическое преобразование как цельного мира, так и человека). В подобном смысле экономика создает не только обычные потребительские товары, но также и ячейки как произведения искусства в рамках реального материального мира.

Экстраполируя эстетическую теорию Булгакова в рамки произведений Анненского, Гумилева, Андреева, Гессе, можно заключить, что образы товаров (как «иконы вещей» Булгакова) складываются (подобно монтажному фильму Эйзенштейна в голове конкретного «потребителя искусства») в единое эстетическое пространство ячейки как «образ пространства» («икона ячейки» в терминах Булгакова). «...Большой мир вещей... обострять чувства, *оживлять мертвую окружающую среду, волшебным образом наделяя ее...* все было пластическим материалом... магии, очарования...» [4, 184]. При этом у Булгакова образ пространства (*стихотворная ячейка* Анненского) есть выражение его же *божественного* прообраза. «...Другие часы, они приносили потрясения, приносили подарки, ломали стены и возвращали меня, заблудшего, к

живой душе мироздания... играли прекрасную старинную музыку, и между двумя тактами пиано деревянных духовых мне вдруг снова открылась дверь в потусторонний мир, я взлетел в небеса и *застал Бога за работой...* как золотой божественный след, проходящий через мою жизнь... я вдруг *заговорил стихами...* они затаились во мне, как *тяжелый орех в... скорлупе*. Иной раз это находило, когда я читал какого-нибудь поэта, когда я задумывался над мыслью Декарта, Паскаля... когда я бывал с любимой... блаженство, событие, экстаз, воспарение...» [4, 36—38]. В подобном смысле продуктом производства является не только материальный продукт, но также «идеальный продукт»: пространство — ради продуцирования «пространственного состояния» — как одна из возможных граней рая. «В моем театрике столько лож, сколько вы пожелаете... и за каждой дверью вас ждет то, чего вы как раз ищете. Это славная картинная галерея...» [4, 226]. Булгаковская экономика «святотелесности», ведущая за трансцендентальный разруб, «где создается невещественное богатство» [2, 218], является одним из способов служения Богу.

13. Образы торговли и образы ячейки: через Гумилева — от Маркса до Булгакова. Корни «эстетической экономики» как науки уходят в первобытный способ торговли. Чтобы сохранить обменный баланс в рамках конкретного бартерного процесса, нужно на основе общего знаменателя (каковым является именно математика) сопоставить образы («все оттенки») обмениваемых товаров, что и балансирует их стоимости при обмене («Потому что все оттенки смысла / Умноже число передает»). Эстетика Булгакова как эстетика триединства экономики, религии и эстетики основана на едином общемировом процессе последовательной смены материализации и идеализации: идеальный прообраз («розовое пламя») — материальная вещь (хозяйственное производство) — идеальный образ («голубое пламя») как проявление (через математику проекции) божьего прообраза на Земле. На этом же процессе основано также и экономическое учение Маркса: идеальные *деньги* как сопоставление образов через математику (Раушенбах) — материальный товар («Как домашний подъяремный скот») — идеальные *деньги* как сопоставление образов («А для низкой жизни были числа»). Так Гумилев помогает растолковать, как образ из обменной торговли первобытных проникает в учения Маркса и Булгакова с его эстетикой и религией («Бог склонял лицо свое, тогда... Слово проплывало в вышине»).

Хозяйство зародилось на базе бартера как основы торговли и экономики — из религиозной практики «обменной молитвы»: как просьбы, обращенной к языческому богу, взамен обещания человеческой благодарности. Первобытный бартер подразумевает деньги в качестве (относительно обмениваемых образов товаров) подспудной математи-

зированной внутренней структуры каждой конкретной бартерной сделки. А затем в процессе «исторического конструктивизма» деньги как структура обнажаются из-под спуда (аналог: Центр Помпиду в Париже) — и материализуются как самостоятельное явление. При этом сами образы обмениваемых товаров от денег как самостоятельного явления отстраняются («А для низшей жизни были числа»). Теперь сопоставление освобожденных («Слово проплывало *в вышине*. А для *низшей* жизни были числа») от денег образов обмениваемых в торговле товаров (с учетом ценообразования) исторически приводит также и к другому: эстетическому типу сопоставления образов — складыванию образов товаров в ячейку как образ нового («над миром новым») эстетического пространства («икона пространства»), который соответствует божественному прообразу («Бог склонял лицо свое»). Аристотель считает человека творцом, способным к дружбе и *материальному* строительству городов («Словом разрушали города»), конечной целью творчества которого является достижение особого состояния блаженства. Постмодерн с его глобальным отсутствием иерархии (в том числе и иерархии материального и идеального) в качестве принципиального «маргинального отклонения» от материальности «построения городов» не предполагает материального воплощения своих рекламных ассоциативных ячеек. Булгаков актуален именно сегодня, потому что он противопоставит Постмодерну, настаивая на материальности производства «града земного» между образом (создание произведений искусства в рамках самого материального мира) и прообразом как «града небесного» (так в Секешфехерваре Йено Бори строил ячейку как один из образов рая в 1912—1959 гг., а в Хомстеде Эдвард Линдскалнин строил ячейку как другой из образов рая в 1920—1951 гг.). В подобном смысле и «чудо Грина», которое создают своими собственными руками («Алые паруса»), и есть булгаковская «материализация ячейки».

Бренд Постмодерна (Маркс, «надстройка») есть миф неязыческой и отказавшейся от культуры с ее обременительными запретами, современной цивилизации (Маркс, «базис»). Заслуга же Булгакова заключается в том, что его учение (через единобожие и материальное производство) окультуривает современную цивилизацию Постмодерна, лишая виртуальности ее ячейки, создаваемые брендами как «мифами цивилизации». В сфере торговли и материального производства путь от многобожия к единобожию является путем от бартерного «торгового сопоставления» образов к эстетическому «монтажному сопоставлению» образов (что аналогично биологической эволюции от одноклеточного организма к многоклеточному организму). Именно в эстетическом учении Булгаков со всей определенностью показывает, что Бог — это верховный дирижер экономики, но экономики в чрезвычайно

широком смысле: «В оный день, когда над миром новым / Бог склонял лицо свое, тогда / Солнце останавливали словом, / Словом разрушали города». Такова «эстетическая история экономики», изложенная Булгаковым и растолкованная Гумилевым.

Литература

1. Гессе Г. Степной волк. СПб., 2004.
2. Юдина Т.М. Соединить несоединимое в контексте воспроизводственного обустройства евразийского пространства: домострой и домостроительство // Евразийская интеграция: геостратегический аспект. М.; Ростов н/Д, 2014.
3. Анненский И.Ф. Свечку внесли // Кипарисовый ларец. Трилистники (1906). Ч. I. Трилистник сумеречный // az.lib.ru.
4. Гумилев Н.С. Слово (1921) // Строфы века. Антология русской поэзии. Минск; М., 1995.

С.Ю. СИНЕЛЬНИКОВ

Домоупроение в рамках семейного хозяйства (современный опыт)*

Сердечная благодарность И.В. Фоменкову, подвижнику и хозяину

Знает один, познают многие.

С.Н. Булгаков

Аннотация. Статья посвящена феномену домоупроения, духовным правилам семейного хозяйства.

Ключевые слова: домоупроение, семейное хозяйство, духовничество.

Abstract. The article is devoted to a domostroy phenomenon, spiritual rules of family economy.

Keywords: domostroy, family economy.

И да будет так!

Состоит же духовное домоупроение из нескольких основных частей: некоего *устава о мирском устройении*, или о том, как жить мудрым хозяевам в миру и ладу с их женами, детьми и домочадцами, как

* Окончание. Начало см.: *Философия хозяйства*. 2014. № 3.

наставлять и научать их, сохранять в чистоте, душевной и телесной, заботиться о них, ибо сказал Господь: «Да будете оба в едину плоть».

Найдется должное место и *правилам домовного устройства*, или как приучать к нему супругу и детей, а также людей, помогающих по хозяйству, и как запасы всякие заготовливать — и хлебный, и мясной, и рыбный, и овощной и вообще о домашнем хозяйстве, особенно о его наиболее сложных делах.

Роль хозяина-мужчины. В современном семейном хозяйстве она должна без сомнения постепенно и постоянно возрастать. Начинаться это может со сферы теологической, иными словами, в области веры. «И приискать ему надобно в церкви отца духовного, доброго, боголюбивого и благоразумного, рассудительного и твердого в вере, который подаст пример, а не потаковщика, пьяницу, не сребролюбца и не гневливого. Такого следует почитать, исповедоваться ему без страха и стыда, а наставления его исполнять *строго и разумно*. И не следует ни бранить их, ни осуждать, ни укорять, а если же станет духовник за кого просить, выслушать его, да наказать виновного по вине смотря, но прежде все обсудив» [1, 118].

Среди некоторой части верующих наблюдался и наблюдается культ *старчества*. И вполне резонно возникал и возникает вопрос — *кто они — старцы?*

Старцы — *избранники, которые помогают народу идти к Господу*. Если конечный пункт дороги приводит не к Богу, а к старцу, это духовно опасно. Если же после прихода к старцу продолжается дорога к Спасителю (крепнут обратные связи с Высшими Силами), то это правильный путь. Такие старцы, как *архимандрит Иоанн (Крестьянкин)*, как *архимандрит Кирилл (Павлов)*, как *протоиерей Николай Гурьянов с острова Залит*), никогда не принимали личного почитания, они считали и считают себя недостойными этого. Как любил говаривать отец Иоанн (Крестьянкин): «Какие мы старцы? Это раньше были — оптинские, валаамские, а мы теперь только название приняли».

Вместе с тем отец Иоанн обладал редчайшим даром рассуждения и обладал он этим даром в необычайной степени совершенства. Святые отцы говорят, что этот дар даже больше, чем любовь. Еще один уникальный факт из жизни отца Иоанна (Крестьянкина) — архимандрит Иоанн: *живя в монастыре и будучи огражден от суеты мира, был в курсе всего, что происходило за стенами обители* (компьютеризация, ИНН, глобализация и т. д.). Отец Иоанн на самом-то деле был ученый монах. И даже написал диссертацию, о чем стало известно из его посмертных книг. И свои советы он черпал не только из опыта, а опирался на твердое знание.

Роль подобных людей в Церкви велика. Отец Иоанн шестьдесят лет окормлял, можно сказать, всю Россию. Он наглядно показал в себе

самом, что такое настоящее христианство, а он являл последнее: что такое кротость, незлобие, что такое послушание, что такое мудрость, прозорливость и что такое любовь. Прозорливо называли и называют таких людей «стратегическими молитвенными силами». И не зря.

Прихожане, так желавшие его увидеть, узнавали старца по свету, свету божественному и нетварному. Спокойствие, чувство умиротворенности и благодати, пронизательный и быстрый взгляд, который одновременно и приятен и отражал, как зеркало, все грехи и немощи, все ошибки прихожан. А еще чрезвычайно много значило сердечное, непередаваемо ласковое обращение старца, когда он окутывал своей Любовью и по двадцать-сорок минут удерживал людей при себе. Удивительной способностью, свойственной отцу Иоанну, было радостное состояние при невозмутимом спокойствии духа.

Конечно, было бы великим счастьем для верующих иметь своим духовником столь редких и великих старцев, но даже отец Иоанн (Крестьянкин) предостерегал от чрезмерного культа этих мудрецов в повседневной жизни прихожан и, как в древних писаниях и документах («Домострое», например), советовал обращаться к иным церковнослужителям и выбирать семейных духовников из их рядов.

Правда, существовали и существуют незыблемые правила и требования, которыми должны руководствоваться прихожане в выборе семейного или собственного духовника.

Первое. Не надо пытаться заставлять вашего духовника жить и думать за вас. Духовник призван благословлять решения, продуманные вами, а не диктовать своим чадам тот или иной шаг. Садитесь-ка в семейном кругу, да подумайте, посчитайте, хватит ли у вас сил и средств на то или иное задуманное дело, и с Божией помощью живите и реализуйте намеченное. В противном же случае, если ваш духовник берется за то, что делать не должен, часто возникают надломы в ваших с ним отношениях, а Высшие Силы посрамляют и ваши надежды, и его (духовника) усилия. Сам отец Иоанн писал: «Духовник не может жить за вас, этого никогда не было и не будет. И не спешите кого-то называть своим духовником».

Второе. Обычные приходские священники зачастую говорят, что надо делать, и слушаться их необходимо беспрекословно. Мудрецы (старцы) говорили и говорят — думай и решай сам. И проходит много лет, пока верующий поймет разницу в Церкви между духовной жизнью и администрированием. Если мудрецы-старцы-духовники не имели административной власти, то он может предоставить вам полную свободу решать и прокладывать свой путь в соответствии со своими наклонностями и способностями. Благословение вашего духовника означает подтверждение Церковью верности вашего выбора. Наряду с этим в приходской жизни понятие «благословение» часто означало и

означает приказание, которое должно быть исполнено, невзирая на жертвы и склонности. И впадают прихожане зачастую в противоречие, принимая «имеющих вид благочестия, от силы Господа отречшихся» за своих духовников. А это весьма опасно.

Поэтому не забывайте главное: *Духовничество — это отцовство*, когда в муках рождения духовник освобождает от пут греха и от неведения в человеке тот образ Божий, который ему дан, указывает путь к подобию.

Молитвенный процесс и посещение церкви хозяином дома должны становиться все более органичными и неотъемлемыми атрибутами внутренней жизни семьи. Кто знает церковную грамоту, может отпевать вечерню и навечерню, в тишине и со вниманием, предстая смиренно с молитвою, петь согласно и внятно, дома после вечерней службы не пить, не есть и не болтать никогда [1, 125]. Ну, а если петь некому, то побольше молиться и вечером, и утром. Очень желательно мужьям-хозяевам не пропускать церковных песнопений, а женам и домоладцам — уж как получится и как решат (в воскресные и праздники и в святые праздничные дни).

Молитвы *верующих христиан* по своему содержанию и охвату чрезвычайно объемны и глубоки: о своих прегрешениях и об отпущении грехов, о здравии правителей государства и родных их (ежели верующие оне), о воинстве страны, о помощи против врагов, об освобождении пленных, о святителях, священниках и монахах, об отцах духовных, о болящих, о заключенных в тюрьмах, — и за всех христиан. *Женам* же полагается молиться о своих прегрешениях — и за мужа своего, и за детей, и за домочадцев, и за родных, и за духовных отцов.

«Многие люди думают, — писал Архимандрит Иоанн (Крестьянкин), — что жить по вере и исполнять волю Божию очень трудно».

Обычно человек полагает, что Творец требует от него очень больших дел, самого крайнего самоотвержения, всецелого уничтожения его личности. Человек так пугается этим мыслям, что начинает страшиться в чем либо приблизиться к Богу, прячется от Бога, как согрешивший Адам, и даже не вникает в слово Божие. Все равно, — думает, — ничего не могу сделать для Бога и для души своей, буду уж лучше в сторонке от духовного мира, не буду думать о вечной жизни, о Боге, а буду жить как живется».

У самого входа в религиозную область существует некий «гипноз больших дел» — делать какое-то большое дело — или никакого. И люди не делают никакого дела для Бога и для души своей. Удивительно: чем больше человек предан мелочам жизни, тем менее именно в мелочах хочет быть честным, чистым и верным Богу. А между тем через правильное отношение к мелочам должен пройти каждый человек, желающий приблизиться к Царствию Божию.

Зачастую он хочет войти в Царствие Божие совершенно для себя неожиданно, магически чудесно или же — по праву, через какой-то подвиг. Но ни то, ни другое не есть истинное нахождение высшего мира. Не магически чудесно входит человек к Богу, оставаясь чуждым на земле интересам Царствия Божия, не покупает он ценностей Царствия Божия, какими-то внешними поступками своими. *Поступки нужны для доброго привития к человеку жизни высшей, психологии небесной, воли светлой, желания дорогого, сердца справедливого и чистого, любви нелицемерной.* Именно через малые, ежедневные поступки это все может привиться и укрепиться в человеке.

Мелкие хорошие поступки — это вода на цветок личности человека. Совсем необязательно вылить на требующий воды цветок море воды. Можно вылить и полстакана (но вовремя и регулярно), и этого будет достаточно, чтобы уже иметь для жизни большое значение. Совсем не надо человеку голодному или давно голодающему съесть полпуда хлеба — достаточно съесть полфунта, и уже его организм воспримет.

Лучшие дела — всегда есть дела во имя Христово, во имя Господне. Благословен грядущий во имя Господне, во имя Христа.

Ведь ясно, что поступки наши могут быть, и часто бывают, эгоистичны, внутренне корыстны. Господь советует посему приглашать к себе в дом не тех, кто может нам воздать тем же угощением, пригласив, в свою очередь, нас к себе, но чтобы мы пригласили к себе людей, нуждающихся в нашей помощи, поддержке и укреплении. Гости наши иной раз бывают рассадниками тщеславия, злословия и всякой суеты. Другое дело — добрая дружеская беседа, человеческое общение; это благословенно, это укрепляет души, делает их более стойкими в добре и истине. Но культ неискреннего светского общения — болезнь людей и себя ныне истребляющей цивилизации.

Если бы люди были мудры, они бы все стремились на малое и совсем легкое для них дело, через которое могли бы получить себе вечное сокровище. Великое спасение людей в том, что *они могут привиться к стволу вечного дерева жизни через самый ничтожный черенок — поступок добра. Доброе... самое малое может произвести огромное действие.*

Итак, малое, самое легкое добро оставил на земле Творец творить человеку, взяв на себя все великое. Но и самому движению вверх противостоят воздух и земля. *Всякому, даже самому малому и легкому добру противостоит косность человеческая. Всякий человек, живущий в мире, привязан к обычному и привычному.* Привык человек к злу — он его считает своим нормальным, естественным состоянием, а добро ему кажется чем-то неестественным, стеснительным, для него непосильным. Если же человек привык к добру, то уже делает его не

потому, что делать надо, а потому что он не может его не делать, как не может человек не дышать, а птица — не летать. Верный в малом оказывается верным и в большом. Не надо думать ни о каком великом самопожертвовании и ни в коем случае не пренебрегать в добре мелочами.

Выдумайте в необходимом случае какую угодно нелепую ложь, но не говорите в ежедневном, житейском обиходе неправды ближнему своему. Оставьте в стороне все рассуждения: позволительно или непозволительно убивать миллионы людей — женщин и детей, стариков; попробуйте проявить свое нравственное чувство в пустяке: не убивайте личности вашего ближнего ни разу ни словом, ни намеком, ни жестом.

И оставим большое и трудное, оно для тех, кто любит его, а для нас, еще не полюбивших большого, Господь милостью Своею приготовил, разлил всюду, как воздух и воду, малую любовь [2, 217—226].

Литература

1. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 2008.
2. Непознанный мир веры. М., 2012.

Т.Г. ТРУБИЦЫНА

Малые города России — жизненное пространство людей*

Аннотация. Статья посвящена проблемам жизнеустройства малых городов России.

Ключевые слова: малые города, Россия, жизненное пространство.

Abstract. The article is devoted to problems of a living arrangement in Russia's small towns.

Keywords: small towns, Russia, living floor space.

Самые понятные людям, самые привлекательные цели, лозунги — самые простые. Как в революцию — земля крестьянам, фабрики рабочим. Те, что и привлекли-вовлекли людей в переустройство мира.

И вот — вполне понятная, совершенно ясная простая цель — *формирование для человека — нашего человека — благоприятной среды*

* По следам I научно-практического симпозиума «Средняя Россия: земля и люди (проблемы эффективного хозяйствования и перспективы полноценного бытия)» (Тамбов, 20 — 21 июня 2014 г.).

обитания. Маленькая такая, казалось бы, цель, которая должна необходимо влиться в грандиозные программы развития страны.

Конечно, это широкое понятие — среда обитания человека: и материальная жизнь, и экология, и образование, и здоровье людей. И сознание, и даже идеология. И следствие всего этого, самое важное — увеличение продолжительности жизни человека. Возможность прожить долгую насыщенную жизнь. И *обустройство жизни человека.* Или *перспективы полноценного бытия.*

И тут еще одна сторона — важная, которая, как нам кажется, далеко не на первом месте среди забот страны. А именно — сделать уютными наши города, городки, села, поселки, деревни. Где живет Россия. Сделать их домом — в широком смысле. Привести в порядок свою планету. Привести в порядок свою Россию. То есть обустроить жизненное пространство человека.

Да, Москва — монстр, но ухоженный монстр. Не лишенный дьявольской красоты. Здесь не увидишь на центральных улицах, да и во дворах, лопухов с колючками. Но не о Москве сейчас речь. Кто-то сказал — когда я выезжаю за МКАД, я попадаю в Россию.

А что же Россия? Небольшие города, районные центры, поселки городского типа, сельские поселения... Часто, очень часто — случайное нагромождение непонятных построек. Непонятного назначения. Без согласия с окружающей природой, бессмысленных. Кто их сюда «поставил»? Когда? Зачем? Об облике города и речи нет. Старательно делают, чтобы не осталось ни одного красивого здания. Закрывают, застраивают уродствами красивые дальние природные виды (это и для Москвы проблема).

Легко увидеть — старина — то, что построено нашими предками, — это красота, органично вписывающаяся в окружающую местность, в природу. Старинные храмы, старые необычные дома... глаз отдыхает, радуется. Хочется смотреть — любоваться, отмечать мелочи. Видно, что люди думали, когда создавали, может, и для нас — даже, возможно, предполагали, что через века кто-то ахнет от этой красоты — подбирали место с душой. Чтобы в согласии с окружающим миром.

И, конечно, природа — сильная — сильнее человека, которая может пока еще скрыть убогость деяния человека.

А что сегодня? Что — на века? Вот Псков — на каждом шагу храмы XII—XIII вв. Сердце замирает от красоты. А рядом с храмом труба торчит откуда-то — дом полуразрушенный, перекошенный — сарай-урод — пятиэтажка ободранная — вроде люди живут, белье висит на веревке. Остановка покосившаяся, переломанная с дурной надписью — ненужная, автобус-то давно не ходит. Лужи в районных центрах — еще со времен Салтыкова-Щедрина не просыхают. Кривой забор рядом. Надписи убогие. Палатка какая-то — ни к селу, ни к городу. Нет

ни цветов, ни сквера... Заросли ненужных сорных деревьев — канадских кленов — которые растут и растут каждый год — где хотят — и никто их не вырубает. Лопухи, колючки, а то и борщевик на подходе — захватывает территории до центральной площади.

Часто даже в городах так называемого Золотого кольца приведена в порядок только главная улица, «ведущая к храму». Переславль Залесский, Ростов Великий... Для туристов, для иностранцев. А ступи шаг в сторону — во дворы, в задние улочки — все то же. Контейнеров для мусора нет, а если и есть — то полны, и рядом гора мусора. И везде пустые пластмассовые бутылки. Тоскливо, тоскливо во дворах домов, на улочках. Часто все не к месту. Безвкусица. Гаражи попереk площадок — то влево, то вправо.

Бедность? Но в любом населенном пункте появились, да и появляются в большом количестве, «богатые» дома — с башенками (часто «спина к спине» к покосившемуся сараю). И также — ни к селу, ни к городу. Кто там живет? Что они видят, выезжая из своих гаражей и по пути на работу? Или отворачиваются? Не они ли причастны к заботам об обликах своих малых городов и поселков? И везде заборы, заборы, заборы... несчастье наших городов — больших и малых.

Всем известны трудолюбивые руки дачников, владельцев частных домов — умеют «наши» люди обустроить свои участки... Но... за своим забором. Нет у нас привычки украшать, заботиться о том, что на улице, рядом с домом. Что вокруг. Мало цветов вокруг домов. А часто и неопрятность — куча песка, кузов от автомобиля, старая телега, труба...

Дети подрастают — выходят в свой двор — они должны вокруг себя красоту видеть. Уют родного угла. Тогда вырастут людьми. Вспоминать будут свой угол родной. Любить... И главное — сами будут лучше. Ведь мир прекрасен. В нем уютно и приятно жить.

Как-то проехав на поезде по Европе — я увидела (правда, всего лишь из окна вагона) малые городки Германии, Франции, Польши... Как игрушечные — в центре красивая церквушка, костел, аккуратные домики как под копирку, центральная площадь, столики перед кафе, современные постройки органично вписываются в старину... цветы, цветы, все балкончики украшены цветами, зеленью. Спокойные люди. Да, это не наше. И где-то даже противно нашей душе. Но ведь и мы можем. Свое. То, что нам близко. А ведь лучше нашей природы, наших просторов, наших видов и церквушек нет...

Так как же решать эти проблемы? Взгляд из Москвы, такой не любимой многими россиянами — за ее богатство, но и за красоту. Но много ли надо, чтобы в районном центре Нижегородской области на главной площади вырубить ненужные сорные деревья, посадить цветы, красивые деревья. Но со вкусом... а не в куче. Продумать — как

лучше. Снести развалившийся сарай. Приглядывать за лопухами на газонах... чтоб не поднимались в человеческий рост. Дорого ли это стоит? Установить контроль, ответственность жильцов за пространство перед жилищем. За улицу — за то, что на виду. Специально людей выделить, которые отвечают за это. «Дизайнер по городскому ландшафту» — в любом городке, в любом селе. И со статусом высоким. Расчищать, цветы сажать, вырубать сорные деревья. Определить хорошие зарплаты из бюджета города. Чтобы желающие были. Проверять. Иначе не получится. Технику малую закупить и выделить. Особенно в малых городах, районных центрах. Сначала будут рушиться, ломать — сразу исправлять. Чинить. Потом постепенно привьется. Сами исправятся. Деньги на это выделять, технику, людей. Программу принять.

Пусть в ущерб чему-то другому. Может быть, и нефтяной дождь золотой сюда направить. Надо, чтоб за каждый кусочек какой-то человек отвечал головой. Конечно, помогать — выделять средства из бюджета. Малую технику направлять на эти цели. Объявить войну пластмассовым бутылкам, что плавают по всем озерам, лесам и рекам. Даже в первозданной Сибири. В нехоженных местах (?). От них скорей «задохнемся», чем от кризиса. Нужны контейнеры, контейнеры, контейнеры.

Есть, конечно, есть обратные примеры, где руководители города — хозяева в своем доме-городе. Может быть, все дело в людях? Можно вспомнить Н.М. Карамзина: «Дайте 50 (хотя бы!) честных губернаторов России, и она подымется». Честных, рачительных хозяев... Для которых их город, их земля — это их дом. Недавно услышала слова молодого человека: хочется любить Россию, а не получается. Больно укололи эти слова.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**



В.И. Корнякову — 85 лет

Профессор *Василий Иванович Корняков* — редкий феномен для странного времени, расположившегося вальяжно и вопросно на просторах Земли-матушки. Честный, знающий, собранный, он работает не для себя, а для людей, для страны, для человечества и, грамотнейший политэконом, старается донести до сограждан-сожителей кое-какие важные для их же выживания истины, но, убеждаясь в слепоте и глухоте образованных современников, не теряет ни надежды, ни присутствия духа, ни гражданского энтузиазма.

В.И. Корняков — большой ученый настоящий подвижник, светлый человек, надежный товарищ.

Многая лета, многая труда и многая удовлетворение Вам, дорогой Василий Иванович!

* * *

Писателю В.Я. Курбатову 75 лет

Исполнилось 75 лет замечательному русскому писателю, критику, литературоведу, непревзойденному мастеру русского письменного и устного слова *Валентину Яковлевичу Курбатову* — действительному члену Академии философии хозяйства, большому другу российских ученых-гуманитариев, объединенных ЦОН при МГУ.

В.Я. Курбатов — следящий: за движущейся прихотливо русской гуманитарной мыслью, ее живо воспринимающий и пророчески поддерживающий, — чем нам — ученым — особенно и дорог!

Но и мы — ученые — тоже следим за курбатовской мыслью: сочной, кружевной, задевающей, испытывая искреннюю радость от того, что есть во Пскове кудесник русского слова, нам близкий и для нас ценный, что и вдохновляет нас на самые наилучшие в адрес Валентина Яковлевича пожелания, а конкретно, он и сам хорошо знает!

* * *

60 лет А.В. Бузгалину

Александру Владимировичу Бузгалину исполняется 60 лет. Не верится, но это так! Воспользуемся благоприятным случаем, чтобы отметить не одну лишь добрую физическую форму Александра Владимировича, совсем не соответствующую выпавшему на него возрасту, а

и огромный вклад А.В. Бузгалина в отечественную и международную гуманитарную мысль, в политическую экономию, в обществоведение, как и в общественно-политическую жизнь страны, Европы, мира. Продолжая творчески развивать марксизм, А.В. Бузгалин смог дать содержательные трактовки современности, заслуживающие не одного читательского внимания, но и большого ученого признания.

А.В. Бузгалин — непреходящий участник научных мероприятий, проводимых ЦОН при МГУ, лабораторией философии хозяйства, постоянный автор журнала «Философия хозяйства» и коллективных монографий, издаваемых Центром и лабораторией.

Творческая и деловая дружба с А.В. Бузгалиным — предмет счастливого сообщества интеллектуалов, объединенных Философско-экономическим ученым собранием, Академией философии хозяйства! Так держать, Александр Владимирович, и все будет у Вас и у нас замечательно!

* * *

В сентябре 2014 г. **Михаил Михайлович Гузев** за большой содержательный и организационный вклад в фундаментальную экономическую науку и высшее гуманитарное образование, за высокое гражданское подвижничество награжден медалью С.Н. Булгакова «Свет Невечерний».

* * *

А.М. БЕЛЯНОВА, С.В. КАЙМАНАКОВ

Новое интегральное общество

Аннотация. В рамках мероприятий, посвященных 210-летию кафедры политической экономии экономического факультета МГУ, в июне 2014 г. проблемной группой «Закономерности воспроизводства и экономического роста» совместно с Центром российской экономической модели кафедры был проведен круглый стол, участники которого обсуждали проблемы конвергенции двух систем — капитализма и социализма. В статье подведены итоги этого обсуждения.

Ключевые слова: конвергенция, смешанная экономика, интегральное общество.

Abstract. Within the framework of the events dedicated to the 210th anniversary of the Department of Political Economy Faculty of Economics, Moscow State University, in June 2014 the problem group «The patterns of reproduction and growth», together with the Center of the Russian economic model of the department held a round table, where participants discussed the problems of convergence of the two systems — capitalism and socialism. The article summarized the results of this discussion.

Keywords: convergence, planning and market economy, integral society.

Профессор Международного университета в Москве, д.э.н. **Г.Н. Цаголов** представил доклад «Концепция нового интегрального общества», в котором показал, что из практики мирового развития последних десятилетий следует: социализм в чистом, или «беспримесном», виде неэффективен, неустойчив, а потому потерпел поражение не случайно. Вместе с тем жизнь опровергла и утверждения о капиталистическом «конце истории». Неоспоримые факты говорят о том, что на смену капитализма и социализма приходит новое интегральное общество (НИО). Гипотезу о НИО впервые пророчески высказал великий русский социолог П.А. Сорокин. Среди экономистов раньше и глубже всех эта тенденция нашла отражение в работах известного американского теоретика Дж. Гэлбрейта. Именно этот конвергентный, или интегральный, тип общества и экономической системы, впитывающий в себя преимущества капитализма и социализма и отсекающий по возможности их недостатки, должен найти отражение в новой политической экономии. Без теоретического воспроизведения этой новой социально-экономической системы политэкономия в широком смысле слова не может сегодня выглядеть убедительной и завершенной. Исходная категория, или отношение («экономическая клеточка»), для капитализма была открыта К. Марксом (товар, товарное отношение). Для социализма соответствующая теория была разработана 40 лет назад университетской школой (народнохозяйственная планомерность). Она стала наиболее глубоким отражением рассматриваемого объекта в научной литературе. Представители университетской школы признавали, что уже в позднем капитализме появляются «зародыши социализма». Рыночный механизм дополняется государственным централизованным планированием.

По мнению докладчика, к такому конвергентному состоянию с капиталистической стороны раньше других и ближе всего подошли Скандинавские страны. Встречный процесс шел в грамотно проведенных рыночных реформах прежних социалистических государствах.

Там плановую систему не разрушали. К ней постепенно добавляли капитализм. Итог — биполярная система новой смешанной, или интегральной, формации как реальность и императив современного развития. В самих этих странах не случайно иногда говорится о «двухколейной экономике». Законы развития социализма и капитализма одновременно действуют во многих странах. Причем в Китае и Вьетнаме такое развитие предполагается на многие десятки, если не сотни, лет вперед.

Жизнь показала, что именно этот интегральный строй (способ производства) идет на смену и капитализма, и социализма. И новая политическая экономия должна не только не отрицать западный экономикс, но и включить наиболее важные его разделы в свой состав в качестве надстроечных элементов этой науки. Экономикс без политэкономии не глубок. Но и политэкономия без экономикса — не вполне конкретна. Продуктивен их синтез. Обновленный учебник по политической экономии будет чрезвычайно важен и в качестве плацдарма для создания новой идеологии России, о чем в последние годы говорится много, но пока безрезультатно. Нельзя строить идеологию без предварительного выяснения того, в каком обществе мы сегодня живем и к какому должны стремиться. Так что существуют возможности для теоретического прорыва и на этом направлении.

Концепция НИО, с точки зрения Г.Н. Цаголова, имеет не только теоретическую, но и практическую значимость. Нынешняя неблагоприятная ситуация в экономике нашей страны — производная господствующего в стране строя, созидательные и конкурентные начала в котором подмяты отношениями монополистического господства и подчинения, неизбежно выдвигающими на авансцену экономической жизни тенденции паразитизма и загнивания. Нам требуется менять, причем коренным образом, не только политику, но и саму экономику. Требуется найти выход из бюрократическо-олигархического капитализма и совершить переход к НИО.

Профессор Института экономики РАН, д.э.н. **С.С. Дзарасов** подчеркнул исключительную актуальность постановки автором доклада вопроса о планово-рыночной модели экономики. Что касается России, то после отказа от практики планирования и с началом либерализации и приватизации экономики показатели ее развития сразу покатались вниз. Сейчас с трудом происходит восстановление советского объема производства, что ошибочно называется ростом экономики. С ухудшением экономических показателей происходило также ухудшение социальных условий жизни людей. Такая ущербная для основной массы населения модель экономики выгодна тем, кто прибрал к рукам основ-

ные богатства страны. Произошла переориентации экономики на экспорт природных ресурсов. Независимая в советский период экономика превратилась в зависимую (периферийную) в капиталистический период. Наши капиталы потоками текут за рубеж. Принятая нами по чужим рекомендациям чисто рыночная модель экономики гибельна для нас. Поэтому необходимо от нее отказаться и по примеру успешно развивающихся стран принять соответствующую нашей традиции и специфике планово-рыночную модель экономики. По мнению выступающего, важнейшее условие принятия этой модели — исключение крупного капитала, который не совместим с неизбежными ограничениями планового ведения хозяйства. Оно должно ориентироваться на частный малый и средний бизнес, а крупная собственность должна быть собственностью государства и развиваться под его непосредственным контролем.

Главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, д.э.н. **Э.П. Пивоварова** отметила, что принципиальные различия между тем социализмом, который предсказывался основоположниками марксизма-ленинизма, и реальной жизнью привели ученых КНР к выводу о необходимости проведения реформы экономической системы, начатой с конца 1970-х гг. В КНР отказались от мышления категориями классового антагонизма и очень постепенно, но открыто и легально допустили в рамках социалистического государства формирование регулируемой на макроуровне рыночной экономики, плюральной структуры собственности и распределения, отведя на их существование, по сути, не ограниченный во времени срок. В результате КНР стала одной из немногих стран, где идея эффективности рыночной экономики, взятая у капитализма, соединялась с идеей социальной защиты трудящихся, сохраненной от социализма. Вносимая в ходе рыночного реформирования экономики социальная плата оказалась сильной для населения, качественные параметры жизни которого постепенно, но верно улучшались на протяжении всех лет реформы.

По мнению Э.П. Пивоваровой, тот общественно-экономической строй, который сегодня называется в КНР «социализмом с китайской спецификой», является конвергентной по своей сути «смешанной экономикой», где принятием идеи «трех представительств», расширяющей «социальную опору» руководства страны допущением в правящие органы страны частных предпринимателей, в определенное соответствие с «многоцветным» базисом приведена и политическая надстройка. Где — и это самое главное — осуществляется «социальный контроль над производством» как необходимое условие создания рыночного хозяйства в многонаселенной и недостаточно развитой стране.

Профессор, д.э.н. **В.М. Кульков** (МГУ), поддержав общую направленность доклада о перспективности смешанной (конвергентной, интегральной) экономики, отметил необходимость большей конкретизации и детализации ее характеристик. Необходимо объяснить объективность оснований смешанной экономики, коренящуюся, очевидно, в противоречивости развития индустриального и постиндустриального базиса и современных мировых социально-экономических тенденций. Следует видеть множественность параметров смешанной экономики: смешанность по способу координации, по способу присвоения, по структуре собственности, по формам хозяйствования и т. д. Надо показать единство всех видов смешанности в рамках целостной системы. Необходимо акцентировать внимание на конкретных механизмах и формах реализации смешанности. Важно понимать наличие (наряду с общемировыми) и собственно российских оснований смешанности экономики, включая действие уникальных пространственного и природно-климатического факторов, регионального разнообразия и т. п. Формирование теоретической системы смешанной экономики так или иначе происходило в рамках различных направлений экономической теории, однако претензия на мегарешение указанной проблемы чрезвычайно сложна, поскольку она предполагает в идеале синтез всех существующих парадигм. И в теоретико-методологическом аспекте, и в реальной практике смешанная экономика оказывается жизнеспособной, если она реализуется как «структура с доминантой»: попытки ее построения по принципу «фифти-фифти» ведут к разрушению системы.

Профессор, д.э.н. **Р.Т. Зяблюк** (МГУ) выступила против идеи, согласно которой современная развитая экономика образуется в результате искусственного отбора лучших сторон капитализма и социализма. Реальные, начиная с XX в., факты сосуществования рыночного и централизованного регулирования экономики, частной и государственной собственности, процесс социализации обществ выражают внутреннюю эволюцию капитализма, постепенное и все расширяющееся преодоление пределов роста эффективности, содержащееся в рыночном механизме, частной собственности и отношении наемного труда и капитала. Реставрация капитализма в России произошла отнюдь не из-за исчерпаемости возможностей социализма либо тупиковости этого направления главным образом вследствие внешних причин, в том числе навязанной нам разорительной гонки вооружения. Внутренние недостатки, разумеется, имелись как и в любой стране, но они не были губительны. Тенденции современной «смешанной» экономики рыноч-

ного типа определяются уровнем производительных сил, технологического развития современных стран.

С критическими замечаниями по докладу выступила также доцент, к.э.н. **Е.В. Красникова** (МГУ). По ее мнению, концепция конвергенции, разработанная западными учеными и поддержанная некоторыми российскими, не представляется убедительной, так как ею зафиксировано чисто внешнее сходство капитализма с социализмом, а именно: государственная собственность, государственное регулирование, социализация экономического развития. Однако все эти явления имеют в них принципиально разное происхождение, разные масштабы, разные механизмы действия. Тем более социализму, ключевой признак которого — доминирующее положение государственной собственности, чужды рыночные отношения, и в этом смысле социализм сродства с капитализмом не имел. Но и капитализм в сторону социализма не развивался: государственная собственность заняла преимущественно ниши по производству общественных благ; не только директивное, но даже индикативное планирование не получило всеобщего распространения; не реализуется принцип всеобщей гарантированной занятости и т. д. Никаких признаков сродства с капитализмом социализм не имел. Более того, даже «социализм с китайской спецификой» постепенно утрачивает все признаки социализма. Уже на современном — «начальном» — этапе преобразований государственная собственность составляет не более 35% производства ВВП, происходит широкое привлечение ПИИ, преобразуется банковский сектор в направлении расширения участия в нем частного капитала.

Е.В. Красникова подчеркнула, что концепцией конвергенции по существу отвергается формационная концепция Маркса, принцип единства производительных сил и производственных отношений. Этапу индустриализации имманентны именно отношения наемного труда и капитала, подмена может быть только насильственной с неизбежными катастрофическими последствиями (в постсоциалистических странах в облике трансформационного спада).

Ведущий научный сотрудник, к.э.н. **С.В. Кайманков** (МГУ) обратил внимание на то, что теоретическое обоснование нового интегрального общества опирается на достаточно успешное применение его принципов в реальной практике многих стран. Что касается современной хозяйственной системы, то, в первую очередь, встает вопрос о ее регуляторе. Как человек, имеющий только одну руку, является инвалидом, неполноценным субъектом, так и регулирование экономики только с одной «невидимой рукой рынка» и «култышкой» государственного управления тоже неполноценно. Обязательно нужна «вторая

рука» — современное общенациональное планирование. Особенно это актуально для России, поскольку все хозяйственные процессы в ней происходят в неблагоприятных природно-климатических условиях и при высокой геополитической уязвимости, что прямо отражается на проблеме обеспечения национальной безопасности. Кроме того, наша страна имеет большой опыт использования народнохозяйственного планирования. «Разделение труда» между этими двумя регуляторами может быть следующим. Стратегическое планирование должно заниматься будущим — изучением перспективных потребностей на основе долгосрочного прогнозирования, выявлением прогрессивных тенденций и структурных сдвигов в экономике и, главное, их реализацией путем направляющего воздействия экономического центра на хозяйствующие субъекты. С удовлетворением текущих потребностей лучше справляется рыночный механизм. С точки зрения инновационного процесса в долгосрочном плане преимущество имеет программное планирование, планирование по приоритетным объектам, формирование высокотехнологичных кластеров и т. д. В краткосрочном и среднесрочном периоде предпринимательство как ведущий элемент рыночной системы путем непрерывного генерирования инноваций, их коммерциализации, динамичного расширения производства высокотехнологичных товаров и услуг и выведения их на рынок в ускоренном режиме изменяет жизненную среду людей. Этому способствует такие характерные черты рыночной экономики, как частная инициатива, конкуренция, наличие свободного капитала, возможность получения огромного вознаграждения за свою инновацию и т. д. Такое интегральное взаимодействие двух регуляторов дополняется их взаимопереплетением. Скажем, многие важные нововведения в ВПК, медицине, природоохранной деятельности планируются, иницируются и финансируются государственным сектором, а потом поступают в предпринимательский сектор и распространяются по всей экономике.

Старший научный сотрудник, к.э.н. **А.М. Беянова** (МГУ) напомнила, что у П. Самуэльсона сложившаяся экономическая система в индустриально развитых странах XX в. трактуется как «смешанная частно-предпринимательская система». Она является смешанной в двояком смысле: частная инициатива модифицируется вмешательством государства; действие совершенной конкуренции подвергается влиянию монополистических элементов. «Смешанность» выступает как естественное свойство экономической системы на данном этапе развития. По Дж. Гэлбрейту, индустриальная экономика носит двойственный характер, представляет собой взаимодействие «планирующей системы» (под которой он имел в виду систему крупных корпора-

ций) и миллионов мелких предпринимателей при доминирующей роли первой. Она расширяет возможности планирования внутри и между корпорациями и создает условия устранения катастрофичности развития и социальных потрясений. Но его концепция нового индустриального общества не позволила разрешить глубоких противоречий современного общества. В связи с этими размышлениями Дж.К. Гэлбрейта А.М. Белянова обратила внимание на ряд неясностей в докладе Г.Н. Цаголова. Если говорить о провале социализма и провале капитализма, тогда что из этих систем предлагается интегрировать в НИО и стоит ли вопрос о какой-либо доминанте в интеграционном процессе? Приведа положение Дж. Гэлбрейта о том, что современная капиталистическая организация и развитая социалистическая организация не противостоят друг другу, а движутся в одном направлении (к установлению общих требований технологии и массового производства, к созданию соответствующей планирующей организации и т. д.), А.М. Белянова поставила следующий вопрос: если одна из двух этих систем сошла с дистанции, то дает ли их сходство ожидать такого же конца и другой системе?

В своем выступлении доцент, к.э.н. **И.М. Теняков** (МГУ) отметил, что концепция НИО, представленная в докладе, по существу близка к известной концепции смешанной экономики, однако «смещение» в данном случае берется в координатах двух социально-экономических систем, в отличие от моделей смешанной экономики в рамках рыночно-капиталистической системы. По мнению выступающего, представленная концепция недостаточно учитывает национальное измерение экономической системы. Однако национально-специфические факторы развития также должны учитываться, а в ряде случаев им следует отдать приоритет перед абстрактными экономическими системами. В частности, для России в современных условиях повышается значимость геополитического фактора, который диктует необходимость усиления роли государства в экономике, восстановления единого народнохозяйственного комплекса, повышения роли прогнозирования, программирования и стратегического планирования, а также инновационного развития. Как показывает опыт экономического развития России и США в XX в., в значительной степени инновации являлись следствием развития оборонно-промышленного комплекса, генерирующего спрос на высокотехнологические разработки. Проблема состоит в том, чтобы обеспечить диффузию инноваций в гражданский сектор, что успешно выполняли США, а в гораздо меньшей степени Россия. В исследовании национальной экономики следует рассматривать данные

системы в контексте их сопряжения объективным детерминантам и ограничениям развития конкретной национальной экономики.

На противоречивость концепции НИО, предложенной в докладе, обратил внимание доцент, к.э.н. **А.И. Московский** (МГУ). Поскольку сердцевиной этой концепции является давняя идея «конвергенции капитализма и социализма», не получившая убедительного теоретического и практического воплощения как на Западе, так и у нас, то проект НИО сегодня выглядит несколько утопичным. 40 лет назад Н.А. Цаголов заявил, что первым теоретиком конвергенции капитализма и социализма следует считать не Дж.К. Гэлбрейта, а В.И. Ленина, который указывал на готовые и конкретные блоки социализма внутри капитализма. По мнению выступающего, разговор о собирании в конвергентном обществе «лучших свойств» капитализма и социализма малопродуктивен. Полезнее разобраться в том, что следует взять из советского прошлого в современную экономическую систему России. Помимо суммы социальных гарантий, характерной для социализма, следует продумать и обсудить проблему «принципа всеобщности труда». Необходимо уточнить и наши представления о монополии. Для докладчика монополия почти тождественна «паразитизму и загниванию», а по Дж. Шумпетеру — чем далее, тем более НТП общества будет определяться крупнейшими корпорациями и монополиями.

С заключением об итогах работы круглого стола выступил профессор, д.э.н. **В.Н. Черковец** (МГУ). Он обратил внимание на то, что идея конвергенции капитализма и социализма, инициированная западными учеными в 1950-х гг., далеко не стала общепризнанной в их кругу, хотя в рядах социал-демократии она получила довольно широкое признание. Естественно, в советской обществоведческой литературе и других социалистических стран, в том числе в политической экономике, эта концепция подвергалась критике как действительно немарксистская без поисков путей ее рациональной интерпретации. Попытку такой интерпретации, кажется, впервые в современном российском сообществе экономистов предпринял профессор Г.Н. Цаголов с размышлениями о возможности применения идеи *конвергенции* к теоретической разработке для условий России соответствующей интегральной модели, «синтезирующей» не только техно-технологические и организационные, но и социально-экономические достижения капитализма и социализма.

В этой связи, по мнению В.Н. Черковца, было бы уместно обратиться и к известным высказываниям К. Маркса в 3-м томе «Капитала» о *переходных* формах к «обществу ассоциированных производителей», возникавших еще на почве капитализма в XIX в. Например, о коопера-

тивных фабриках рабочих, внутри которых «разрешено» противоречие между наемными рабочими и собственниками капитала. Да и в акционерных обществах Маркс увидел момент переходности к отрицанию частной собственности на средства производства самим капитализмом. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» акцентировал факт передачи управления предприятиями менеджерам и тем самым ненужность фигуры капиталиста для функционирования производства. Й. Шумпетер связал уход капитализма с исторической сцены с заменой индивидуального капиталиста корпорацией и прогнозировал соединение капитализма (производство предметов потребления) с социализмом в виде государственной собственности на средства производства с сохранением рынка (идея «рыночного социализма»). Ленин называл высшую стадию капитализма, монополистический капитализм, «переходным» состоянием («строим») к «глядыщему со всех окон» социализму, характеризовал переход к нему как подрыв товарного производства и свободной конкуренции. Во всех этих случаях признаются, судя по всему, существование и взаимодействие капиталистических и некапиталистических отношений как *результат естественнoисторического развития самого капиталистического способа производства*, зарождение предпосылок и неких переходных форм внутри капитализма. Стоит обратить внимание на то, что в отличие от современной теории конвергенции, доказывающей процесс *сближения* капитализма и социализма как существующих (или уже существовавших) реальных экономических систем, хотя и неразвившихся в полной мере, вышеназванные суждения исходили из фактов зарождения основ социализма в индустриально развитом капиталистическом обществе и подрыва его изнутри, сопровождавшегося всплесками революционных выступлений против капитализма вообще как общественной системы. Ни о какой конвергенции как теоретической концепции речи не шло и не могло идти всерьез.

Такая концепция появилась после того, как социализм (с теми или иными погрешностями) не только стал реальностью, но и вышел в числе победителей из Второй мировой войны и явился центром формирования мировой социалистической системы. Социализм после войны стал активным участником борьбы и серьезным соперником в соревновании за научно-технические достижения в развернувшейся в 1950-х гг. современной научно-технической революции. Только тогда интеллектуальная элита Запада с участием русского эсера-эмигранта социолога П. Сорокина, почувствовав угрозу успехов социализма, обратилась к спасительной для капитализма идее конвергенции. Дж. Кейнс, выпустивший в годы Великой депрессии экономики капитали-

стического мира, особенно США, свою знаменитую книгу «Общая теория занятости, процента и денег», и не думал спасать капитализм с помощью конвергентной амальгамы с социализмом (хотя, будучи женат на русской актрисе, бывал в СССР и знакомился с Госпланом). Кейнс, один из богатейших людей Англии, открыто и упорно искал меры спасения экономики капитализма с помощью государственного регулирования и был решительно против даже тех социальных реформ, которые проводил Ф. Рузвельт в США.

Иначе повели себя Я. Тинберген, Дж. Гэлбрейт и другие лидеры теории конвергенции. Все они оставались приверженцами частной собственности, как и П. Сорокин, и нам надо было бы на круглом столе глубже проанализировать вопрос о возможности вообще оптимального «интегрального» функционирования частной и общественной собственности на средства производства. Этот вопрос может быть обращен и к докладчику. В лучшем случае конвергенция может дать некую «смешанную систему отношений собственности», на базе которых возникают разные целевые установки, сохраняя социальное неравенство, разные формы управления и государственного регулирования. Однако теория конвергенции представлена разными версиями. Тинберген видит только рыночную систему, основанную на частной собственности, где главная цель предпринимателей — прибыль, а от социализма «берется» большая степень равенства, некий рабочий контроль и экономическое, т. е. индикативное, планирование. Гэлбрейт, напротив, считает, что современное техническое развитие объективно *требует планирования взамен «уходящим» рыночным отношениям*, но планирование осуществляют корпорации, а они находятся в частной собственности, не могут, стало быть, стать объектами централизованного планирования, необходимо поэтому, полагает он, какое-то их регулирование со стороны государства. Получается, что и эта интегральная модель дает некий вариант «смешанной экономики», которую вряд ли правомерно считать вобравшей в себя лучшие черты социалистического строя. Как бы то ни было, если мы хотим разобраться, в чем суть теории конвергенции, мы должны знать и обсуждать ее разные версии, а они подчас серьезно, как мы видим, различаются, особенно по вопросу соотношения *плана и рынка*. К сожалению, пока этот вопрос нельзя признать достаточно проясненным на нашем круглом столе.

Обсуждение сегодняшней темы поставило перед нами ряд других, смежных вопросов, пересекающихся с проблемой интегральности, конвергентности и других форм сопоставления, расхождения, смешения, соединения различных экономических систем.

Так, очевидно возникает проблема различных переходных состояний экономических строев, их особенностей в отличие от других формационных образований, что свидетельствует о возможности сосуществования различных социально-экономических укладов в рамках некой системной целостности с доминирующим системообразующим укладом (структурой с основополагающими экономическими законами) на определенных этапах данного способа производства. На *раннем*, когда он возникает, на *«последнем»*, когда подготавливаются материальные, социальные и духовные предпосылки нового способа производства (новой экономической формации), и *«промежуточном»*, когда утрачено господство предыдущего способа производства и не завершилось «становление» (по Гегелю) нового. В интерпретации марксистской теории между капитализмом и социализмом должен существовать *особый переходный период*, имеющий свои ступени развития. Такой период официально и теоретически признавался в СССР (включая нэп). Например, Китай, согласно официальной идеологии правящей КПК, находится в настоящее время на начальной ступени перехода к социализму, экономика которого трактуется как *«социалистическая рыночная экономика»* (аналог нэпа). Вьетнам использует более «мягкую» формулу — *«рыночная экономика социалистической ориентации»*. Ряд капиталистических стран Европы, Южной Америки, Африки характеризуют свои экономики как «социальное рыночное хозяйство», «социально ориентированная рыночная экономика», «исламский социализм» и т. п. хотя разница между ними и по уровню развития производительных сил и по социально-экономическому и политическому устройству, по господствующим идеологиям значительная, более того, порой воинствующе враждебная. Вместе с тем все они в той или иной мере заключают в себе и элементы *конвергентности*, *«смешанности»* разных форм собственности, способов координации, соединения частей своих экономик в некое целое образование, подчиненное общему правовому режиму хозяйствования: появляются *интегративные* связи, объединяющие различные предприятия, сегменты и секторы в различные корпоративные и даже государственные образования (организации), возникают разнообразные *коалиции* по согласованию хозяйственной деятельности и пр.

На этом уровне различных «конвергентных процессов» возможны заимствование опыта различных стран, обмен новациями в технотехнологической области, организации труда и процесса производства, обучения кадров и т. п. Однако, если даже идет речь об обмене такой деятельностью между капиталистической и социалистической и страной, он не имеет отношения к проблеме конвергенции *капитализма и*

социализма как экономических систем определенного исторического типа. В свое время СССР и другие социалистические страны вели активную внешнюю торговлю с капиталистическими странами. Но она ни в коей мере не являлась формой конвергенции социализма и капитализма, как и наоборот. Иное понимание может привести к выводу, что всякая торговля между разными странами дает нам феномен их конвергентности. Такое слишком расширительное употребление (скорее от филологии) понятия «конвергенция» (приближение, сближение, слияние, взаимодействие) ведет к утрате точного смыслового значения данного термина как определенного понятия в данной науке, в нашем случае в общей экономической теории, политической экономии, включая сюда и экономикс. Большая советская энциклопедия дает пять случаев применения термина «конвергенция», причем в совершенно разных науках: 1) в биологии; 2) в физиологии, медицине; 3) в языкознании; 4) конвергентные зоны в океане — слияние разных течений; 5) *в современной социально-экономической теории.* Во всех этих случаях — разные понятия. Нас интересует последнее, но и оно, оказывается, имеет разные варианты, касающиеся причины и сути данного процесса в области производительных сил и социально-производственных отношений с примыкающими к ним хозяйственно-институциональными отношениями. К сожалению, ни в докладе, ни в выступлениях на научные и идеологические различия этих вариантов не было обращено достаточного внимания.

Докладчик выбирает из всего разнообразия вариантов теории конвергенции в качестве исходной теоретической базы своей концепции теорию «гибридизации» капитализма и социализма известного русско-американского социолога П. Сорокина (Гарвард), бывшего активного деятеля партии правых эсеров. И название своей предложенной к обсуждению системы российской экономики «Новая интегральная модель общества» автор доклада заимствовал у Сорокина. И суть такой интеграции — конвергенции такая же, как у первопроходца. Соединение капитализма и социализма в одной системе идет в этой модели не путем превращения одного строя в другой, а путем синтеза лучших сторон того и другого, так сказать, на равных. Однако, так до конца остается неясным, какие элементы (производственные отношения) той и другой стороны сохраняются в предложенной концепции как положительные и отпадают как отрицательные. И как остающиеся структуры вписываются в единый механизм хозяйствования. Но если отдельные элементы могут как-то приспособиться к этому неизвестному механизму, то как будет обстоять дело в «интегрированной» экономической системе с объективными основополагающими *экономическими*

законами капитализма и социализма? Обычно сторонники интеграции и конвергенции двух систем сводят почему-то (как сказано выше) всю проблему к сочетанию планирования с рыночным механизмом свободной конкуренции и свободного ценообразования. При этом обходятся стороной проблемы *собственности и основных законов, определяющих главные цели хозяйствования, способы распределения ВВП, обеспечения социальной справедливости*. В докладе Г.Н. Цаголова также нет ответа на эти вопросы. Некоторые сторонники конвергенции понимают ее как перевод социализма в состояние рыночной экономики с плюрализмом форм собственности и с неременным допущением частной собственности. Но такая «конвергенция» означала бы поглощение социализма капитализмом. Как сказано выше, Дж. Гэлбрейт («Новое индустриальное общество») исповедовал совершенно другую, весьма смелую и полезную для наших отечественных либералов версию конвергентности: не коммунисты, а объективный научно-технический прогресс требуют введения плана вместо рыночных отношений. Это означало бы обратное движение: история избавляется от остатков капитализма. Правда, вопрос о собственности он оставлял в стороне. Однако его теория в целом не может быть, по мнению В.Н. Черковца, опорой концепции «Новой модели интеграции общества» нашего уважаемого докладчика, как и «планово-рыночной модели» профессора С.С. Дзарасова, поскольку, по Гэлбрейту, рыночные отношения уходят в прошлое. То же самое можно сказать и в адрес его концептуального предшественника — Дж. Кейнса, который конструировал модель государственного регулирования капиталистического хозяйства во имя спасения капиталистического способа производства, а не ради его конвергенции с системой плановой экономики социализма, хотя именно опытом советской экономики он не пренебрег.

С.С. НИПА, Т.С. СУХИНА, Т.Г. ТРУБИЦЫНА

Проблемы эффективного хозяйствования и перспективы полноценного бытия

Аннотация. В июне 2014 г. в г. Тамбове на базе Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина состоялся научно-практический симпозиум «Средняя Россия: земля и люди (проблемы эффективного хозяйствования и перспективы полноценного бытия)», участники которого обсуждали проблемы эффективного хозяйствования

ния на земле и развития современного сельского хозяйства в регионе, ставили задачи возрождения жизни на селе, предлагали пути ее решения. В статье приводятся итоги этого обсуждения.

Ключевые слова: эффективное хозяйствование, возрождение, Средняя Россия, село.

Abstract. The article is devoted to the scientific and practical symposium «Central Russia: the earth and people (problems of effective managing and prospect of full life)» which participants discussed problems of effective managing on the earth and developments of modern agricultural industry in the region, set tasks revival of life in the village, offered ways of its decision.

Keywords: effective managing, revival, Central Russia, village.

Открыл симпозиум директор ЦОН при МГУ профессор **Ю.М. Осипов**. В своем выступлении он поставил главную задачу собрания — посмотреть на реальность, разобраться в том, что происходит на селе и, прежде всего, что происходит с населением, с человеком.

Ю.М. рассказал, что в декабре 2013 г. был в Тамбове на конференции и посетил Мучкап — место, где с 1955 по 1972 г. работал его отец, тридцатитысячник, и где он сам закончил школу. И Мучкап поразил его: за последние несколько лет город абсолютно изменился: «Что это такое, Россия процветает, а мы не знаем?!». Например, фонтан, который носит название «Ноев ковчег», т. е. возрождение; танк «Тамбовский колхозник» — были во время войны такие танки, созданные на деньги тамбовских колхозников — стоит на главной площади; церковь имени Александра Невского и памятник перед ней; памятник Пастернаку — я знал, — сказал Ю.М. — что Пастернак бывал в Мучкапе. Здесь же увидел его сидящим на скамье! Это поразительно. В городе большой спортивный комплекс, новые школы, строительство... Так вот куда надо ехать! Таким образом здесь и зародилась идея этого симпозиума. Цель его — узнать: растет ли новая Россия? Появляется ли новый человек, новый русский? Какие люди сейчас? Есть это движение или нет?

Ю.М. поделился тем, что раньше его многие упрекали в пессимизме. Но теперь пришло другое время, — сказал он, — время, когда мы не имеем права быть пессимистами. Сейчас частенько такое отношение к стране: она как бы «не наша». Но, может быть, пора национализировать Россию?!

В заключение Ю.М. сказал: я русский человек — я не могу назвать себя ни китайцем, ни африканцем, ни даже французом, значит, есть русские люди. Меня часто спрашивают: «Что значит русскость? Кто такие русские?». И вот это меня волнует! В конце 1990-х гг. Г.Х. Попов написал статью «Русский холокост». И я использовал этот термин, но говорил не про то, что русских уничтожают, а про то, что русские сами себя уничтожают. Это проблема. Это беда. И рывок, который мы сейчас делаем в связи с международными делами, имеет «антихолокостное» значение! И мы собрались с вами в исторический момент!

Далее выступил **С.П. Лихачев** — начальник управления экономической политики Тамбовской области. Он обратил внимание, что приоритетное направление работы администрации области — устойчивое развитие села. Регион обладает большой промышленной базой, более 16% ВВП — сельское хозяйство, область достаточно стабильно и успешно занимается земледелием, животноводством. В прошлом году в сельское хозяйство были направлены инвестиции в размере 28 млрд р., реализуется более 50 инвестиционных проектов: строятся сахарный завод, молочные комплексы, свиноводческий комплекс, завершается строительство убойного комплекса, который позволит перерабатывать мясо здесь. Есть достаточно крупные проекты и в растениеводстве. В связи с этим развитие сельских территорий накладывает на администрацию области определенные обязательства по созданию социальной инфраструктуры вокруг этих инвестиционных проектов — детских садов, новых школ, дорог — нового социокультурного комплекса на селе.

В прошлом году была принята стратегия развития Тамбовской обл. — был изменен инвестиционный блок, который теперь позволяет наладить диалог между бизнесом и властью, завершена реализация стандартов деятельности органов власти по обеспечению благоприятного инвестиционного климата. И сейчас начинается этап, когда муниципалитеты должны правильно выстраивать диалог с бизнесом, который приходит на сельскую землю. Можно уверенно сказать, что Тамбовщина пошла вперед. Но мы задаемся вопросом: что нужно сделать для того, чтобы наши дети, наше будущее, оставались жить и работать здесь, в области? Конечно, развивать экономику ради улучшения жизни людей: надо, чтобы то, что производится на нашей земле, здесь и перерабатывалось, так как добавочная стоимость возникает в момент переработки. Поэтому инвестиционные проекты в основном направлены на переработку.

В своем выступлении глава Мучкапского района **А.А. Хоружий** отметил, что губернатор области предложил лозунг: «Тамбовщина — регион равнодушных людей!». И это действительно так. В Мучкапском районе основной крен делается на воспитание. Гордость за свою историю, свой край, свою Родину дает свои результаты. В то же время здесь развивается медицина, строятся новые школы, спортивные комплексы. К сожалению, большая проблема — недостаточная занятость населения. Люди уезжают работать в Москву, отметил А.А., привыкают к городской жизни. Новая техника, современная производительность труда приводят к сокращению занятых в сельском хозяйстве. Задача местного самоуправления — улучшать настрой людей. Когда поставили памятник Пастернаку, а потом провели Второй фестиваль поэзии имени Пастернака, оказалось, что в районе много собственных поэтов! Танк Т-34 на площади — память о Герое Советского Союза танкисте Иване Тимофеевиче Любушкине из Мучкапа — в бою под Мценском осенью 1941 г. он подбил девять танков. Это наша история, мы ею гордимся.

Несколько слов глава района сказал и об Михаиле Яковлевиче Осипове — это тот человек, подчеркнул он, который в то давнее время делал то, что нам нужно делать сейчас: пришел человек из города, проникся проблемами села и сумел многое изменить к лучшему.

Профессор **М.М. Гузев**, директор Волжского гуманитарного института, свое выступление начал с вопроса: «У нас в Волгограде принято есть картофель из Египта — где нет земли, одни пески, а морковь возем из Израиля. А нам хотелось бы есть картофель из Тамбова. Но создано такое хозяйство, которое не позволяет нам лакомиться тамбовским картофелем. Что же делать?». Далее М.М. назвал общие проблемы регионов Средней России: неэффективное управление, разрушенные отсталые промышленность и сельское хозяйство. Поэтому нужна не особая модель, а единая модель для всей страны.

М.М. поставил вопрос: что понимать под эффективным хозяйством — удвоение ВВП или размер бюджета, который в Волгоградской области все последние годы сокращается, и расходы уже на 20% превышают доходы? Или занятость населения — практически все заняты, никто на бирже не стоит, но на заводах люди почти не работают? Или количество населения? Например, прозвучала цифра, что 17000 га в хозяйстве, а заняты всего 200 человек. Таким образом, в стране создана такая система хозяйствования, в которой люди лишние, им нечего делать — остается только ехать в Москву, но и там все занято. В центральных областях наблюдается естественная убыль населения. В Волгоградской области рождаемость уже 20 лет меньше смертности. В

г. Волжском население стабилизировано за счет подпитки с Северного Кавказа, но занятой рабочей силы больше не становится, только меньше, хотя комплексы строятся. М.М. выразил удивление по поводу существующего мнения, что хорошо бы в России иметь 14 мегаполисов по 20 млн человек. А что — остальная территория вообще не нужна? Если все уедут, что тогда на земле останется?

На вопрос из зала о росте производительности труда, повышении зарплат, увеличении эффективности производства М.М. ответил: «Я не против повышения производительности труда. Я против того, что люди уезжают», и завершил свое выступление выводом, что если люди бросают свою землю, то, наверное, модель хозяйствования неэффективна. С точки зрения чисто экономической она, может быть, и эффективна, а с точки зрения хозяйствования, бытия людей — нет. Надо находить такие точки сопряжения, чтобы наряду с развитием экономики люди себя комфортно чувствовали и не уезжали. Места — райские, — заключил М.М. Но в деревнях забиты окна: если люди покидают рай, значит, мы создаем противоречие между экономикой и условиями проживания людей

К.э.н. **А.Ю. Сыгова**, представляющая управление сельского хозяйства Тамбовской области, в своем выступлении рассказала, как решается в Тамбовской области проблема привязывания человека к земле, чтобы он жил и радовался. В России в целом в 2012 г. стартовала программа поддержки начинающих фермеров из федерального бюджета. В Тамбовской области третий год проходит конкурсный отбор. Люди хотят работать на земле — в этом году конкурс был два человека на место. Приняли участие 36 начинающих фермеров в области. Они берут на себя обязательство пять лет вести свой бизнес и не бросать его, и создать минимум три рабочих места. Поэтому нельзя отбрасывать роль государства, инструменты поддержки существуют. Нужно их развивать.

Профессор МГУ, д.и.н **Г.Р. Наумова** на примере Ростовской области подняла проблемы деревень, объявленных неперспективными, в которых продолжают жить люди: кто-то круглый год, кто-то приезжает только на лето. По ее мнению, производительность труда и эффективность нужны только владельцу капитала. А людям нужны дороги и электричество. Им достаточно, что они могут жить и могут приезжать их внуки. Люди хотят сохранить свой мир, и задача государства помочь им в этом. Нельзя уничтожать людей ради производительности труда.

В противовес Г.Р. в зале было высказано мнение, что если в селе живет пять человек, обязанность государства поддерживать их благо-

состояние, но возникает проблема — в масштабе России это сложно, и сил у государства не хватает.

Профессор Финансового университета при Правительстве РФ **М.Л. Альпидовская** продолжила тему производительности труда и экономической эффективности: «Это нужно нашему населению сегодня. Если мы хотим возродить страну, нам нужен научно-технический прогресс, 90% экономического роста — это НТП». Россия — страна державная. Держава помогала развиваться периферии вместе с центром. Для державности всегда нужны были проекты. Например, был в 1970-е гг. глобальный проект поворота наших северных сибирских рек в среднеазиатские республики. Проект не был осуществлен, а если бы это произошло, по мнению М.Л., то итог был бы экономический: Алтай бы не заливало каждый год, Киргизия, Туркменистан и Таджикистан были бы с нами, так как были бы завязаны на нашей пресной воде. О производительности труда: если ее считать в натуральном выражении, а не в стоимостном, то она имеет смысл. По поводу экономической эффективности: нужна не экономическая эффективность, а социальная. С точки зрения человека. Нужны школы, медицина, здравоохранение, для этого необходимы технологии, специалисты. И инвестиции — наши российские инвестиции, — заключила М.Л.

Далее выступил руководитель крупного хозяйства «Мучкап-Нива» **Ф.Е. Палачев**. Главной — больной — проблемой сельского хозяйства страны он назвал невозможность людям найти работу на селе — людям нечем заняться. Много деревень, где и газ подведен, и асфальт есть. А жить некому. Люди, особенно молодежь, не остаются в деревне — уезжают в поисках работы и более благополучной, удобной, интересной жизни. Все брошено. Это бич нашей деревни. Люди не стали глупее. Но на сегодня спроса на труд, на людей, в деревне нет. В этом все дело. В деревнях живут в основном пожилые люди — пенсионеры, петрушку, овощи выращивают. Должно существовать сельскохозяйственное производство, контора — как прежде; необходимо обустроить фермы, заводы. Люди станут востребованы и будут оставаться в деревне. Все надо возрождать заново на современной технологической основе — это трудно: человека отучить работать легко, научить — трудно. Сейчас класса крестьянства практически нет, отметил Ф.Е.

Профессор, д.э.н. **И.Р. Бугаян** (Ростов-на-Дону) затронул вопросы развития российского сельского хозяйства, земли, труда, факторов производства. Он подчеркнул, что факторов производства всего четыре — предпринимательство, труд, земля и капитал. В определенный момент в мире один из этих факторов начинает доминировать, т. е. дает наивысший результат. Русские как этнос возникли, когда доми-

нировал фактор земли и наивысший результат давали инвестиции в землю. И эта специфика сохраняется. Мы и кормимся за счет земли, отметил И.Р. Когда продаем лес, нефть, газ — по существу продаем землю. Но сегодня, имея огромные пространства, мы не можем сами себя прокормить — свои необходимые потребности удовлетворяем за счет ввоза недоброкачественных продуктов. И с точки зрения экономики это кажется совершенно правильным — вывезти нефть, газ по хорошим ценам и там купить картошку, однако это парадоксально с точки зрения живой жизни.

Все дело в том, что экономика — это не все, чем живет человек. В этом суть науки философии хозяйства. Существует понятие «хозяйство». И экономика только часть хозяйства — однеженная. Остальное не однеживается. Два из четырех факторов производства — капитал и труд — сделаны человеком. А два других — земля и предпринимательство — нечеловеческого происхождения. Талант предпринимательства есть не у каждого: из ста человек им обладают три-пять. У нас долгое время предпринимательство было уголовно наказуемым. Частным лицам было запрещено проявлять талант, тем более в сельскохозяйственной деятельности. И возродить это непросто. Это тоже непростая проблема — честное предпринимательство. Если же взять соотношение экономики и хозяйства, то у нашей страны удельный вес хозяйства — хозяйства, которое нас кормит, именно неоднеженной части, — выше, чем в других странах. Поэтому мы не можем просто копировать экономические системы других стран, подчеркнул И.Р. Если мы хотим сохраниться как народ, сохранить нашу страну — мы должны исходить из реальности. А реальность такова — хозяйство у нас превалирует, превосходит во много раз экономику, если учесть те полезные ископаемые, которые мы еще не используем. И все же главная проблема — когда нет людей, землю удержать невозможно. Если мы лишимся народа — мы эту огромную территорию не сохраним, заключил И.Р.

Далее выступил д.б.н., директор Экологического научно-образовательного центра Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина **А.В. Емельянов**. Он затронул экологические проблемы развития территорий, сельских поселений. И это безусловно связано с людьми — с их желаниями оставаться на своей земле. В этой связи он рассказал об успешной совместной деятельности (с 2007 г.) Тамбовского и Французского университетов, о разработке «Программы устойчивого развития территорий и экологии». Сейчас многие из поставленных тогда задач решены. Наши заповедники похожи на национальные парки Франции. Модель французских парков могла бы

заработать и на Тамбовщине. Важнейший шаг в деле реализации программы — создание первого в России регионального природного парка в Тамбовской области. Была сделана юридическая проработка этого проекта. Наибольшая концентрация объектов природно-исторического значения была определена на юго-востоке области — вдоль реки Вороны. Это перспективный объект для сохранения природы. Были выделены туристические маршруты, в том числе водные. Здесь есть уникальные природные места и исторические объекты, памятники старины, огромное природное разнообразие. Можно наблюдать сменяемость четырех ландшафтных зон. Это важно для охраны природы.

Прежде всего со стороны государства надо повысить ответственность людей, которые живут на земле и руководят — подчеркнул агроном-ученый, руководитель регионального отделения КПРФ г. Мучкапа **Г.С. Безгин**. Раньше приходилось докладывать секретарям ЦК о том, как мы живем и сколько производим продукции сельского хозяйства — подетально в расчете на душу населения. Сегодня есть люди, которые занимаются овощеводством на селе. И хотят заниматься. Но некому эту продукцию двигать дальше. И это проблема государства, отметил Г.С. Надо создать систему заготовок и реализации сельской отечественной продукции. Может быть, на основе Роспотребсоюза — это не имеет значения. Должен быть человек, конкретный, который бы знал — что у кого в селе есть — петрушка, картошка, огурчики — и занимался бы обеспечением реализации этой продукции. Вот тогда мы картошку будем есть тамбовскую — уверил нас Г.С. Еще одна важная проблема — базы хранения овощной продукции. Сейчас их нет. Ныне же появляются все новые и новые сетевые супермаркеты, которые не допускают отечественного производителя. Эти сети тоже должны быть государственными. Что касается людей села — на самом деле они заброшены, и это главная беда нашего села и вина государства — школы ушли из села, поликлиники закрываются, села объявляются «неперспективными». И в результате — ушли и люди. В послевоенное время все восстановили быстро. Была воля. Надо этим серьезно заниматься сегодня — это дело и государства, и местной власти

К.э.н. **Н.С. Харитонов** (МГУ) отметил уникальность философии хозяйства в смысле обоснования концепции жизни людей на конкретной земле. Сегодня огромная проблема России — исчезает село. Это трагедия XXI в. Фермерское хозяйство создать, конечно, можно, но опыт уже показал, что фермеры не вытянут сельское хозяйство страны в обозримой перспективе, подчеркнул Н.С. Поэтому именно государство должно сделать сельское хозяйство приоритетной сферой жизни, экономики. И развитие сельского хозяйства — приоритетным делом

высшего руководства страны. На что нужно обратить особое внимание, отметил Н.С. — эффективность — это не только прибыль, эффективность должна быть социальной — сельчане должны иметь все условия для жизни — работу, доход, медицинскую помощь, возможность детям получать образование и т. д. В заключение Н.С. выделил три конкретных задачи: 1) кооперация на селе — потребительская и производственная (Россия — родина кооперации, но ее в России нет), производственный кооператив позволит вовлечь все население деревни, обеспечить работой, причем потребительская кооперация должна быть законченной по вертикали — замыкать ее должна торговая сеть или переработка, все звенья необходимо замкнуть в одной цепи; 2) экология российского сельского хозяйства — в этом должно быть наше преимущество, наша сила; 3) самоуправление в сельской местности.

К.т.н., ведущий научный сотрудник Российского научного центра «Курчатовский институт» **О.В. Доброчеев** подчеркнул, что нельзя все мерить одним показателем — экономической эффективностью, нужно заниматься еще и полноценностью бытия — для объяснения существования человека на земле и для того, чтобы понимать, что делать для обеспечения этого существования. Продемонстрировав пример с космическим проектом, докладчик высказал идею создания и реализации крупных проектов, равносильных космическому.

К.г.н., доцент кафедры физической и экономическая географии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина **С.В. Панков** в своем выступлении предоставил результаты исследования географии сельских поселений Тамбовской области, продемонстрировав данные, которые в динамике показали сокращение численности сельских населенных пунктов и, как следствие, сельского населения. Сегодня в Тамбовской области насчитывается около 1700 населенных пунктов, 50 лет назад их было больше 2000 (2300—2400), в начале XX-го в. — больше 3000. Под сельскими населенными пунктами занято 6% территории области (эта статистика приблизительно сохраняется и в Воронежской, и Липецкой, и в других соседних областях). Приблизительная среднелюдность на сегодняшний день — около 260 чел., 50 лет назад она была больше 500. Одна из причин уменьшения численности сельского населения — осуществляемый в советские времена проект так называемых неперспективных деревень. Расчет был на укрупнение сельских населенных пунктов, но результат получили обратный — людей подняли с места, и люди переехали в города.

Приведены данные распределения населенных пунктов по территории Тамбовской области, при которых учитывались самые крупные (более 3 тыс. человек), расположенные в основном рядом с районными и областными центрами, а также пункты совсем без населения (в реестрах они еще числятся, но жителей в них нет) и с населением 15 и менее человек — исчезающие. Наиболее неблагоприятные районы — это север области (Моршанский, Печаевский районы), западная часть (Петровский, Мичуринский районы). Это связано не только с тем, что это периферийные районы, а именно в них было больше всего таких категорий поселений, как поселки при торфоразработках, при оздоровительных лагерях, железнодорожные будки, казармы. Они практически все исчезли.

В докладе была показана структуризация процесса деградации населенных пунктов. Это происходит следующим образом: теряется социально-экономический потенциал, нарушается инфраструктура, уезжает молодежь, разрушаются строения, происходит первичное запустение территории, вследствие чего село превращается в заросшее поле. Таким образом, сохранить населенные пункты возможно при сохранении и обеспечении социальной инфраструктуры. Надо создать такие условия, чтобы люди оставались на своей земле. Главное, чтобы возрождение села не стало заорганизованным. Много проходит семинаров, заседаний по этой проблеме, но получается, что поговорили, обсудили — и разошлись, а все осталось по-прежнему, — заключил свое выступление С.В..

В докладе д.э.н. **Т.Н. Юдиной** (экономический факультет МГУ) была высказана мысль о том, что, говоря о проблеме эффективности не стоит забывать и о справедливости. Ее необходимо учитывать абсолютно на всех уровнях: и на макроуровне (уровне государства), так и на микроуровнях. Это необходимо для создания комфортной среды проживания и в сельских поселениях, и в городах, и в стране в целом.

Одним из способов успешного хозяйствования, по мнению Т.Н., является кооперация. Эта самоорганизация исторически присуща нашим артелям. Акцент нужно делать на человека. Хозяйство должно строиться на принципах эффективности и справедливости на наноуровнях. Как отметила Т.Н., сегодня уже есть эффективные предприятия, на которых принцип справедливости ставит на первое место, и эффект от этого только возрастает.

В.В. Кашицын, к.э.н., профессор, начальник кафедры экономической теории и мировой экономики Государственного морского университета имени Ф.Ф. Ушакова, обозначил свой доклад вопросом: «А каковы критерии эффективности?». Отвечая на этот вопрос, он привел

пример из истории. Против чего воевали антоновцы? Воевали они против тех, кто попытался сломать их жизненный уклад. Люди хотели остаться со своим укладом, со своей землей, лесами, холмами.

Когда мы говорим о критериях эффективности и о земле, мы должны в первую очередь думать, как нам сделать так, чтобы наши люди оставались на своей собственной земле — хотели этого. Необходимо, по мнению В.В., возродить нашу традиционную культуру, что поможет людям зацепиться за землю.

К.и.н. **С.А. Ермишина** (исторический факультет МГУ) также вернулась к истории. Сто лет назад перед русской мыслью, перед правительством стояли те же задачи, что и сейчас: о земле, о проблемах деревни. Одной из попыток разрешения аграрного вопроса была Столыпинская реформа, свое решение пытался реализовать и Ленин.

По мнению докладчика, самое важное — в основе хозяйствования должен быть человек, его образ жизни. Из этого востребован индивидуализм, но, в отличие от европейского, индивидуализм восходящий, т. е. должны быть востребованы те традиции, которые сложились (в частности, ответственное предпринимательство). С.Н. Булгаков в своем труде в конце XIX в. сказал, что надо подумать о тех формах хозяйствования, которые уже дала Россия, о человеческом факторе, предлагал гуманистическое описание хозяйства. Особый акцент был сделан на экологической составляющей. С.А. сослалась на статью В.С. Соловьева «Враг с Востока» (1891). Смысл статьи в том, что в России нарушаются все формы хозяйствования, вырубаются леса, ухудшается экология восточно-европейской равнины. Если мы не сохраним среду обитания — не сохраним человека.

Очень важно, считает С.А., сохранить наши деревни, это родники, которые питают наше хозяйство, уникальные формы сочетания артельности, общности, восходящего индивидуализма, соборности.

Есть такая область науки — психологическая антропология — традициология. Научно доказано, что традиция это не то, что рождается массами, а то, что рождается человеком. Если предлагаемые сверхпроекты, не отвечают сверхиндивидуальному чутью народа, они не имеют отклика. Таким образом, делает вывод С.А., наряду с экономической эффективностью необходимо увеличивать вектор гуманитарного измерения этой составляющей.

В заключение **Ю.М. Осипов** отметил, что мир сейчас находится в состоянии глобальной борьбы, борьбы не народов, а наций, борьбы миров. Мир определяет определенный набор проектов, за которые идет борьба. Это не просто конкуренция — это война проектов. Проекты самые разные, вплоть до ликвидации большей части челове-

ства, вплоть до настоящей мировой войны. И есть движение, достаточно уже общемировое — антиглобализм. Мир в лице активных сил осознает вредность и невозможность глобализма. Глобализм — это не просто зависимость всех на планете, международное хозяйство. Глобализм — это пирамида: вверху — управляющие, ниже — все остальные. Мы находимся в нижней части.

Часть мира, которая так или иначе ощущает себя эксплуатируемой, стала объединяться. Первый звонок — это БРИКС. Ибо мир не хочет американского, западного господства. С помощью БРИКС начались евразийские интеграционные процессы. Это происходит по преимуществу не из-за экономической потребности: стоит задача выживать, задача вырваться, задача перестроить мир таким образом, чтобы имела возможность быть. И вот сейчас идет вырыв России из глобализма.

Россию не любят практически во всем мире. Хотя от России всегда многого ждут. Никто больше с американцами против американцев не говорит. И вот Россия вытаскивается на особую роль. Европа тоже хочет вырваться от американского влияния.

Отсюда возникает русский вопрос: «Кто будет вытягивать Россию в России?». Русские. Вот и русский вопрос, возрождение русского.

Русский человек всегда живет традицией, не всегда ее и осознавая. Социология, изучая этот вопрос, пришла к выводу, что последнее, что объединяет людей, — этнический фактор — не идеологический, не религиозный. Человек вспоминает, что мы одного рода. Русский вопрос — серьезный вопрос, вопрос нашего существования, нашего будущего.

Но вот что интересно. Мы все вспоминаем про нашу соборность, общинность. Сейчас другая жизнь, все по другому. Сейчас общение — сеть. В связи с этим возникает другой человек, с другим сознанием, другими навыками, другим подходом. В прошлое смотреть хорошо, но прошлым мы не проживем. Человечество вошло в новый вариант бытия, и смотреть надо вперед — какой русский человек будет завтра, какие у него откроются возможности. Теперь другой мир и другой человек, который приспосабливается к этому другому миру. Соединение земли с новым русским человеком — вот наша задача.

В заключение отметим, что на симпозиуме были обсуждены актуальные проблемы развития хозяйства и экономики средней полосы России и возможные пути их решения. Отмечалось, что благоприятные почвенно-климатические условия способствуют развитию преимущественно сельского хозяйства в этом регионе, особенно в зоне Черноземья. Выступления показали, что в последние годы стало больше внимания уделяться аграрному, продовольственному сектору,

наметилась положительная тенденция, идет расширение посевных площадей. Однако проблемы остаются: еще недостаточное количество земель освоено, нет перерабатывающего производства, слабо развивается животноводство. Одна из важнейших проблем — уезжают люди. Основная причина — отсутствие работы, социальной структуры. Докладчики подчеркивали, что особое внимание следует уделять людям, обеспечивать благоприятные условия для проживания, налаживать сельскохозяйственное и перерабатывающее производство, что позволит создавать рабочие места.

* * *

29 июля 2014 г. в Ростове-на-Дону на базе Высшей школы бизнеса Южного федерального университета под председательством вице-президента Академии философии хозяйства профессора А.Ю. Архипова состоялось заседание Ростовского отделения АФХ, на котором с докладом «Россия и мир: время перемен» выступил директор ЦОН при МГУ, президент АФХ профессор Ю.М. Осипов. Ниже публикуется материал доклада.

Ю.М. ОСИПОВ

Россия и мир: время перемен

Аннотация. Раскрывается новое положение России в мире, отягченном общемировым геостратегическим кризисом, обострением межгосударственных отношений и рецидивом холодной войны.

Ключевые слова: Россия, мир, мировой кризис, холодная война, геостратегия, политология, философия.

Abstract. The article is devoted to Russia's new position in the world aggravated by international geostrategic crisis, an aggravation of the interstate relations and recurrence of cold war.

Keywords: Russia, world, world crisis, cold war, geostrategy, political science, philosophy.

2014 г. — год больших геостратегических перемен, обозначенных вырывом России на путь самостоятельного существования в среде взаимозависимого мирового сообщества. Наступил конец патронату «Вашингтонского обкома» над управленческой структурой Российской Федерации. Западу остается давить Россию санкциями, вызывая

рецидив холодной войны, активизировать ориентируемую им внутрироссийскую оппозицию, все чаще и все более открыто называемую в РФ «пятой колонной», что тоже работает на выход из тени все той же холодной войны.

Кажется, что все дело в самой России, осмелившейся вдруг на «агрессивный акт» по «аннексии» Крыма и «имперское вмешательство» в Украину в связи с событиями в Новороссии. Однако все здесь обстоит иначе: Крым был передан Украине безудержным Н.С. Хрущевым в обход законодательства и без всяких референдумов, хотя и в рамках единого тогда государства СССР; крымчане никогда не считали себя украинцами и вели борьбу за автономию Крыма, его выход из состава Украины; политический («бандеровский») переворот в Киеве активизировал борьбу крымчан за самостоятельность и недопущение НАТО и США в Крым, как, собственно, и иных зарубежных «владельцев»; Россия пошла навстречу своим фактическим соотечественникам, лишь случайно попавшим на Украину; крымский референдум убедительно подтвердил правильность и законность выбора крымчан и действий России.

Но суть происходящего в мире в связи с Россией, конечно, не в самом по себе «украинском вопросе»: планетарный мир уже вышел на тропу «войны миров» — Западного и не-Западного. Это уже не война цивилизаций, государств, регионов — это именно *война миров: передового мира и остального мира*, хоть и не передового, но активно развивающегося. В одном мире США, Европа, Япония и НАТО, в другом — Азия, мусульманский мир, Южная Америка, Африка, Россия и БРИКС. Задача передового мира — сохранить, укрепить и продолжить паразитарно-эксплуатационное господство над планетой, задача остального мира — сбросить это господство и выработать альтернативу устремленному в постмодерновое небытие Западнему миру.

Россия — единственная страна в мире, бросившая открытый вызов западнему доминированию. Россия, окунувшись в Западный мир в качестве зависимой от его глобального центра филиальной части (фактически же полуколониальной), решительно встала на путь самостоятельного существования, не объявляя ни Западу, ни остальному миру никакой войны. Россия заинтересована не в войне, а в мире во всем мире, но Россия против любого над нею доминирования. 2014 г. — год возвращения России геостратегической субъектности.

Что касается Украины, то исполняя многовековую мечту о независимости... э-э... то ли малороссов, то ли украинцев, то ли «западнцев», нынешняя Украина в лице части ее истеблишмента кинулась на Запад, в Европу, в объятия США, забыв, что допускает своих чуже-

земных покровителей не куда-нибудь, а на историческую Русскую землю, причем допускает и как военную силу, направленную против нынешней России.

Вполне смешно, если б не было так грустно! Украина решилась не только на политическое, но и военное противостояние России, становясь из дружеского партнера России ее «братским врагом».

И что же оставалось России? Ждать натовцев на Украине, в Крыму, в Севастополе? Нет уж, — борьба, так борьба! Нынешняя Россия — не жалкая ельцинская «ублюдка», а вполне уважающая себя великая держава, способная за себя и постоять. Отступление РФ — этой жертвы распуска СССР — закончено, что, собственно, не означает какого-то наступления России на бывшие свои территории, но что означает, что Россия способна отстаивать свои интересы перед зарвавшимся противником — что стародавним, что вновьиспеченным.

Во всех острых событиях всегда разные следствия. Украинский кризис очень многое обнажил, позволив и многое понять, прежде всего, кто есть кто в современном мире, как и то, что на самом деле в этом мире творится. Если совсем недавно все говорилось как бы гипотетически, ибо «умная обывательщина» предпочитает ничего не видеть и никому не верить, то сегодня и говорить особенно не надо — и так все ясно!

Но об одной вещи все-таки надо сказать: русофобствующие граждане Украины, которые называют себя «украями», хорошо напомнили русским, что они... *русские*, как и напомнили миру, включая и саму Россию, что на свете есть именно *русские*, а не просто, скажем, россияне, те самые русские, которые, по мнению *этих* украинцев, заслуживают только одного — тотального уничтожения. Что ж, есть теперь над чем задуматься русским, изрядно уже подзабывшим, что они русские, это, во-первых, а во-вторых, что никаких любящих сердец в мире нет и никогда не будет, что не означает, что русским надо ожесточаться, как тем же «украям», но что означает, что русским следует быть едиными, осмотрительными и вполне жизнеспособными!

Благодаря актуальным событиям и нарастающим переменам в мире на историческую арену вновь выходит, как это было, к примеру, в 1812 г. и в 1941—1945 гг., *русский фактор*, что очень важно учесть, принять во внимание и осмыслить, как раз тот самый *русский фактор*, благодаря которому возникла и есть Россия, как и, смеем надеяться, еще в веках вовсю и побудет!

* * *

18 сентября 2014 г. в г. Тамбове на базе Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина прошла Всероссийская конференция «Малые города: проблемы и перспективы социально-экономического развития», организованная Вольным экономическим обществом России, Союзом малых городов РФ, Институтом экономики РАН, ТГУ имени Г.Р. Державина. В конференции принял участие директор ЦОН при МГУ профессор М.Ю. Осипов и выступил с докладом. Ниже приводятся основные тезисы доклада.

Ю.М. ОСИПОВ

Малые и средние города как опора России

Аннотация: Малые и средние города в современной России, их разные судьбы, их великое значение для страны, для русского мира.

Ключевые слова: Россия, города, урбанистика, философия хозяйства, история, С.Н. Булгаков, Р.В. Хохлов, Московский государственный университет, Елецкий государственный университет.

Abstract: The article is devoted to the small and average Russia's towns, their different destinies, their great value for the country.

Keywords: Russia, towns, urbanistics, philosophy of economy, history, S.N. Bulgakov, R.V. Khokhlov, Moscow State University, Yelets State University.

Выезд из Москвы в любой средний и малый город — выезд, как заметил когда-то академик Л.И. Абалкин, в Россию. Разумеется, Россия и в деревне, и в крупных областных городах, но в деревне она очень обусловлена и как бы сокрыта природой, в крупных городах все-таки слишком фрагментарна и довольно-таки стеснена, а вот в малых и средних городах она явлена открыто и целостно, причем в совершенно уже цивилизованном исполнении. Россия везде, даже в Москве и Санкт-Петербурге ее можно обнаружить, но в малых и средних городах России, безусловно, ее более всего. Вот почему малые и средние города — *опора России*, а если учесть, что в них всегда была и до сих пор остается промышленность, то эти города есть не просто духовная и культурная, или генотипическая, опора России, но и опора хозяйственная.

Малые и средние города по-разному чувствуют себя в современной России: есть, которые вполне процветают — вроде подмосковного

Дмитрова или липецкой Лебедяни; есть, которые держатся, и их, наверное, большинство; есть и те, которые угнетены и постепенно умирают. Все эти города нужны России и их надо всячески поддерживать, развивая реальное производство и предоставляя реальную занятость населению. Будем надеяться, что «санкции нам помогут»: трудно сегодня представить более подходящие места, или точки, развития, чем малые и средние города. Дело тут за современным производством.

Хотелось бы остановиться на двух примерах, достойных, на мой профессорский взгляд, быть отмеченными.

Первый: город Елец Липецкой области. Там в 2000 г. был открыт государственный университет, первый университет в России в уездном, по старым меркам, городе. Сейчас в ЕлГУ 10 тыс. студентов, а в городе проживает около 100 тыс. человек. Выходит, что десятая часть города — студенты! Чем не Кембридж или Геттинген?! Университет уже встал на ноги, у него квалифицированный педсостав, в него поступают юноши и девушки со всей европейской части РФ, главным образом, конечно, из центральных областей. Университет развивается, но при соответствующей поддержке федеральных органов он мог стать первоклассным учреждением международного уровня.

Второй пример: город Ливны Орловской области (60 тыс. населения). В этом городе на высочайшем уровне занимаются историей и популяризацией имен выдающихся земляков. Мне, как профессору Московского университета и философу хозяйства особенно приятно отметить внимание, которое уделяется в городе выдающемуся русскому мыслителю С.Н. Булгакову (о. Сергию) — как раз основателю философии хозяйства и бывшему профессору Московского университета, а затем другому представителю Московского университета, его крупному ученому-физику академику Р.В. Хохлову. Самая старая площадь г. Ливны носит имя С.Н. Булгакова, там стоит величавый памятник великому земляку, лицей № 1 носит имя С.Н. Булгакова, в городе изданы неизвестные ранее труды Булгакова, рукописи которых были получены из Парижа через посредство известного всем Никиты Алексеевича Струве, внука П.Б. Струве. Я сам узнал о ливенских инициативах от Н.А. Струве, будучи в Париже и с ним там встретившись. Одна из улиц г. Ливны носит имя Р.В. Хохлова, нашего бывшего ректора, безвременно ушедшего из жизни в результате трагических обстоятельств, случившихся на Памире во время альпинистского похода. Мне лично довелось хорошо знать Рэма Викторовича Хохлова — большого ученого и замечательного человека. И мне как университетскому человеку особенно приятно, что г. Ливны хранит память о двух профессорах Московского университета — С.Н. Булгакове и Р.В. Хохлове.

Конференция имеет благородную задачу удерживать внимание российской общественности и нашего государства к миру малых и средних городов, что совершенно правильно: малые и средние города не просто опора России, но и ее *оплот*, — будут эти города, будет и Россия, будет и *русский мир*!

* * *

23 сентября 2014 г. в г. Волжском на базе Волжского гуманитарного института (филиала) Волгоградского государственного университета под председательством директора ВГИ профессора М.М. Гузева состоялось заседание круглого стола на тему «Россия и кризис: время перемен». В заседании принял участие директор ЦОН при МГУ профессор Ю.М. Осипов, который выступил с основным докладом. Тезисы доклада публикуются ниже.

Ю.М. ОСИПОВ

Россия и кризис: время перемен

Аннотация. В обстановке кризиса планетарного мира Россия ищет выход из собственного качественного кризиса, устремляясь к новой России.

Ключевые слова: мир, миры, кризис мира, борьба миров, Россия, историософия.

Abstract. The article is devoted to Russia that looks for an exit from own quality of crisis, directing to new Russia.

Keywords: world, crisis of the world, worlds' fight, Russia, historiosophy.

Вряд ли кто сомневается сегодня в наличии кризиса в мире и в России, причем кризиса даже не системного, а сущностного, когда речь идет о кризисе бытия, социума, человека, сознания. Обычно замечаются яркие негативы вроде заговариваний рынков, сокращений производств, роста безработицы, инфляции, банкротств, падений стоимости, как и войн, террористических актов, восстаний, техногенных катастроф и т. д., но менее всего обращают внимание на качественное состояние человечества и среды его обитания, на их неуклонную деградацию.

Кризис, о котором речь, является перманентным, он носит апокалиптический характер, что означает, что из него нет прогнозируемого выхода, и сводится он в своей сути к отрицанию человека самим же человеком — как посредством созданного человеком искусственного мира, оборачивающегося против человека, так и посредством нарастающего креативного вмешательства человека в человека с целью преобразования человека в иное человекообразное существо.

И все это на фоне общей взволнованности планетарного мира, его неустойчивости и уязвимости, крайней противоречивости, растерянности, но в то же время и рискованности, маргинальности, воинственности, криминальности.

Имеет место не мировой кризис, что понятно, а *кризис мира*, что еще подлежит осмыслению. Генератором этого кризиса мира является, с одной стороны, Запад, уже покончивший с идеологией гуманизма и стремящийся к окончательному господству над планетарным миром, а с другой — такие очаги беспокойства и авантюризма, как мусульманский мир и некоторые «бесноватые» страны вроде нынешней Украины. Стабилизатором мира и надеждой на будущее всё-ещё-человечества служит сопротивляющийся Западу иной — не-Западный — мир, в среде которого ныне действует БРИКС. Теперь актуальна не борьба стран, народов, государств, цивилизаций, а *борьба миров*: Западного мира и остального мира, а также попавшего между тем и другим мирами мусульманского мира.

На планете идет война — *война миров*, мало того — *мира и антимира*, вдохновляемого Постмодерном (Постмодерн, пришедший на смену Модерну в течение XX в. — исходно, органично и радикально *кризисный и апокалиптический мир*, знаменующий конец человеку и переход к *постчеловеку* и *постмиру*, а следственно — к активной практике *антимира*).

Россия, выйдя из СССР и войдя, если не в прыгнув, в западный глобалический мир, попала в состояние тяжкого апокалиптического кризиса, из которого, возможно, только-только начинает выбираться, но... благодаря... отходу от мирового глобализма и переходу в остальной мир — антиглобалический. Намека на самостоятельность и развитие со стороны России оказалось достаточно, чтобы США ополчились против России, начав против нее борческие действия.

Открытая кульминация противоборства обозначилась по случаю Украины, Крыма, Юго-Востока Украины. Возник момент истины, после которого все стало на свои места. Россия теперь полагается на себя и обращается к остальному — не-Западному — миру, к БРИКС — как в целях удержания, укрепления и развития самой себя, так и в целях

коллективного противоборства с Западом. Теперь уже кто кого, Рубикон перейден! Иллюзии исчезли, реальность взяла свое. Совершенно новая ситуация в мире — *межконфронтационная!*

России деваться некуда: консолидация, мобилизация, опора на собственные силы, взаимовыгодное союзничество и выход из тяжелого апокалиптического кризиса — пусть даже и апокалиптическими методами!

Россия прошла, надо полагать, самую тяжелую фазу своего кризиса, тоже побывав в роли генератора антимира, но сейчас у России есть шанс не просто преодоления кризиса, но и качественного обновления — обретения новой России!

Хорошо сказать, да трудно сделать! Почти что и невозможно. Но другого выхода нет! А потому — вперед, Россия!

* * *

27—29 сентября во Всероссийском детском лагере «Орленок» (генеральный директор А.В. Джеус) в рамках Орленковских чтений — 2014 состоялся симпозиум «Кризис мира и мир кризиса (эсхатологическая драма современности)», организованный Центром общественных наук и лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, при содействии ОАО «Приват-Инвест» (генеральный директор Е.Г. Пономаренко, г. Краснодар). В чтениях приняли участие доктора наук Ю.М. Осипов, Л.Ю. Андреева (Ростов н/Д), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), Л.Н. Дробышевская (Краснодар), С.С. Мишуров (Иваново), С.П. Рамазанов (Волжский), Л.И. Ростовцева (Тула), В.Т. Рязанов (СПб.); кандидаты наук А.В. Андреева (Ростов н/Д), О.В. Андреева (Ростов н/Д), К.С. Бакулев, О.В. Доброчеев, Е.С. Зотова, А.А. Зубахин (Новомихайловский), В.В. Кашицын (Новороссийск), В.И. Романченко (Новороссийск), И.П. Смирнов, Е.В. Шелкопляс (Иваново), В.В. Чапля (Краснодар), О.Д. Юнеева (Краснодар); научные сотрудники Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына.

29 сентября Ю.М. Осипов выступил перед собранием административно-управленческого состава ВДЦ «Орленок» с лекцией «Россия в контексте современности».

* * *

Ю.М. ОСИПОВ

По завершении симпозиума
(итоговые тезисы)*

Аннотация. Тезисы о кризисе современного мира, характере этого кризиса, о разделении этого планетарного мира на противоборствующие миры, их взаимной борьбе, о месте, роли и значении России в беспокойном мире, переживающем тектонические перемены.

Ключевые слова: мир, кризис мира, миры в мире, борьба миров, Россия, историософия, геостратегия, апокалиптика.

Abstract. The article is devoted to the crisis of the modern world, nature of the crisis, about separation of this planetary world on confronting the world, their mutual fight, about a place, a role and value of Russia in the restless world enduring tectonic changes.

Keywords: world, crisis of the world, worlds in the world, worlds' fight, Russia, historiosophy, geostrategy, apokalyptics.

1

Планетарный мир разделен на две противоборствующие мировые части: плотно интегрированный, хотя и противоречивый, но довольно-таки однообразный, *Западный мир*, продолжающий оставаться передовым, господствующим и все еще вездесущим, и пока не очень интегрированный, качественно разнообразный, даже и разрозненный, *Остальной*, или не-Западный, мир, стремящийся, заимствуя технологическую атрибутику у Запада, освободить себя от зависимости от Западного мира и его доминационной опеки, тесно увязанной с эксплуатацией остального мира, а также обеспечить какое-то, еще концептуально неоформленное, альтернативное бытие, свободное от постмодерновой социокультурной ориентации, характерной для Запада и ведущей в антигуманное постбытие с постчеловеком, или киборгом, или чиповедем и постгуманистическим постсоциумом, или сетью, или чело-вейником.

2

Отсюда борьба не столько государств, стран, народов и цивилизаций, сколько уже *борьба миров*, ведущаяся на фоне более глубокой, масштабной, сущностной и концептуальной *борьбы все-еще-человеческого мира с уже античеловеческим антимиром*.

* В авторской, а не коллективной интерпретации.

3

Ситуация непосредственно и тотально апокалиптическая, а потому на арене не просто мировой кризис, а самый настоящий *кризис мира*, являющийся одновременно и *планетарным апокалиптическим кризисом*, не имеющим разумного, расчетного, прогнозируемого выхода. Условием преодоления такого кризиса является антипостмодерновое преобразование *мира и человечества*, вряд ли возможное без коллизий, войн, катастроф, гигантских потерь. Можно уже предположить, что согласованный мирным образом планетарный мир, или мир объединенных наций, — всего лишь желанная утопия.

4

Сегодняшний мир — мир тектонических перемен, ведущих, если планетарному миру суждено выжить и далее быть, к *новому миру*, — не просто к новому мироустройству, а именно к новому миру — *качественно новому миру*, порождаемому уже не Западным миром, а противостоящим Западу Остальным миром, не отвергающим, как тот же Запад, *Традиции*.

5

Сверхзадача остального мира — духовно-интеллектуальная работа по оснащению всего планетарного мира альтернативной относительно Запада концептуальностью.

6

Россия в центре мировых перемен, разумеется, незападного толка. России уже надоел Запад, все более и более заигрывающий с экзистенциальной пустотой и ведущий человечество к содержательному истощению. Россия отходит от Запада и вступает в Остальной мир, выходя в нем на идейно-духовное и геостратегическое первенствование. Здесь нет никакого особого желания России, а есть лишь большая метафизическая обусловленность. Россия — не Запад, хотя она и не Восток, — Россия — это Россия! Россия всего ближе к возможному *новому миру*, что не значит, что Россия собирается навязывать себя планете в качестве мирового лидера. Ни в коей мере! Она обречена лишь на движение к новому миру, ибо импровизационно и творчески свободна: Россия не Запад и не Восток, отчего особенно открыта к новым реалиям! К тому же она сама еще переживает апокалиптический кризис и из него апокалиптически шаг за шагом выбирается. Апокалиптика России сошла в настоящий момент с апокалиптикой всего мира, что и дела-

ет Россию особенно продуктивной по части идейно-духовных и геостратегических нововведений: не западных и не восточных, но и не как таковых российских, а попросту новых, еще *небывалых*. Россия вовсе не над миром, даже не впереди мира, она всего лишь на его переднем крае. Судьба, рок, миссия, случай — не важно, главное здесь — *факт!*

7

Располагает ли убогая Россия идейно-духовным потенциалом, способным к продуцированию новизны и последующих нововведений? Как ни странно и для кого-то ни жутко — *располагает!* Залогом здесь служит не традиция как таковая, хотя это и имеет место, а живая отечественная, она же по преимуществу русская, мысль: мировоззренческая, хозяйственная, социальная, политическая. Уходя от марксистского, либерального и глобалического наваждений, отечественная мысль возвращается в свое собственное русло, подтверждением чего служат русская софийная философия, русское хозяйствование, русская философия хозяйства, русская политология, русское обществоведение, русская историософия, обильно окормляемые ныне постнаучной метафизикой, современной апокалиптикой, свободной софиасофией. Не в поиске национальной идеи тут дело, а в созидании *нового сознания* — стартующего сегодня из пореформенной инфернальной пучины, в которой оказались Россия, российский социум и российский человек, к новой, уже и постреформенной, концептуальности. Новая концепция сознания — вот она — сверхзадача, решение которой приведет и к новому *человечеству!*

8

Фантастика тут да полная невозможность! Да, это так, но не лишне иметь в виду, что в реальной истории случается прежде всего все самое фантастическое и совершенно невозможное, а потом уже все закономерное и хорошо рассчитанное. Проекты есть, но есть и спонтанности, рождаемые Великой Неизвестностью, а потому не так важен сегодня проект, как важно стремление — к *иному!* Россия всего ближе к такому вот варианту, который реализуется в основном сам, ежели России идти настойчиво к самой себе: *проект России — сама Россия!* И кажется, что Россия расстается сегодня с чуждыми ей проектами и вступает на собственный путь — не тот, не другой, вообще уже не чужой, а... *российский!* Великий исторический шанс — и он не должен быть упущен, для чего потребно его осознать и ему настоятельно следовать — в борьбе с враждебным контекстом и с очень противной анти-Россией!

9

Важнейшая попутная задача здесь: прощание с иллюзиями вроде просвещенного Запада и мудрого Востока, «братских народов» и естественных союзников, человеколюбия и гуманизма, миролюбия и всеобщего на планете равенства. Нужно трезво и мужественно смотреть на реальность и строить новую жизнь как вопреки многому, что эта реальность органически содержит — из отрицательного, так в соответствии с немногим, что она промыслительно в себе предполагает — из положительного. Спасибо Украине, как и кое в чем Белоруссии и тому же Казахстану — всё сегодня становится на свои места!

* * *

11 октября 2014 г. в рамках IX фестиваля науки МГУ состоялся интерактивный семинар на тему «Экономика: число и слово, счет и мышление», на котором выступил д.э.н. профессор Ю.М. Осипов, а также аспирант экономического факультета МГУ О.Б. Лемешонок.

* * *

Анонсы

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»
на тему:

Постмодерн: инфернализация гуманизма, или От культуры к антикультуре

Эпоха Премодерна — эпоха сакрализованной культуры. Эпоха Модерна — эпоха гуманизированной культуры. Постмодерн — эпоха инфернализированной антикультуры. От метафизики божественной (Премодерн, истоки) через метафизику человеческую (Модерн, классика) к метафизике античеловеческой (авангард). Сын Божий — сын природный — сын преисподний. Очеловечивание — человечение — расчеловечивание. Постмодерн как апокалиптический кризис человека, социума, культуры. Что дальше?

**18 ноября 2014 г., вторник, в 15.00,
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)**

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Российский антикризис: потребности, препятствия, исходы (социум, государство, экономика, культура)

Россия переживает затяжной системно-цивилизационный кризис, активно и глубоко обусловленный предпринятой с рубежа 1980—1990-х гг. тотальной и крайне рискованной трансформацией всего странового бытия, включая роспуск СССР и всестороннюю капитализацию Российской Федерации. Ныне Россия — совсем другая, чем была еще в 1980-е гг., страна — не вполне европейская, но зато вполне капиталистическая, хотя и с заметной феодально-самодержавной и монополично-коррупционной спецификой. Страна со сложившимся в общих чертах строем, прошедшая в 2000-е гг. этап стабилизации, но не преодолевшая системно-цивилизационного кризиса, не вышедшая на беспорный подъем и не вступившая на путь несомненного — самостоятельного — развития. Антикризис, который всю просит в российскую

актуальность, этой актуальностью вовсе не овладел. Он более в потенции и проекте, чем в реальности и деле. И однако будущее требует преодоления кризиса, что то же самое — торжества антикризиса. Здесь и вся историческая проблема: страна нуждается в антикризисе, а сложившийся строй, сам по себе качественно кризисный, антикризис отвергает. Отсюда потребность в целостном перестроении, на которое правящий класс не решается. А жизнь требует решительных от него действий. Это ли не коллизия, тянущая к революционной ситуации! Однако шансы у государственной власти есть: преодолевая кризис, преобразовать страну — преодолеть кризис. Трудно, затратно, невозможно, а надо! Есть, что обсудить в ходе научно-общественной дискуссии, предпринимаемой на пользу России и ее народа.

Секции:

- А. Производительно-творческий антикризис, подъем и развитие России.*
- В. Государственный антикризис и национальное возрождение.*
- С. Культурный антикризис ради человека и общества.*

**3—5 декабря 2014 г., среда, четверг, пятница
МГУ, экономический факультет**

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2014 г.

Тексты статей до 0,33 печатного листа принимаются в электронном и печатном виде (eszotova@mail.ru) до 15 января 2015 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>).

Контактный телефон: +7(495)939-4183.

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»

на тему:

***Концептуальный уровень управления
социохозяйственными процессами:
методология и практика***

Концептуальная составляющая в социохозяйственной жизни: первичность, базисность, непреходящая важность. Что есть социохозяй-

ственная концепция (аналог: военная доктрина)? Концептуальное обоснование настоящего и будущего, идейно-прагматическая поддержка текущих состояний и перемен. Концептуальное управление социохозяйственными процессами. Мировой опыт. Отечественный опыт. Современная российская ситуация. Возможные контуры национальной концептологии. Что делать и не делать? Нужна ли сегодня национальная идея и какая? Философия хозяйства как идейный резерв управленческой концептологии.

**17 февраля 2015 г., вторник, в 15.00,
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)**

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»
на тему:

Этнонациональная проблема современности

Этносы, народы, нации: вчера, сегодня, завтра. Языки, культуры, история. Глобализация и нивелировка этнонационального фактора. Определение и самоопределение. Обострение этнонациональной ситуации в мире. Этнонациональное (и расовое) доминирование и ему сопротивление. Запад — Восток, Север — Юг. Европа: столкновение разнообразия с унификацией. Этнонациональная судьба Европы. Россия как мультиэтнонациональное ядро. Русский мир и его нынешний заявительный выход на историческую арену. Россия и соседи: взаимопонимание и мир, расхождения и коллизии. Украина как очаг этнонационального напряжения и кризиса. Пути-дороги в новый разноплеменный мир.

**17 марта 2015 г., вторник, в 15.00,
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)**

* * *

Ломоносовские чтения — 2015

VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Секция лаборатории философии хозяйства

***Национальный неодирижизм как средство преодоления
кризиса российской экономики и ее развития***

Никакой свободно определяющейся, или неуправляемой, экономики нет и быть не может. Рыночная экономика как экономика, управляемая рынком, — миф. Наличие рынка не означает, что экономика ему подчинена как объект управления. Рынок, сам управляемый, не более чем вспомогательное и коррекционное относительно дирижизма средство. Адекватнее говорить сегодня о сложной системе взаимопереходящих друг в друга процессов организации (несамоорганизации) и самоорганизации, в рамках которой есть место как планам, так и рынкам, а также управляемым и произвольным акциям, ходам и процессам. Дирижизм всегда есть и никуда уйти из экономики не может, включая и центральный дирижизм — государственный ли, корпоративный ли, национальный ли, международный ли. Россия — дирижистская страна, в которой власть важнее денег. Перестройка, революция 1990-х и стабилизация 2000-х — дирижистские феномены. Сегодня на повестке дня — антикризисный и «развитийный» национальный (государственно-корпоративный) неодирижизм, ориентированный на управление контекстом, потоками, процессами, зонами экономики и, как следствие, решениями и поведением свободных хозяйствующих субъектов, исповедующих неолиберализм — лояльный к неодирижизму. Иного России не дано!

Просим учесть, что публикация статей осуществляется до конференции! Пожалуйста, следите за сайтом экономического факультета, где будут указаны сроки и условия предоставления публикаций.

Апрель 2015 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ
на тему:

Сознание как основа, сфера и фактор человеческого бытия

Человек это сознание, а где сознание — там человек. Сознание как дар и как бремя. Сознание и бессознание, разум и инстинкт. Ноосфера, или общественное сознание. Разнообразие сознания, его уровни традиции. Сознание в реализации бытия, жизни, хозяйства, культуры, истории. Эволюция сознания: от примитивного к высокому. Возможность, если не факт, инволюции: от развитого сознания к простейшему. Что сегодня? Перемены в сознании и в человеке. Управление сознанием, его оснащение и переоснащение. Неосознание: миф или реальность, возможность или уже действительность? Традиция и сознание, новизна и сознание. резервы сознания и его пути. Тенденция к постчеловечеству.

Июнь 2015

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

X ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ

Публичная дискуссия на тему:

Нужна ли экономистам философия?

Ведущий: д.э.н., профессор Ю.М. Осипов

Большинство студентов-экономистов скорее всего ответит, что нужна, но задумаемся над тем: какая философия, для чего, с каким сроком и объемом преподавания, наконец — с какой возможностью и перспективой применения? Но можно поставить вопрос и иначе: можно ли быть серьезным экономистом-практиком без философской подготовки, как и экономистом-теоретиком, не погружающимся в философию? Достаточно ли экономисту математики, информации, моделирования, компьютерных технологий? Интересно все-таки — надо прийти!

Октябрь 2015 г.

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,

посвященная 25-летию Центра общественных наук при МГУ
имени М.В. Ломоносова

*Российская философско-хозяйственная,
обществоведческая и экономическая мысль сегодня:
итоги, проблемы, перспективы*

Современность творит мысль, но мало обращает внимание на ее текущую характеристику и временную оценку. А это не совсем правильно, если вообще неправильно: современная мысль делает много ценного, развивая предшествующую мысль, ее корректируя, предлагая и новые решения, нередко основательно обновляющие ранее накопленное знание и начертанные предшественниками представления о реальности. Эпоха сменяется эпохой — соответственно изменяются алгоритмы реальности и отражающие их ментальные конструкты. Современность всегда творит что-то новое, не бывшее ранее, а кое-где и кое-когда и принципиально новое, просто не имевшее возможности осуществиться в прошлом.

25-летие Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова — хороший повод для выверки именно современной мысли: обществоведческой, философской, экономической, а также, что особенно важно для юбиляра, родной ему философско-хозяйственной, как раз той самой мысли, в области которой Центру и объединенному им ученому сообществу удалось сделать действительный качественный скачок, ознаменовавшийся и рождением научной школы философии хозяйства.

Задача конференции — отдать должное современной отечественной мысли, подвести кое-какие итоги, высветить проблемы, наметить перспективы. Абсолютно нужная, актуальная и благородная задача!

В рамках конференции уместно провести и празднование 25-летнего юбилея Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова. Центр и его ученый актив этого заслуживают!

Секции:

1. Философия хозяйства как развивающаяся область мысли.
2. Обществоведение и философская антропология сегодня.
3. Современная экономическая мысль: между политэкономией и экономиксом к новой интерпретации.

Торжественное заседание по случаю 25-летия Центра общественных наук: «Четверть века служения науке, Отечеству и миру».

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2015 г.

Тексты статей до 0,33 печатного листа принимаются в электронном и печатном виде (eszotova@mail.ru) до 15 января 2016 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>).

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>, <eszotova@mail.ru> до 13 ноября 2015 г.

Контактный телефон: +7(495)939-4183

Декабрь 2015 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

ОКЕАНСКИЙ ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ,

действительный член АФХ, член-корреспондент Российской академии естествознания, д.филол.н., профессор, д.ф.н.; заведующий кафедрой культурологии и литературы, научный руководитель Центра кризисологических исследований, Шуйский филиал Ивановского государственного университета (*ocean_65@mail.ru*).

ОКЕАНСКАЯ ЖАННА ЛЕОНИДОВНА,

д.культурол., профессор, кафедра гуманитарных дисциплин, Ивановский институт государственной пожарной службы МЧС России (*ocean_65@mail.ru*).

ГОРЮНОВ ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

преподаватель, кафедра менеджмента и маркетинга, Московский финансово-юридический университет (*lim05.59@mail.ru*).

ПШЕНИЦЫН ИВАН ВИКТОРОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра общей экономической теории, Российский государственный торгово-экономический университет (*piv3@yandex.ru*).

ЭЛОЯН МАРИНА РИНАЛЬДОВНА,

действительный член АФХ, д.ф.н., доцент, профессор, Азовский технологический институт Донского государственного технического университета (*marina.eloyan@mail.ru*).

СОКОЛОВ РОМАН ЕВГЕНЬЕВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (*Orient-express@rambler.ru*).

ЮДИНА ТАМАРА НИКОЛАЕВНА,

действительный член АФХ, д.э.н., доцент, экономический факультет МГУ (*orchidflower@list.ru*).

НОВАК АЛОЙЗЫ ЗБИГНЕВ,
действительный член АФХ, д.э.н., профессор, проректор, Варшавский университет (Польша) (*ANowak@wz.uw.edu.pl*).

РЫЧЬ КАЗИМЕЖ,
действительный член АФХ, д.э.н., профессор, факультет управления, Варшавский университет (Польша) (*ANowak@wz.uw.edu.pl*).

ЗЯБЛЮК РИММА ТРОФИМОВНА,
д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет, МГУ (*mrt17@mail.ru*).

РУДАКОВА ИСКРА ЕВСЕЕВНА,
д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ (*iskrrud@migmail.ru*).

ГАЙСИН РАФКАТ САХИЕВИЧ,
д.э.н., профессор, заведующий кафедрой политической экономии, Российский государственный аграрный университет — МСХА им. К.А. Тимирязева (*graf48@mail.ru*).

СВЕТЛОВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ,
д.э.н., профессор, кафедра экономической кибернетики, Российский государственный аграрный университет — МСХА им. К.А. Тимирязева (*graf48@mail.ru*).

БЭТТЛЕР АЛЕКС (АРИН ОЛЕГ АЛЕКСЕЕВИЧ),
д.и.н., профессор, независимый эксперт (г. Нью-Йорк, США) (*olegarin@mac.com*).

РЫШКУС ВЛАДИСЛАВ ВАЛЕРЬЕВИЧ,
к.э.н., докторант, Российский государственный торгово-экономический университет (*ryshkus.v.v@mail.ru*).

КОЗЛОВСКИЙ АЛЕКСЕЙ ЮРОСЛАВОВИЧ,
аспирант, Донецкий национальный университет; ведущий специалист, отдел международных связей, Донецкий юридический институт МВД Украины (Украина, г. Енакиево) (*alexkozlovskiy@mail.ru*).

ГРИГОРОВА ЯНА ВИКТОРОВНА,
ассистент, кафедра философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (*filos.2014@mail.ru*).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,
действительный член АФХ, действительный член АГН, д.ф.н., профессор, кафедра философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

САКУН АЙТА ВАЛДУРОВНА,

к.ф.н., доцент, кафедра философских и правовых дисциплин, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени М.Туган-Барановского (*ilin_vv@ukr.net*).

КОПТЕЛОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА,

к.ф.н., доцент, кафедра философии, социологии и политологии, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия (*koptelova2210@rambler.ru*).

ЗЫРЯНОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ,

к.ф.н., философский факультет МГУ; член Союза российских писателей (*myuz@mail.ru*).

КОРОЛЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра теории и истории культуры, этики и эстетики, Институт философии и социально-политических наук, факультет философии и культурологии, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону) (*vkorolev@sfnu.ru*).

ЭПШТЕЙН ДАВИД БЕРКОВИЧ,

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник, Северо-Западный научно-исследовательский институт экономики и организации сельского хозяйства Россельхозакадемии (*epsteindb@gmail.com*).

РУДЯК ИРИНА ИЗЯСЛАНОВНА,

действительный член АФХ, соискатель степени к.ф.н., кафедра эстетики, философский факультет МГУ (*panterafilm@mail.ru*).

СИНЕЛЬНИКОВ СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ

действительный член АФХ, к.э.н., старший научный сотрудник, экономический факультет МГУ (*lab.phil.ec@mail.ru*).

ТРУБИЦЫНА ТАМАРА ГЕННАДЬЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет МГУ (*trubitsina@inbox.ru*).

БЕЛЯНОВА АНТОНИНА МИХАЙЛОВНА,

к.э.н., доцент, старший научный сотрудник, лаборатория проблем собственности, экономический факультет МГУ (*belant32@mail.ru*).

КАЙМАНАКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник, кафедра политической экономики, экономический факультет МГУ (*skaimanakov@mail.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,
научный сотрудник, экономический факультет МГУ
(*tssmsu@mail.ru*).

НИПА СВЕТЛАНА СТАНИСЛАВОВНА,
член-корреспондент АФХ, к.с.-х.н., научный сотрудник, экономи-
ческий факультет МГУ (*nipa-ss@mail.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2015 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу. **Наш адрес:** 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.

